

ISSN 2410-7190

Теоретическая и прикладная лингвистика

Выпуск 6, №2 2020

Издательство Амурского государственного университета

ТиПЛ

Теоретическая и прикладная лингвистика

Научный журнал

Основан в 2015 году.

Учредитель

ФГБОУ ВПО «Амурский государственный университет» (АмГУ)

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре

Свидетельство ПИ № ФС77-60424

Журнал входит в РИНЦ

Журнал входит в перечень ВАК с 12.02.2019 г.

Периодичность 4 раза в год

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_2

Выпуск 6, № 2, 2020

Материалы журнала содержат избранные статьи, посвящённые различным языкам (Славянским, Германским, Романским, Тюркским, Тунгусо-маньчжурским, Монгольским, Финно-угорским, Самодийским, Енисейским и Восточным), принадлежащим к различным языковым семьям (Индоевропейской, Балто-славянской, Уральской, Алтайской, Сино-тибетской, Палеоазиатской). Особое внимание уделяется языкам народов России, включая вымирающие языки и смешанные языковые образования (пиджины, креольские языки). Освещается актуальная проблематика многих разделов языкознания: фонетики и фонологии, лексикологии, ономастики, лексикографии, грамматики, стилистики, семантики, социолингвистики, психолингвистики, истории языка, сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкознания. Затрагиваются аспекты интерференции, различные виды заимствований и калькирования. Обсуждаются вопросы теории и практики устного и письменного перевода. Рассматривается широкий спектр методов изучения языка, в том числе методы сбора и обработки языковых корпусов и построения баз данных, методы акустического и перцептивного анализа, анализа артикуляции, методы компьютерного моделирования языка. Не обходятся вниманием аспекты методики преподавания языков, в частности, особенности отражения результатов современных лингвистических исследований в методике преподавания родного и иностранного языков. Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Издательство Амурского государственного университета

Главный редактор

Андросова Светлана Викторовна д-р филол. наук, профессор (РФ, Амурский государственный университет)

Заместители главного редактора

Держач Светлана Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Морозова Ольга Николаевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия

Архипова Нина Геннадьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Бай Лань доцент (Академия общественных наук Внутренней Монголии, Хух-Хото, КНР)

Баррет Екатерина Викторовна канд. филол. наук (Галф Бриз, Флорида, США)

Бурькин Алексей Алексеевич д-р филол. наук (РФ, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)

Викулова Лариса Георгиевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков)

Гусева Светлана Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Лаврилье Александра д-р соц. антропологии, доцент (Франция, Версальский университет)

Манёрова Кристина Валерьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Наумов Владимир Викторович д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Поржучек Анджей д-р филол. наук, доцент (Польша, Университет Силезии)

Рянская Эльвира Михайловна д-р филол. наук, доцент (РФ, Нижневартровский государственный университет)

Селютина Ираида Яковлевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Институт филологии Сибирского отделения РАН)

Скрелин Павел Анатольевич д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Становая Лидия Анатольевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Старыгина Галина Михайловна канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Тьен Дэвид доцент (Австралия, ун-т Чарльз Стюрт)

Чой Мун-Джеонг доцент (Южная Корея)

Чугаева Татьяна Николаевна д-р филол. наук (РФ, Пермский научный Центр Уральского отделения РАН)

Шамина Елена Анатольевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Шевченко Татьяна Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский государственный лингвистический университет)

Шуйская Татьяна Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.
С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте АмГУ lingua.amursu.ru

Адрес редакции:

675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502

email: lingua.amursu.journal@gmail.com

ThAL

Theoretical and Applied Linguistics

Scientific Journal

Founded in the year 2015

Publisher

Amur State University (AmSU)

Certified by the Russian Federal Service that provides oversight in the sphere of mass media and informational technologies

Certificate ПИ № ФС77-60424

RSCI

Included in the List approved by the Higher Attestation Commission from February 12, 2019

Appears quarterly: 1 volume per year (4 issues)

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_2

Volume 6, Issue 2, 2020

The journal contains selected articles devoted to various languages (Slavic, Germanic, Romance, Turkic, Tungus-Manchu, Mongolian, Finnish-Ugric, Samoyedic, Yeniseian, and Oriental) belonging to different language families (Indo-European, Balto-Slavic, Uralic, Altai, Sino-Tibetan, Paleo-Asiatic). Particular attention is paid to the languages of the peoples of Russia including endangered languages and mixed language formations (pidgins, creoles). Current issues of many linguistic fields are viewed: phonetics and phonology, lexicology, onomastics, lexicography, grammar, stylistics, semantics, sociolinguistics, psycholinguistics, historical linguistics and comparative-historical linguistics, cross-language studies, and linguistic typology. Aspects of second language acquisition, various borrowings and replications from a foreign language are addressed. Theory and practice of written and oral translation is observed. Wide range of methods of linguistic studies including data collection and data processing for corpus linguistics, methods of acoustic, perceptual and articulatory study and computer modeling of languages are described. Discussing methods of language teaching and applying results of modern scientific research for teaching native and foreign languages is encouraged. The articles published in this journal might be useful for both specialists in the fields mentioned and a wider audience including students.

Amur State University Press

General Editor

Svetlana V. Androsova Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Associate editors

Svetlana V. Derkach PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Olga N. Morozova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Editorial Board

Nina G. Arkhipova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Bai Lan PhD (Chinese Academy of Social Sciences, Inner Mongolia, Hohhot, China)

Ekaterina V. Barrett PhD (Gulf Breeze, Florida, the US)

Alexis A. Burykin Doctor of Philology (Linguistic Research Institute at Russian Academy of Science, Saint Petersburg, Russian Federation)

Larisa G. Vikulova Doctor of Philology, professor (Moscow City University, Institute of Foreign Languages, Moscow, Russian Federation)

Svetlana I. Guseva Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

Alexandra Lavrillier PhD (University of Versailles, France)

Kristina V. Manerova PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

Andrzej Porzuczek PhD, (University of Silesia, Katowice, Poland)

El'vira M. Ryanskaya Doctor of Philology, professor (Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation)

Iraida Ya. Selyutina Doctor of Philology, professor (Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Pavel A. Skrelin Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Lidia A. Stanovaya Doctor of Philology, professor (The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation)

Galina M. Starigina PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

David Tien PhD, (Charles Sturt University, Australia)

Moon-Jeong Choi PhD (Institute of Humanities of Seoul National University, Republic of Korea)

Tatiana N. Chugaeva Doctor of Philology (Perm Scientific Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation)

Elena A. Shamina PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Tatiana I. Shevchenko Doctor of Philology, professor (Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation)

Tatiana V. Shuiskaya PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

The publisher might not share viewpoints of articles authors

Editorial Board Address:

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russian Federation, Zip Code

675027; website: lingua.amursu.ru

e-mail: lingua.amursu.journal@gmail.com

УДК 81.42+811.111:81'373.43

UDC 81.42+811.111:81'373.43

Агеев Сергей Валерьевич

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Sergei V. Ageev

Saint Petersburg State University of Economics

Saint Petersburg, Russian Federation

s_ageev@hotmail.com

Антоненко Наталия Владимировна

Санкт-Петербургский архитектурно-строительный университет

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Nataliya V. Antonenko

Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

Saint Petersburg, Russian Federation

nantonenko1@gmail.com

Пушкарев Евгений Александрович

Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики” –

Санкт-Петербург

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Evgenii A. Pushkarev

National Research University – Higher School of Economics

Saint Petersburg, Russian Federation

auldington@gmail.com

**О КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ
ФУНКЦИОНИРОВАНИИ НЕОЛОГИЗМА
COGNITIVE AND PRAGMATIC FUNCTIONS
OF NEOLOGISMS IN SPEECH**

Аннотация

В статье рассматриваются определение, критерии и характеристики объекта изучения неологии – неологизма, а также его когнитивная и прагматические функции. В рамках исследования базовым критерием нового слова считается появление в языке нового материально воплощённого соотношения между означаемым и означающим. В работе противопоставляются так называемые номинативная функция неологизма (функция именованья новых артефактов) и прагматические функции (экспрессивная, игровая, субститутивная, социальная, спацио-темпоральная, апеллятивная, компрессионная и компенсаторная), которые могут быть реализованы говорящим при употреблении нового слова в речи. Авторы полагают, что неологизм в структуре высказывания всегда маркирован, и, находясь в фокусе коммуниканта, заряжен прагматическим потенциалом. Отмечается также неизоллированность когнитивно-прагматических функций, что предполагает возможность их совместной реализации через неологизм в высказывании.

Abstract

The article addresses cognitive and pragmatic functions of neologisms and discusses the characteristic features of new words, as well as possible criteria to identify them. The authors juxtapose the nominative function of neologisms, i.e. the function of naming and denoting new artifacts, and a number of pragmatic functions (expressive, ludic, substitutional, social, spacio-temporal, appellative, compressive and adaptive), which are potentially manifested by the speaker when using neologisms in speech. A neologism is believed to be a marked

member of an utterance, and when in the focus of the speaker's attention, exhibits some or much pragmatic potential. At the same time, nominative and pragmatic functions of neologisms do not exclude but, on the contrary, complement and presuppose each other.

Ключевые слова: неологизм, окказионализм, неология, когнитивное значение, прагматическое значение, лингвопрагматика, прагматическая функция.

Keywords: neologism, neology, cognitive meaning, pragmatic meaning, pragmatics, pragmatic function.

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_2_5_17

1. Введение

Медиатизация современной жизни, свидетелями которой мы являемся на протяжении последних десятилетий, привела к всплеску словотворчества, в частности, большому количеству неологизмов. Действительно, благодаря онлайн-сервисам и социальным сетям любой человек становится потенциальным «оригинатором», способным дать жизнь новому слову и донести его до внимания тысяч пользователей. Процессы лингвосомиозиса (продуцирования слова) или переосмысления значения существующих лексических единиц были уже достаточно изучены и описаны, однако неологизмы являются не только средством номинации нового знания, но и онтологизации прагматического отношения к познаваемому миру. Намерения коммуниканта при создании и употреблении нового слова всё ещё остаются в неологии недостаточно исследованными несмотря на то, что прагматика как наука зародилась в 30-х гг. предыдущего столетия, а активно развиваться стала только в 60-х.

Исходя из того, что лексическое значение сочетает в своей структуре либо оба типа содержания – когнитивный и прагматический, либо ограничивается одним из них [Никитин, 1988, с. 58], возможно предположить, что номенклатура прагматических функций, которые реализуются неологизмом в речевом акте, определяется комбинаторикой когнитивного и прагматического компонентов. Процесс возникновения неологизма антропоцентричен по своей сущности и служит коммуникативно-прагматическим намерениям говорящего: номинативным, экспрессивным, эмоциональным, оценочным. Такое видение связи между семантикой и прагматикой определяет цель статьи: проанализировать когнитивно-прагматическое функционирование неологизма путём установления возможных причин использования говорящим данных единиц в коммуникативном акте. В качестве материала исследования выступают неологизмы, отобранные из англоязычных периодических изданий новостной направленности 2019 года выпуска, и онлайн-базы данных неологизмов The Rice University Neologisms Database и The Urban Dictionary. В качестве методов исследования в работе использованы анализ словарных дефиниций, контекстуальный анализ материала и метод классификации на основе функционирования неологизмов в речи.

2. Подходы к определению неологизма

Традиционно выделяют несколько оснований, по которым можно судить о том, является ли лексическая единица (ЛЕ) неологизмом. Одним из наиболее популярных в литературе является так называемый диахронический, или хронологический критерий (см., напр., [Cabré Castellví, 1999 ; Rey, 1995]), согласно которому неологизмами являются лишь слова, возникшие недавно. Очевидно, что подобное определение не выдерживает критики в связи с аморфностью понятия «недавно», поэтому Т. В. Попова, вслед за Н. З. Котеловой, модифицирует этот параметр в конкретно-исторический критерий,

подразумевающий наличие либо сохранение новизны ЛЕ в рамках некоего временного отрезка. Авторы говорят о необходимости конкретизации «историчного и относительно-го» понятия неологизма через привязку ЛЕ к определённому периоду: неологизмы должны (а) возникать на памяти поколения, использующего такой неологизм, и (б) являться новыми для своей сферы употребления [Новое в русской лексике, 1996 ; Попова, 2017].

Более формальным подходом отличается так называемый лексикографический критерий, по которому неологизмы – это лишь те единицы, которые ещё не зафиксированы в словаре [Cabré Castellví, 1999]. Зыбкость этого критерия особенно отчётливо видна на примерах новых слов, которые не могут не возникать в бесписьменных языках или в языках, не обладающих богатой лексикографической традицией, а стало быть, не могут оказаться в гипотетическом печатном словаре. Нельзя не указать и на изменения в современной лексикографической практике, когда электронные словари оперативно отслеживают появление неологизмов и ежегодно обновляют корпус лексики. Тем не менее вышеупомянутый технический метод выделения неологизмов может оказаться весьма полезным, например, при проведении различных корпусных исследований лексикона [Creus, Julià-Muné, 2014].

Считается также, что неологизмы обладают языковой системной нестабильностью, а значит могут демонстрировать неустойчивость морфологической, фонетической, либо графической формы, либо быть размыты семантически [Cabré Castellví, 1999, p. 205].

Ряд авторов выделяет также психологический критерий определения неологизмов, когда новыми словами являются единицы, воспринимаемые говорящим / слушающим как обладающие «эффектом новизны», «свежестью», ощущаются необычными, малоизвестными [Castellví, 1999 ; Попова, 2017 ; Торопцев, 1980 ; Rey, 1995]. Однако этот весьма популярный критерий не лишён недостатков: неологи говорят о минимум трёх типах / разновидностях неологизмов: (а) слово-претендент на неологизм воспринимается как новое и языковым коллективом, и индивидом; (б) слово известно только части языкового коллектива, но не всем говорящим на данном языке, например, оно узкоупотребимо в рамках профессионального арго; (в) слово носит общий узуальный характер, однако оказывается новым для конкретного индивида [Торопцев, 1980]. Крайним проявлением этого подхода является идея считать неологизмами лишь только те лексические единицы, которые ранее не употреблялись в «индивидуальном речевом опыте» [Тогоева, 2000], когда на передний план выходят субъективные ощущения говорящего / слушающего, а узуализация слова всем языковым коллективом или его частью является необязательным параметром.

Также исследователи выделяют так называемый структурный подход [Попова, 2017], согласно которому неологизмами считаются слова новой (прежде всего фонемной) структуры типа новых аббревиатур, звукоподражаний, торговых марок и прочих, при этом план содержания таких номинаций может и не ощущаться носителем языка как новый. План выражения неологизма (в том числе до некоторой степени графический и фонетический облик слова) остаётся неизменным, а содержательно единица ощущается как новая.

Таким образом, сложность и многоаспектность самого феномена нового слова, наличие разнообразнейших критериев для анализа и классификации неологизмов, лишь часть из которых была представлена выше, не позволяют говорить о некоем универсальном определении неологизма: критерии неологичности меняются и модифицируются в зависимости от целей и задач предпринимаемых исследований. Тем не менее, наиболее удачными можно считать те определения, которые основаны на нескольких подобных критериях. В данной работе авторы придерживаются мнения о том, что нео-

логизм – это «единица лексикона (слово, часть слова или словосочетание), в которой отношение между означаемым и означающим ново, либо значение которой не было ранее материализовано в виде языковой формы на непосредственно предшествующем этапе развития лексикона в языке» [Rey, 1995, p. 77].

3. Номинативная и прагматические функции неологизма

В ряде исследований в области неологии функции неологизмов разграничиваются на уровне языка и речи [Чо, 2008 ; Белькова, 2018], однако в рамках данной статьи функции нового слова определяются исходя из понимания структуры лексического значения, в которую может входить один или оба компонента – когнитивный и прагматический. Когнитивный компонент относится к информации о мире, вне субъективной оценки, переживания его индивидом. Прагматический компонент значения относится к информации «о субъективном отношении, оценке, переживании означаемого факта, субъективной установке индивида на этот факт» [Никитин, 1988, с. 21]. Если исходить из такого понимания компонентов значения, то кажется возможным выделить когнитивную и прагматические функции неологизмов, которые реализуются в большей или меньшей мере в каждом конкретном случае употребления неологизма. В статье выдвигается предположение, что функционирование неологизма обусловлено структурой его лексического значения и при этом зависит от приоритетной задачи коммуниканта: либо номинировать новое (функция обозначения, идентификации или денотации), либо выразить отношение к предмету высказывания (функция характеристики или квалификации).

В рамках когнитивной функции неологизма реализуется прямая потребность в номинации нового явления или предмета. Результатом развития технологий становятся новые продукты и в сфере бизнеса, которые необходимо назвать. Зачастую это словосочетания с *business, firm, economy, technology*. Например, активно развиваемые облачные технологии (или облачные вычисления, *cloud computing*) – технологии распределённой обработки цифровых данных, с помощью которых компьютерные ресурсы предоставляются интернет-пользователю как онлайн-сервис [Облачные технологии..., 2019], способствовали появлению таких неологизмов как *cloud-gaming product, cloud business*, смысл которых связан с развитием облачных сервисов для игр.

(1) *A few days before E3, Google, which also runs a big **cloud business**, gave more details about Stadia, its own **cloud-gaming product**, which is due to launch in November* [Bartleby, The Economist, 15 June 2019, p. 54] – 'За несколько дней до открытия выставки компьютерных игр E3 Гугл, который также имеет собственный облачный бизнес, раскрыл детали относительно своего облачного игрового продукта Stadia, планируемого к запуску в ноябре'.

Появление дронов (беспилотных летательных аппаратов) повлекло необходимость в наименовании артефактов, связанных с этим устройством: *a drone-technology firm, drone-delivery firm*.

(2) *It is also easier, says Ben Marcus, founder of AirMap, a **drone-technology firm**, because health-care deliveries typically happen between a limited number of fixed sites, not to and from innumerable doorsteps. Andreas Raptopoulos, boss of Matternet, another **drone-delivery firm**, thinks that this could save hospitals millions in lab and pharmacy costs* [Flying Start, 2019, p. 53] – 'Бен Маркус, основатель AirMap, компании, применяющей технологии дронов, говорит, что подобный подход легче реализовать, т. к. доставка лекарств обычно осуществляется по ограниченному количеству адресов, а не между неограниченным числом получателей и отправителей. Андреас Раптопулос, владелец Matternet, ещё одной курьерской компании, использующей дроны, полагает, что технология могла бы сэкономить больницам миллионы долларов на лекарствах и лабораторных исследованиях'.

Сюда же можно отнести словосочетания со словом *economy*: *gig economy* ‘economic activity that involves the use of temporary or freelance workers to perform jobs typically in the service sector’.

(3) *Delivery also fits neatly with the **gig-economy** zeitgeist, alongside ride-hailing firms such as Uber, Lyft and China’s Didi* [Foodoo economics, 2019, p. 56] – ‘Доставка дронами прекрасно сочетается с духом экономики свободного заработка, наряду с такими службами такси как Uber, Lyft и китайской Didi’.

Словосочетание *in-orbit economy* или его синоним *spacebased businesses* еще не получили широкого распространения; по аналогии эти неологизмы можно определить как ‘economic activity that involves the use of satellites’.

(4) *An **in-orbit economy** is taking shape. Planet Labs is an industry leader. The cost of making and launching satellites has tumbled, enabling an array of new space-based businesses to emerge* [Orbital Ecosystem, 2019, p. 67] – ‘Начинают формироваться бизнесы, применяющие спутниковые технологии. В этой сфере лидирует компания Planet Labs. Затраты на производство и запуск спутников резко снизились, что привело к появлению ряда компаний подобного типа’.

Использование данных словосочетаний позволяет описать актуальные тенденции в сфере экономики и бизнеса, при этом сами неологизмы такого типа могут характеризоваться отсутствием дополнительных оценочных элементов.

Появление цифровой валюты привело также и к появлению слов, описывающих новый участок действительности, например: *cryptocurrencies* – криптовалюты; *Libra* – либра, проект цифровой валюты, разрабатываемой по инициативе Facebook, запуск которой запланирован к 2020 году; *libra-holder* – владелец новой валюты.

(5) *Individual **Libra-holders** face other risks* [Libralised Finance, 2019, p. 51] – ‘Отдельные держатели криптовалюты Либра сталкиваются и с другими рисками’.

(6) *They include financial firms (Visa, Stripe), online services (Spotify, Uber), **cryptocurrency** wallets (Anchorage, Coinbase), venture capitalists (Andreessen Horowitz, Union Square Ventures) and charities (Kiva, Mercy Corps) – though, for the time being, no banks. [...] It is impossible to imagine them expelling Messenger and WhatsApp – and later other providers Facebook is inviting to the open-source project – from their app stores, as they have done with other **cryptocurrency** offerings, many of which were scams* [Coin Flip, 2019, p. 50–51] – ‘В их числе – финансовые компании (Visa, Stripe), интернет-сервисы (Spotify, Uber), онлайн-кошельки (Anchorage, Coinbase), венчурные компании (Andreessen Horowitz, Union Square Ventures) и благотворительные организации (Kiva, Mercy Corps), однако сейчас среди них нет банков. [...] Невозможно представить, чтобы компания убрала Мессенджер, Вотсап или другие сервисы, которые Facebook добавил в свой проект программ с открытым исходным кодом, из собственного магазина приложений, поскольку сервис уже имел дело и с другими проектами криптовалют, многие из которых оказались мошенническими’.

От неологизма *Libra* журналисты начинают образовывать производные слова, которые фигурируют пока в заголовках: *Facebook and friends threaten to **Libralise** the world* [Sundaram, Chowdhury, 2019] и *Libralised finance* [Libralised Finance, 2019, p. 51]. Примеры демонстрируют возможности мгновенного реагирования на нововведения в сфере бизнеса и экономики при помощи использования языковых ресурсов.

Иногда новые единицы номинации возникают для фиксации фрагмента картины мира, уже давно существующего и отражённого в сознании носителей языка, но ещё не ословленного [Заботкина, 1989, с. 23]. Сюда можно отнести неологизмы, возникающие при прагматической потребности дать новые названия различным видам деятельности, например, *to globalise, to incentivise, to institutionalise, to randomise, to anonymise, to*

radicalise, to unionise, to robotise, universalising (English). Наблюдается тенденция к образованию абстрактных имён существительных, обозначающих различные социальные течения, общественно-политические и научные взгляды и направления: *presenteeism* (образованный по аналогии с *absenteeism*), *multilingualism*, *workaholism*, *environmentalism*:

(7) *California is a leader on environmentalism. That is good for the Earth, but not always for Californians. The state's environmentalism has produced many benefits. Texas is the country's number one producer and consumer of energy, and environmentalism is not part of its brand* [The Cost of Going Green, 2019, p. 10–11] – 'Калифорния – лидер в области энвайронментализма. Что хорошо для планеты, не всегда хорошо для жителей Калифорнии. Политика энвайронментализма штата принесла немало преимуществ. Техас же является ведущим производителем и потребителем энергии в стране, поэтому энвайронментализм не является частью его бренда'.

Рассмотренные выше неологизмы в большей мере несут в себе номинативную (когнитивную) функцию и позволяют привязать повествование к современной действительности, при этом подобные образования существуют вне субъективной оценки говорящего / пишущего.

Отношение же между языковыми единицами и реальными условиями их употребления в коммуникативном пространстве, в котором взаимодействуют говорящий / пишущий и слушающий / читающий изучается прагмалингвистикой. «При этом важное значение приобретают такие параметры и характеристики ситуации общения, как место и время речевого взаимодействия, цели и ожидания коммуникантов и др. Фактически, лингвопрагматика ввела в описание языка акциональный (деятельностный) аспект» [Олешков, 2006, с. 12]. Таким образом, актуализация и реализация прагматических функций происходит в связи с потребностью коммуниканта выразить свою субъективную оценку. Отсюда возникает вопрос выбора ЛЕ (при необходимости – создание неологизма) с целью её употребления в рамках осуществления коммуникации. В результате изучения примеров использования неологизмов сделан вывод, что употребление нового слова чаще всего сопровождается реализацией следующих прагматических функций: экспрессивной, игровой, социальной, спацио-темпоральной, апеллятивной, компрессионной. Отдельно речь пойдёт о компенсаторной функции.

Практически любой неологизм обладает определённым эффектом новизны, а значит, не лишен экспрессивности, то есть выполняет экспрессивную функцию. Следует отметить, что публицистический стиль, как никакой другой, является прагматически маркированным, то есть служит агитации и пропаганде, поэтому экспрессия не является самоцелью, но неразрывно связана с оценочной деятельностью адресанта сообщения. Таким образом, оценочность и эмоциональность являются компонентами более широкого понятия – экспрессивности. Эмоционально-оценочный компонент может выступать на первый план при формировании лексического значения слова, поэтому целесообразно говорить отдельно о данной группе. В качестве примера будут рассмотрены неологизмы, связанные с обсуждением возможности выхода Великобритании из ЕС: *Remainia* – противники выхода Великобритании из ЕС, *Brexitland*, *Brexitteer*, *hard-Brexitteer* – сторонники процесса. В статье «Brexit – the Triumph of a Word» объясняются мотивы создания данных неологизмов: не вызывать негативных реакций и ассоциаций. Так, *Brexitteer*, а не *Brexitteer* было образовано по аналогии с *buccaneer*, *pioneer*, *musketeer*, чтобы создать атмосферу приключения и романтизма. Выбор в пользу *Remainians* или *Bremainers*, *Remoaners*, но не *Remainers* объясняется негативными ассоциациями, связанными с последним словом, вызывающими ощущение остатков несъеденной холодной еды [Katz, 2016].

Игровая функция наиболее очевидно проявляет себя в неологизмах-окказионализмах, отличающихся образностью, меткостью и оригинальным смысловым содержанием. Например, использованные в речи Борисом Джонсоном в период борьбы за пост премьер-министра Великобритании:

(8) *He upset Italians by saying he was “pro-secco but by no means anti-pasto”* [Rosbif with Cake, 2019, p. 45] – 'Его заявление о том, что он убеждённый “pro-secco”, но никак не “anti-pasto”, разочаровало итальянцев'.

Окказионализмы, основанные на игре итальянских слов и слов, образованных по правилам английской аффиксальной словообразовательной модели, созданы, с одной стороны, чтобы ёмко показать позицию Джонсона, с другой стороны – выразить через иносказание не самую приятную новость для итальянцев: если Италия предоставит Великобритании доступ к единому рынку Евросоюза, то не потеряет экспорт просекко в Великобританию. Наряду с краткостью высказывания автором достигнута цель – привлечь максимальное внимание к своей позиции, заставить задуматься и обсуждать.

Использование языковой игры вовлекает реципиента в процесс «угадывания смыслов» путем более экономного способа выражения мысли, поэтому для реализации данной функции важно, чтобы коммуниканты имели одинаковые фоновые знания и социальную соотнесённость. В подобных случаях можно вести речь о феномене приватности знания, то есть осознании факта наличия сходного культурно-социального кода, что приводит к ощущению субъективной близости с автором статьи. Нельзя не указать и на то, что интерпретация подобных высказываний задаёт сознанию когнитивно-прагматическую творческую задачу и именно в силу предпринятого усилия способна доставить интеллектуальное и эстетическое удовольствие. Действительно, в силу психологических факторов добытое «пóтом» представляет бóльшую ценность.

Субститутивная функция связана с потребностью употребления нового эмоционально и стилистически нейтрального слова с целью замены нежелательных или слишком резких обозначений (эвфемизация) или замены эмоционально и стилистически нейтрального слова более грубым, пренебрежительным (дисфемизация) [Чо, 2008]. Так появляются неологизмы для минимизации негативного воздействия на общественность при упоминании военных действий, например, *disposition matrix* вместо *kill list*, *unprivileged belligerent* для *enemy combatant* [Gharavi, 2019]. Примером обратного эвфемизации процесса, то есть намеренное использование ЛЕ с негативной смысловой нагрузкой, является *bullshit* в значении '*a blatantlie*' [Urban Dictionary, 2019]. Дисфемизм-неологизм, заменяя эмоционально нейтральное слово, позволяет коммуниканту сделать высказывание экспрессивным, подчеркнуть своё отношение к описываемому неологизмом явлению или предмету.

Социальная функция – маркер принадлежности говорящего и слушающего к определённой социально-возрастной и профессиональной среде. В исследованиях по лингвопрагматике отмечается, что социальная сфера активности коммуникантов является во многом определяющим. Так, «разграничение социальных сфер деятельности субъектов на производственно-институционную, обслуживания, семейно-бытовую, досуга, окказиональную (однократная встреча с другим человеком) обуславливает уровень конвенциональности, стереотипности, ритуализации, клишированности речевого взаимодействия, а также степень «жесткости» социального контроля» [Олешков, 2006, с. 15]. Употребление неологизмов в периодических изданиях новостной направленности находится в прямой зависимости от вышеперечисленных условий, поэтому, например, журнал *The Economist* ориентирован «на образованных читателей, в том числе, на людей, принимающих решения» [About us, 2019], чем и ограничивает социальную функцию неологизма. Так, профессиональная дифференциация языка, являющаяся одним из

чрезвычайно важных прагматических факторов, действующих в активных номинативных процессах [Заботкина, 1989, с. 20], приводит к созданию своеобразного жаргона, например, *smallsat*, *nanosat*, *CubeSat* (малоразмерный спутник) при описании не только новых технологий, но и новых направлений, открывающихся для экономики при использовании спутниковых новаций. Термин *nanosat* был включён в словарь технических терминов для специалистов в области телекоммуникации и цифровых медиа и маркирован третьим уровнем сложности, так как относится к числу часто используемых в СМИ узкоспециальных слов, но требует определённых знаний для понимания его значения [Ruttenbeck, 2006, p. 182].

Результаты «возрастной» дифференциации языка наиболее очевидно наблюдаются в речи подростков и молодёжи, например, база данных неологизмов университета Райс [The Rice University Neologisms Database, 2019] в большей мере представляет новые слова и словосочетания, используемые в молодёжной среде, куда уже включено более 5000 единиц. Примером неологизма, совмещающего в себе социально-профессиональные и возрастные характеристики, является *ling-ling* значением '*linguistics, especially a linguistics class*': *How is ling-ling going?* Составители поясняют, что данное слово используется студентами университета Райс, так как сокращённо курс в форме регистрации указывается как LING.

Неологизм может имплицитно содержать в себе указание как на определённый исторический период, эпоху, так и на местность, локацию. Таким образом, способность неологизма кодировать информацию по линии время-место позволяет говорить о его спацио-темпоральной прагматической функции. К лексическим единицам данной группы можно отнести неологизм *Brexit* – процесс выхода Великобритании из ЕС, который содержит в себе и чёткую временную характеристику описываемого явления (конец второго десятилетия XXI в.), и указание на географию брексита (Великобритания). В эту же группу входит неологизм *Singapore-on-Thames*, который часто упоминается в речах сторонников брексита, желающих последовать примеру Сингапура как государству, воплотившего основные принципы свободной торговли. Очевидно, что помимо социально-политического фактора, определяющего прагматику данных неологизмов, актуализируется и территориальный фактор (так как речь идёт о реалиях Великобритании).

Особое значение при употреблении неологизмов имеет апеллятивная функция, когда создание нового слова обусловлено прежде всего потребностью привлечь внимание к высказыванию. Вероятно, такую функцию выполняет неологизм *Texafornia*, полученный при соединении (амальгамировании) фрагментов двух основ *Texa(s)* и *(Cali)fornia*, чтобы наиболее наглядным способом показать необходимость использования положительных практик двух штатов в комплексе:

(9) *California could steal Texas's expansive approach to house building; Texas could imitate California's investment in outstanding universities. Americans elsewhere might be less alarmed by demographic change if they visited great cities like Houston, LA and Dallas. Call this imagined place Texafornia* [Texafornia Dreaming, 2019, p. 7] в – 'Калифорния могла бы перенять техасский экспансионистский подход к строительству, а Техас мог бы скопировать у Калифорнии идею инвестиций в выдающиеся университеты. Остальные американцы не испытывали бы такой тревоги по поводу демографической ситуации, посети они такие великие города, как Хьюстон, Лос-Анджелес и Даллас. Это воображаемое место можно было бы назвать Тексафорнией'.

В рамках апеллятивной функции следует соотнести роль неологизма с задачей автора неологизма сформировать определённое мнение у читателя. Привлечение внимания адресата за счёт новизны, образности, эмоциональности или оценочности является необходимым первым шагом для реализации основных целей, преследуемых автором

аргументативного дискурса: заставить соразмышлять, переживать, склонить к своей точке зрения. Так, например, было предложено выделить в языке прессы манипулятивную и формирующую функции, когда при донесении информации автор (журналист) косвенно высказывает своё мнение о каком-то событии, и поэтому «в прессе часто используются языковые средства, которые имплицитно несут в себе не только информацию, но и видение тех или иных событий. Таким образом, имплицитно происходит манипуляция, которая приводит к формированию определённой точки зрения у читателя, которая будет схожа с авторской» [Акимцева, 2016, с. 478]. К таким языковым средствам можно отнести неологизмы-эфемеризмы (слова, широко употребляемые в определённые периоды общественного развития, как правило, связанные с деятельностью отдельных политических деятелей, но затем не вошедшие в общий фонд, а употребляемые только в связи с конкретными событиями) [Заботкина, 1989, с. 24], например: *Mayism* «the political ideology of Theresa May, the Conservative British Prime-Minister. Her practices are unpopular with the British people and often criticized for being authoritarian» [Urban Dictionary, 2019] или *Trumpian* «resembling the philosophy and rhetoric of U.S. President Donald Trump. Generally characterized by inflammatory rhetoric, xenophobia, and hostility to criticism» [The Rice University Neologisms Database, 2019]. Использование неологизма *Trumpian* при пояснении цитат в кавычках в приводимых примерах отражает оценочное отношение авторов к новому феномену, а скептицизм и негативные ассоциации по отношению к политикам находят выражение в уже сформированных словарных дефинициях:

(10) *Ms Warren's plan has a Trumpian echo, too: it was released under the banner of "economic patriotism", Mr Biden's language on this point – he says he wants "strong new measures to stop other countries from cheating on their climate commitments" – sounds almost Trumpian* [Green New Democrats, 2019, p. 31] – 'План госпожи Уоррен тоже попадает трамповщиной, ведь его обнародовали под лозунгом "экономического патриотизма". Риторика мистера Байдена по этому вопросу также звучит в трамповском духе: "Необходимо принять новые решительные меры с тем, чтобы помешать другим странам корыстно наживаться на своих обязательствах по климату'.

Компрессионная функция связана со стремлением к экономии речевых ресурсов, и английский язык располагает разными способами реализации данной прагматической задачи. Находясь в поисках компромисса между решением поставленных коммуникативных задач и стремлением минимизировать языковые усилия, авторы часто прибегают к отработанным моделям образования новых слов. Во-первых, сюда можно отнести неологизмы, образованные при помощи префиксов *re-*, *anti-* и *pro-*. Префикс *re-* ассимилирует со значением повторного или заново осуществляемого действия, как в следующих примерах *reconglomeration* со значением '*the process of forming a conglomerate again*'; *re-engineering* '*the restructuring of a company or part of its operations, esp. by utilizing information technology*', когда автору не надо использовать наречия и уточняющие слова при описании повторного действия. Префиксы со значением 'быть против чего-либо, кого-либо' (*anti-*) и со значением 'поддерживать что-либо, кого-либо' (*pro-*) легко сочетаются с любыми словами разной частеречной принадлежности и также позволяют избегать громоздких фраз. В связи с этим производные слова с данными префиксами часто не фиксируются словарями, так как достаточно понимать механизм словообразовательной модели, чтобы создавать новые слова, отвечающие требованиям английского языка: *anti-migrant protests*, *anti-corruption*, *anti-gay laws*, *anti-Prespa voters*, *Anti-Morsi protesters*, *anti-immigrant*, *anti-Brexit demonstration*, *pro-Europe*, *pro-Morsi protesters*, *pro-sprawl*, *pro-immigration*, *pro-Remain position*, *pro-Trump*, *pro-Russian president*,

pro-democracy protests. Вероятно, с целью языковой экономии употребляется суффиксальный неологизм *nuke-wards*:

(11) *For the time being, Iran is more interested in hinting at such options than dashing nuke-wards* [The Narrowing Gyre, 2019, p. 18] – 'Пока Ирану выгоднее лишь намекать на подобное развитие событий, а не размахивать ядерной дубинкой'.

Значение неологизма, опираясь на контекст, можно описать как '*moving towards nuclear weapons production and use*', а его усечённая форма позволяет автору избежать официальной тональности и сделать акцент на аналитическом характере статьи. Семантика отобранных неологизмов отражает темы, которые волнуют общество на данном этапе в большей мере: выборы, коррупция, миграционная политика, ядерная угроза, выход Великобритании из Евросоюза.

В результате стремления к экономии языковых ресурсов часто используются сложнопроизводные слова, появившиеся в языке в результате изоляции синтаксических словосочетаний. Например, автор статьи, посвящённой вопросам внешней политики в период президентства Дональда Трампа, использует сложнопроизводные слова, которые ёмко, но точно отражают суть предвыборной программы американского президента: *pro-little-guy* 'в защиту простого человека', *anti-big-business* 'антимонополистский', *nigh-on-isolationist* 'про-изоляционистский'.

(12) *His volte face over the retaliatory raid reportedly followed a conversation with Tucker Carlson, a Fox News host keen to be seen standing up for the promises of that campaign – pro-little-guy, anti-big-business, nigh-on-isolationist* [The Narrowing Gyre, 2019, p. 19] – 'Как сообщается, он резко изменил свои взгляды по поводу упреждающих авиарейдов после разговора с Такером Карлсоном, ведущим канала Fox News, который напомнил о лозунгах предвыборной кампании: в защиту простых людей, против монополий и в поддержку политики изоляционизма'.

Среди прочих прагматических функций неологизма отдельно стоит отметить компенсаторную, которая активно обсуждается в психолингвистических и медицинских исследованиях, где рассматриваются причины образования неологизмов лицами с диагностированными нарушениями мышления. В подобных случаях говорящий прибегает к созданию неологизма с тем, чтобы заместить забытую лексическую единицу, таким образом компенсируя недостающую лексему и обеспечивая (но не всегда успешно) коммуникацию. Подобные неологизмы обычно образованы по телескопической модели и позволяют индивиду заполнить затянувшуюся паузу, вызванную необходимостью подобрать нужное слово (*mammal+animal=mammimal*, *scent+smell=sment* и т. п.) [Linguistic Disorders..., 2008, с. 188]. Для данных неологизмов (точнее окказионализмов, поскольку они не закрепляются узуально), как указывают специалисты, часто отсутствуют механизмы, по которым можно расшифровать заключённое в них семантическое значение – поэтому они остаются понятны в первую очередь только говорящему и его ближайшему окружению [Баймурзаева, Аккиева, 2017]. Вероятно, для говорящего подобный акт словотворчества выполняет не только номинативную (ведь он заново называет артефакт), но и некоторые прагматические функции (в стремлении сохранить лицо, скрыть своё состояние и т. п.).

Таким образом, систематизация возможных намерений коммуниканта при создании и употреблении нового слова позволила определить границы когнитивно-прагматического функционирования неологизмов. Важным является наблюдение, что функции редко выступают изолированно и автономно: практический анализ демонстрирует тот факт, что в конкретном высказывании коммуникант реализует через неологизм кластер функций, а значит, говорящий обычно иллокутивно преследует несколько целей одновременно.

4. Заключение

Анализ теоретического материала, касающегося вопросов определения, критериев и характеристик объектов изучения неологии демонстрирует отсутствие универсального определения неологизма. Авторы берут за основу факт материализованности отношения между означаемым и означающим на определённом этапе развития лексикона в языке, что позволяет считать неологизмом как зафиксированную словарём ЛЕ, так и окказиональное образование: достаточным является появление ЛЕ в речевом акте для решения определённой задачи коммуниканта. Далее авторами статьи выдвигается предположение, что структура лексического значения слова определяет когнитивно-прагматическое функционирование неологизма, в результате анализа примеров новых ЛЕ выделяются: когнитивная функция, связанная непосредственно с процессом номинации, и прагматические функции (экспрессивная, игровая, субститутивная, социальная, спацио-темпоральная, апеллятивная, компрессионная, компенсаторная), реализуемые говорящим в акте коммуникации через неологизм. Несмотря на выделение отдельных групп когнитивно-прагматических функций, необходимо помнить, что в речевом акте неологизм отражает комплексные коммуникативные задачи (вероятно, за исключением терминологических единиц, главная функция которых – номинировать) с разной степенью проявления любой из них, поскольку ощущение новизны при использовании неологизма в большинстве случаев связано, прежде всего, с экспрессией. Предложенные функции неологизмов не являются окончательными. Например, объективный рост количества неологизмов, который наблюдается в последние десятилетия и мгновенно фиксируется онлайн-словарями (см., напр., www.urbandictionary.com), связан и с тем, что «оригинатор» неологизма имеет возможность донести результат своего словотворчества потенциально неограниченному интернет-сообществу, что сокращает путь от первого употребления новой лексемы до её возможной узурпации языковым коллективом.

Список литературы

- Акимцева, 2016 – Акимцева, Ю. В. Функциональные аспекты языка прессы [Электронный ресурс] / Ю. В. Акимцева // Молодой ученый. – 2016. – № 18. – С. 478–480.
- Баймурзаева, Аккиева, 2017 – Баймурзаева, Г. Б. Неологизмы в идиосинкратической речи лиц с расстройством мышления [Текст] / Г. Б. Баймурзаева, А. А. Аккиева // Язык и текст. – 2017. – Т. 4. – № 2. – С. 45–56.
- Белькова, 2018 – Белькова, А. Е. Функционирование неологизмов в интернет-ресурсах: на материале сайта NoName [Текст] / А. Е. Белькова. – Нижневартовск: Изд-во НВГУ, 2018. – 112 с.
- Заботкина, 1989 – Заботкина, В. И. Новая лексика современного английского языка [Текст] / В. И. Заботкина. – М.: ВШ, 1989. – 126 с.
- Линь, Кончакова, 2015 – Линь, Е. Прагматические функции неологизмов в современных СМИ [Текст] / Е. Линь, С. В. Кончакова // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 20. – Вып. 11 (151). – С. 193–197.
- Никитин, 1988 – Никитин, М. В. Основы лингвистической теории значения: учеб. пособие [Текст] / М. В. Никитин. – М.: ВШ, 1988. – 168 с.
- Новое в русской лексике, 1996 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 86 [Текст] / ред. С. И. Алаторцева, Т. Н. Буцева; под общ. ред. Н. З. Котеловой. – СПб., 1996. – 381 с.
- Облачные технологии [Электронный ресурс]. URL: https://www.e-xecutive.ru/wiki/index.php/Облачные_технологии (дата обращения: 31.08.2019).
- Олешков, 2006 – Олешков, М. Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект: учеб. пособие [Текст] / М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил, 2006. – 146 с.
- Попова и др., 2017 – Попова, Т. В. Неология и неография современного русского языка [Электронный ресурс]: учеб. пособие [Текст] / Т. В. Попова, Л. В. Рацибурская, Д. В. Гугунава. – М.: ФЛИНТА, 2017. – 167 с.

- Тогоева, 2000 – Тогоева, С. И. Современная лексикография и новые единицы номинации [Текст] / С. И. Тогоева. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2000. – 147 с.
- Торопцев, 1980 – Торопцев, И. С. Словопроизводственная модель [Текст] / И. С. Торопцев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – 146 с.
- Чо, 2008 – Чо, Д. Д. Функционирования неологизмов в языке газеты [Текст] / Д. Д. Чо // Russian Language Journal. – 2008. – Vol. 58. – С. 133–157.
- About Us, 2019 – About Us [Electronic Resource] // The Economist. – URL: <https://www.economist.com/help/about-us>. (дата обращения: 31.08.2019).
- Cabré Castellví, 1999 – Cabré Castellví, M. T. – Terminology: Theory, Methods and Applications [Text] / M. T. Cabré Castellví. – Amsterdam : John Benjamins Publishing, 1999. – 248 p.
- Creus, Julià-Muné, 2014 – Creus, I. Neologismes Semantics. Semantic Change [Electronic Resource] / I. Creus, J. Julià-Muné // Mots Nous en Català. New Words in Catalan: Una Panoramic Geolectal. A Diatopic View / ed. by M. T. Cabré, O. Domènech, R. Estopà. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2014. – P. 179–205.
- Linguistic Disorders..., 2008 – Linguistic Disorders and Pathologies: An International Handbook [Text] / ed. by G. Blanken, J. Dittmann, H. Grimm, J. C. Marshall, C.-W. Wallesch. – Berlin : de Gruyter, 2008. – 976 p.
- Rutenbeck, 2006 – Rutenbeck, J. Tech Terms What Every Telecommunications and Digital Media Professional Should Know [Text] / J. Rutenbeck. – New York, 2006. – 288 p.
- Rey, 1995 – Rey, A. Essays on Terminology [Text] / A. Ray / Translated and edited by Juan C. Sager, introduction by B. de Bessé. – Amsterdam : John Benjamins Publishing, 1995. – 223 p.
- The Rice University Neologisms Database, 2019 – The Rice University Neologisms Database [Electronic Resource]. – URL : <https://neologisms.rice.edu> (дата обращения: 31.08.2019).
- Urban Dictionary, 2019 – Urban Dictionary [Electronic Resource]. – URL : <https://urbandictionary.com> (дата обращения: 31.08.2019).

Источники иллюстративного материала [Illustration material sources]

- Bartleby, 2019 – Bartleby. Unconsoled [Text] // The Economist. – 2019. – June 15. – P. 54
- Chowdhury, Sundaram, 2019 – Chowdhury A. Facebook and Friends Threaten to Libralize the World [Electronic Resource] / A. Chowdhury, J. K. Sundaram. – URL : <http://www.ipsnews.net/2019/07/facebook-friends-threaten-libralize-world/> (accessed 31.08.2019).
- Coin Flip, 2019 – Coin Flip [Text] // The Economist. – 2019. – June 22. – P. 49–51.
- Flying Start, 2019 – Flying Start [Text] // The Economist. – 2019. – June 15. – P. 53–54.
- Foodoo Economics, 2019 – Foodoo Economics [Text] // The Economist. – 2019. – August 3. – P. 56.
- Gharavi, 2019 – Gharavi, M. M. Neologism: How Words Do Things with Words (June, 2012) [Электронный ресурс] / M. M. Gharavi. – URL: <http://www.thewhitereview.org/feature/neologism-how-words-do-things-with-words/> (дата обращения: 31.08.2019).
- Green New Democrats, 2019 – Green New Democrats [Text] // The Economist. – 2019. – June 15. – P. 31.
- Katz, 2016 – Katz, I. Brexit – the Triumph of the Word (September 24, 2016) [Electronic Resource] / I. Katz. – URL: <https://www.spectator.co.uk/2016/09/brexit-the-triumph-of-a-word/> (дата обращения: 31.08.2019).
- Libralised Finance, 2019 – Libralised Finance [Text] // The Economist. – 2019. – June 22. – P. 51.
- Orbital Ecosystem, 2019 – Orbital Ecosystem [Text] // The Economist. – 2019. – June 15. – P. 67.
- Rosbif with Cake, 2019 – Rosbif with Cake [Text] // The Economist. – 2019. – June 22. – P. 45.
- Texaifornia Dreaming, 2019 – Texaifornia Dreaming [Text] // The Economist. – 2019. – June 22. – P. 7.
- The Cost of Going Green, 2019 – The Cost of Going Green [Text] // The Economist. – 2019. – June 22. – P. 10–11.
- The Narrowing Gyre, 2019 – The Narrowing Gyre [Text] // The Economist. – 2019. – June 29. – P. 18–20.

References

- Akimtseva, Ju. V. (2001). Funktsional'nye aspekty yazyka pressy [Functional Aspects of Mass Media Language]. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 18, 478–480.
- Baimurzaeva, G. B., Akkiewa, A. A. (2017). Neologizmy v idiosinkrativheskoy rechi lits s rasstroystvom myshleniya [Neologisms in the idiosyncratic speech of persons with a thinking disorder]. *Yazyk i text* [Language and Text], 4 (2), 45–56.
- Bel'kova, A. E. (2018). *Funktsionirovanie neologizmov v internet-resursakh: na material sayta NoNaMe* [Functions of Neologisms in Internet Resources: on Material of NoNaMe site]. Nizhnevartovsk : NVGU Press.
- Zabotkina, V. I. (1989). *Novaya leksika sovremennogo angliyskogo yazyka* [New Vocabulary of Modern English]. Moscow : Vysshaya shkola Press.
- Lin', E., Konchakova, S. V. (2015). Pragmaticheskie funktsii neologizmov v sovremennykh SMI [Pragmatic Functions of Neologisms in Modern Media]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki* [The Tambov State University Review. The Humanities], 20, 11 (151), 193–197.
- Nikitin, M. V. (1988). *Osnovy lingvisticheskoy teorii znacheniya* [Foundations of the Linguistic Theory of Meaning]. Moscow : Vysshaya Shkola Press.
- Alatortseva, S. I., Butseva, T. N., Kotelov, N. Z. (Eds.). (1996). *Novoye v russkoy leksike. Slovarnye materialy – 86* [New in Russian Lexis. Dictionary Entrances – 86]. St Petersburg.
- Oblachnye tekhnologii [Cloud technologies]. Retrieved August 31, 2019 from <<https://www.e-executive.ru/wiki/index.php/Бизнес-википедия>>.
- Oleshkov, M. Ju. (2006). *Osnovy funktsional'noy lingvistiki: diskursivnyy aspekt* [Foundations of Functional Linguistics: Discourse Aspect]. Nizhniy Tagil : Nizhniy Tagil State Social Pedagogical Academy Press.
- Popova, T. V. (2017). *Neologiya i neografiya sovremennogo russkogo yazyka* [Neology and Neography of Modern Russian]. Moscow : FLINTA Press.
- Togoeva, C. I. (2000). *Sovremennaya leksikografiya i novye edinitsy nominatsii* [Modern Lexicography and New Lexemes]. – Tver: Tver State University Press.
- Toroptsev, I. S. (1980). *Slovoproizvodstvennaya model'* [Word formation Patterns]. Voronezh : Voronezh State University Press.
- Cho D. D. (2008). Funktsionirovaniya neologizmov v yazyke gazety [The Functioning of Neologisms in the Newspaper Language]. *Russian Language Journal*, 58, 133–157.
- About Us. (2019). *The Economist*. Retrieved August 31, 2019 from <<https://www.economist.com/help/about-us>>.
- Cabré Castellví, M. T. (1999). *Terminology: Theory, Methods and Applications*. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company.
- Creus I., Julià-Muné J. (2014). Neologismes Semantics. Semantic Change. In M. T. Cabré, O. Domènech, R. Estopà, *Mots Nous en Català. New Words in Catalan: Una Panoramic Geolectal. A Diatopic View* (pp. 179–205). Amsterdam : John Benjamins Publishing Company.
- Blanken, G., Dittmann, J., Grimm, H., Marshall, J. C., Wallesch, C.-W. (Eds.). (2008). *Linguistic Disorders and Pathologies: An International Handbook*. Berlin : de Gruyter.
- Rutenbeck, J. (2006). *Tech Terms What Every Telecommunications and Digital Media Professional Should Know*. New York.
- Rey, A. (1995). *Essays on terminology* / Translated and edited by Juan C. Sager, introduction by Bruno de Bessé. Amsterdam : John Benjamins Publishing, 223 p.
- The Rice University Neologisms Database. (2019). Retrieved August 31, 2019 from <<https://neologisms.rice.edu>>.
- Urban Dictionary. (2019). Retrieved August 31, 2019 from <<https://urbandictionary.com>>.

УДК 811.161.1

UDC 811.161.1

Алексеев Александр Валерьевич
Московский городской педагогический университет,
Московский педагогический государственный университет
г. Москва, Российская Федерация
Aleksandr V. Alekseev
Moscow City Teacher Training University,
Moscow Pedagogical State University
Moscow, Russian Federation
avalekseev74@yandex.ru

СООТНОШЕНИЕ СИМВОЛА, МЕТАФОРЫ И МЕТОНИМИИ
В ИСТОРИИ СЛОВА
SYMBOL, METAPHOR AND METONYMY IN THE HISTORY OF THE WORD

Аннотация

В статье рассмотрены метафора и метонимия как способы создания символического значения слова. Категории метафоры, метонимии и символа анализируются в диахроническом аспекте на материале истории русского языка. Разграничение метафоры и символа обеспечивается разноуровневым характером этих двух единиц в семиотической системе. Метафора – средство семантического переноса, характерное для современного русского языка. В древнерусском языке шире представлена метонимия, что обнаруживается в истории слов *горесть*, *печаль*, *весёлый*, *город*. Метонимия в большей степени характерна для древних языков и при тщательном анализе может быть обнаружена в позициях, ошибочно толкуемых современными исследователями как метафора. Символические значения слова реализуются при удвоении означаемого слова: *горесть* ‘эмоция как знак события’, *город* ‘укрепление как символ власти’.

Abstract

In the article, metaphor and metonymy are considered as ways to create a symbolic meaning of the word. Categories of metaphor, metonymy and symbol are analyzed in diachronic aspect on the material of the history of the Russian language. The distinction between metaphor and symbol is provided by different levels of these two units in the semiotic system. Metaphor is a means of semantic transfer, characteristic of the modern Russian language. In the old Russian language is more widely represented metonymy, which is found in the history of the words *pechal'* (sorrow), *gorest'* (grief), *veselye* (joy), *gorod* (city / town). Metonymy is more characteristic of ancient languages and can be found in positions mistakenly interpreted by modern researchers as a metaphor. Symbolic meanings of the words are realized by doubling the meaning of the word: *pechal'* ‘emotion as a sign of the event’, *gorod* ‘fortress as a symbol of power’.

Ключевые слова: лексическая семантика, символ, метафора, метонимия, символическое значение.

Keywords: lexical semantics, symbol, metaphor, metonymy, symbolic value.

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_2_18_25

1. Введение

В исторической лексикологии и лингвокультурологии под символом понимается культурный знак, элемент предметного или другого (соматического, графического) кода культуры, связанный с тем или иным словом отношениями означаемого (элемент предметного кода) и означающего (лексическая единица). В семиотическом аспекте символ совмещает в себе два означаемых, находящихся в знаковых отношениях. Такое совме-

шение возникает в результате семантического переноса (тропа), причём способы такого переноса могут быть различными. Основными способами семантического переноса являются метафора и метонимия (метафора – перенос содержания понятия, метонимия – перенос в пределах объёма понятия). Следовательно, символ – понятие иного уровня, нежели метафора и метонимия: символ – результат семантического переноса, метафора и метонимия – его способы.

Вместе с тем при изучении символов в лингвистике наиболее продуктивными оказываются методы изучения когнитивных метафор: терминам «означающее» и «означаемое» символа соответствуют в этом случае термины «источник» (знания, обобщающие практический опыт) и «цель» (знания, требующие уточнения, структурирования). В когнитивных исследованиях термин «символ» фактически заменяется термином «концептуальная метафора»: «устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества» [Баранов, 2003, с. 76]. Характерно, что при этом подчёркивается фундаментальный характер подобного понимания метафоры, её высокая значимость в когнитивном и культурном отношениях. Показательно в отношении терминологического сближения символа и метафоры употребление термина «концептуальная метафора» при анализе религиозной символики: «религиозный язык является системой метафор, основанной на совокупности образов, которая служит организационным принципом познания трансцендентного» [Шитиков, 2013, с. 10].

Рассматривая символическое значение слова, необходимо разграничивать случаи, в которых символ организован метафорическим переносом – или метонимическим. Разграничение этих явлений основано на аксиоме «о наличии двух основных способов семантической деривации – на основе метафорических ассоциаций (симиляция) и метонимических (импликация)» [Конецкая, 1998, с. 25]. Этой аксиоме успешно следуют современные исследования когнитивной семантики: «основная часть моделей семантической деривации относится к одному из двух крупных классов – метафорические переносы и метонимические сдвиги» [Падучева, 2004, с. 187]. В современном языке символический семиозис чаще обеспечивается метафорой, которая совмещает в символе категории не тождественных понятий. Метонимия обеспечивает трансформацию значения в результате изменения фокуса, семантического акцента в пределах одного понятия. Соответственно, метонимия обычно не создаёт в современном русском языке коннотативного значения. Именно этим объясняется тот факт, что, в отличие от вопроса о разграничении метафоры и символа, вопрос о разграничении метонимии и символа не ставится: коннотация характеризует метафору и символ, но не метонимию.

В диахроническом плане соотношение символа, метафоры и метонимии оказывается принципиально иным: по мнению историков языка, метафора возникает на базе сформированных понятий, между тем как прелогический символ образуется посредством метонимии. Отмечается, что свойством архаичных языков является «преимущественное использование концептуальной метонимии, а не метафоры» [Елоева, Перехвальская, 2004, с. 97]. Такая особенность возможна в условиях, когда объём понятия ещё не сформирован, границы его не ясны, и смещение на основе пространственно-временной и причинно-следственной смежности позволяет достигать основной цели символа: характеризовать неизвестное через известный, предметно-чувственный образ.

Различие метафоры и метонимии состоит в отношении к объёму и содержанию понятия: метонимия расширяет объём понятия, метафора переносит его содержание в принципиально иную область. Поскольку категориальная сетка обусловлена культурно и исторически, то часто оказывается, что механизм, воспринимаемый современным исследователем как метафора, при более внимательном рассмотрении оказывается мето-

нимией (в частности, в истории языка пренебрежение к особенностям древнего сознания «приводит к ошибочным заключениям о “метафоричности”») [Колесов, 1995, с. 238]).

Во многих исследованиях метафора предстаёт как тотальная, всеохватная категория, которая включает в себя и собственно метафору как механизм, способ семиотического переноса, и символ как его актуальный результат. Отсюда возникает потребность в различных (минимум двух) интерпретациях метафоры – как средства создания переносного значения или как средства своеобразного моделирования мира [Зализняк, 2013, с. 53–58]. В некоторых случаях тотальность метафоры простирается даже до такой степени: «Поскольку принципы метафоры всё равно довольно разнообразны, я склонен рассматривать метонимию и синекдоху как особые случаи метафоры и добавить их принципы к моему списку принципов метафоры» [Серль, 1990, с. 335]. Тотальность метафоры в современном лингвистическом дискурсе объясняется тем, что большинство посвящённых ей исследований – синхроничны и при этом опираются на общепринятую мировую традицию понимания метафоры в философии языка как явления двупланового.

2. Символические значения слова

Постулируемая в большинстве исследований двухсубъектность метафоры – результат её проекции на определённый синхронный срез, в рамках которого метафора обеспечивает символическую структуру. В этом смысле метафора оказывается изоморфна символу: она обладает удвоенным содержанием: «метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний» [Баранов, 2014, с. 29]; содержание, являющееся вторичной формой, как и в символе, представляет собой «более конкретное знание, получаемое человеком в процессе непосредственного опыта взаимодействия с действительностью» [Баранов, 2014, с. 31]. С позиций диахронии метафорический перенос предстаёт как потенциальный, или актуальный, или завершённый – и в последнем случае мы имеем дело с моносубъектным знаком. Например, слово *горечь* в значении ‘негативная эмоция’ понимается как классическая эмотивная метафора, а слово *горесть* таковой не считается. Между тем при диахроническом подходе эти два слова должны рассматриваться как словообразовательные варианты, реализующие в истории идентичный семантический перенос: ‘горький вкус, запах’ → ‘негативная эмоция’. Понятно, что при диахроническом понимании противопоставление живой и стёртой метафор по существу теряет смысл, так как степень актуальности первого и второго референтов тропа – это вопрос, решаемый при характеристике символа. Для выделения метафоры более важным оказывается разграничить первичный и вторичный сигнификаты.

Тотальность метафоры преодолевается тем, что при внимательном анализе мы видим на её месте символ (двухсубъектный результат её действия) или метонимию (иной тип тропа, возникающий при тождестве понятия). В частности, зоонимы типа *гадюка*, *свинья*, *гад* в применении к человеку во всех случаях представляют собой метафору в русском языке, в том числе и для последнего слова, которое фактически утратило мотивирующее значение ‘земноводное или пресмыкающееся животное’. Вопрос же о возможной степени совмещения двух субъектов (двойной референции) касается не качества метафоры, а действительности, полноты реализации символа. Можно утверждать, что символ – это результат действия метафоры, достигаемый или не достигаемый; символ закрепляет результат метафоры в системе языка и культуры.

Следовательно, должны быть выделены метафорические модели, в которых реализация символа возможна в большей или меньшей степени, модели, в которых символический семиозис максимально противостоит знаковому. Знаковое и символическое употребления слова обычно не разделяются словарями современного русского языка. Например, синтаксически обусловленные модели со сравнительными конструкциями

типа *грязный как свинья* представляются, видимо, лексикографам недостаточно самостоятельными и частотными – в отличие от моделей с реализацией предиката: *Ты свинья*. В моделях второго типа выделяется переносное, синтаксически обусловленное значение ‘грязный, аморальный человек’; в моделях первого типа особое значение ‘грязное животное’ не выделяется, соответствующая семема включается в состав основного, прямого значения. Между тем именно в сравнительных оборотах типа *грязный как свинья, злой как собака* следует видеть значения, промежуточные между прямым и переносным. Такие значения должны, соответственно, рассматриваться как символические, обладающие удвоенным означаемым. Ср. в расширенном толковании: *свинья* ‘грязное животное – человек в своей нечистой ипостаси’; *собака* ‘злое животное – человек в своей недоброй ипостаси’.

Обнаружение двух референтов при анализе употреблений слова в ряде случаев ведёт к ошибочному обнаружению метафоры на месте метонимии. Между тем двойная референция в таких случаях свидетельствует об актуальности символа, но в глазах исследователей «тотальной» метафоры затмевает истинную характеристику семиотического явления, характеризующегося единичностью понятия и семантическим переносом в пределах его объёма. В качестве показательного примера могут быть рассмотрены эмотивные номинации.

Целый ряд древнерусских эмотивов мог обозначать и саму эмоцию, и физическое состояние человека: *печаль, скърбь, тroudъ, кроучина, болъзнь, веселье*. Многозначная структура первых пяти слов включала семемы ‘негативная пассивная эмоция’ и ‘нездоровое состояние тела’; структура последнего – семемы ‘позитивная эмоция’ и ‘энергичное поведение, бодрость тела, пляс’. С современной точки зрения, многозначность таких слов формируется посредством метафоры: признак активности или подавленности переносится из области душевной в область физическую – и наоборот: в одном случае представлен сигнификат эмоции, в другом – сигнификат телесного состояния. Регулярное обозначение эмоций через физиологические состояния, продуктивное и в современном языке, рассматривается как «телесная метафора состояний души» [Апресян, Апресян, 1993, с. 31]. Однако анализ внутренней формы слова показывает, что во всех случаях в основе номинации находится признак некоего соматического ощущения, отрицательного или положительного. Например, ближайшей родственной формой к общеславянскому **vesel-* является латыш. *vesels* ‘здоровый, целый, невредимый’ [Фасмер, 1986, с. 303]; ср. *скърбьнь* ‘болен’. Дальнейшая этимология позволяет соотнести на основе и.-е. корня **ues-* русские слова *весёлый* и *весна*. Таким образом, *весёлый* с точки зрения внутренней формы слова – ‘наполненный жизненной силой’; аналогичный семантический признак присутствует, например, и в лексическом ряду *ярость – ярый – яровой*.

Следовательно, у перечисленных выше названий эмоций первоначальный признак номинации указывал на повышение жизненной силы либо на её недостаток, упадок. Этот признак использовался при характеристике различных состояний человека, причём эмоциональная сфера не была ещё выделена в древнейшее, праславянское время в самостоятельную понятийную область. Душевные и телесные ощущения воспринимались как неразрывно связанные и взаимообусловленные, соотносились с различными аспектами комплексного понятия «состояние человека». Отсюда следует, что наблюдаемая в древнерусском языке полисемия ‘печаль’ – ‘болезнь’ или ‘радость’ – ‘пляска’ (собственно, не полисемия, а синкретизм) организована посредством метонимии – выбором иного фокуса в рамках объёма понятия; данная метонимия связана с расширением исходного праславянского образа. При употреблении слова такой синкретизм реализовывался в виде символических значений *печаль* ‘физическое страдание как

знак душевного уныния’, *трудоу* ‘претерпевание физических тягот как знак душевного смирения’ (ср. значение церковного термина *трудоуник*), *веселье* ‘праздничная пляска (в особенности свадебная) как знак радости и счастья’. В последнем случае при разрушении синкретизма и символического значения в истории русского языка выделилось самостоятельное значение ‘свадьба’: *на брачных весельях руками плещущее...* Сл. и поуч. против языч., XVII в. [Словарь..., 1975, с. 112].

3. Древнерусская метонимия слова *городъ*

Другой пример невыявленной метонимии связан с историей слова *городъ*. В русской летописи под 1169 годом при описании битвы князя Михаила, сына Юрия Долгорукого, с половцами представлена следующая ситуация: *Переяславци же дерзи суще, поѣхаша напередъ с Михалкомъ. Берендѣеве же яша князя за поводъ и не даша имъ ѣхати, рекуще: не ѣздите вы напередъ, вы есте нашъ городъ, а мы поидемъ напередъ стрѣльци. И сняшася обои, и бы(сть) стѣча зла.* Лаврентьевская летопись, 121 [Полное собрание..., 1927, с. 360]. Исторический словарь, приводя аналогичный контекст по другому списку, толкует здесь значение слова *городъ* как ‘защита’, следуя, видимо, в этом толковании за пересказом С. М. Соловьева, ср.: «Переяславцы хотели было ехать наперёд с князем Михаилом, но берендеи опять схватили у Михаила коня за повод и сказали: “Вам не след ехать наперед, потому что вы наш город (защита), а мы, стрельцы, пойдём наперёд”» [Соловьев, 2015, с. 286]. Ср. толкование и цитату в словаре: «2. Укреплённое поселение, крепость. ... || Перен. Защита (1169): *Берендѣеве же яша под кн(я)земъ конь за поводъ, не дадуще ехати имъ рекуще: не ездите вы напередъ, вы есте нашъ городъ, ать мы поидемъ напередъ стрѣльци.* Переясл. лет., 79» [Словарь..., 1977, с. 90–91].

При подобном толковании мы с несомненностью должны видеть в приведённом примере метафору – перенос от конкретного значения ‘город’ к абстрактному значению ‘защита’. Однако само толкование представляется нам неудачным на фоне более широкого летописного контекста. Летопись указывает, что союзных берендеев было полторы тысячи против сотни княжеских переяславцев. Соответственно, первые могли служить защитой вторым, но не наоборот. Кроме того, берендеи, переходя в наступление против врага, предлагали князю с переяславской дружиной остаться в тылу, где не предполагалось участие в битве и не было возможности реализовать какие-либо функции защиты. Таким образом, следует признать толкование *городъ* ‘защита’, предложенное С. М. Соловьевым, неудачным, обусловленным метафорическим мышлением историка XIX века. Между тем от древнерусского семантического переноса следует ожидать метонимической связи, и восстановить её возможно при учёте всех аспектов, в том числе и культурных, символических, древнерусского концепта *городъ*.

Помочь в правильном толковании может другой, более ранний контекст из того же летописного рассказа: *Берендѣеве же яша за поводъ, рекуще: княже не ѣзди, тобѣ льпо ѣздити в велицѣ полку, еда совкупишися с братьею.* Лаврентьевская летопись, 120 об. [Полное собрание..., 1927, стб. 359]. Мы видим здесь конструкцию, аналогичную представленной выше: оказывается, берендеи дважды убеждали князя не участвовать в столкновении, и в первый раз указывали на необходимость соответствия высокому статусу: *льпо – пристойно только ездить в большом полку* в пересказе С. М. Соловьева. Таким образом, берендеи останавливали князя, потому что он был высшим руководителем военного похода, верховным представителем власти – что полностью соответствует символическому значению слова *городъ* ‘крепость – символ власти’. Приведённый выше пример можно перевести как *не надо ездить, потому что ты наша власть*. Это будет корректно, но неточно, потому речь в летописи идёт и о дружи-

не, понимаемой в совокупной целостности с князем как военная сила с определёнными функциями. Обратившись к древнерусскому понятию города, мы можем чётко сформулировать такие функции: летописный древнерусский город – это укрепленная территория, представляющая собой центр военных действий, опорную точку, базу поддержки в период проведения военной кампании. Таким образом, обращаясь к князю, берендеи высказывали пожелание, чтобы тот, реализуя походную власть, оставался в арьергарде и организовал тыл боевых действий: обеспечил военный лагерь, вероятно укрепленный, базу для возможного отступления и обороны. То есть княжеская дружина должна была стать походным городом, *оустроити городъ*, что соответствует употреблению этого слова в летописных текстах. Анализ древнерусской лексемы *городъ* показывает, что локальная закреплённость не была обязательным признаком древнерусского города, ср.: *Мъстиславъ же, Кыевьскый князь, видя се зло, не движесе съ мѣста никамо же; сталь бо бѣ на горѣ над рѣкою надъ Калкомъ, бѣ бо мѣсто то камянисто, и ту угоши городъ около себе въ колѣхъ, и бися с ними из города того по 3 дни*. Новгородская I летопись, 98 об. [Новгородская..., 1950, с. 63].

4. Выводы

Из приведённых рассуждений и примеров следует, что в исходном контексте *вы нашъ городъ* соответствует синкретичному употреблению древнерусского образного понятия: происходит контекстуальное расширение объёма понятия ('постоянное военное укрепление' → 'любой укрепленный военный лагерь'), то есть осуществляется метонимический перенос. Важно заметить, что рассмотренный фрагмент достаточно устойчиво воспроизводится в различных летописных списках. Это может свидетельствовать о том, что конструкция *вы нашъ городъ* воспринималась как достаточно типическая (свойство метонимии), но не уникальная, исключительная (свойство метафоры). Ср., помимо приведённых выше Лаврентьевской и Переяславской летописей, пример из Воскресенской летописи: *Берендѣи же удръжаша князя, емше подъ нимъ конь его, рекуще: не ходите вы, княже, напередъ, вы есте нашъ городъ, а мы идемъ напередъ со стрѣльци*. Воскресенская летопись, 1170 г. [Полное собрание..., 1856, с. 86].

Проведённые этимологический анализ (древнерусских названий эмоций) и анализ древнерусского текста показывают, что метонимия в древнем языке оказывается более распространённым явлением, чем метафора. Метонимический тип семантического переноса соответствовал особенностям древнего мифологического и символического мышления, которое оперировало связями внутри неопределённо широких объёмов формируемых понятий. В лексико-семантической системе метонимия способствовала реализации семантического синкретизма и символических значений слова.

Список литературы

- Апресян, Апресян, 1993 – Апресян, В. Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций [Текст] / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 27–35.
- Баранов, 2014 – Баранов, А. Н. Дескрипторная теория метафоры [Текст] / А. Н. Баранов. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 630 с.
- Баранов, 2003 – Баранов, А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей [Текст] / А. Н. Баранов // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 73–94.
- Елоева, Перехвальская, 2004 – Елоева, Ф. А. «Преметафорическая» стадия развития языка [Текст] / Ф. А. Елоева, Е. В. Перехвальская // Теоретические проблемы языкознания. Сб. статей к 140-летию каф. общего языкознания фил. ф-та СПбГУ. – СПб.: Филол. фак. С.-Петербург. гос. ун-та, 2004. – С. 76–98.

- Зализняк, 2013 – Зализняк, А. А. Русская семантика в типологической перспективе [Текст] / А. А. Зализняк. – М. : Языки славянских культур, 2013. – 635 с.
- Колесов, 1995 – Колесов, В. В. Метафора в «Слове» [Текст] / В. В. Колесов // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 тт. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1995. – Т. 3: К–О. – С. 238–245.
- Конецкая, 1998 – Конецкая, В. П. Аксиомы, закономерности и гипотезы в лексикологии [Текст] / В. П. Конецкая // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2. – С. 22–37.
- Новгородская..., 1950 – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов [Текст] / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – 642 с.
- Падучев, 2004 – Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики [Текст] / Е. В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
- Полное собрание..., 1927 – Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку [Текст]. – Л. : Изд-во АН СССР, 1927. – 488 стб.
- Полное собрание..., 1856 – Полное собрание русских летописей. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку [Текст]. – СПб. : Тип. Э. Праца, 1856. – 346 с.
- Серль, 1990 – Серль, Дж. Р. Метафора [Текст] / Дж. Р. Серль // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 307–341.
- Словарь..., 1975 – Словарь русского языка XI–XVII вв. [Текст]. – М. : Наука, 1975. – Вып. 2. – 320 с.
- Словарь..., 1977 – Словарь русского языка XI–XVII вв. [Текст]. – М. : Наука, 1977. – Вып. 4. – 404 с.
- Соловьев, 2015 – Соловьев, С. М. История России с древнейших времен [Текст] / С. М. Соловьев. – Т. 2. – СПб. : Амфора, 2015. – 477 с.
- Фасмер, 1986 – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Текст]: в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем и доп. О. Н. Трубачева. – М. : Прогресс, 1986. – Т. I. – 576 с.
- Шитиков, П. М. Концептуальная метафора в библейских текстах [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Шитиков Петр Михайлович ; Удмуртский гос. ун-т. – Ижевск : 2013. – 22 с.

References

- Apresyan, V. Yu., Apresyan, Yu. D. (1993). *Metafora v semanticheskom predstavlenii emotsiy* [Metaphor in semantic representation of emotions]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 3, 27–35.
- Baranov, A. N. (2014). *Deskriptornaya teoriya metafory* [Descriptor theory of metaphor]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press.
- Baranov, A. N. (2003). *O tipakh sochetaemosti metaforicheskikh modeley* [On the types of compatibility of metaphorical models]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 2, 73–94.
- Eloeva, F. A., Perekhval'skaya, E. V. (2004). «Premetaforicheskaya» stadiya razvitiya yazyka ["Primatologicheskyy" stage of language development]. *Teoreticheskie problemy yazykoznaniya. Sb. statey k 140-letiyu kaf. obshchego yazykoznaniya fil. f-ta SpbGU* [Theoretical problems of linguistics. A collection of articles to the 140th anniversary of the General linguistics Department of Phil. faculty St Petersburg State University] (pp. 76–98). Saint-Petersburg : St Petersburg State University.
- Zaliznyak, A. A. (2013). *Russkaya semantika v tipologicheskoy perspektive* [Russian semantics in typological perspective]. Moscow : Yazyki slavyanskikh kul'tur Press.
- Kolesov, V. V. (1995). *Metafora v «Slove»* [The Metaphor in the "Word"]. *Entsiklopediya «Slova o polku Igoreve»*: V 5 tt. T. 3: K–O [Encyclopedia "The Word about Igor's regiment": In 5 vols. Vol. 3: K–O] (pp. 238–245). Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin Press.
- Konetskaya, V. P. (1998). *Aksiomy, zakonomernosti i gipotezy v leksikologii* [Axioms, regularities and hypotheses in lexicology]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 2, 22–37.

- Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshogo izvodov. (1950). [The first Novgorod chronicle senior and junior nagged]. Moscow–Leningrad : USSR Academy of Sciences Press.
- Paducheva, E. V. (2004). *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of vocabulary]. Moscow : Yazyki slavyanskikh kul'tur Press.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey. Lavrent'evskaya letopis'. Suzdal'skaya letopis' po Lavrent'evskomu spisku. (1927). [Full collection of Russian Chronicles. Laurentian chronicle. The Suzdal chronicle of the Laurentian Codex]. Leningrad : USSR Academy of Sciences Press.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey. Letopis' po Voskresenskomu spisku. (1856). [Full collection of Russian Chronicles. Chronicle of the Sunday list]. Saint-Petersburg : Tip. E. Pratsa Press.
- Searle, J. R. (1990). Metafora [Metaphor]. *Teoriya metafory* [Theory of metaphor] (pp. 307–341). Moscow : Progress Press.
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 2. (1975). [Dictionary of Russian XI–XVII centuries. Issue 2]. Moscow : Nauka Press.
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 4. (1977). [Dictionary of Russian XI–XVII centuries. Issue 4]. Moscow : Nauka Press.
- Solov'ev, S. M. (2015) *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [History of Russia since ancient times]. Vol. 2. Saint-Petersburg : Amfora Press.
- Fasmer, M. (1986). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. 1. Moscow : Nauka Press.
- Shitikov, P. M. (2013). *Kontseptual'naya metafora v bibleyskikh tekstakh* [Conceptual metaphor in biblical texts]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Izhevsk : Udmurt State University.

УДК 811.512.153

UDC 811.512.153

Бурнакова Клара Николаевна
Институт иностранных языков
Московский городской педагогический университет
г. Москва, Российская Федерация
Klara N. Burnakova
Institute of Foreign Languages
Moscow City Pedagogical University
Moscow, Russian Federation
klara_burnakova@mail.ru

Боргоякова Татьяна Николаевна
Федеральный институт развития образования
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
г. Москва, Российская Федерация
Tatyana N. Borgoyakova
Federal Institute of Education Development
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Moscow, Russian Federation
borgtatyana@rambler.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ ГЛАГОЛОВ
В ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТАХ¹
THE INTERACTION OF VERBAL TENSE FORMS
IN FOLKLORE TEXTS

Аннотация

Данная статья посвящена изучению взаимодействия форм прошедшего времени глаголов на примере хакасских фольклорных текстов. В научной литературе формы прошедшего времени современного хакасского языка освещены достаточно хорошо, однако их функционально-семантические характеристики описаны на уровне предложения и специально не рассматривались на уровне связного текста. Народные сказки являются оригинальными текстами и уникальными образцами связного текста. Анализ этих текстов показал, что из общего количества форм прошедшего времени текстообразующими свойствами обладают четыре формы: *-ган*, *-ды*, *-тыр* и *-чых*. В статье раскрываются их функциональные характеристики и специфика взаимодействия на уровне текста. Первые три формы указывают на соответственно повествовательность, результативность и неочевидность, в то время как последняя – употребляется в текстах малого объёма и участвует в создании контраста уверенного утверждения и неочевидности.

Abstract

This article focuses upon the interaction of verbal past tense forms in the Khakass folklore texts. The past tense forms of the modern Khakass language are investigated quite well in the scientific literature, but their functional and semantic characteristics are described only at the sentence level and were not specifically studied at the level of a connected text. Folk tales are original texts and unique examples of a coherent text. The analysis of the texts showed that out of the total number of past tense forms, 4 forms have text-forming properties: *-gan*, *-dy*, *-tyr* and *-chyh*. The article reveals their functional features and specific interaction patterns at the text level. The first 3 indicate narrative, result and vagueness correspondingly, whereas the last one is used in small texts and participates in creating the contrast of assurance and vagueness in the statement.

¹ Работа выполнена по проекту No11.12. в рамках государственного задания РАНХиГС при Президенте РФ.

Ключевые слова: тюркология, временные формы глаголов, прошедшее время, функционально-семантический анализ, сказка.

Keywords: Turkology, verbal tense forms, Past Tense, functional-semantic analysis, fairy tale.

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_2_26_32

1. Введение

Опыт проведения лингвистического анализа хакасских фольклорных материалов невелик. Среди исследователей фольклорных текстов можно назвать О. В. Субракову, осуществившую лингвистический анализ языка хакасского героического эпоса [Субракова, 2007]. В рамках данной статьи рассматриваются хакасские народные сказки и грамматические средства, выполняющие текстообразующую функцию. К подобным грамматическим средствам относятся прежде всего временные формы глагола. Им принадлежит чрезвычайно важная роль в организации фольклорного текста. В статье рассматриваются не все временные формы, а лишь те из них, взаимодействием которых создаётся связный текст в процессе повествования сказки. В таком аспекте сказки представляют собой важный источник научного исследования языковых единиц. В хакасских народных сказках используются разные лингвистические средства для выражения времени действия, которые можно разделить на три основные группы: лексические, грамматические и стилистические. Категория времени имеет связь с внеязыковой действительностью, поскольку в языковом плане все явления и события могут относиться лишь к одной из трёх временных плоскостей – к настоящему, прошедшему или будущему, и выражает отношение между временем совершения действия и моментом речи.

В современном хакасском языке категория глагольного времени представлена довольно сложной системой, состоящей из простых и сложных по своей структуре форм. Общеизвестно, что наибольшее число имеют формы прошедшего времени (7 форм), несколько меньше (6 форм) приходится на долю настоящего времени, и одним аффиксом представлено будущее время [Дыренкова, 1948 ; Грамматика..., 1975 ; Боргоякова, 2002 ; Карпов, 2007]. Анализ функционально-семантических особенностей простых форм показал, что они прошли сложный процесс развития на пути к становлению всей временной системы хакасского языка. Большинству из этих форм присуща определённая дополнительная модальность, аспектуальность, эвиденциальность, которые в сочетании с временным значением образуют сложные семантические комплексы, нередко поддающиеся объяснению лишь на уровне лингвистики текста. В этом смысле оригинальные образцы устного народного творчества являются той естественной средой, в которой наиболее полно раскрываются функционально-семантические особенности каждой формы и всей временной системы хакасского языка в целом.

В рамках данной статьи рассматриваются взаимодействия тех временных форм, роль которых конструктивна и является основой для общей организации текста сказки. К анализу были привлечены такие формы как: прошедшее неопределённое время на *-ган*; формы прошедшего времени на *-тыр*, *-ды* и *-чых* в сравнительно-сопоставительном плане.

2. Формы прошедшего времени

2.1. Форма прошедшего неопределённого времени на *-ган*

Форма прошедшего неопределённого времени имеет шесть аффиксов с сингармоническими фонетическими вариантами: *-ган* / *-ген* / *-хан* / *-кен* / *-ан* / *-ен* [Дыренкова, 1948, с. 92 ; Грамматика..., 1975, с. 210].

Выбор указанной формы на *-ган* обусловлен тем, что благодаря её широкой употребительности и взаимодействию с другими специфическими временными формами становится возможным создание главного «каркаса» фольклорного текста.

Прошедшее неопределённое время на *-ган* для хакасской народной сказки является временем традиционно используемым в повествовании, отсылающим слушателя или читателя к событиям давно минувших дней. Указанная форма прошедшего времени имеется во многих языках тюркской языковой семьи. Спецификой же хакасской формы на *-ган* выступает довольно чёткая оппозиция, сложившаяся между ней и другими формами прошедшего времени, что очень ярко прослеживается на примерах устного народного творчества, какими являются народные сказки. Эта глагольная форма прошедшего времени служит для описания событий прошлого как в сказках, так и в других литературных произведениях современного хакасского языка. Данная форма на *-ган* является доминирующей среди остальных форм прошедшего времени, основным значением которой выступает констатация «факта совершения действия в прошлом, результат или следствие которого может сохраняться и в настоящем» [Баскаков, Инкижекова-Грекул, 1953, с. 457; Грамматика..., 1975, с. 211]. В отличие от других форм прошедшего времени глагола она не имеет никаких дополнительных оттенков значения, семантически нейтральна и потому не маркирована с точки зрения аспектуальности, акциональности, модальности, что позволяет ей быть основным средством выражения событий в плане абсолютного прошлого, а также играть роль связки, объединяющей в единое временное пространство всё многообразие лексико-грамматических средств как в текстах сказок, так и в разнообразных по своему жанру современных литературных произведениях.

Форма на *-ган* возникает непосредственно после вводной части – зачина. Это подтверждено на материале 53% проанализированных сказок, например:

(1) *Ўр дее сагынмин, чииттер тайгазар чөрібіскеннер.* – ‘Недолго думая, молодые ушли в тайгу’ [ХЧН, 1986, с. 42].

Этим предложением передаётся первая конкретная информация о главном герое сказки, которая следует непосредственно после зачина, содержащая самую общую информацию о данном персонаже. Форма на *-ган*, имея значение прошедшего абсолютного времени, на протяжении всей сказки, начиная от зачина до концовки, форма на *-ган* подчёркивает отнесённость к прошлому представленных в сказке действий, состояний и всевозможных ситуаций. Вследствие того, что форма на *-ган* является семантически немаркированной, она не имеет ограничений в лексической сочетаемости и во взаимодействии с другими видовременными, а также модально-временными формами. Подобное положение открывает ей широкие функциональные возможности и ставит её на порядок выше других временных форм, так как она выполняет ключевую роль в механизме текстообразования в хакасских сказках. Из этого следует, что форму на *-ган* можно считать своеобразной скрепой, обеспечивающей структурную и смысловую связанность разных фрагментов текста, объединяя их в единое временное пространство.

2.2. Форма прошедшего времени на *-тыр*

Эта форма имеет следующие аффиксы с сингармоническими фонетическими вариантами: *-тыр / -тір, -нтыр / -нтір*. Она широко употребительна, указывает на отсутствие прямой связи между описываемым событием и сказителем, что подтверждается статистическими данными. В 80% проанализированных сказок зачин имеет эту форму при конечном сказуемом. В хакасском языке эту форму принято называть прошедшим «заглазным» временем на *-тыр* [Грамматика..., 1975, с. 218].

Данный специфический показатель прошедшего времени встречается также в тувинском языке это «прошедшее повествовательное время на *-нтыр*» со значением «мо-

мента неожиданности действия и напряженности речи» [Исхаков, Пальмбах, 1961, с. 374]. По утверждению авторов грамматики тувинского языка форма *-тыр / -нтыр* широко используется в сказках – в зачине, во всем ходе изложения и в концовке – в качестве глагольной формы прошедшего повествовательного времени для передачи событий и происшествий, которые часто сменяют друг друга [Исхаков, Пальмбах, 1961, с. 374].

В хакасском же языке аналогичная форма, несмотря на некоторые совпадения в сфере функционирования, имеет свои особенности и весьма ограниченное употребление, её функции не связаны с повествованием всего текста сказки. По-видимому, сказители хакасского языка используют формы прошедшего времени на *-тыр / -нтыр* в качестве наиболее удобного и выразительного средства для погружения слушателя в пространственно-временные рамки повествования фольклорного текста. При этом конечные сказуемые, относящиеся к зачину, чаще всего стоят в форме глагольного времени на *-тыр / -нтыр*, а также сказуемое последнего предложения также будет иметь данную форму. В дальнейшем эта форма может быть использована только в развязке или в тех фрагментах текста, которые ведут к заключительному финалу.

Для наглядности приведём несколько примеров употребления данной временной формы.

(2) *Хачан-да Хара Ёус хазында Харай теен кизи чурта=нтыр* [ХП, 1979, с. 51] – ‘Когда-то на берегу реки Хара Уус жил(=видимо) человек по имени Харай’.

(3) *Ол арада Аязың-Хоо тiп хыс полтыр* [ХЧН, 1986, с. 7] – ‘Там девушка по имени Аязын-Хоо жила(=видимо)’.

(4) *Аның соонаң чиит ирепчи, нiр дее нимедең хорыхтин, чырган-мөттеп чуртабыс=тыр=лар* [ХП, 1979, с. 55] – ‘После этого молодожёны, ничего не боясь, зажили счастливо’.

Все эти предложения представляют собой три разных фрагмента сказки: первый фрагмент является первым предложением зачина сказки; второй – первым предложением новой сюжетной линии в повествовании сказки; третий – последним предложением, завершающим сказку. Как правило, в каждой сказке существуют такие фрагменты текста, которые становятся наиболее значимыми благодаря этой временной форме. Их можно представить в виде схемы: Зачин – Новый сюжет – Концовка сказки. Таким образом, в сказке форма заглазного времени на *-тыр / -нтыр* является своеобразным маркером новой значимой информации.

2.3. Форма прошедшего времени на *-ды*

Эта форма имеет следующие аффиксы с сингармоническими фонетическими вариантами: *-ты / -ти*, *-ды / -ди*. Она функционирует практически во всех современных тюркских языках и относится к одной из наиболее полно описанных временных форм. В хакасских сказках употребление формы на *-ды* бывает связано с необходимостью выразить особую экспрессивность, подчеркивающую достоверность или очевидное действие, например:

(5) *Харол най хада чиде тiс=ти. Арагаларын тудына кiр кил=ген=нер* [ХП, 1979, с. 123] – ‘В это время (неожиданно / внезапно) явился вместе богач Харол. Держа в руках вино зашли=они’.

В первом предложении употреблена форма на *-ды*, выполняя роль маркера она указывает на смену эпизодов внутри одного сюжета. Следующее за ним предложение, как и другие, которые включены в повествование данной ситуации, будут представлены в форме на *-ган* или в любой другой временной форме в соответствии с дальнейшим развитием событий. Последующее появление предложений с временной формой на *-ды* возможно при завершении описания прошлого, выступая как маркер для завершения

представляемых явлений действительности, или при переходе к нарративу других событий. В этом случае она является своеобразным сигналом перехода к новым или просто к другим ситуациям, персонажам и прочее.

В современных тюркских языках значение формы на *-ды* определяется как «прошедшее достоверное, категорическое или очевидное, законченное, лишённое модальных и видовых оттенков» [Щербак, 1981, с. 81; Исхаков, Пальмбах, 1961, с. 365; Рассадин, 1978, с. 209], в хакасском языке это время определяется как недавнопрошедшее время [Карпов, 2007, с. 155]. Для хакасского языка особенно важным является замечание А. М. Щербака о законченности действия, выражаемое формой на *-ды*, при этом подчёркивается, что действие является внутренне исчерпанным и не служит фоном для другого действия, а также то, что «законченность и перфективность – это не одно и то же» [Щербак, 1981, с. 81]. В хакасском языке форма на *-ды* выражает наличие результата действия к моменту речи, например:

(6) *Пирсінде Пай апсах кизи улуг тагның алтында ойын-чарыс итчең чирге парды* [ХП, 1979, с. 70] – ‘Однажды старик Пай пошёл к месту проведения состязаний у подножия большой горы’.

При необходимости же выразить перфективность используются глагольные аналитические конструкции, представляющие собой сочетание слитного (на *-а*) или соединительного (на *-н*) деепричастия с одним из вспомогательных глаголов, используемых для выражения недлительности действия, например: *агылды* ‘принёс’ подчёркивается – факт совершения действия к моменту речи, наличие результата, но *-агыл салды* ‘принёс’ – завершённость действия к моменту речи. Хакасская форма на *-ды*, как и аналогичная форма в других тюркских языках, также выражает достоверность, или очевидное, законченное, лишённое модальных и видовых оттенков действие. Однако следует особо подчеркнуть, что она, в отличие от тувинского, алтайского и некоторых других тюркских языков, существенно ограничена функционально, то есть сфера её употребления сводится к выражению результативности к моменту речи. В объёмных повествовательных текстах хакасская форма на *-ды* может исполнять роль маркера, сигнализирующего о неожиданном появлении новых действующих лиц, об изменении пространственно-временного фона описываемого события и прочее. В фольклорных текстах её функции определяются именно этими семантическими особенностями. Как правило, она не обладает свойствами пересказывательного претерита, отмеченного для других тюркских языков.

2.4. Форма прошедшего времени на *-чых*

Эта форма имеет следующие аффиксы с сингармоническими фонетическими вариантами: *-чых/-чик*, *-чык/-чик*. Эта специфическая форма обладает значением «прошедшего времени с оттенком некоторой категоричности, результативности» [Грамматика..., 1975, с. 221].

В отличие от изложенных выше форм прошедшего времени на *-ган* и *-ды*, которые имеются во всех тюркских языках народов Южной Сибири, форма на *-чых* отмечена в хакасском (в качинском и кызыльском диалектах), в тувинском, а также в киргизском языках [Баскаков, Инкижекова-Грекул, 1953, с. 432; Исхаков, Пальмбах, 1961, с. 375–379]. Употребление формы на *-чых* ориентировано на то, чтобы в чётком и сжатом виде передать общий смысл сказки. С её помощью достигается, с одной стороны, отстранённость говорящего от излагаемых событий и опосредованность источника информации, а с другой стороны, точное отображение позиции говорящего к излагаемой им истории – уверенное утверждение. Такое сочетание смыслов делает речь экспрессивной, убедительной. Однако следует помнить, что временная форма на *-чых* используется главным образом для описания коротких сказок, где излагаются главные

факты как ряд взаимосвязанных событий и практически не даются детальные разъяснения и описания фонового характера. Создаётся эффект прямой речи, достигается динамичность повествования. В сказках такого типа обычно не наблюдается активное её взаимодействие с другими временными формами. Практически во всех языках, где встречается эта форма, отмечается её особая экспрессивность и ограниченная диалогической речью сфера употребления. На использование этой формы, не выходящей за рамки прямой речи, указывал и Д. М. Насилов [Насилов, 1966].

3. Заключение

Итак, каждая из представленных в статье временных форм функционирует в значении: прошедшего повествовательного – форма на *-ган*; прошедшего результативного – форма на *-ды*; прошедшего неочевидного – форма на *-тыр*, которая определяет свою роль в организации текста сказки в соответствии со своим базовым значением в хакасском языке. Употребление хакасской временной формы на *-чых*, для повествования небольших по объёму фольклорных текстов связано по всей видимости со стилистическим приёмом, создающим эффект устной монологической речи, где экспрессивность создаётся контрастом двух семантических составляющих, в частности уверенного утверждения с имплицитно выраженным значением неочевидности. Форма прошедшего времени на *-чых* – это специфическая форма, применяемая в повествовании фольклорного текста и используемая сказителями крайне редко в качестве стилистического приёма, вносящего в повествование оригинальную семантику уверенного утверждения и непричастности рассказчика к излагаемым событиям, т. е. сочетание утвердительной модальности с эвиденциальностью.

Список литературы

- Баскаков, Инкижекова-Грекул, 1953 – Баскаков, Н. А. Хакасский язык [Текст] / Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул // Хакасско-русский словарь. – М. : Госизд-во иностр. и нац. словарей, 1953. – 488 с.
- Боргоякова, 2002 – Боргоякова, Т. Н. Способы выражения временных отношений между двумя событиями [Текст] / Т. Н. Боргоякова. – М. : Изд-во РУДН, 2002. – 174 с.
- Грамматика..., 1975 – Грамматика хакасского языка [Текст] / под ред. Н. А. Баскакова. – М. : Наука, 1975. – 418 с.
- Дыренкова, 1948 – Дыренкова, Н. П. Грамматика хакасского языка. Фонетика и морфология [Текст] / Н. П. Дыренкова. – Абакан : Хакасское областное книжное изд-во, 1948. – 124 с.
- Исхаков, Пальмбах, 1961 – Исхаков, Ф. Г. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология [Текст] / Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. – М. : Изд-во вост. Лит., 1961. – 472 с.
- Карпов, 2007 – Карпов, В. Г. Хакасский язык: проблемы и перспективы развития : монографический сб. науч. статей [Текст] / В. Г. Карпов. – Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2007. – 260 с.
- Насилов, 1966 – Насилов, Д. М. Прошедшее время на *-juk/-juq* в древнеуйгурском языке и его рефлексы в современных языках [Текст] / Д. М. Насилов // Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А.Н. Кононова / отв. ред. С. Г. Кляшторный. – М. : Наука, ГРВЛ, 1966. – С. 92–104.
- Рассадин, 1978 – Рассадина, В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении [Текст] / В. И. Рассадина. – М. : Наука, 1978. – 286 с.
- Субракова, 2007 – Субракова, О. В. Язык хакасского героического эпоса [Текст] / О. В. Субракова. – Абакан : Хакасское книжное изд-во, 2007. – 182 с.
- ХП – Хара Паар : хакасские народные сказки и легенды на хакасском языке = Хара Паар : хакас чонының ныхахтары, кип-чоохтары [Текст] / [сост. и лит. обраб. П. А. Троякова]. – Абакан : Красноярское книжное изд-во, Хакасское отделение, 1979. – 127 с.

- ХЧН – Хакас чонныннн нымахтары = Хакасские народные сказки : на хакасском языке [Текст] / сост. В. И. Доможаков. – Абакан : Красноярское книжное изд-во, Хакасское отделение, 1986, – 144 с.
- Щербак, 1981 – Щербак, А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол [Текст] / А. М. Щербак. – Л. : Наука, 1981. – 183 с.

References

- Baskakov, N. A., Inkizhekova-Grekul, A. I. (1953). *Khakasskiy yazyk* [The Khakas language]. *Khakassko-russkiy slovar'* [Khakass-Russian Dictionary]. Moscow : Inostrannye i natsionalnye slovari Press.
- Borgoyakova, T. N. (2002). *Sposoby vyrazheniya vremennykh otnosheniy mezhdu dvumya sobyitiyami* [The patterns of expressing temporal relations between two events]. Moscow : RUDN Press.
- Baskakov, N. A. (Ed.). (1975). *Grammatika khakasskogo yazyka* [Khakass grammar]. Moscow : Nauka Press.
- Dyrenkova, N. P. (1948). *Grammatika khakasskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Khakass grammar. Phonetics and morphology]. Abakan : Khakassia Regional Press.
- Iskhakov, F. G., Palmbakh, A. A. (1961). *Grammatika tuvinskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Tuvinian grammar. Phonetics and morphology]. Moscow : Vostochnaya literatura Press.
- Karpov, V. G. (2007). *Khakasskiy yazyk: problemy i perspektivy razvitiya* [The Khakass language: Challenges and perspectives]. Abakan : Katanov State University of Khakassia Press.
- Nasilov, D. M. (1966). Proshedshee vremya na -juk/-juq v drevneuuygurskom yazyke i ego refleksy v sovremennykh yazykakh [Past tense with -juk/-juq suffix in ancient Uyghur language and its reflexes in modern languages]. In S. G. Klyashtorny (Ed.), *Tyurkologicheskiy sbornik. K shestidesyatiletiiu A. N. Kononova* [Turkic studies. A commemorative volume to the 60th anniversary of A. N. Kononov] (pp. 92–104). Moscow : Nauka, GRVL Press.
- Rassadin, V. I. (1978). Morfologiya tofalarskogo yazyka v sravnitel'nom osveshchenii [The Tofalar morphology in comparative aspect]. Moscow : Nauka Press.
- Subrakova, O. V. (2007). *Yazyk khakasskogo geroicheskogo eposa* [The language of the Khakass heroic epos]. Abakan : Khakassia Press.
- Troyakov, P. A. (Ed.). (1979). *Khara Paar : khakas chonnynyn nymakhtary, kip-chookhtary* [Fairy tales and legends of Khakassia] (In Khakass). Abakan : Krasnoyarsk Press, Khakass Department. (KhP).
- Domozhakov, V. I. (Ed.). (1986) *Khakas chonnynyn nymakhtary* [Fairy tales of Khakassia] (In Khakass). Abakan : Krasnoyarsk Press, Khakass Department. (KhChN).
- Shcherbak, A. M. (1981). *Ocherki po sravnitel'noy morfologii tyurkskikh yazykov. Glagol* [Essays on comparative morphology of the Turkic languages. Verb]. Leningrad : Nauka Press.

УДК 81-11

UDC 81-11

Герасимова Светлана Анатольевна
Московский городской педагогический университет
г. Москва, Российская Федерация
Svetlana A. Gerasimova
Moscow City University
Moscow, Russian Federation
gerasvetlana@yandex.ru

**ВКЛАД В ОРИЕНТИРУЮЩЕЕ ЗНАНИЕ И ИДЕЯ ИНФОРМАЦИОННОГО
ПРОРЫВА: ЭНЦИКЛОПЕДИЯ XVIII ВЕКА**
**THE CONTRIBUTION TO ORIENTING KNOWLEDGE AND THE IDEA OF
THE INFORMATION BREAKTHROUGH:
THE XVIII CENTURY ENCYCLOPEDIA**

Аннотация

В статье анализируется крупнейшее справочное издание XVIII века – Французская Энциклопедия – как цельное произведение, воплотившее идею фундаментального издания. Приводятся аргументы в пользу того, что накопленные к тому времени знания сделали удобным её использование в качестве своеобразного «интеллектуального сейфа». Доказывается, что Энциклопедия стала научным манифестом, представленным в научно-популярной форме, прямо или имплицитно претендовавшим на исчерпывающую полноту знаний о достижениях того времени в различных научных сферах. В проблематике исследования информационного прорыва ставится вопрос о новаторском кумулятивном подходе к истории науки в издании подобного рода. Подчёркивается, что Энциклопедия была написана эрудированным коллективом авторов-единомышленников, воодушевлённых общей идеей информационного прорыва. Ключевая идея состоит в том, что Энциклопедия как фундаментальное издание представила целостное осмысление совокупности человеческих знаний и сделало доступной научную картину мира для общества того времени.

Abstract

The article analyzes the largest reference publication of the XVIII century – the French Encyclopedia – as an integral work, that embodied the idea of a fundamental publication. Arguments are given in favor of the viewpoint that the knowledge accumulated by that time made it convenient to use the Encyclopedia as a kind of an "intellectual safe." It is proved that the Encyclopedia has become a scientific manifesto, presented in a popular scientific form, directly or implicitly applying for an exhaustive knowledge of the achievements of that time in various scientific fields. The study of the information breakthrough raises the question of an innovative cumulative approach to the history of science in a publication of this kind. The encyclopedia was written by an erudite collective of like-minded authors, encouraged by the general idea of the information breakthrough. The key idea is that the Encyclopedia as a fundamental publication presented a holistic understanding of the body of human knowledge and made scientific picture of the world available to the society of that time.

Ключевые слова: научная картина мира, ориентирующее знание, авторы-единомышленники, информационный прорыв, энциклопедизм, Французская Энциклопедия.

Keywords: scientific picture of the world, orienting knowledge, like-minded authors, information breakthrough, encyclopedia, French Encyclopedia.

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_2_33_42

1. Введение

Накопление знаний всегда идёт на протяжении всего пути развития социума и научной мысли. Убеждение в безграничных возможностях разума (человеческого и / или божественного) и универсальности метода познания окружающей действительности порождало желание человека обладать исчерпывающими сведениями в различных сферах бытия и науки в эпоху Средневековья. Среди мыслителей и учёных Нового времени (XVII в.) активно распространилась идея о написании такого издания, которое могло вместить в себя все накопленные фундаментальные знания. Предложение об издании энциклопедии при государственной поддержке было направлено в 1680 г. французскому королю Людовику XIV немецким философом Г. В. Лейбницем (Gottfried Wilhelm von Leibniz, 1646–1716). По мнению великого учёного, такой «интеллектуальный сейф» позволил бы сделать удобным его использование для всех желающих познать новое и неизведанное [Артемьева, 2005]. Но предложение осталось без ответа и не получило поддержку власти.

Эта идея была реально осуществлена во Франции только в XVIII в. благодаря изданию «Энциклопедии или Толкового словаря наук, искусств и ремёсел» (*Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*, далее – Энциклопедия) (1751–1780) Дени Дидро и Жана-Лерона Д’Аламбера, которая внесла свой вклад в структурирование накопленного научного наследия. Думается, что именно новая парадигма знания как совокупность мнений и установок, присущих определённым сообществам учёных в определённый период времени, способствовала появлению этого научного труда [Парадигмы..., 2008].

Основываясь на критериях истины и смысловой значимости, создатели и авторы Энциклопедии вводили дискурсивные практики, призванные воспитывать личность читателя на основе новых норм и ценностей. Энциклопедия представляет собой жанр научно-популярного дискурса как одного из новых видов такой практики, особенность которого выражалась в прагматическом доминировании, а основными экстралингвистическими признаками стали точность, объективность и доступность изложения материала для потенциального, неподготовленного читателя.

Французская Энциклопедия включала в себя 35 томов, насчитывала 71818 статей и 3129 иллюстраций. От известных предыдущих словарей и энциклопедий издание отличалось тем, что коллектив авторов состоял из специалистов, располагавших познаниями в различных областях науки и производства: истории, теологии, философии, литературе, физике, математике, химии, разнообразных видах искусства – музыке, живописи, театре, архитектуре, ручных и механических ремеслах. Успех справочного издания объяснялся именно фактом объединения таких специалистов-знатоков, что породило феномен энциклопедизма [Даниленко, 2015]. В этой связи подчёркивается необходимость рассмотреть вопрос отличия терминов *энциклопедия*, *энциклопедичность* и *энциклопедизм*.

Термин *энциклопедия* (древнегреч. *enkyklopaideia*, лат. *encyclopaedia* – образование полного круга), по замечанию французской исследовательницы Б. Жуаналь (Juanals Brigitte), изначально восходит к выражению *enkyklios paideia*, что означало познание, необходимое для обучения говорящего основам общей культуры. По ошибке переписчика оно трансформировалось в слитное сложное слово *encyclopaedia* [Juanals, 2002]. В XVI–XVII веках термин появился в западной науке, обозначив убеждённость учёных в необходимости создания полного свода человеческих знаний, их неоспоримость и влияние на читающую публику [Луков, Луков, 2013]. Во французский язык слово *энциклопедия* пришло как заимствование благодаря Ф. Рабле в 1508 г. [ДН, 2006, р. 1236].

В отличие от энциклопедии, *энциклопедичность* обозначала метод построения последующих выводов при сравнении максимального количества материалов, имеющих в распоряжении одного исследователя. Проявление энциклопедичности как свойства одного человека отражало наличие огромного объёма знаний у многих великих мыслителей Средневековья и Нового времени (Леонардо да Винчи, Г. В. Лейбниц, Д. Дидро). Энциклопедичность как свойство одного интеллектуала отошла на второй план уже в середине XVIII в. [Луков, Луков, 2013].

Свойство группы учёных, составивших влиятельное социокультурное движение эпохи Просвещения и определяемых как энциклопедисты, называют *энциклопедизмом* [Артемьева, 2005]. Как просветительское движение энциклопедизм сыграл большую роль в истории и культуре Франции, трансформировав способ мировосприятия личности. Впервые человеческие знания были осмыслены как единая, гармоничная, но в то же время комплексная и структурированная система коллективом специалистов (дискурсивным научным экспертным сообществом) при написании Энциклопедии Д. Дидро и Ж.-Л. Д'Аламбера.

Дискурсивное научное экспертное сообщество является модифицирующим термином, связывающим организованную группу экспертов в научной сфере знания. Они осуществляли свои коммуникативные цели (передачу знаний, передачу ценностей, создание справочной и / или учебной продукции и т. д.) посредством определённого набора жанров. На основе знаний об особенностях жанровой организации информации и механизмов её обмена участники дискурсивного научного экспертного сообщества объединились для создания Французской Энциклопедии. Иллокутивной целью дискурса научного экспертного сообщества стало преодоление различий при согласовании несовпадающих точек зрения [Герасимова, 2018]. Имена Д. Дидро и Ж.-Л. Д'Аламбера стали знаковыми, вызывая «жанровое ожидание» читателя [Чернец и др., 2000, с. 189], когда за именем авторов последует энциклопедия.

2. Эксперимент: «Генеалогическое древо всех наук и искусств»

Первоначально знаменитая французская Энциклопедия должна была стать переводным изданием Циклопедии английского издателя и лексикографа Э. Чемберса (Ephraim Chambers, 1680–1740) – «Универсального словаря наук и искусств» («Cyclopaedia: or an Universal Dictionary of Arts and Sciences»). Автор английского справочного издания представлял знания о мире как строгую и непротиворечивую систему, поэтому его труд был очень популярен в первой половине XVIII века в Европе. Только во Франции Циклопедия переиздавалась восемь раз, что свидетельствует о стремлении общества к научному познанию. Но к середине XVIII в. информация во многих статьях Циклопедии уже не соответствовала новым знаниям эпохи, что подтолкнуло создателей будущего французского справочного издания не переводить английский словарь, а создать собственное «предприятие», основанное на другом видении мира [Акимова, 1963].

Эта идея Д. Дидро, планировавшегося как переводчика Циклопедии, и его единомышленника Ж.-Л. Д'Аламбера была поддержана французскими издателями А. Ф. Ле Бретоном (André François Le Breton, 1708–1779), А. К. Бриассоном (Antoine Claude Briasson, 1700–1775), М. А. Давидом-старшим (Michel Antoine David ou David l'aîné, 1707–1770) и Л. Дюраном (Laurent Durand, 1712–1763). Можно утверждать, что авторитетным издателям наряду с учёными-энциклопедистами принадлежала в эпоху Просвещения особая роль в культурном и филологическом просвещении общества, в развитии читательских вкусов, распространении французского языка при книгопечатании. Имея высокий общекультурный уровень, издатели-книготорговцы обладали ком-

муникативным лидерством и энциклопедической доминацией. Они взяли на себя труд по изданию и продаже трудов ярчайших представителей философской и филологической мысли той эпохи [Викулова, 2013].

Заметим, что энциклопедизм созданного Д. Дидро и Ж.-Л. Д'Аламбером справочного издания отличается от подобного свойства современных универсальных энциклопедий и заключается в следующем. Во-первых, на протяжении издания Энциклопедии Д. Дидро, имея статус ответственного редактора, вёл отбор статей, отталкиваясь от определённой идейной платформы. Во-вторых, практически все важные статьи были написаны авторами-единомышленниками, близкими Д. Дидро по убеждениям. В-третьих, по содержанию словарные статьи были направлены на разъяснение и распространение идеологии Просвещения. Основываясь на изложенных принципах, Энциклопедия как научное издание выступила идейным манифестом в словарной форме, что ярко отразило тезаурусный принцип построения подобного типа изданий.

По мнению Т. В. Артемьевой, общий принцип составления «генеалогического древа всех наук и всех искусств», ставший основным в Энциклопедии и сформулированный Д. Дидро во «Вступительной речи» к первому тому, сделал её особо привлекательной для прогнозируемого читателя [Артемьева, 2005]. Согласимся с уважаемым учёным в том, что решение воспользоваться собственными знаниями и знаниями других выдающихся людей своего времени и создать труд (*OUVRAGE*), в котором бы заключались все книги, представить картину человеческого ума (*des connoissances humaines*) за все предыдущие века и во всех отраслях знания, начиная с самых отдалённых времён и заканчивая настоящим временем, выглядело достаточно амбициозно. Об этом свидетельствует точка зрения авторов, изложенная во Вступительной речи к Энциклопедии: *L'OUVRAGE<...> a deux objets: comme Encyclopédie, il doit exposer autant qu'il est possible, l'ordre & l'enchaînement des connoissances humaines, comme Dictionnaire<...> il doit contenir sur chaque Science & sur chaque Art, les principes généraux qui en sont la base, & les détails les plus essentiels, qui en font le corps & la substance* [D' Alembert, 1751] – 'Произведение выступает в двух ипостасях: как Энциклопедия оно должно упорядочить, насколько возможно, взаимосвязь человеческих знаний; как Словарь оно должно содержать информацию о каждой Науке, каждом виде Искусства, общих принципах, лежащих в их основе, и наиболее существенных деталях, составляющих их сущность' (здесь и далее перевод наш. – С. А.).

Заметим однако, что реальным и единоличным автором «Предварительной» или «Вступительной речи» к первому тому Энциклопедии, авторами которой были заявлены Д. Дидро и Ж.-Л. Д'Аламбер, можно, по всей видимости, считать Ж.-Л. Д'Аламбера, что неоднократно находит подтверждение в тексте Речи благодаря референциальному местоимению *je 'я' / nous 'мы'* и другим местоименным формам, отсылающим к 1-му лицу [D' Alembert, 1751]:

J'ai fait ou revû tous les articles de Mathématique & de Physique <...> Mais ce travail, tout considérable qu'il est, l'est beaucoup moins que celui de M. DIDEROT mon collègue – 'Я написал или просмотрел все статьи по математике и физике <...> Но эта работа, какой бы значительной она ни была, намного меньше проделанной моим коллегой, месье Дидро'.

В число создателей Энциклопедии входили величайшие философы и учёные-просветители того времени (П. Гольбах, Вольтер, Ж. Ф. Мармонтель, Ж. Ж. Руссо, А. Тюрго, Ш. Л. Монтескье, К. А. Гельвеций, Э. Б. Кондильяк, Г. Б. Мабли, М. Ж. А. Н. Кондорсе, Ж.-Л. Л. Бюффон и др.). Объективно создателями становились и простые рабочие, которые выполняли чертежи и гравюры для издания [Богуславский, 1994, с. 19]. Сам Д. Дидро написал для Энциклопедии около 6000 статей, Ж.-Л. Д'Аламбер – около 1600 статей. Подсчитано, что самый солидный авторский вклад при написании Энциклопедии с 1759

по 1765 г. внёс французский учёный Луи де Жокур (Louis de Jaucourt, 1704–1779) – 17266 статей (1/4 часть от общего количества всех статей Энциклопедии). Учёный писал примерно по восемь статей в день, затрагивая самые разные научные сферы: медицину, химию, ботанику, экономику, политику [Луков, Луков, 2013].

Все авторы (столичные академики, учёные и провинциальные исследователи) активно трудились в качестве редакторов Энциклопедии. Они были одновременно научными гарантами издания и теми, кому было дозволено говорить о современных достижениях в обществе, когда социальный статус делал легитимным дискурс, касающийся специализированных знаний [Mougeau, 1990]. Согласившись принять участие в предприятии по написанию большого справочного труда, авторский коллектив (около 160 человек) отстаивал «свободу мнений с позиций естественного природного закона и разума», отказавшись от цехового и «общинного корпоративизма и замкнутости, принятого в Средневековье» [Богуславский, 1994, с. 20].

Энциклопедисты преследовали две главные цели: «изменение способа мышления нации и изложение всех существующих научных достижений того времени» [Discours préliminaire, 1751]. Это даёт возможность говорить об Энциклопедии как цельном и законченном произведении, написанном глубоко эрудированным коллективом специалистов, свободных в своих мнениях. Их работа над Энциклопедией рассматривается с позиций лингвокультурного контекста, в рамках которого формировался «интеллектуальный дискурс», повлиявший на развитие светской интеллектуальности в Европе в целом в период Просвещения [Радченко, Аликаева, 2011].

3. Результаты

Идея такого обширного предприятия была позаимствована энциклопедистами у крупнейшего английского философа Нового времени Ф. Бэкона (Francis Bacon, 1561–1626) – основателя опытной науки, разработавшего новый метод научного познания, который «набросал план всеобщего словаря наук и искусств в то время, когда, можно сказать, не было ни наук, ни искусств» [Богуславский, 1994, с. 45]. Д. Дидро так обозначил жанр задуманного им и его соратниками справочного издания:

Ce mot signifie enchaînement de connoissances <...> le but d'une Encyclopédie est de rassembler les connoissances éparses sur la surface de la terre; d'en exposer le système général aux hommes avec qui nous vivons, & de le transmettre aux hommes qui viendront après nous; afin que les travaux des siècles passés n'aient pas été des travaux inutiles pour les siècles qui succéderont; que nos neveux, devenant plus instruits, deviennent en même tems plus vertueux & plus heureux, & que nous ne mourions pas sans avoir bien mérité du genre humain [Encyclopédie, 1751–1772] – 'Это слово [Энциклопедия] обозначает «соединение наук» <...> цель любой энциклопедии – собрать знания, разбросанные по поверхности земного шара, представить общую систему знаний людям, живущим в наше время, и передать их тем, которые будут жить после нас, для того, чтобы наши потомки были не только образованнее, но и добродетельнее и счастливее нас, и чтобы мы не умерли, не заслужив признательности человечества'.

Энциклопедия была рассчитана на думающего и пытливого читателя, который менялся бы под влиянием расширения ассортимента печатной продукции и открытия читален. Научная литература этого времени вызывала все больший интерес в противовес литературе религиозного содержания. Наиболее образованная часть общества расширяла свои читательские возможности, осваивая новые виды чтения [Герасимова, 2018]. Культура чтения становилась одной из фундаментальных человеческих практик: формировались как читательские интересы, так и сам процесс чтения и усвоения через него новых знаний, в том числе научных.

Образная система человеческих знаний впервые в Энциклопедии была выстроена в виде диверсифицированной дисциплинарной структуры. Каждая наука (дисциплина) была представлена отдельными элементами, составлявшими её, далее определялся процесс их связывания вместе путём гипертекстовых ссылок. Думается, что именно в Энциклопедии авторы и создатели широко представили дисциплинарную специализацию и применили индуктивный метод анализа [Groult, Guilhaumou, 2006].

Обратимся непосредственно к анализу статей Энциклопедии, затрагивающих вопросы целостного осмысления совокупности человеческих знаний. В статье «Наука» (первое издание Энциклопедии, 14 том, автор – Луи де Жокур) изложен кумулятивный взгляд на историю науки в целом:

Il est certain que les sciences sont l'ouvrage des plus grands génies. C'est par elles que l'immensité de la nature nous est dévoilée; ce sont elles qui ont arraché notre ame des ténèbres pour faire voir [Encyclopédie, 1751–1772] – 'Несомненно, что науки – дело величайших умов. Именно через них нам открывается необъятность природы; именно они вырвали нашу душу из тьмы, чтобы заставить видеть'.

Автор подчёркивает, что новые знания накапливались поэтапно, но систематически, от древних греков и римлян до «прекрасных гениев» современности: «бессмертного Бэкона», «прославленного Декарта», Паскаля и Бойля – «отца экспериментальной физики». Процесс приращения новых научных знаний испытывает определённые трудности, из-за чего в нём возникают перерывы. Такие периоды необходимо использовать для того, чтобы привести в порядок сделанные открытия в разных областях наук, т. е. систематизировать их, что поможет объединить науки в единую картину мира [Encyclopédie, 1751–1772].

В качестве универсальной науки, синтезирующей все другие (частные) науки, по мнению Д. Дидро, предстаёт философия (метафизика): «*C'est la science des raisons des choses. Tout a sa métaphysique & sa pratique* – 'Это наука о причинах вещей. У всего есть своя метафизика и своя практика'», – писал Д. Дидро в десятом томе Энциклопедии.

В рассуждениях авторов Энциклопедии прослеживается высокий уровень их терминологической культуры. В разных томах первого издания Энциклопедии находим подробное разъяснение многих науковедческих терминов. Приведём несколько примеров.

1. *HOMME, c'est un être sentant, réfléchissant, pensant, qui paroît être à la tête de tous les autres animaux sur lesquels il domine, qui vit en société, qui a inventé des sciences & des arts, qui s'est fait des lois, &c.* [Encyclopédie, 1751–1772] – 'ЧЕЛОВЕК – это разумное, рефлексивное, мыслящее существо, которое стоит во главе всех других животных, над которыми он доминирует, это тот, кто живёт в обществе, кто изобрёл науки и искусство, кто создал законы для себя и т. д.' (автор определения – литератор и философ Ш. Ж. Ле Рой, том 8).

2. *METIER, on donne ce nom à toute profession qui exige l'emploi des bras, & qui se borne à un certain nombre d'opérations mécaniques, qui ont pour but un même ouvrage <...> On donne encore le nom de métier à la machine dont l'artisan se sert pour la fabrication de son ouvrage; c'est en ce sens qu'on dit le métier à bas, le métier à draps, le métier à tisserand* [Encyclopédie, 1751–1772] – 'ПРОФЕССИЯ, это название дано любому делу, которое требует использования ручного труда, а также означает ряд механических операций с целью выполнения одной и той же работы <...> Название профессии даёт станок, который мастер использует для своей работы; в этом смысле говорят о профессии мелкого ремесленника, профессии суконщика, профессии ткача' (автор определения – Д. Дидро, том 10).

3. *OBJET, signifie la matiere d'un art, d'une science, ou le sujet sur lequel on s'exerce. Dans l'école on distingue différens objets de la même science : savoir, l'objet*

matériel, l'objet formel. L'objet matériel, c'est la chose même que la science considère ou dont elle traite. Ainsi le corps humain est l'objet de la Médecine. L'objet formel, c'est la manière de considérer l'objet matériel. Ainsi le corps humain, considéré dans le dessein de le guérir, est l'objet formel de la Médecine [Encyclopédie, 1751–1772] – 'ОБЪЕКТ, означает предмет изучения искусства, науки или темы, над которой работают. В школе различают предметы одной науки: знание, материальный объект, формальный объект. Материальный объект – это то же, что и наука, или к чему она относится. Так, человеческое тело является объектом Медицины. Формальным объектом является способ рассмотрения материального объекта. Так человеческое тело, рассматриваемое в целях его исцеления, является формальным объектом Медицины' (автор определения – Л. де Жокур, том 11).

4. *SCIENCE, en terme de philosophie, signifie la connoissance claire & certaine de quelque chose, fondée ou sur des principes évidens par eux-mêmes, ou sur des démonstrations. Le mot science pris dans le sens qu'on vient de dire est opposé à doute; & l'opinion tient le milieu entre les deux* [Encyclopédie, 1751–1772] – 'НАУКА, с точки зрения философии, означает ясное и уверенное понимание чего-то, основанного на очевидных принципах самостоятельно или с помощью демонстрации опытов. Слово *наука*, взятое в этом смысле, противоречит сомнению, при этом мнение лежит между пониманием и сомнением' (автор определения – Л. де Жокур, том 14).

Материалы, отражённые в статьях Энциклопедии, заложили определённые основы некоторых наук. В качестве примера приведём обоснование нового идеала человека и общества во Французской Энциклопедии, которое легло в основу таких наук, как антропология и социология, сформировавшихся в самостоятельные сферы исследования на рубеже XIX–XX веков. Этим материалам отводилась заметная роль на страницах Энциклопедии. В 8-ом томе Д. Дидро поместил написанную им статью, посвящённую человеку, в которой человек выступает как самостоятельная ценность, он самодостаточен, имеет право на удовлетворение своих потребностей и личных интересов. В то же время, их удовлетворение и завоевание «прочного и надёжного счастья» возможно для человека только в обществе, в связи чем все люди должны трудиться ради общего блага:

il n'y a de véritables richesses que l'homme & la terre. L'homme ne vaut rien sans la terre, & la terre ne vaut rien sans l'homme. L'homme vaut par le nombre; plus une société est nombreuse, plus elle est puissante pendant la paix, plus elle est redoutable dans les tems de la guerre [Encyclopédie, 1751–1772] – 'Существует только два истинных богатства – человек и земля. Человек ничего не стоит без земли, а земля ничего не стоит без человека. Человек ценен своей численностью: чем более многочисленно общество, тем более оно сильно в мирное время и тем более грозно во время войны'.

Д. Дидро придерживается теории французских физиократов (Ф. Кенэ, В. Мирабо, А. Тюрго и др.), рассматривавших землю и её возделывание как источник богатства народов. В Энциклопедии впервые была популяризирована так называемая «политическая арифметика» как система арифметических подсчётов, применимых к политическим предметам и явлениям – общественным доходам, числу жителей, площади и стоимости земли, ремёслам, торговле, которая даст жизнь в XIX веке статистике и демографии [Приходько, 2016].

Юридическое равенство всех членов общества на основе природного равенства стало основной идеей статьи об обществе, автором которой в 15-ом томе Энциклопедии выступил Л. де Жокур. Все люди созданы природой и обладают от рождения одинаковыми органами и одними и теми же потребностями. Существование общественной иерархии объяснялось как не соответствующее природе человека, ликвидировать её было возможно только при условии распространения просвещения:

Le bien commun doit être la règle suprême de notre conduite, & nous ne devons jamais chercher notre avantage particulier; au préjudice de l'avantage public ; c'est ce qu'exige de nous l'union que Dieu a établie entre les hommes <...> L'égalité de nature entre les hommes, est un principe que nous ne devons jamais perdre de vue. Dans la société c'est un principe établi par la philosophie & par la religion [Encyclopédie, 1751–1772 ; Длугач, 2013] – 'Общее благо должно быть высшим правилом нашего поведения, мы никогда не должны стремиться к нашему особому преимуществу в ущерб общественным преимуществам; это то, чего требует от нас союз, который Бог установил между людьми. <...> Равенство природы между людьми есть принцип, который мы никогда не должны упускать из виду. В обществе это принцип установлен философией и религией'.

3. Заключение

Подводя итоги, заметим, что создание «Энциклопедии или Толкового словаря наук, искусств и ремёсел» стало актуальным для века Просвещения не только благодаря поставленной учёными задаче сбора и систематизации знаний. Важность её определяется ситуацией, когда на фоне многочисленных научных открытий, появления новых сфер исследования в XVI–XVII веках произошёл настоящий информационный прорыв. Масштаб коммуникаций во французском обществе, в Европе и в мире изменялся при помощи информационных потоков.

Перестройка научного знания и смена письменно-литературной культуры привели к созданию статей Энциклопедии как литературных жанров малой формы, трансформировавшихся в авторитетные тексты. Полагаем, что одна из основных целей энциклопедистов – ориентировать адресата в большой массе накопленных знаний – способствовала тому, что читатель искал на страницах справочного издания не просто информацию, но новую философию. Это повлияло на ход развития как самого общества, так и на существование человека. Возможности передачи увеличивавшихся объёмов информации с помощью таких новых в жанровом отношении произведений, как Энциклопедия Д. Дидро и Ж.-Л. Д'Аламбера оказали влияние на многие сферы жизнедеятельности, частично способствовали изменению культурных коммуникаций, идей, системы образования, задач воспитания, сказались на трансформации духовных и материальных ценностей, системы знаний об окружающем мире.

Список литературы

- Артемьева, 2005 – Артемьева, Т. Энциклопедизм как эпистемологический феномен: история идеи [Текст] / Т. Артемьева // Высшее образование в России. – 2005. – № 3. – С. 137–144.
- Акимова, 1963 – Акимова, А. А. Дидро [Текст] / А. А. Акимова. – М. : Молодая гвардия, 1963. – 480 с. (Жизнь замечательных людей. Серия биографий; Вып. 12 (368)).
- Богуславский, 1994 – Богуславский, В. М. Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера [Текст] / В. М. Богуславский. – М. : Наука, 1994. – 720 с. (Памятники философской мысли).
- Викулова, 2012 – Викулова, Л. Г. Издательский дискурс в системе общения «Автор – Издатель – Читатель» [Текст] / Л. Г. Викулова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 2s (18). – С. 63–69.
- Герасимова, 2019 – Герасимова, С. А. Популяризация нового научного знания: дискурсивное экспертное сообщество XVIII века [Текст] / С. А. Герасимова // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. : Лингвистика. – 2019. – Т. 16. – № 2. – С. 5–12. DOI: 10.14529/ling190201.
- Герасимова, 2018 – Герасимова, С. А. Роль французской энциклопедии XVIII века в становлении национального литературного языка [Текст] / С. А. Герасимова // Взаимодействие языков и культур: материалы Международной научной конференции, 28–30 мая 2018 г. / под. ред. О. А. Турбиной. – Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2018. – Т. 1. – С. 211–215.

- Даниленко, 2015 – Даниленко, В. П. Формирование культурологической терминологии в «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж. Даламбера [Текст] / В. П. Даниленко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2015. – № 2 (18). – С. 95–105.
- Длугач, 2013 – Длугач, Т. Б. 300-летие Дени Дидро [Текст] / Т. Б. Длугач // Пространство и Время. – 2013. – № 4 (14). – С. 21–25.
- Луков, Луков, 2013 – Луков, В. А. Новый энциклопедизм (тезаурусный анализ) [Текст] / Вал. А. Луков, Вл. А. Луков // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 1. – С. 79–85.
- Парадигмы..., 2008 – Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сб. науч. тр. [Текст] / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. Языкознания; отв. ред. Л. Г. Лузина. – М.: ИЯ РАН, 2008. – 184 с.
- Приходько, 2016 – Приходько, А. В. Антропологические и социологические знания в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера [Текст] / А. В. Приходько // Исторические аспекты взаимодействия прошлого и современности: сб. науч. тр. по материалам II Международной научно-практич. конф. 30 ноября 2016 г. – Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2016. – С. 9–15.
- Радченко, Аликаева, 2011 – Радченко, О. А. Й. Г. Гаман в лингвистическом дискурсе XVIII столетия [Текст] / О. А. Радченко, Л. С. Аликаева // Вопросы языкознания. – 2011. – № 1. – С. 82–101.
- Чернец и др., 2000 – Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины: учеб. пособие [Текст] / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, С. Н. Бройтман [и др.] / под ред. Л. В. Чернец. – М.: Высш. шк.; Издательский центр «Академия», 2000. – 556 с.
- D' Alembert, 1751 – D' Alembert, J. R. Discours préliminaire [Electronic resource] / J. R. D' Alembert // Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Texte établi par Diderot et d'Alembert. Tome 1. – Paris, 1751. – P. I–XIV. – URL: https://fr.wikisource.org/wiki/L'Encyclopedie/1re_édition/Discours_préliminaire (дата обращения: 10.01.2020).
- DH, 2006 – Dictionnaire historique de la langue française: en trois volumes [Text] / sous la direction d'Alain Rey. – Paris: le Robert, 2006. – 4304 p.
- Encyclopédie, 1751–1772 – Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers 1751–1772 [Electronic resource]. – URL: https://fr.wikisource.org/wiki/Encyclopédie,_ou_Dictionnaire_raisonné_des_sciences,_des_arts_et_des_métiers (дата обращения: 12.01.2020).
- Groult, Guilhaumou, 2006 – Groult, M. L'Encyclopédie ou la création des disciplines [Text] / M. Groult, J. Guilhaumou // Revue d'histoire des sciences. – 2006. – Т. 59. – № 2. – P. 352–355.
- Juanals, 2002 – Juanals, B. L'encyclopédie, des Lumières au numérique: migration d'une utopie [Text] / B. Juanals // Communication et langages. – 2002. – № 131. – P. 53–65. – doi: 10.3406/colan.2002.3125.
- Moureau, 1990 – Moureau, F. Le roman vrai de l'Encyclopédie [Text] / F. Moureau. – Paris: Gallimard, 1990. – 176 p.

References

- Artem'eva, T. (2005). Entsiklopedizm kak epistemologicheskiiy fenomen: istoriya idei [Encyclopedism as an epistemological phenomenon: The history of the idea]. *Vysshie obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 3, 137–144.
- Akimova, A. A. (1963). *Didro* [Diderot]. Moscow: Molodaya Gvardiya Press.
- Boguslavskij, V. M. (1994). Filosofiya v Entsiklopedii Didro i Dalambere [Philosophy in the Encyclopedia of Diderot and Dalamber]. Moscow: Nauka Press.
- Vikulova, L. G. (2012). Izdatel'skiy diskurs v sisteme obshcheniya «Avtor – Izdatel' – Chitatel'» [Publishing discourse in the communication system "Author – Publisher – Reader"]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University], 2s (18), 63–69.

- Gerasimova, S. A. (2019). Populyarizatsiya novogo nauchnogo znaniya: diskursivnoe ekspertnoe soobshchestvo XVIII veka [Popularization of new scientific knowledge: discourse expert community of XVIII century]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the South Ural State University. Linguistics.], 2, 5–12.
- Gerasimova, S. A. (2018). Rol' frantsuzskoy entsiklopedii XVIII veka v stanovlenii natsional'nogo literaturnogo yazyka [Role of the French Encyclopedia of the XVIII century in formation of the national literary language]. In O. A. Turbina (Ed.), *Vzaimodeystvie yazykov i kul'tur* [Interaction between languages and cultures] (pp. 211–215); South Ural State University. Chelyabinsk: YuUrGU Publ.
- Danilenko, V. P. (2015). Formirovanie kul'turologicheskoy terminologii v «Entsiklopedii» D. Didro i Zh. Dalamber [The formation of cultural terminology in D. Diderot's and J. Dalamber's "Encyclopedia"]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], 2 (18), 95–105.
- Dlugach, T. B. (2013). 300-letie Deni Didro [Denis Diderot's 300 anniversary]. *Prostranstvo i Vremya* [Space and Time], 4 (14), 21–25.
- Lukov, Val. A., Lukov, Vl. A. (2013). Novyy entsiklopedizm (tezaurnyy analiz) [New encyclopaedism (the thesaurus analysis)]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Ability], 1, 79–85.
- Luzina, L. G. (Ed.). (2008). Paradigmy nauchnogo znaniya v sovremennoy lingvistike [The Paradigm of Scientific Knowledge in Modern Linguistics]: Selected papers. Moscow: Institute of Linguistics Press.
- Prihod'ko, A. V. (2016). Antropologicheskie i sotsiologicheskie znaniya v «Entsiklopedii» Didro i Dalambere [Anthropological and sociological knowledge in Diderot's and Dalamber's "Encyclopedia"]. *Istoricheskie aspekty vzaimodejstviya proshlogo i sovremennosti* [Historical aspects of the interaction between the past and modernity] (pp. 9–15). Nizhniy Novgorod: «Otkrytoe znanie» Publ.
- Radchenko, O. A., Alikaeva, L. S. (2011). J. G. Hamann v lingvisticheskom diskurse v lingvisticheskom diskurse XVIII stoletiya [J. G. Hamann in the linguistic discourse of the XVIII century]. *Voprosy yazykoznavaniya* [Topics in the Study of Language], 1, 82–101.
- Chernets, L. V., Khalizev, V. E., Broymann, S. N. et al. (2000). *Vvedenie v literaturovedenie. Literaturnoe proizvedenie: Osnovnye ponyatiya i terminy* [Introduction to literary criticism. Literary work: Basic concepts and terms]: A coursebook. Moscow: Vysshaya shola Press; Akademiya Press.
- D' Alembert, J. R. (1751). Discours préliminaire. *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers* (pp. I–XIV.). Retrieved January 10, 2020 from <https://fr.wikisource.org/wiki/L'Encyclopédie/1re_édition/Discours_préliminaire>.
- DH – Dictionnaire historique de la langue française: en trois volumes (2006). Paris: le Robert.
- Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers 1751–1772. Retrieved January 12, 2020 from <https://fr.wikisource.org/wiki/Encyclopédie,_ou_Dictionnaire_raisonné_des_sciences,_des_arts_et_des_métiers, svobodnyj>.
- Groult, M., Guilhaumou, J. (2006). L'Encyclopédie ou la création des disciplines. *Revue d'histoire des sciences*, 59 (2), 352–355.
- Juanals, B. (2002). L'encyclopédie, des Lumières au numérique: migration d'une utopie. *Communication et langages*, 131, 53–65.
- Moureau, F. (1990). *Le roman vrai de l'Encyclopédie*. Paris: Gallimard.

УДК 811.161.1

UDC 811.161.1

Годизова Зара Иосифовна

Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова

г. Владикавказ, Российская Федерация

Zara I. Godizova

North Ossetian State University after K. L. Khetagurov

Vladikavkaz, Russian Federation

godizovazi@rambler.ru

**СРЕДСТВА И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СТАТАЛЬНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ
MEANS AND INSTRUMENTS OF EXPRESSING STATIVITY
IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE**

Аннотация

Статья посвящена выявлению и описанию средств и способов выражения семантики статальности в современном русском языке. В настоящее время статальность является гораздо менее исследованной по сравнению с другими аспектуальными значениями – остаётся много нерешённых проблем, связанных с этой функционально-семантической категорией. Слова с семантикой статальности – это часто синкретичные классы слов, до конца не отмежёванные от других частей речи на основании лексико-семантических и грамматических особенностей. В связи с этим возникает необходимость более чёткого определения их структурно-грамматических особенностей, позволяющих поместить их в особую категорию слов, объединённую семантикой статальности. В результате проведённого исследования определены структура поля статальности, его центр и периферия, выявлены морфологические и синтаксические средства выражения статальности. При анализе морфологических средств особое внимание уделено стативам и словам категории состояния как основным единицам с семантикой состояния. Из синтаксических средств выражения статальности более пристально рассматриваются безличные конструкции, которым отводится значительное место в поле статальности. Перспективу исследования семантической категории статальности составит её сопоставительное изучение как в синхронном, так и в диахроническом плане.

Abstract

The article aims to identify and describe the means and ways of expressing the semantics of stativity in the modern Russian. Currently, the static character is much less investigated in comparison with other aspectual meanings – there is a number of challenging issues associated with this functional-semantic category. Words with semantics of stativity are often syncretic classes of words, not clearly separated from other parts of speech in terms of lexico-semantic and grammatical features. In this regard, there is a need for a clearer definition of their structural and grammatical features that would allow to place them into a special category of words united by the semantics of stativity. The obtained results enabled to define the structure of the field of stativity, its center and periphery as well as to determine morphological and syntactic means of expression of stativity. The analysis of morphological means was more focused on the statives and words of the state category as the basic units with the semantics of the state. Among the syntactical means of expressing stativity, impersonal constructions were more closely considered as they present a significant part in the field of stativity. The outlook for further study of the semantic category of static character is seen in comparative synchronic and diachronic study of the phenomenon.

Ключевые слова: качественная аспектуальность, статальность, функционально-семантическая категория, статив, пассив и результатив, перфектность, структурно-грамматические особенности, морфологические средства, синтаксические средства.

Keywords: qualitative aspectuality, stativity, functional-semantic category, stative, passive and resultative verbs, perfectivity, structural grammar peculiarities, morphological instruments, syntactic instruments.

1. Введение

Статальность – это элемент качественной аспектуальности [Маслов, 1978], функционально-семантическая категория, имеющая разнообразные языковые средства выражения. Оппозиция «динамика-статика» находит соответствие в реалиях действительности, отражённых через сознание человека в языке. Есть языки, в которых это противопоставление формально выражено, однако в русском языке данная оппозиция имеет только семантический характер. Языки схожи в такой особенности: глаголов действия в любом языке гораздо больше, чем глаголов состояния.

В современном русском языке существуют разнообразные языковые средства, выражающие семантику состояния. Слов с семантикой состояния можно выделить достаточно много среди разных частей речи: прилагательных, причастий (предикативных и атрибутивных), глаголов, существительных. Наконец, существует даже специальная часть речи, основным категориальным значением которой является именно выражение состояния – это слова категории состояния. Отмечается такая интересная тенденция в русском языке – категория статальности как бы десемантизирует другие части речи и «втягивает» их в свою систему, следствием чего является трансформация их грамматических признаков. Всё изложенное подтверждает актуальность и жизнеспособность данного языкового значения.

В настоящее время статальность является гораздо менее исследованной по сравнению с другими аспектуальными значениями, поскольку остаётся много проблем, связанных с этой функционально-семантической категорией. Так, например, отсутствует комплексное исследование лексико-семантических, грамматических, словообразовательных особенностей всех языковых средств выражения статальности. Особенно актуальным представляется выявление грамматических признаков «стативов» (в широком смысле – Г.З.), определение присущих им грамматических категорий и особенностей их проявления (в этой связи особенную актуальность приобретают грамматические категории вида и времени). Грамматические классы слов с семантикой статальности представляют интерес ещё и потому, что часто это синкретичные классы слов, полностью не отмежёванные от других частей речи на основании лексико-семантических и грамматических особенностей, в связи с чем возникает необходимость более чёткого определения их структурно-грамматических признаков, позволяющих поместить их в особую категорию слов, объединённую семантикой статальности. Не претендуя разрешить все имеющиеся проблемы, связанные с функционально-семантической категорией статальности, в рамках данной статьи, попытаемся определить возможные средства и способы выражения статальности в современном русском языке.

2. Статальность как функционально-семантическое поле

2.1. Методика исследования

Методологическую основу исследования составила теория функционально-семантических полей А. В. Бондарко, уходящая своими истоками в труды И. И. Мещанинова, О. Есперсена, Л. В. Щербы, С. Д. Кацнельсона. [Теория функциональной грамматики, 2014, с. 5–40; Мещанинов, 1945; Есперсен, 2002; Щерба, 1974; Кацнельсон, 1986, с. 145–152]

В исследовании были использованы следующие методы: наблюдения, описания, функционально-семантического анализа, при анализе и обобщении языковых явлений применялась описательная статистика (метод простого количественного подсчёта).

Материалом для исследования послужили произведения русских писателей Ф. М. Достоевского, М. М. Зощенко, В. И. Шукшина и др. – всего 17 произведений (см. раздел «Источники»). Материал выделен из Национального корпуса русского языка методом сплошной выборки.

2.2. Обсуждение результатов

В ходе исследования было установлено, что наиболее широкий диапазон средств выражения стательности имеется на морфологическом уровне. Это прежде всего глаголы стательного способа действия (СД). Мы придерживаемся широкого понимания СД, согласно которому СД – это семантические группировки, выделяемые по общности аспектуального значения, которые могут иметь или не иметь специальные формальные показатели (приставки, суффиксы, конфиксы). Глаголы стательного СД, будучи морфемно не характеризованными, эксплицитно выражают семантику состояния. Это может быть физическое или психическое состояние человека, расположение предмета в пространстве. Состояние может характеризоваться длительностью, что подчёркивается соответствующими обстоятельствами (*в течение двух месяцев, три дня, третий день, по многу часов* и т.п.). Например:

(1) *Старик Наум Евстигнейч хворал с похмелья. **Лежал** на печке, стонал. Раз в месяц – с пенсии – Евстигнейч аккуратно напивался и после этого **три дня лежал** в лёжку* (Шукшин, 1966).

(2) *Такое же небо **висело** над северным городом Апатиты, откуда Глеб двадцать лет назад убежал в столицу* (Иванов, 2012).

(3) ***Бодело** уже **третий день**, похоже, нерв начал обнажаться, и Тимур Ахмедович записался к стоматологу как раз на завтра, зная, что после суточного дежурства ему полагается выходной* (Маринина, 2014).

(4) *Над надписью – рисунок: безобразный алкаш сломал тоненькую берёзку и сидит, ни на кого не смотрит. – **Горюет!.. Жалко*** (Шукшин, 1971).

Если для глаголов стательного СД значение состояния является основным в их семантической структуре, то имплицитно любой глагол совершенного вида подразумевает переход предмета в новое состояние, обозначая действие целостное и достигшее своего внутреннего предела:

(5) *Баста. **Зачерствело** (зачерствело и стало чёрствым – Г. З.) моё сердце. Пушай ближние больше на меня не рассчитывают* (Зощенко, 1920).

Из глагольных форм наиболее склонны к развитию семантики состояния страдательные причастия совершенного вида (предикативные и атрибутивные) в силу характерной для них результативности. Как правило, они обозначают какое-то состояние предмета, явившееся результатом действия, расположение предмета в пространстве, установление пространственной смежности между предметами, например:

(6) *Никитушка вольно раскинулся у корней тополя, ворот **растёгнут**, сияют глаза* (Попов, 2003).

(7) *Рябые грязные ступеньки **были закиданы** разорванными картонными коробками, и рядами, словно в ложе, сидели бомжи* (Попов, 2003).

(8) *Вот гляди: у меня к ящику с незаполненными формулярами **приклеена** фотокарточка, контакт. Ничего не видно на этом контакте, лицо волосами **завешено**, две ноги и две руки: в позе «Мыслителя» Родена* (Петрушевская, 1987).

(9) *Психопат пооглядывался, не нашёл близко табуретки, присел на жёсткий диван, **застеленный** белой простышкой, на краешек* (Шукшин, 1970–1974).

Статальность непосредственно связана с такими сложными грамматическими явлениями, как пассив, статив, результатив, перфектность [Буланин, 1986; Типология результативных конструкций, 1983; Маслов, 1983; Князев, 1983; Теория функциональной грамматики, 2014]. Под стативом в узком смысле мы, вслед за Л. Л. Буланиным, понимаем причастия, подвергшиеся адъективации, так называемые отпричастные прилагательные: «... формы и конструкции, содержащие отпричастное стативное прилагательное в полной (сломанная скамейка) или краткой (скамейка сломана) форме» [Буланин, 1986, с. 79]. Такие причастия очень неоднородны: одни из них обозначают состояние, явившееся результатом предшествующего действия, другие же омонимичны причастиям, но не содержат в своей семантике действия, а обозначают только статичный признак. В связи с этим некоторые учёные вводят наряду со стативом понятие результатива [Типология результативных конструкций, 1983, с. 7]. Различие между стативом и результативом состоит в том, что статив сообщает только о состоянии предмета, результатив же – одновременно о состоянии и предшествующем ему действии, результатом которого явилось это состояние. Например, в приведённом ниже примере состояние предмета является следствием совершённого действия:

(10) *Знакомо глянули на него зелено-грязноватые, закоптелые, пыльные стены его маленькой комнатки, его комод красного дерева, стулья под красное дерево, стол, **окрашенный** (ср. цветок, **окрашенный** в нежно-розовый цвет – Г. З.)¹ красною краской, клеёнчатый турецкий диван красноватого цвета, с зелёнькими цветочками и, наконец, вчера впоныхах снятое платье и брошенное комком на диване* (Достоевский, 1846).

В том случае, если в причастии актуальна семантика и действия, и состояния, явившегося результатом этого действия, глагольные грамматические категории проявляются довольно отчётливо: страдательный залог, совершенный вид, прошедшее время. Если же обозначается только статичный признак, не вызванный предшествующим действием, глагольные грамматические категории либо выступают в деформированном виде, либо вообще неактуальны².

Л. Л. Буланин отмечает, что статив, будучи привлекательным лингвистическим объектом, интересен прежде всего в сопоставлении с пассивом: «Главное отличие пассива от статива состоит в том, что пассив представляет собой систему форм страдательного залога, входящую в глагольную парадигму. Статив в глагольную парадигму не входит и системой форм не является» [Буланин, 1986, с. 80].

¹ Такие случаи Л. Л. Буланин склонен рассматривать как грамматические омонимы, выражающие разные грамматические значения – причастное и адъективно-причастное, хотя и отмечает трудность выбора между омонимией и полисемией: если в пользу омонимии говорит факт несовпадения грамматических значений, то против омонимии и в пользу синонимии говорит контекстуальный характер подобных отпричастных прилагательных и их очевидная связь с глаголами совершенного вида [Буланин, 1986, с. 37].

² Подробно разные случаи функционирования таких причастий анализирует Л. Л. Буланин [Буланин, 1986, с. 30–38]. Например, он приводит такой контекст: «Учили строевому маршу с ружьём, обязательно со скатанной шинелью через плечо и в высоких казённых сапогах (Куприн, Юнкера)». Для причастия *скатанный* он считает более актуальной семантику состояния, которое предполагает некоторую длительность, что противоречит значению совершенного вида [Там же, с. 33]. В другом примере («В дверь постучали, и он [Юрий Левитин] быстрым, заранее намеченным движением ловко бросил книгу на полку и обернулся. В двери, *рассечённой* пополам беспощадным пробором и линией золотых пуговиц кителя, стоял мичман Гудков (Соболев)») причастие *рассечённый* характеризуется им следующим образом: «Форма рассечённой имеет скорее значение НСВ (линия рассекала, а не рассекла дверь). Перфектности как признака СВ здесь нет, так как никакое предшествующее действие, результат которого мог бы ощущаться в момент речи, не имело места. Зато в пассивном залоге значения формы трудно сомневаться (ср.: дверь рассекалась пополам линией пуговиц и пробором на голове). Возникает следующий набор значений: НСВ, относительное значение одновременности, страдательный залог» [Там же, с. 34].

Ю. П. Князев в своей монографии подробно рассматривает страдательные причастия совершенного вида (с суффиксами *-н*, *-т*) и всю проблематику, связанную с ними [Князев, 1989]. Он также отмечает неоднородность конструкций с этими причастиями в плане статальности / акциональности.

Статив тесно связан и с перфектом, имеющим двойственную природу: действие осуществляется в прошлом, а его результат (представленный как состояние – Г. 3.) наличествует в настоящем [Теория функциональной грамматики, 2014, с. 195–210]. В зависимости от того, какой из этих двух планов актуальнее, различают статальную и акциональную перфектность [Там же, с. 195–210]. Грамматические особенности перфекта по линии залога, вида, времени, а также его лексические ограничения довольно подробно описаны Ю. С. Масловым³ [Там же, с. 195–209].

Одним из центральных средств выражения статальности в современном русском языке являются слова категории состояния. Категория состояния [Щерба, 1974], безлично-предикативные слова [Пешковский, 2001], предикативные наречия [Овсяннико-Куликовский, 1912 ; Шахматов, 2001 ; Русская грамматика, 2005], предикативы [Русская грамматика, 2005] – это неизменяемые слова, обозначающие состояние, выступающие в качестве сказуемого односоставного безличного предложения (*совестно, стыдно, тошно, пусто, уютно, можно, нельзя, неохота, грех, стыдно, пора, досуг*).

Слова категории состояния привлекали внимание лингвистов с давних пор. Впервые обратил на них внимание Л. В. Щерба в своей статье «О частях речи в русском языке» [Щерба, 1974]. Он определил в качестве формальных признаков этой части речи «неизменяемость, с одной стороны, и употребление со связкой с другой: первым она отличалась бы от прилагательных и глаголов, а вторым – от наречий» [Щерба, 1974, с. 74]. Л. В. Щерба при этом широко понимал категорию состояния, включая в эту часть речи и конструкции типа «*я рад, я готов, мне холодно* и т. п.».

Размытость грамматических признаков и синкретизм с другими частями речи обуславливают то, что нет общепринятого определения этой части речи, а имеющиеся определения, делая акцент на какой-то одной особенности этих слов (на семантике или на синтаксической функции), не являются удовлетворительными, так как не отражают сущности этой части речи. Однако ещё сложнее отнести слова категории состояния к какой-либо давно устоявшейся в языке категории, будь то наречие, прилагательное или глагол. Слова категории состояния являются предметом дискуссий среди русистов уже более 150 лет. Конечно, не все части речи характеризуются чёткими грамматическими признаками. К таковым можно причислить, например, имя числительное и местоимение, которые включают в себя слова с довольно разнородными грамматическими характеристиками. Слова категории состояния также не обладают такими чёткими грамматическими признаками, как, например, глагол или прилагательное. Часто достаточно трудно разграничить слова категории состояния и существительные, прилагательные, наречия хотя бы потому, что они представлены одними и теми же лексемами. Но вместе с тем довольно легко можно сформулировать общее категориальное значение этой части речи; имеют они и специфичный набор грамматических категорий и характерную только для них синтаксическую функцию. Поэтому мы разделяем мнение В. В. Виноградова и других учёных, считающих, что есть достаточные основания для выделения слов категории состояния в особую часть речи, отличную от других частей речи [Виноградов, 1972].

Есть мнение, что конструкция «связка + слово категории состояния» является основным средством выражения семантики состояния в русском языке. Основная масса слов категории состояния перешла из разряда прилагательных – это бывшие краткие

³ В Теории функциональной грамматики (2014) раздел «Перфектность» написан Ю. С. Масловым.

прилагательные среднего рода на *-о*. По мнению многих учёных, они сохраняют системные связи с прилагательным (напр., [Бабайцева, 1968, с. 61]). Абстрагирование семантики признака, выражаемого прилагательными, от предмета-носителя этого признака и обусловило возникновение слов категории состояния. Если носитель признака не определён и не актуален, то прилагательное преобразуется в категорию состояния, а двусоставная конструкция преобразуется в односоставную безличную, в которой сказуемым выступает слово категории состояния. Такого мнения придерживается и В. Н. Мигирин [Мигирин, 1970], который называет слова категории состояния бессубъектными прилагательными, а появление их связывает с перерождением двусоставных предложений в односоставные безличные: *Всё весной зелено – Весною зелено – Весной повсюду зелено*. Л. Л. Буланин считает удачным такое решение, так как слов со значением состояния много и среди других частей речи, например, глаголов (*стоять, лежать*), прилагательных (*рад, весел, грустен*); кроме того, это довольно малочисленный класс слов [Буланин, 1976].

Итак, слова категории состояния являются одним из центральных средств выражения семантики состояния в современном русском языке. Наиболее часто они обозначают состояние окружающей среды, физическое или психическое состояние человека:

(11) *На улице было сумеречно и маятно, с утра лил дождь, размывая грязные сугробы, поливая машины, зонты, железные крыши и кирпичные бока домов* (Устинова, 2003).

(12) *А знаете ли что: меня что-то подмывает, покамест доберёмся мы до Парижа, сообщить вам мои вагонные размышления, так, во имя гуманности: ведь было же мне скучно в вагоне, ну так пусть теперь будет скучно и вам* (Достоевский, 1863).

Семантика стательности может выражаться и другими частями речи, например, прилагательными и существительными:

(13) *Он был болен, мучительно болен, но более нравственно, чем физически* (Достоевский, 1862).

(14) *Тут же едят и пьют. Пивные лавки разубраны, как дворцы. Всё пьяно, но без веселья, а мрачно, тяжело, и всё как-то странно молчаливо* (Достоевский, 1863).

(15) *Вряд ли он заподозрил уважаемого и солидного господина в том, что тот решил соблазнить его жену. – Его ожидает шок. Орли пожала плечами* (Иванов, 2012).

На синтаксическом уровне одним из основных средств выражения стательности являются безличные конструкции:

(16) *Такая тоска и грусть взяла... Чуть не заплакал. Хотел как-нибудь думать и не мог – не думалось, а только больно ныло и ныло под сердцем* (Шукшин, 1967).

(17) *И думается в такие огромные, светлые, ядовитые ночи вольно, дерзко, сладко. Это даже – не думается, что-то другое: чудится, ждётся, что ли»* (Шукшин, 1967).

В односоставных безличных предложениях действие или состояние осуществляются как бы без участия субъекта, при этом степень отсутствия реального субъекта бывает, конечно, разной (ср. *Мне не спится* и *Стемнело*). Существует широкий диапазон значений от полной безличности до мнимой безличности в зависимости от многих факторов: от контекста, ситуации, немаловажно и лексическое значение глагола-сказуемого. То, что между личными и безличными конструкциями имеются очень зыбкие границы, иллюстрирует приведённый ниже пример, в котором первое предложение – личное с подлежащим, а второе – безличное, а между тем смысл выражается тождественный:

(18) *Если ты живёшь в Дальнежопинске и тебя апатия замучила, у тебя ещё есть надежда вырваться в Москву, где всё получится. Но если у тебя и в Москве не получилось, значит, надеяться не на что, и жизнь кончена* (Иванов, 2012).

Категории безличности принадлежит значительное место в поле статальности: процессы, осуществляемые без участия субъекта, легче связываются с состояниями, чем с активными действиями. Состояния, испытываемые субъектом, могут наступать без усилий со стороны субъекта, или же субъект вообще может не предполагаться, особенно когда речь идёт о явлениях природы.

Объём безличных предложений в русском языке значителен, многие учёные считают, что их количество увеличивается с течением времени [Потебня, 1958; Пешковский, 2001 и др.]. Другие исследователи полагают, что безличные конструкции составляют замкнутую группу [Золотова, 1999; Бирюлин, 1992]. В последнее время среди учёных наметилась тенденция связывать категорию безличности с русской языковой картиной мира [Вежбицкая, 1996; Тарланов, 1998 и др.]. Например, А. Вежбицкая обобщает эту идею в следующих словах: «Богатство и разнообразие безличных конструкций в русском языке показывает, что язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому разумению» [Вежбицкая, 1996, с. 76]. Такие особенности русского национального характера, как пассивность, неспособность контролировать события и собственные эмоции, неспособность управлять ими, и обуславливают высокий статус безличности в русской языковой картине мира.

З. К. Тарланов объясняет такое богатство безличных предложений способностью русского языка представлять тончайшие нюансы окружающей реальности, а также внутреннего психологического состояния человека, такие явления, которые «объективно не зависят от воли человека, существуют вне компетенции человеческих возможностей» [Тарланов, 1998, с. 70].

Расширение безличных конструкций сопровождается и расширением способов представления главных членов предложения безличных предложений. При этом может выражаться широкий диапазон значений: состояние человека, природы, окружающей среды, модальные значения, содержащие оценку поведения человека и т. д. Сказуемое может быть выражено и не глагольным компонентом, например, в таких предложениях: *С тобой не сахар. В семье не без урода* и т. д.

Таким образом, тенденции, действующие в области категории безличности (расширение безличных конструкций и их семантического содержания, многообразие способов выражения предикатов безличности), свидетельствуют о высоком статусе категории безличности в русской языковой картине мира.

Статальность может выражаться и предложно-падежными конструкциями, например:

(19) *Я, конечно, понимаю, что в больнице лежать **никакой радости нет**, но всё же нужно было взять себя в руки и остаться* (Устинова, 2003).

(20) *Спасать её мы не стали: буйство природы нам больше **по душе*** (Попов, 2003).

В тексте разные средства выражения статальности могут выступать совместно, если имеет место какая-то статическая ситуация, представляющая описание природы, обстановки, человека и т. д., например:

(21) *Окно было раскрыто. Сад благоухал цветами. Солнце сверкало в зеркалах и в хрустальных безделушках, украшавших её комнату* (Зоценко, 1937).

(22) *И вот стою, как дурак, в кино и дожидаясь. Так очередь у кассы струится. Так дверь раскрыта на улицу – заходите. Так я стою* (Зощенко, 1932).

3. Заключение

Таким образом, семантика статальности в современном русском языке выражена разнообразными разноуровневыми единицами. К морфологическим средствам выражения статальности относятся глаголы с семантикой состояния или перехода в состояние, стативные прилагательные (причастия), слова категории состояния, прилагательные, существительные с семантикой состояния. Синтаксические средства выражения статальности представлены безличными предложениями, предложно-падежными конструкциями. В процессе функционирования языковые единицы с семантикой состояния могут выступать совместно в компонентах текста, представляющих различного рода описания.

Используя критерии эксплицитности выражения данного значения и регулярности функционирования того или иного языкового средства, к центру функционально-семантического поля статальности были отнесены глаголы с семантикой состояния или перехода в состояние, стативные прилагательные (причастия), слова категории состояния; к периферии – прилагательные, существительные с семантикой состояния, а также синтаксические средства выражения статальности (безличные предложения, предложно-падежные конструкции).

Богатый диапазон языковых средств выражения статальности в современном русском языке обусловлен, очевидно, значительной ролью семантической категории статальности, отражающей восприятие окружающей действительности человеком, а также мир его внутренних переживаний.

В дальнейшем представляется интересным исследовать семантическую категорию статальности в сопоставительном плане, например, сравнить способы выражения статальности, грамматические особенности языковых единиц с семантикой состояния в русском и осетинском языках, относящихся к единой индоевропейской семье языков. Подобное исследование позволит определить общие и отличительные особенности стативов в широком смысле в разных языках, более чётко описать признаки стативов как лексико-семантического класса слов на фоне других частей речи.

Представляет интерес не только синхронное, но и диахроническое изучение семантической категории статальности, которое позволило бы описать все этапы становления этой семантической категории, представить более зримо процесс лексико-семантического обособления стативов от синкретичных частей речи, наложивший отпечаток и на морфолого-синтаксические особенности стативов. Подобное исследование будет способствовать более полному и адекватному описанию всех возможных средств выражения статальности в грамматиках, учебниках и учебных пособиях, их отражению в словарях русского литературного языка.

Изучение семантической категории статальности способствует улучшению практического усвоения русского языка, особенно иностранными учащимися, родной язык которых принадлежит к другой группе и семье языков и расходится с русским языком в морфолого-типологическом отношении.

Список литературы

- Бабайцева, 1986 – Бабайцева, В.В. Односоставные предложения в современном русском языке [Текст] / В. В. Бабайцева. – М. : Просвещение, 1968. – 160 с.
- Бирюлин, 1992 – Бирюлин, Л. А. Семантика и прагматика русского превентива [Текст] / Л. А. Бирюлин // Russian Linguistics. – 1992. – Vol. 16. – P. 1–22.

- Буланин, 1976 – Буланин, Л. Л. Трудные вопросы морфологии [Текст] / Л. Л. Буланин. – М. : Просвещение, 1976. – 207 с.
- Буланин, 1986 – Буланин, Л. Л. Категория залога в современном русском языке [Текст] / Л. Л. Буланин. – Л. : Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1986. – 88 с.
- Вежбицкая, 1996 – Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
- Виноградов, 1972 – Виноградов, В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове [Текст] / В. В. Виноградов. – 2-е изд. – М. : Высшая школа, 1972. – 601 с. [1-е изд. 1947].
- Есперсен, 2002 – Есперсен, О. Философия грамматики [Текст] / О. Есперсен. – М. : УРСС, 2002. – 408 с.
- Золотова, 1973 – Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка [Текст] / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1973. – 352 с.
- Кацнельсон, 1986 – Кацнельсон, С. Д. О грамматической категории [Текст] / С. Д. Кацнельсон // Общее и типологическое языкознание. – Л. : Наука, 1986. – С. 145–152.
- Князев, 1983 – Князев, Ю. П. Результатив, пассив и перфект в русском языке [Текст] / Ю. П. Князев // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). – Л. : Наука, 1983. – С. 149–160.
- Князев, 1989 – Князев, Ю. П. Акциональность и стательность: их соотношение в русских конструкциях с причастиями на -н, -т [Текст] / Ю. П. Князев. – Specimina philologiae Slavicae. – Band 81. – München : Verlag Otto Sagner, 1989. – 271 p.
- Маслов, 1978 – Маслов, Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии [Текст] / Ю. С. Маслов // Вопросы сопоставительной аспектологии. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1978. – С. 4–44.
- Маслов, 1983 – Маслов, Ю. С. Результатив, перфект и глагольный вид [Текст] / Ю. С. Маслов // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). – Л. : Наука, 1983. – С. 41–54.
- Мещанинов, 1945 – Мещанинов, И.И. Понятийные категории в языке [Текст] / И. И. Мещанинов // Труды Военного ин-та иностр. языков. – М., 1945. – № 1. – С. 5–17.
- Мигирин, 1970 – Мигирин, В. Н. Категория состояния или бессубъектные прилагательные? [Текст] / В. Н. Мигирин // Исследования по современному русскому языку. – М. : Изд-во МГУ, 1970. – С. 150–157.
- Овсяннико-Куликовский, 1912 – Овсяннико-Куликовский, Д. Н. Синтаксис русского языка [Текст] / Д. Н. Овсяннико-Куликовский. – СПб. : Изд-е И. Л. Овсяннико-Куликовской, 1912. – 313 с.
- Пешковский, 2001 – Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении [Текст] / А. М. Пешковский – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
- Потебня, 1958 – Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике [Текст] / А. А. Потебня. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – Т. IV. – 320 с.
- Русская грамматика, 2005 – Русская грамматика: В 2 т. [Текст] / гл. ред.: Н. Ю. Шведова. – М. : Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова, 2005.
- Тарланов, 1998 – Тарланов, З. К. Русское безличное предложение в контексте этнического мировосприятия [Текст] / З. К. Тарланов // Филологические науки. – 1998. – № 5–6. – С. 65–75.
- Теория функциональной грамматики, 2014 – Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис [Текст] / отв. ред. : А. В. Бондарко. – М. : Либроком, 2014. – 358 с.
- Типология результативных конструкций, 1983 – Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект) [Текст] / отв. ред. В. П. Небялков. – Л. : Наука, 1983. – 260 с.
- Шахматов, 2001 – Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка [Текст] / А. А. Шахматов. – М. : Едиториал УРСС, 2001. – 624 с.
- Щерба, 1974 – Щерба, Л. В. О частях речи в русском языке [Текст] / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л. : Наука, 1974. – С. 77–100.

Источники

- Достоевский, Ф. М. Двойник (1846) [Электронный ресурс] / Ф. М. Достоевский // Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 11.06.2019).
- Достоевский, Ф. М. Зимние заметки о летних впечатлениях (1863) [Электронный ресурс] / Ф. М. Достоевский // Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 13.06.2019).
- Достоевский, Ф. М. Скверный анекдот (1862) [Электронный ресурс] / Ф. М. Достоевский // Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 13.06.2019).
- Зощенко, М.М. Двадцать лет спустя (1937) [Электронный ресурс] / М. М. Зощенко // Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 01.05.2019).
- Зощенко, М. М. История болезни (1938) [Электронный ресурс] / М. М. Зощенко // Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 01.05.2019).
- Зощенко, М. М. Смешная история (1932) [Электронный ресурс] / М. М. Зощенко // Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 01.05.2019).
- Иванов, А. Комьюнити (2012) [Электронный ресурс] / А. Иванов // Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 01.05.2019).
- Маринина, А. Ангелы на льду не выживают (2014) [Электронный ресурс] / А. Маринина // Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 04.05.2019).
- Петрушевская, Л. Такая девочка, совесть мира (1987) [Электронный ресурс] / Л. Петрушевская // Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 04.05.2019).
- Попов, В. Свободное плавание (2003) [Электронный ресурс] / В. Попов // Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 08.05.2019).
- Устинова, Т. Большое зло и мелкие пакости (2003) [Электронный ресурс] / Т. Устинова // Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 08.05.2019).
- Шукшин, В. Вечно недовольный Яковлев (1974) [Электронный ресурс] / В. Шукшин // Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 12.06.2019).
- Шукшин, В. Горе (1967) [Электронный ресурс] / В. Шукшин // Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 12.06.2019).
- Шукшин, В. Космос, нервная система и шмат сала (1966) [Электронный ресурс] / В. Шукшин // Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 12.06.2019).
- Шукшин, В. Орагаторский приём (1971) [Электронный ресурс] / В. Шукшин // Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 12.06.2019).
- Шукшин, В. Психопат (1970) [Электронный ресурс] / В. Шукшин // Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 12.06.2019).
- Шукшин, В. «Раскас» (1967) [Электронный ресурс] / В. Шукшин // Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 12.06.2019).

References

- Babaytseva, V. V. (1968). *Odnosostavnyye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [Single-component sentences in modern Russian]. Moscow : Prosveshcheniye Press.
- Biryulin, L. A. (1992). Semantika i pragmatika russkogo preventiva [Semantics and pragmatics of the Russian preventive]. *Russian Linguistics*, 16, 1–22.
- Bulanin, L. L. (1976). *Trudnyye voprosy morfologii* [Challenging morphological issues]. Moscow : Prosveshcheniye Press.
- Bulanin, L. L. (1986). *Kategoriya zaloga v sovremennom russkom yazyke* [The category of voice in modern Russian]. Leningrad : St Petersburg University Press.

- Vezhbitskaya, A. (1996). *Yazyk. Kultura. Poznaniye* [Language. Culture. Cognition]. Moscow : Russkiye slovari Press.
- Vinogradov, V. V. (1972). *Russkiy yazyk: grammaticheskoye ucheniye o slove* [The Russian language: Grammatical theory of the word]. 2nd edition. Moscow : Vysshaya shkola Press (first published in 1947).
- Jespersen, O. (2002). *Filosofiya grammatiki* [The philosophy of grammar]. Moscow : URSS Press.
- Zolotova, G. A. (1973). *Ocherk funktsionalnogo sintaksisa russkogo yazyka* [Essay on the functional syntax of the Russian language]. Moscow : Nauka Press.
- Katsnelson, S. D. (1986). *O grammaticheskoy kategorii* [About grammatical category]. *Obshcheye i tipologicheskoye yazykoznanie* [General and typological linguistics] (pp. 145–152). Leningrad : Nauka Press.
- Knyazev, Yu. P. (1983). Rezultativ, passiv i perfekt v russkom yazyke [Resultative, passive and perfect in the Russian language]. *Tipologiya rezultativnykh konstruksiy (rezultativ, stativ, passiv, perfekt)* [Typology of resultative constructions (Resultative, stative, passive, perfect)] (pp. 149–160). Leningrad : Nauka Press.
- Knyazev, Yu. P. (1989). *Aktsionalnost i statalnost: ikh sootnosheniye v russkikh konstruksiyakh s prichastiyami na -n, -t* [Actionality and stativity: Their correlation in Russian constructions with participles in -n, -t]. Specimina philologiae Slavicae, Band 81. München : Verlag Otto Sagner.
- Maslov, Yu. S. (1978). *K osnovaniyam sopostavitelnoy aspektologii* [The foundations of comparative aspectology]. *Voprosy sopostavitelnoy aspektologii* [Issues of comparative aspectology] (pp. 4–44). Leningrad : Leningrad State University Press.
- Maslov, Yu. S. (1983). Rezultativ, perfekt i glagolnyy vid [Resultative, perfect and aspekt]. *Tipologiya rezultativnykh konstruksiy (rezultativ, stativ, passiv, perfekt)* [Typology of resultative constructions (Resultative, stative, passive, perfect)] (pp. 41–54). Leningrad : Nauka Press.
- Meshchaninov, I. I. (1945). *Ponyatiynnye kategorii v yazyke* [Cognitive categories in language]. *Trudy Voyennogo in-ta inostr. yazykov* [Works of Military institute of foreign languages], 1, 5–17.
- Migirin, V. N. (1970). Kategoriya sostoyaniya ili bessub'yektnyye prilagatelnyye? [Category of state or subjectless adjectives?]. *Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku* [Studies in modern Russian] (pp. 150–157). Moscow : MSU Press.
- Ovsyaniko-Kulikovskiy, D. N. (1912). *Sintaksis russkogo yazyka* [The Russian language syntax]. St Petersburg : I. L. Ovsyaniko-Kulikovskaya Press.
- Peshkovskiy, A. M. (2001). *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific coverage]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kultury Press.
- Potebnya, A. A. (1958). *Iz zapisok po russkoy grammatike* [From the notes on Russian grammar] (Vol. IV). Moscow : The Academy of Sciences of the USSR Press.
- Shvedova, N. Yu. (Ed.). (2005). *Russkaya grammatika* [Russian grammar] : In 2 volumes. red.: – Moscow : Vinogradov Russian Language Institute Press.
- Tarlanov, Z. K. (1998). *Russkoye bezlichnoye predlozheniye v kontekste etnicheskogo mirovospriyatiya* [Russian impersonal sentence in the context of ethnic worldview]. *Filologicheskiye nauki* [Philological Sciences], 5–6, 65–75.
- Bondarko, A. V. (Ed.). (2014). *Teoriya funktsionalnoy grammatiki. Vvedeniye. Aspektualnost. Vremennaya lokalizovannost. Taksis* [The theory of functional grammar. Introduction. Aspects. Temporary localization. Taxis]. Moscow : Librokom Press.
- Nedyalkov, V. P. (Ed.). (1983). *Tipologiya rezultativnykh konstruksiy (rezultativ, stativ, passiv, perfekt)* [Typology of resultative constructions (resultative, stative, passive, perfect)]. Leningrad : Nauka Press.
- Shakhmatov, A. A. (2001) *Sintaksis russkogo yazyka* [The Russian language syntax]. Moscow : Editorial URSS Press.
- Shcherba, L. V. (1974). *O chastyakh rechi v russkom yazyke* [On the parts of speech in the Russian language]. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost* [Language system and speech activity] (pp. 77–100). Leningrad : Nauka Press.

Sources

- Dostoyevskiy, F. M. (1846). Dvoynik [The Double]. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved June 11, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- Dostoyevskiy, F. M. (1863). Zimniye zametki o letnikh vpechatleniyakh [Winter notes about summer impressions]. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved June 13, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- Dostoyevskiy, F. M. (1862). Skvernnyy anekdot [Bad joke]. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved June 13, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- Zoshchenko, M. M. (1937). Dvadtsat let spustya [Twenty years later]. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved May 1, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- Zoshchenko, M. M. (1938). Istoriya bolezni [Medical history]. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved May 1, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- Zoshchenko, M. M. (1932). Smeshnaya istoriyka [Funny storytelling]. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved May 1, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- Ivanov, A. (2012). Komyuniti [Community] *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved May 1, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- Marinina, A. (2014). Angely na ldu ne vyzhivayut [Angels on ice do not survive] *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved May 4, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- Petrushevskaya, L. (1987). Takaya devochka. sovest mira [Such a girl, the conscience of the world]. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved May 1, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- Popov, V. (2003). Svobodnoye plavaniye [Free-floating]. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved May 1, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- Ustinova, T. (2003). Bolshoye zlo i melkiye pakosti [Big evil and petty dirty tricks] *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved May 8, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- Shukshin, V. (1974). Vechno nedovolnyy Yakovlev [Forever dissatisfied Yakovlev]. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved June 12, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- Shukshin, V. (1967). Gore [Woe]. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved June 12, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- Shukshin, V. (1966). Kosmos. nervnaya sistema i shmat sala [Space, nervous system and a piece of lard]. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved June 12, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- Shukshin, V. (1971). Oratorskiy priyem [Rhetorical device]. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved June 12, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- Shukshin, V. (1970). Psikhopat [Psycho]. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved June 12, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- Shukshin, V. (1967). Raskas [Tale] . *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved June 12, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.

УДК 811.161.1'282.2, 811.161.1'373.21

UDC 811.161.1'282.2, 811.161.1'373.21

Королькова Мария Денисовна
Институт лингвистических исследований РАН
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Mariia D. Korolkova
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
St Petersburg, Russian Federation
skifane@gmail.com

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕМЕСЛЕННОЙ ЛЕКСИКИ
В РУССКИХ ГОВОРАХ ПРИСУРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ
FUNCTIONAL PATTERNS OF THE CRAFT VOCABULARY OF VOLGA REGION**

Аннотация

Статья посвящена особенностям функционирования ремесленной лексики на территории Пензенской и Ульяновской областей. Исследование функционирования ремесленной лексики необходимо для её полноценного лексикографического описания. Главной задачей автора настоящей статьи была классификация трёх тематических групп ремесленной лексики по особенностям их функционирования в русских говорах и в языке в целом. Результаты работы показывают, что ремесленная лексика обследованной территории неоднородна по своему составу и может быть классифицирована по двум параметрам: по территориальному (она включает как общенародные, так и диалектные единицы) и по сфере употребления (слова могут быть известны всем носителям говора или только мастерам, занимающимся ремеслом, то есть являться общераспространёнными или терминологическими). Статья последовательно обнаруживает природу каждой тематической подгруппы: наименование деятеля, общее наименование деятельности, конкретные действия, совершаемые при создании изделия, наименование изделия, частей изделия, материала, из которого выполняется изделие, а также инструментов и подручных материалов, используемых при создании изделия. В целом, соотношение между общенародными и диалектными единицами составляет 60% к 40%, и преобладает терминологическая лексика. В каждой из трёх проанализированных тематических групп соотношение отличается, что обусловлено особенностями и историей каждого ремесла.

Abstract

This article focuses upon the particular patterns of the craft vocabulary functioning in the Penza and Ulyanovsk regions. The study contributes into lexicographic description of this semantic class of words. The aim is to classify the three thematic groups of craft vocabulary by their functioning patterns in Russian dialects and in the language. A number of methods were used including survey and quantitative assessment methods based on calculations, as well as areal, distributive and comparative methods. The results show that the craft vocabulary of the surveyed territory is heterogeneous in its composition and can be classified according to two parameters: location (it includes both nationwide and dialectal units) and sphere of use (words can be known to all speakers or only craftsmen, i.e. are either common or terminological). The article consistently reveals the nature of each thematic subgroup: the name of the craftsman, the general name of the activity, the specific actions taken to create the product, the name of the product, parts of the product, the material of which the product is made, and the tools needed to create the product. In general, the ratio between nationwide and dialectal lexical units was 60% to 40% with the terminological vocabulary significantly prevailing over the common one. In each of the three analyzed thematic groups, the ratio was different due to the characteristics and history of each craft.

Ключевые слова: диалектология, лексикология, ремесленная лексика, специальная лексика, терминология, классификация, Пензенская область, Ульяновская область.

Keywords: dialectology, lexicology, craft vocabulary, special vocabulary, terminology, classification, Penza Region, Ulyanovsk Region.

1. Введение

Настоящее исследование было предпринято в 2015 году на материале ряда экспедиций в Пензенскую и Ульяновскую области. Экспедиции были посвящены сбору лексики, служащей для описания трёх ремёсел – валяния, плотнического и столярного дела, а также обработки волокна, прядения и ткачества. Главной целью исследования является определение места ремесленной лексики в лексической системе русских говоров. Это возможно осуществить лишь благодаря её анализу и выявлению ареалов её распространения на обследуемой территории, и, по возможности, на всей территории России.

Говоры Присурского Поволжья относятся к говорам позднего (или вторичного) заселения; они формировались в период с 17 по 19 вв. и в связи с этим обладают специфическими особенностями, которые отражаются в том числе и в лексике изучаемых говоров. Эти говоры традиционно относят к восточной группе среднерусских говоров. Говоры Пензенской и Ульяновской областей (при наличии частных диалектных различий) относятся к Владимирско-Поволжской группе говоров. В них представлены одни и те же тенденции формирования и развития, что позволяет рассматривать их как совокупность. Лексические особенности показывают различия, но эти различия проявляются непоследовательно. Настоящее исследование поможет внести больше ясности в вопрос территориальных различий указанных областей.

Автором были составлены программы для сбора сведений, лексический материал был собран, расшифрован и классифицирован по тематическим группам, были определены в некоторой степени универсальные тематические подгруппы по значению, полученные слова и словосочетания были сопоставлены с рядом нормативных и диалектных лексикографических источников, что позволило выявить ареалы распространения, а также проанализировать общенародный и региональный компоненты.

2. Тематическая классификация

Собранный лексический материал был классифицирован по трём тематическим группам: лексика валяльного дела, лексика плотнического и столярного дела, лексика обработки волокна, прядения и ткачества. Лексика плотнического и столярного дела объединяется в единую группу в связи с общностью инструментов и процессов, совершаемых столярами и плотниками, лексика прядения и ткачества также рассматривается совместно, поскольку ткачество в регионе в большинстве случаев являлось неразрывным продолжением прядения. Исключение составляло лишь прядение шерсти, из которой различные конечные изделия изготавливались вязанием. Обработка волокна причисляется к прядению и ткачеству, потому что, кроме того что является неразрывным процессом создания ткани, представляет собой набор специальных действий, которые совершаются только для подготовки волокна. С одной стороны, известно, что обработка волокна с момента его сбора является практически безотходным производством: из колосьев получают зерно или масло, из остатков волокон – паклю, с другой стороны, информанты начинают рассказ о прядении и ткачестве со сбора и первичной обработки волокна.

В пределах каждой тематической группы материал был разделён на семь подгрупп в соответствии с общими элементами в значении: обозначения для деятеля, общего названия деятельности, изделия, частей изделия, материала, конкретных действий, совершаемых при создании изделия, инструментов и подручных материалов, необходимых для создания изделия [Королькова, 2014, 2015, 2017].

Для каждой тематической группы лексики была составлена отдельная программа собирания сведений, учитывающая как прошлый опыт, так и специфику исследуемого

материала. Классификация ремесленной лексики, применяемая в нашей работе, базируется на принципах обобщения, с одной стороны, а с другой, представляет собой попытку охватить все особенности употребления указанной лексики. При создании программ были использованы собранные ранее материалы, пособия по соответствующим ремеслам и Программа ЛАРНГ. Тематические подгруппы подразделяются на более мелкие разделы, описывающие конкретные понятия.

3. Исследование ремесленной лексики

За более чем сто лет были исследованы самые разные области ремесленной и промысловой лексики, например, терминология выращивания и обработки волокна, прядения и ткачества: лексика коноплеводства в орловских говорах [Алешина, 2002], лексика крестьянского текстильного производства (на материале русских говоров Кемеровской и Орловской областей) [Баланчик, 1992], лексика обработки льна, прядения и ткачества [Блинова, 1964], лексика льноводства, прядения и ткачества в говорах Костромской области [Громов, 1964, 1992], терминологические названия количества льна и волокна в говорах Сокольского района Ивановской области [Крылов, 1970], народный быт в верховьях Десны и верховьях Оки (терминология прядения и ткачества) [Лебедева, 1927], льно-прядельно-ткацкая терминология говоров алтайских старообрядцев [Маерова, 2006], лексика льнообработки, прядения и ткачества в новгородских говорах [Михайлова, 1970, 1971, 1974], некоторые наименования уборки и обработки льна финно-угорского происхождения [Мызников, 2011], терминология ткачества и домашнего печения [Невежин, 1941], полесская терминология ткачества [Павлова, 1990], лексика современного текстильного производства [Петрунина, 1979], лексика ткацкого льняного производства в русском языке XVII века [Порфиренко, 1897], ремесленная терминология в славянских языках [Трубачев, 1966], традиционного ткачества в говорах района «Богословщина» [Чумакова, 1995], а также работа, посвящённая текстильной лексике в Квебеке [Lexique Textile, 2009].

В ряде работ уделяется внимание терминологии плотничества: лексика крестьянского плотнического ремесла (на материале русских говоров Кемеровской и Орловской областей) [Баланчик, 1992], профессиональная лексика псковских плотников [Кондратьева, 1969], лексика рыболовства, охотничьего промысла, пчеловодства, плотницкого, кузнечного, валяльного дел и лексика лозоплетения [Маринин, 2009, 2009, 2011], терминология заготовки дерева: терминология заготовки и сплава дров [Блинова, 1962], опыт лесоводственного терминологического словаря [Вереха, 1898], терминологическая лексика лесорубов [Решетова, 1976], лексика русской лесопильной промышленности [Холодилова, 2009].

Не раз исследователи обращались к терминологии пчеловодства: полесская терминология пчеловодства [Анохина, 1969], лексика пчеловодства в Кубанских говорах [Иванова, 1974], лексика рыболовства, охотничьего промысла, пчеловодства, плотницкого, кузнечного, валяльного дел и лексика лозоплетения [Маринин, 2009, 2009, 2011], лексика пчеловодства на Алтае [Титова, 2007], а также к терминологии рыболовства: опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья [Дуров, 1929], промысловая лексика русских говоров (на материале терминов рыболовства) [Левенко, 1982], лексика рыболовства, охотничьего промысла, пчеловодства, плотницкого, кузнечного, валяльного дел и лексика лозоплетения [Маринин, 2009, 2009, 2011]. лексика орловских рыбаков [Халюков, 2008].

Исследовались и другие области: лексика лужарного и посудотокарного промыслов на территории Нижегородской области [Зиминова, Агапова, 2003], лексика вышивания в Орловских говорах [Боровая, 2012, 2013], лексика русской золотопромышленности

[Борхвальдт, 1992, 2000], народная техническая терминология по Полтавской губернии [Василенко, 1902], проблемы формирования научной терминологии [Герд, 1968], термины вышивания в русских диалектах [Гринкова, 1939], терминология русской иконописи [Замятина, 1997], лексика русских горняков [Иванищев, 1979], терминология шуйского овчинно-шубного, кожевенного и скорняжного промыслов и производства [Литвинов, 1978], лексика рыболовства, охотничьего промысла, пчеловодства, плотницкого, кузнечного, валяльного дел и лексика лозоплетения [Маринин, 2009, 2009, 2011], лексика кружевного промысла Рязанской области [Орлова, 1972], терминология гончарства [Орлова, 1976], лексика санно-тележного промысла в говорах Томской области [Палагина, 1960], кустарные промыслы Нижегородской губернии [Плотников, 1894], профессиональный язык шахтеров Кемеровской области [Прибытова, 2005], лексика колодезного ремесла в Посерёжье [Сывороткин, 1984], лексика художественных промыслов Среднего Урала [Чижова, 2005]; Лексикографические заметки о золотых дел мастерах и ювелирах Дамаска [Barbot, 1973], терминология ремёсел [Jeannot, 2004], плетельщики и центры плетения на римском западе [Mingaud, 1992], также составлен Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. [Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв., 2005].

4. Общенародный и региональный компоненты

Собранный и проанализированный материал позволяет сделать предварительные выводы о распространённости и особенностях функционирования лексических единиц, входящих в состав ремесленной лексики. Единицы ремесленной лексики непоследовательно фиксируются в лексикографических источниках, и возможной причиной этому может быть именно неопределённость их статуса. В результате проведённого исследования была предложена основанная на лингвогеографическом анализе классификация лексических единиц с точки зрения их распространённости в русском языке с учётом территориальных и социальных ограничений в функционировании исследуемой лексики. Как среди лексических единиц, имеющих общенародный характер, так и среди диалектных, встречаются единицы, имеющие терминологическое или узкоспециальное значение в узком смысле слова, то есть распространённые только в речи ремесленников. Для того чтобы проанализировать с точки зрения распространённости и статуса ремесленную лексику говоров Присурского Поволжья были учтены особенности её функционирования. Классификация получилась двухуровневой, поскольку все слова, входящие в состав ремесленной лексики, являются или **диалектными**, или **общенародными**, то есть известны или на всей территории России, или территориально обусловлены, и вне зависимости от того, являются ли анализируемые слова общенародными или диалектными, они могут быть известны всем носителям говора или только мастерам, занимающимся ремеслом, когда можно говорить об их **общераспространённом** или **терминологическом** характере. Выводы относительно принадлежности того или иного слова к диалектным или общенародным словам, а также о его характере делаются на основании данных сопоставляемых источников с учётом наблюдений за функционированием лексических единиц в говоре. Критерии определения общераспространённого или терминологического значения слова следующие: если слово в указанном значении используется только для этого процесса или предмета, то оно имеет терминологический характер, если слово обозначает реалию, которая выходит за рамки ремесленной технологии, например, общее наименование профессии мастера или наименования изделий, тогда слово признаётся общераспространённым. При этом, как уже упоминалось, общераспространённым значением могут обладать как диалектные слова, например, слово *шёркать* в значении ‘тереть’ или слово *трёхстенка*, так и об-

щенародные, например, слово *шерсть*. Другими примерами слов, имеющих общераспространённое значение, служат слова – наименования профессии мастера-валяльщика: *валяльщик* (общенародное слово) и *ва́льщик* (диалектное), каждое из которых известно всем носителям говора. Также и терминологическим значением могут обладать как общенародные слова, например, *топór*, так и диалектные, например, *стёрна* (‘помещение для валяния’). Среди наименований конкретных действий, совершаемых при создании изделия, необходимо присутствуют лексические единицы, обозначающие общие процессы, например, *сушить*, *мочить* и прочие. Эти слова также относятся к общераспространённым, так как обозначают действия, которые производятся не только в рамках этого ремесла. Возможны случаи, когда слово, не зафиксированное в нормативных лексикографических источниках, будет отнесено к общенародным и наоборот, так как фиксация ремесленной лексики словарями не всегда происходит последовательно. Необходимо отметить, что общенародные слова и слова, имеющие общераспространённое значение, относятся к ремесленной лексике так же, как и слова, имеющие терминологическое значение.

В качестве источников для сопоставления были выбраны Словарь современного русского литературного языка в 17 т. [БАС], Большой академический словарь русского языка [БАС-3], Картоотека Словаря русских народных говоров [КСРНГ], Словарь живого великорусского языка В. И. Даля (2-е издание) [Даль, 1880–1882], Опыт терминологического словаря В. П. Бурнашева [Бурнашев, 1843–1844] и ряд региональных диалектных словарей, позволяющих сделать выводы о распространении ремесленной лексики на территории Европейской части России.

Многие региональные диалектные словари не включают всего объёма ремесленной лексики из-за общенародного характера многих значений (напр., слово *пи́ла* в значении ‘инструмент для пиления’), но ограничиться данными многочисленных работ по ремесленной лексике автор не смог по ряду причин: по лексике некоторых ремёсел существует большое количество работ, но они слишком локально ориентированы, и на их основании невозможно провести лингвогеографический анализ. Некоторые работы по ремесленной лексике включены в анализ.

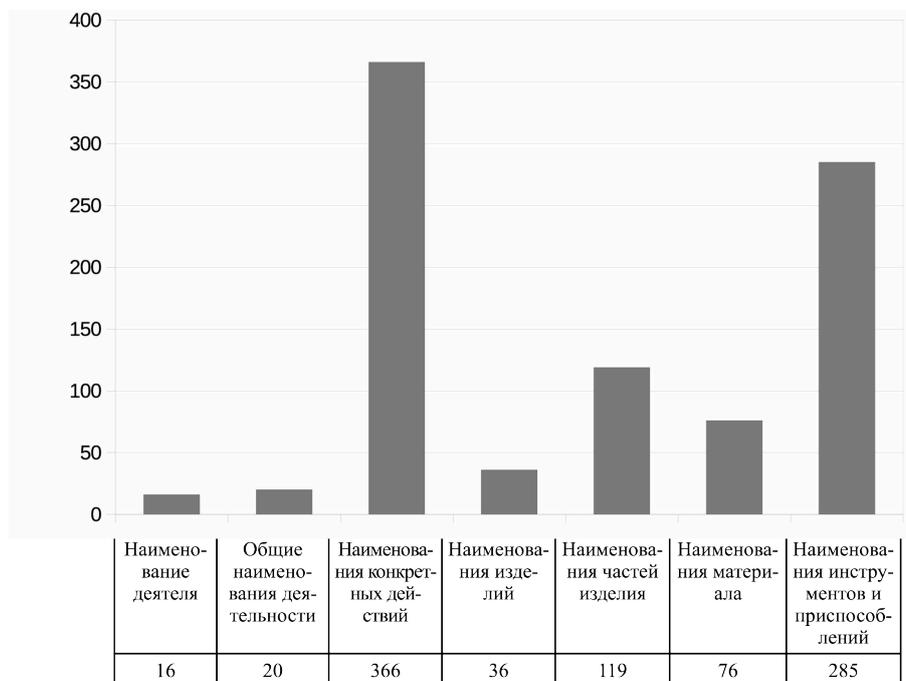
Лексические единицы, служащие для наименования реалий кустарного производства, могут быть зафиксированы в сопоставляемых источниках в значениях разной степени конкретности: в соответствующем значении, включающем в себя описание конкретного процесса или предмета (*сверли́ть* – ‘создавать отверстие при помощи сверла’) или в общем значении, описывающем процесс или предмет в обобщённом виде (*чёрсанки* – ‘валенки’, *суши́ть* – ‘делать сухим’). В ситуации, когда слово присутствует в словаре, но не имеет подходящего значения, указывается, как и при отсутствии слова, что оно в нужном значении не зафиксировано.

Количественные параметры лексических единиц по семи тематическим группам представлены на рисунке 1.

Из зафиксированных в лексике трёх анализируемых ремёсел наименований деятеля, мастера-ремесленника присутствуют общие наименования и наименования для мастеров, занятых отдельными процессами, что часто случалось при коллективной работе.

Все общие наименования деятеля относятся к общераспространённым, то есть широко известным, большая часть является общенародными (*валяльщик*, *валяльщица*, *катальщик* – ‘мастер валяльного дела (редко)’, *плотник*, *столяр*, *пря́ха*, *ткачи́ха*), и только наименования *ва́льщик* и форма женского рода *ва́льщица* относятся к диалектным. Наименования деятеля при процессах производства присутствуют только в лексике валяния и плотнического и столярного дел. За исключением слова *лесору́б* – ‘мастер по рубке деревьев’, все наименования имеют терминологическое значение, слова, зафиксирован-

ные в валяльном деле, относятся к диалектным (*катальщик, катарь* и *обвальщик* – в значении ‘мастер по настиланию, формированию и первичной раскатке шерсти’, *стира́к* – ‘мастер по обработке заготовки валенка во время мокрого валяния’, *набойщик* – ‘мастер по набиванию заготовки валенка на колодку’), а зафиксированные в плотническом и столярном деле, за исключением слова *ва́льщик* в значении ‘мастер по рубке деревьев’ – к общенародным (*рубщик* – ‘мастер по рубке деревьев’, *пильщик* – ‘мастер по очищению деревьев от сучков и веток’, *пробойщик* – ‘мастер по конопачению’).

Р и с у н о к 1. Распределение лексических единиц по тематическим подгруппам

Из 20 общих наименований деятельности ремесленников 13 относятся к общенародным, 4 из которых имеют терминологическое значение (напр., в валяльном деле: *ва́лка* и *ка́тка* в значении ‘процесс создания валенка’; в плотническом и столярном деле: *рубить* и *ста́вить* в значении ‘строить дом’ в плотническом и столярном деле) и 9 имеют общераспространённое значение (в валяльном деле: *валя́ть, валя́ние*; в плотническом и столярном деле: *плотническое де́ло, плотничать, стро́ить, столярничать*; в прядении и ткачестве: *прясть, пряде́ние, ткать*). Остальные наименования относятся к диалектным, из них 2 имеют общераспространённое значение (в прядении и ткачестве: *пря́дево* и *тка́нь*) и 5 – терминологическое (в валяльном деле: *ва́льное де́ло, рабо́тать ва́ленки* – ‘заниматься валянием’ и *ходи́ть на ва́лку, ходи́ть в пана́ть* – ‘ходить на валяльный промысел’; в плотническом и столярном деле: *струби́ть* – ‘строить сруб’).

Из 366 наименований действий, присутствующих в трёх ремёслах, 255 наименований являются общенародными, из них 151 имеет терминологическое значение (напр., в валяльном деле: *щипа́ть* – ‘процесс первичного очищения шерсти’, *чеса́ть, бить* – ‘процесс чесания шерсти’, *ката́ть* – ‘процесс начального закрепления шерсти’; в плотническом и столярном деле: *рубить, вруба́ть* – ‘процесс рубки’, *класть* – ‘процесс крепления деталей’, *пази́ть* – ‘процесс создания паза, четверти’; в обработке волокна, прядении и ткачестве: *молоти́ть* – ‘процесс молочения’, *сучи́ть* – ‘процесс скручивания двух нитей’), а 104 – общераспространённое (напр., в валяльном деле: *разбира́ть* – ‘процесс первичного очищения шерсти’, *настила́ть, закла́дывать* – ‘процесс настилания шерсти’, *закола́чивать* – ‘процесс надевания заготовки валенка на колодку’; в плот-

ническом и столярном деле: *крепить* – ‘процесс крепления деталей’, *собирать* – ‘процесс сборки и крепления деталей’; в обработке волокна, прядении и ткачестве: *брать* – ‘процесс сбора конопли’, *замачивать* – ‘процесс отбеливания материала золением’, *выгорать* – ‘процесс отбеливания материала на солнце’). К диалектным относятся 111 наименований, из которых к общеупотребительным относятся только 8 (напр., в валяльном деле: *ширкать* – ‘процесс собственно валяния валенка с водой’; в плотническом и столярном деле: *играть*, *гулять* – ‘процесс усадки сруба’, в обработке волокна, прядении и ткачестве: *совать* – ‘процесс работы с челноком’), остальные – к терминологическим (напр., в валяльном деле: *купоросить* – ‘процесс замачивания заготовки валенка’, *стирать* – ‘процесс собственно валяния валенка с водой’, *грухать* – ‘процесс битья валенка в процессе валяния’; в плотническом и столярном деле: *шкурить* – ‘процесс очищения бревна от коры’, *чертить* – ‘процесс продольного разметания бревна’, *рзать* – ‘процесс пиления’; в обработке волокна, прядении и ткачестве: *ломать* – ‘процесс обминания’, *мыкать* – ‘процесс формирования кудели и надевания её на гребень прялки’). Глаголы и отглагольные существительные, имеющие общераспространённое значение, являются теми «общими» глаголами, которые обозначают действия, совершаемые не только в пределах ремесла. Особняком стоят 32 наименования способов рубки сруба, из которых все имеют терминологическое значение, и только одно является общенародным (*в лану*), а другие – диалектными (напр., *в угол*, *чистый угол*, *в чашку*, *в ласточкин хвост*, *в заборник*, *в замок*).

Слов и словосочетаний, служащих для наименования изделий, создаваемых ремесленниками, зафиксировано 36. Из них к общенародным, имеющим общераспространённое значение, относятся 15 (напр., *валенки*, *валенки-полусапожки*, *сруб*, *сарай*, *ткань*, *материя*, *холст*), к диалектным, имеющим общераспространённое значение – 17 (напр., в валяльном деле: *полуваленки* и *получёсанки* – ‘валяная обувь ниже колена – от лодыжки до середины голени’, *кятанки*, *опорки* и *ступни* – ‘домашняя валяная обувь высотой до лодыжки’; в плотническом и столярном деле: *заборник*, *заборка* и *замётник* – ‘хозяйственная постройка, сарай особой сборки «в столбы»’, *калда* – ‘хозяйственная постройка, сарай без крыши’; в лексике обработки волокна: *конопель*, *конопли* – ‘хозяйственное растение конопля’), и к диалектным, имеющим терминологическое значение – 4 наименования, относящиеся к лексике плотнического и столярного дела (*переруб* – ‘стена, перегородка в избе’, *четырёхстенок* – ‘сруб без стены, перегородки внутри’, *подрубанок* и *подрубанковый сруб* – ‘сруб, сделанный из дополнительно обработанных рубанком брёвен, часто изготавливаемый именно на заказ’).

К наименованиям частей изделия относятся 119 лексических единиц, из них к диалектным относятся 55, а к общенародным – 64 единицы. Из 36 лексических единиц, имеющих общераспространённое значение, к диалектным относятся 9 наименований (напр., в валяльном деле: *лана* – ‘часть ноги или валенка от пятки до носка’, *чулок* – ‘верхняя часть валенка, охватывающая голень’, *зад* – ‘задняя нижняя часть валенка’; в плотническом и столярном деле: *полка* – ‘выступ, завершающий стену здания или идущий над окнами, дверями’, в прядении и ткачестве: *волос* – ‘подготовленное к прядению волокно’), а к общенародным – 37 (напр., в валяльном деле: *голеннице* – ‘верхняя часть валенка, охватывающая голень’, *нос* – ‘передняя выступающая часть валенка’, *пятка* – ‘задняя нижняя часть валенка’; в плотническом и столярном деле: *потолок* – ‘нижняя часть ограждающей конструкции, ограничивающая помещение сверху’, *карниз* – ‘выступ в верхней части здания’, *решётник* и *обрешётка* – ‘тонкие жерди или рейки, составляющие собой поддерживающие крышу решётки’; в обработке волокна, прядении и ткачестве: *пучок* – ‘связка растений льна или конопли, по размеру приблизительно равная тому, сколько можно захватить в одну горсть’, *клубок* – ‘смотанная в

виде шара пряжа'). Все части валяной обуви имеют общераспространённое значение. Из общенародных слов и словосочетаний терминологическое значение имеют 37 единиц (напр., в плотническом и столярном деле: *венёц* – 'ряд брёвен в срубе', *коробка* – 'часть сруба, состоящая из собранных венцов', *перекрытия* – 'доски, служащие основой для верхней части здания', *простёнок* – 'стена между окнами или между окном и дверью'; в прядении и ткачестве: *мотушка* – 'количество ниток, смотанных на мотушку-инструмент за один раз'), а из диалектных – 46 единиц (напр., в плотническом и столярном деле: *стонá* – 'несколько венцов (рядов брёвен), притесанных друг к другу', *мáтка* – 'несущая балка потолка', *кладь* – 'венёц из специально выбранных крепких брёвен или брусьев, которые позволят вырезать в нём пазы для фиксации опорных элементов крыши', *вершняк* – 'верхняя часть оконной или дверной коробки', в прядении и ткачестве: *мóчка* – 'количество приготовленного для прядения льна или конопли, надеваемого за один раз на гребень прялки', *стóпка* – 'количество спрядённой шерсти, равного количеству места на веретене').

Из 76 наименований материала, из которого изготавливается изделие, к общенародным относятся 35, из них имеют общераспространённый характер 13 (напр., в валяльном деле: *шерсть* – 'волосяной покров животных, используемый как основной материал для валяния', *рулón* – 'свёрнутая чёсаная шерсть'; в плотническом и столярном деле: *бревнó* – 'ствол дерева без корней и веток', *чурка* – 'обрубок бревна'; в обработке волокна, прядении и ткачестве: *пух* – 'мелкие, пушистые перья у птиц', *конопля*, *лён* – 'растительная текстильная культура', *клубóк* – 'пряжа, смотанная в шар'), а терминологический – 22 (напр., в валяльном деле: *весённая шерсть* – 'шерсть весенней стрижки', *насти́л*, *полотнó* – 'настланная для валяния шерсть', в плотническом и столярном деле: *кóмель* – 'нижняя часть бревна', *ствол* – 'единица счёта брёвен', *полова́я доска́* – 'толстая доска, применяемая в качестве материала для пола'; в обработке волокна, прядении и ткачестве: *костри́га* – 'отходы при обработке волокна', *мотушка* – 'смотанная пряжа'), к диалектным относится 41 наименование, из них 4 имеют общераспространённое значение (в валяльном деле: *рулёт* – 'свёрнутая чёсаная шерсть'; в плотническом и столярном деле: *шкура́* / *шкура́* – 'верхний покров деревьев, кора'; в обработке волокна, прядении и ткачестве: *конопли́*, *конопéль* – 'конопля'), а 38 – терминологическое (напр., валяльном деле: *вешни́ка* – 'шерсть весенней стрижки', *о́сень* – 'шерсть осенней стрижки', *поярок* – 'шерсть с молодой овцы', *мертвя́к* – 'шерсть с мёртвой овцы', *опóлки* – 'настланная для валяния шерсть'; в плотническом и столярном деле: *в́ирубка* – 'объём срубленного леса', *кóрень* – 'единица счёта деревьев', *короты́ш* – 'короткое бревно', *горбы́ль* – 'неровная доска из продольных обрезков брёвен'; в обработке волокна, прядении и ткачестве: *шóлох*, *вёртя* – 'отходы при обработке волокна', *мóчка* – 'кудель определённого количества и формы').

Из 285 наименований инструментов и приспособлений, используемых для создания изделия, 132 относятся к общенародным, а 152 – к диалектным. Общераспространённое значение имеют 3 диалектных слова (только в валяльном деле: *рубéль*, *валёк* и *ва́лик* – 'инструмент для битья валенка в процессе его валяния') и 30 общенародных (напр., в валяльном деле: *холст*, *полотнó* – 'ткань для настиланья шерсти', *лекáло* – 'выкройка для валенка', *котёл* – 'ёмкость для замачивания заготовки валенка'; в обработке волокна, прядении и ткачестве: *стóпа*, *пест* – 'инструменты для молочения волокна', *сидéние* – 'нижняя часть простой прялки'). Большинство слов, имеющих общераспространённое значение, или являются синонимами слов, имеющих общераспространённое значение, или наименованиями приспособлений, используемых и в быту, а не только в ремесле. Терминологическое значение имеют 251 слово и словосочетание, из них к диалектным относятся 149 лексических единиц (в валяльном

деле: *шерстобйтка* – ‘инструмент для чесания шерсти’, *повал* – ‘ткань для настиланья шерсти’, *стирка* – ‘стол для валяния’, *квасцы* – ‘раствор для замачивания валенка’; в плотническом и столярном деле: *рубанка*, *шершебка* – ‘инструменты для строгания’, *двухручка*, *русская пила* – ‘двухручный инструмент для пиления’, *подмостья* – ‘временный подмост для работ на возвышении’, *расшивина*, *расшивка* – ‘временная подпорка для неустойчивых деталей сруба’), а к общенародным – 102 единицы (напр., в валяльном деле: *лучок* – ‘инструмент и часть инструмента для чесания шерсти’, *колодка* – ‘инструмент, на который надевается валенок’, *головка*, *носок* – ‘передняя часть валяльной колодки’, *пятка* – ‘задняя часть валяльной колодки’; в плотническом и столярном деле: *топор* – ‘инструмент для рубки’, *скобель* – ‘инструмент для ошкуривания’; в обработке волокна, прядении и ткачестве: *ток* – ‘место для молотьбы’, *мялка* – ‘инструмент для обминания’, *веретенó* – ‘тонкая палочка, на которую наматывается пряжа при прядении’, *прялка* – ‘простой инструмент для прядения в виде вертикальной доски и сидения’, *зев* – ‘промежуток между нитями основы для пропуска утка’).

5. Обсуждение результатов и выводы

Из всех трёх тематических групп ремесленной лексики к общенародным относятся 536 лексических единиц, к диалектным – 434 единицы (рис. 2).

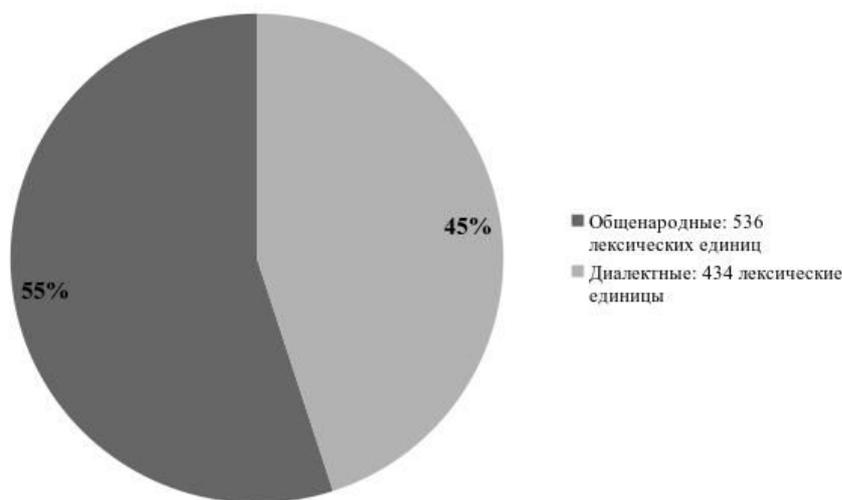

Рисунок 2. Соотношение общенародных и диалектных единиц

Количество общенародных слов превалирует в тематических группах «Лексика плотнического и столярного дела» и «Лексика обработки волокна, прядения и ткачества». В тематической группе «Лексика валяльного дела» количество слов той и другой категории практически равно.

Специфика сопоставления ремесленной лексики нескольких тематических групп необходимо затрагивает историю и особенности распространения самих ремёсел, то есть насколько общераспространённым или узкоспециальным ремеслом было, насколько оно развито в настоящее время. В данном разделе будут рассмотрены противопоставления с учётом специфики каждого ремесла. Валяльное дело исторически является наиболее узкоспециальным ремеслом из рассматриваемых: им всегда занималось и занимается ограниченное число людей, в отличие от прядения и ткачества, которое до первой трети XX столетия составляло обязательное умение любой деревенской женщины, а в настоящее время это мастерство уходит в прошлое. Плотнические и столярные работы широко распространены в современном обществе, как это было и в прежние времена.

Слова с терминологическим значением (709 единиц) значительно преобладают над общераспространёнными (261 единица) (рис. 3), что продиктовано самим анализируемым материалом. Наличие слов, имеющих общераспространённое значение, говорит о взаимосвязи ремесленной лексики с народной непрофессиональной речью. Кроме того, «общие» глаголы, то есть имеющие значение процессов и действий, совершаемых не только в ремесле, но и в быту, составляют немалую часть общераспространённых слов.

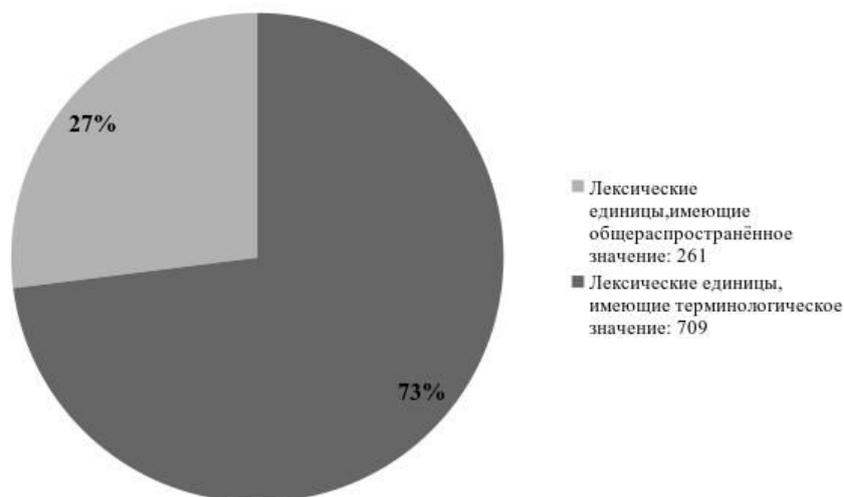

Рисунок 3. Общее соотношение лексических единиц с общераспространённым и терминологическим значениями

Среди общенародных единиц терминологическое значение имеет 322 слова и словосочетания, а общераспространённое – 214 (рис. 4).

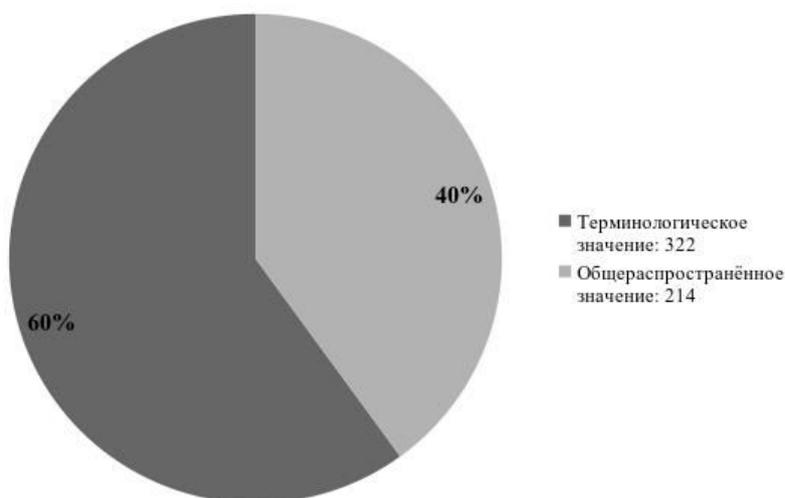

Рисунок 4. Соотношение общенародных лексических единиц с общераспространённым и терминологическим значениями

Среди диалектных слов (рис. 5) терминологическое значение имеет 387 лексических единиц, а общераспространённое значение – 47 единиц. К общераспространённым словам относятся наименования деятеля в валяльном деле, наименования изделия в валяльном и плотническом и столярном деле, а также некоторые наименования материала и инструментов.

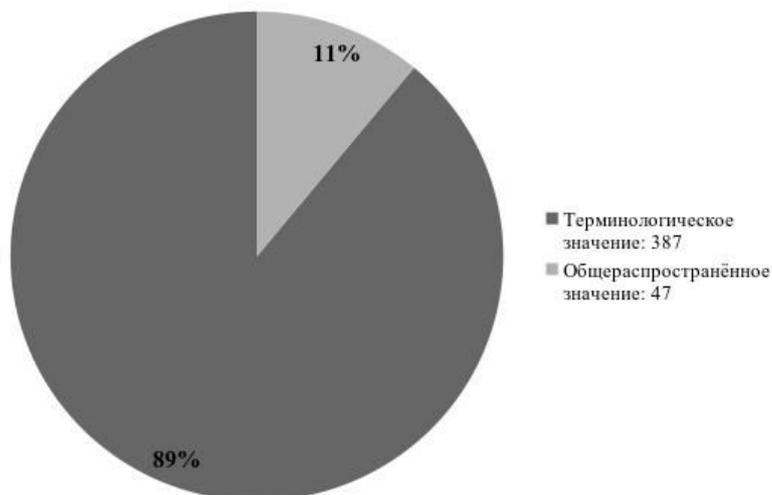

Рисунок 5. Соотношение диалектных лексических единиц с общераспространённым и терминологическим значениями

Терминологическое значение в составе всей совокупности исследуемой ремесленной лексики, как было указано выше, имеют 322 общенародные лексические единицы и 387 диалектных (рис. 6).

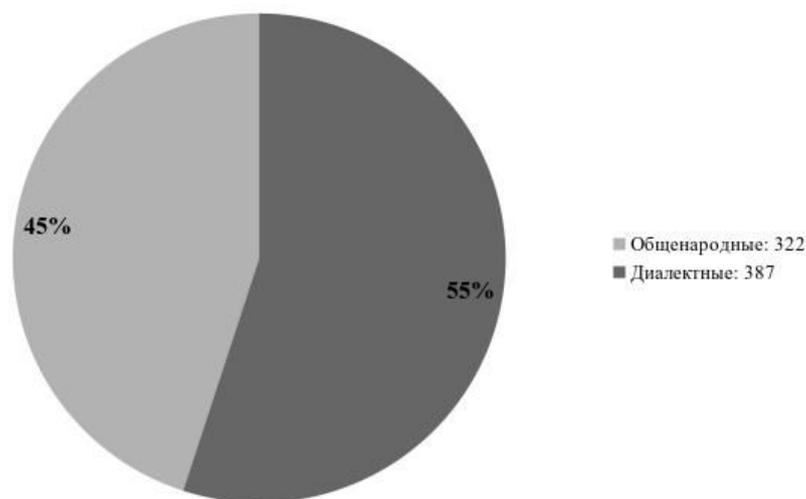

Рисунок 6. Лексические единицы, имеющие терминологическое значение

Представленная в настоящей статье классификация по характеру функционирования – это попытка соотнести диалектный и профессиональный лексические пласты в собранном материале, продиктованная неопределённостью статуса ремесленной лексики и затруднённой её описания и анализа. Проведённое исследование позволяет сделать основной вывод о том, что существует настоятельная необходимость выделить самостоятельную совокупность ремесленной лексики. Эта совокупность включает в себя разноплановую лексику: входящую в состав литературного языка, профессиональную терминологию, профессиональные жаргонизмы, общеизвестные диалектные слова, и собственно диалектную профессиональную лексику. Кроме того, среди слов, входящих в эту совокупность, присутствует значительный ряд этнографической лексики, что, несомненно, требует особого внимания.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке фонда РФФИ: проект 19-012-00207 «"Лексический атлас русских народных говоров": архивные лингвогеографические источники и новые полевые данные»

Автор выражает благодарность своему научному руководителю С. А. Мызникову, а также всем коллегам за помощь и советы в работе.

Список литературы

- Агапова, Зимина, 2003 – Агапова, М. А. Лексика ложкарного и посудотокарного промыслов на территории Нижегородской области [Текст] / М. А. Агапова, И. В. Зимина // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2000 / отв. ред. А. С. Герд; Ин-т лингвистич. исследований РАН. – СПб.: Наука, 2003. – С. 128–130.
- Алёшина, 2002 – Алёшина, Л. М. Лексика коноплеводства в орловских говорах [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Алёшина Лариса Михайловна; Орловский гос. ун-т. – Орёл, 2002. – 24 с.
- Анохина, Никончук, 1968 – Анохина, В. В. Полесская терминология пчеловодства [Текст] / В. В. Анохина, Н. В. Никончук // Лексика Полесья / отв. ред. Н. И. Толстой; Академия наук СССР; Институт славяноведения. М.: Наука, 1968. – С. 320–365.
- Баланчик, 1992 – Баланчик, Н. А. Лексика крестьянского текстильного производства и плотнического ремесла: на материале русских говоров Кемеровской и Орловской областей [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Баланчик Николай Андреевич; Орловский гос. ун-т. – Орёл, 1992. – 12 с.
- Блинова, 1964 – Блинова, О. И. Лексика обработки льна, прядения и ткачества в старожильческих говорах средней части бассейна р. Оби [Текст] / О. И. Блинова // Труды Томского ГУ им. В. В. Куйбышева. – 1964. – Т. 174. – С. 48–58.
- Блинова, 1962 – Блинова, О. И. Производственно-промысловая лексика старожильского говора с. Вершинина Томского района Томской обл. [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Блинова Ольга Иосифовна; Томский гос. ун-т. – Томск, 1962. – 381 с.
- БАС-3 – Большой академический словарь русского языка / под ред. К. С. Горбачевича, А. С. Герда. – СПб.: Наука, 2004–2019. – Т. 1–26.
- Боровая, 2012 – Боровая, Е. И. Лексика вышивания в Орловских говорах: названия нитей [Текст] / Е. И. Боровая // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2012. – Вып. 45. – Т. 1. – С. 226–233.
- Борхвальдт, 1992 – Борхвальдт, О. В. Диалектная лексика в профессиональном языке енисейских золотодобытчиков XIX в. [Текст] / О. В. Борхвальдт // Говоры Сибири в синхронном и диахронном аспекте: межвуз. сб. / отв. ред. В. В. Бебриш – Красноярск, 1992. – С. 95–104.
- Бурнашев, 1843–1844 – Бурнашев, В. П. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного [Текст] / В. П. Бурнашев. – СПб.: Тип. К. Жернакова. – 1843–1844. – Т. 1–2.
- Василенко, 1902 – Василенко, В. К. Опыт толкового словаря народной технической терминологии по Полтавской губернии. Кустарные промыслы, сельское хозяйство и земледелие, народные поговорки и изречения [Текст] / В. К. Василенко – Харьков: Тип. «Печ. дело кн. К. Н. Гагарина», 1902. – 80 с.
- Вереха, 1898 – Вереха, П. Н. Опыт лесоводственного терминологического словаря. [Текст] / П. Н. Вереха. – СПб.: Тип. СПб. Градоначальства, 1898. – 592 с.
- Герд, 1968 – Герд, А. С. Проблемы формирования научной терминологии (на материале русских научных названий рыб) [Текст]: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Герд Александр Сергеевич; ЛГУ. – Л., 1968. – 27 с.
- Гринкова, 1939 – Гринкова, Н. П. Термины вышивания в русских диалектах [Текст] / Н. П. Гринкова // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. – 1939. – Т. 20. – С. 173–192.

- Громов, 1992 – Громов, А. В. Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже : учеб. пособие [Текст] / А. В. Громов. – Ярославль : Инфопресс, 1992. – 81 с.
- Даль, 1880–1882 – Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] / В. И. Даль. – 2-е изд. – СПб. : Тип. М. О. Вольфа, 1880–1882. – Т. 1–4.
- Дуров, 1929 – Дуров, И. М. Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья [Текст] / И. М. Дуров. – Соловки : Соловецкое общество краеведения, 1929. – 180 с.
- Замятина, 1997 – Замятина, Н. А. Терминология русской иконописи [Текст] / Н. А. Замятина. – М. : Языки Славянской Культуры, 1997. – 275 с.
- Иванищев, 1979 – Иванищев, С. И. Источники лексики русских горняков (заимствования из общерусского языка и диалектов) [Текст] / С. И. Иванищев // Лексика русского языка / отв. ред. В. Д. Бондалетов. – Рязань, 1979. – С. 7–12.
- Иванова, 1974 – Иванова, Т. Г. Лексика пчеловодства русских говоров Кубани [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Иванова Тамара Григорьевна ; Моск. областной пед. ин-т. – М., 1974. – 17 с.
- КСРНГ – Картотека Словаря русских народных говоров. Институт лингвистических исследований РАН.
- Кондратьева, 1969 – Кондратьева, В. П. О профессиональной лексике псковских плотников [Текст] / В. П. Кондратьева // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. – 1969. – Т. 324. – С. 303–317.
- Королькова, 2017 а – Королькова, М. Д. Лексика валяльного дела в лингвогеографическом аспекте (на материале говоров Присурского Поволжья) [Текст] / М. Д. Королькова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2017. – Т. 9. – Вып. 1. – С. 25–27.
- Королькова, 2017 б – Королькова, М. Д. Наименования сруба и способов соединения бревен: сопоставительный анализ данных Присурского Поволжья и севернорусских говоров [Текст] / М. Д. Королькова // Севернорусские говоры. – 2017. – Вып. 16. – С. 76–95.
- Крылов, 1970 – Крылов, А. Н. Терминологические названия количества льна и волокна в говорах Сокольского р-на (Ивановская область) [Текст] / А. Н. Крылов // Ученые записки Ивановского пед. ин-та. – 1970. – Т. 84. – С. 16–24.
- Лебедева, 1927 – Лебедева, Н. И. Народный быт в верховьях Десны и верховьях Оки. Ч. 1. [Текст] / Н. И. Лебедева. – М. : Этногр. отд. Общ. люб. Ест., Антроп. и Этнографии, 1927. – 166 с.
- Левенко, 1982 – Левенко, Е. П. Виды семантических изменений в промысловой лексике русских говоров (на материале терминов рыболовства) [Текст] / Е. П. Левенко // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 9. Филология. – 1982. – № 6. – С. 55–60.
- Литвинов, 1955 – Литвинов, М. И. Ремесленно-промысловая терминология (по материалам словаря В. И. Даля) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Литвинов Михаил Иванович ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1955. – 15 с.
- Маерова, 2006 – Маерова, К. В. Диалектная терминологическая лексика (на материале льно-прядильно-ткацкой терминологии говоров алтайских старообрядцев) [Текст] / К. В. Маерова // Актуальные проблемы русской диалектологии. Тезисы докладов Междунар. конф. 23–25 октября 2006 года / отв. ред. Л. П. Касаткин ; Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. – М. : ИРЯ РАН, 2006. – С. 122–124.
- Маринин, 2011 – Маринин, А. В. Лексика промыслов и ремесел в говорах Вадского района Нижегородской области [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Маринин Андрей Владимирович ; Арзамасский филиал Нижегород. гос. ун-та. – Арзамас, 2011. – 25 с.
- Михайлова, 1970 – Михайлова, Л. П. Лексика льнообработки, прядения и ткачества в новгородских говорах [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Михайлова Любовь Петровна ; ЛГПИ им. А. И. Герцена. – Л., 1970. – 24 с.
- Мызников, 2011 – Мызников, С. А. О некоторых наименованиях уборки и обработки льна финно-угорского происхождения [Текст] / С. А. Мызников // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011 / отв. ред. А. С. Герд ; Ин-т лингвистич. исслед. РАН. – СПб. : Наука, 2011. – С. 97–113.

- Невежин, 1941 – Невежин, А. П. Особенности говора деревни Большого Ефимова (терминология ткачества, домашнего печенья и др. [Текст] / А. П. Невежин // Диалектологический сборник / ред. А. С. Ягодинский; ВГПИ им. В. М. Молотова. – Волгоград: ВГПИ им. В. М. Молотова, 1941. – С. 21–26.
- Орлова, 1972 – Орлова, О. С. Из наблюдений над лексикой кружевного промысла Рязанской области [Текст] / О. С. Орлова // Ученые записки Рязанского пед. ин-та. – 1972. – Т. 114. – С. 233–238.
- Орлова, 1976 – Орлова, О. С. Терминология гончарства (г. Скопин Рязанской обл.) [Текст] / О. С. Орлова // Диалектологический сборник / ред. Т. С. Жбанкова. – Рязань: РГПИ, 1976. – С. 52–63.
- Палагина, 1960 – Палагина, В. В. Лексика санно-тележного промысла в говорах Томской области [Текст] / В. В. Палагина // Труды Томского ун-та. – 1960. – Т. 153. – С. 99–103.
- Павлова, 1990 – Павлова, М. Р. Полесская терминология ткачества на общеславянском фоне [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.03 / Павлова Марина Рэмовна; Ин-т славяноведения и балканистики. – М., 1990. – 18 с.
- Петрунина, 1979 – Петрунина, В. М. Омонимы в лексике современного текстильного производства [Текст] / В. М. Павлова // Лексика русского языка / отв. ред. В. Д. Бондалетов. – Рязань: РГПИ, 1979. – С. 16–20.
- Плотников, 1894 – Плотников, М. А. Кустарные промыслы Нижегородской губернии [Текст] / М. А. Плотников. – Нижний Новгород: Издание Нижегородского губернского земства, 1894. – 278 с.
- Порфиренко, 1987 – Порфиренко, Н. А. Лексика ткацкого льняного производства в русском языке XVII века [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Порфиренко Наталья Алексеевна; Киев. гос. пед. ин-т им. А. М. Горького. – Киев, 1987. – 20 с.
- Прибытова, 2005 – Прибытова, Л. В. Профессиональный язык шахтеров Кемеровской области: терминология и жаргон [Текст]: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Прибытова Лариса Валентиновна; Кемеровский гос. ун-т. – Кемерово, 2005. – 22 с.
- Решетова, 1976 – Решетова, Н. А. Терминологическая лексика лесорубов [Текст] / Н. А. Решетова // Диалектологический сборник / ред. Т. С. Жбанкова. – Рязань: РГПИ, 1976. – С. 32–44.
- Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. [Текст]. – Вып. 1–3. – СПб., 2003–2015.
- БАС – Словарь современного русского литературного языка [Текст]. Т. 1–17. – М.; Л.: Изд-во АН СССР; Наука, 1950–1965.
- Сывороткин, 1984 – Сывороткин, М. М. Лексика колодезного ремесла в Посерёжье [Текст] / М. М. Сывороткин // Эволюция и предыстория русского языкового строя. Взаимодействие лексики и грамматики / отв. ред. Н. Д. Русинов; Горьковский ун-т им. Н. И. Лобачевского. – Горький: Изд-во Горьк. ун-та, 1984. – С. 87–95.
- Титова, 2007 – Титова, М. В. Лексика пчеловодства на Алтае: комплексное исследование [Текст]: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Титова Марина Владимировна; Алт. Гос. ун-т. – Барнаул, 2007. – 18 с.
- Трубачёв, 1966 – Трубачёв, О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции) [Текст] / О. Н. Трубачёв. – М.: Наука, 1966. – 416 с.
- Халюков, 2008 – Халюков, Ю. В. Лексика орловских рыбаков [Текст]: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Халюков Юрий Владимирович; Орлов. гос. ун-т. – Орёл, 2008. – 25 с.
- Холодилова, 2009 – Холодилова, М. В. Лексика русской лесопильной промышленности: полипарадигмальный подход [Текст]: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Холодилова Марина Владимировна; Сиб. федер. ун-т. – Красноярск, 2009. – 17 с.
- Чижова, 2005 – Чижова, И. Л. Лексика художественных промыслов Среднего Урала: структурно-семантический, лексикографический и номинативный аспекты [Текст]: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Чижова Инна Леонидовна; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2005. – 22 с.
- Чумакова, 1995 – Чумакова, Ю. П. Лексика традиционного ткачества в говорах района Богословщина Рязанской области (семантическая, диалектологическая и этимологическая характеристика) [Текст] / Ю. П. Чумакова. – Рязань: Рязанский этнографический вестник, 1995. – 228 с.

- Baillargeon, Bédard, 2009 – Baillargeon, C. Lexique Textile [Text] / C. Baillargeon, V. Bédard. – Maison des métiers d'art de Québec, 2009. – 56 p.
- Barbot, 1973 – Barbot, M. Notes lexicographiques sur les orfèvres et bijoutiers de Damas [Text] / M. Barbot // Revue de l'Occident musulman et de la Méditerranée. – N 13–14. – Paris, 1973. – P. 67–74.
- Jeannot, 2004 – Jeannot, G. Terminologie sur les métiers [Text] / G. Jeannot // Convention DGAFP Ecole des ponts et chaussées. – Champs-sur-Marne. 9 décembre 2004.
- Mingaud, 1992 – Mingaud, M. Artisans et centres de production de vannerie dans l'occident romain [Text] / M. Mingaud // Mélanges de la Casa de Velázquez. – 1992. Tome 28–1. Antiquité – Moyen-Age. – P. 37–64.

References

- Agapova, M. A., Zimina, I. V. (2003). Leksika lozhkarnogo i posudotokarnogo promyslov na territorii Nizhegorodskoj oblasti [Vocabulary of locksmith and vessel-turning fields in the territory of the Nizhny Novgorod region]. In A. S. Heard (Ed.), *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2000* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2000] (pp. 128–130); Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences. SPb : Nauka Press.
- Aleshina, L. M. (2002). *Leksika konoplevodstva v orlovskikh govorakh* [Vocabulary in Oryol dialects]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Orel : Orel State University.
- Anokhina, V. V., Nikonchuk, N. V. (1968). Poleskaya terminologiya pchelovodstva [Polesye terminology of beekeeping] In N. I. Tolstoy (Ed.), *Leksika Poles'ya* [Vocabulary of Polesia] (pp. 320–365); Institute for Slavic Studies RAS. Moscow : Nauka Press.
- Balanchik, N. A. (1992). Leksika krest'yanskogo tekstil'nogo proizvodstva i plotnicheskogo remesla: na materiale russkikh govorov Kemerovskoy i Orlovskoy oblastey [Vocabulary of peasant textile production and carpentry: Based on the Russian dialects of the Kemerovo and Oryol regions]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Orel : Orel State University.
- Blinova, O. I. (1964). Leksika obrabotki l'na, pryadeniya i tkachestva v starozhil'cheskikh govorakh sredney chasti basseyna r. Obi. [Vocabulary of flax processing, spinning and weaving in old-time dialects of the middle part of the basin of the r. Obi]. *Trudy Tomskogo GU im. V. V. Kuybysheva. Lingvisticheskiy sbornik* [Proceedings of Tomsk State University. V. V. Kuibyshev. Linguistic collection], 174, 48–58.
- Blinova, O. I. (1962). *Proizvodstvenno-promyslovaya leksika starozhil'cheskogo govora s. Vershinina Tomskogo rayona Tomskoy obl.* [Production vocabulary of old-time talk. Vershinina village of Tomsk region]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Tomsk : Tomsk State University.
- Gorbachevich, K. S., Heard, A. S. (Eds.). (2004–2014). *Bol'shoy akademicheskij slovar' russkogo yazyka* [Great Academic Dictionary of the Russian language]. Vol. 1–23. St Petersburg : Nauka Press.
- Borkhval'dt, O. V. (1992). Dialektnaya leksika v professional'nom yazyke eniseyskikh zolotodobytychikov XIX v. [Dialect vocabulary in the professional language of Yenisei gold miners of the XIX century]. In V. V. Bebrish (Ed.), *Govory Sibiri v sinkhronnom i diakhronnom aspekte: Mezhevuz. sb.* [Talking of Siberia in the synchronous and diachronic aspect: Interuniversity collection] (pp. 95–104); Krasnoyarsk : KGPI Press.
- Borovaya, E. I. (2012). Leksika vyshivaniya v Orlovskikh govorah: nazvaniya nitej [The vocabulary of embroidering in Orel dialects: The names of threads using for embroidering]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Orel State University], 45 (1), 226–233.
- Burnashev, V. P. (1843–1844). *Opyt terminologicheskogo slovarya sel'skogo khozyaystva, fabrichnosti, promyslov i byta narodnogo* [The experience of the terminological dictionary of agriculture, factories, crafts and everyday life of the people]. St-Petersburg : K. Zhernakov Pbl.
- Vasilenko, V. K. (1902). *Opyt tolkovogo slovarya narodnoy tekhnicheskoy terminologii po Poltavskoy gubernii. Kustarnye promysly, sel'skoe khozyaystvo i zemlevedenie, narodnye pogovorki i*

- izrecheniya* [Experience of the explanatory dictionary of folk technical terminology in the Poltava province. Handicrafts, agriculture and geography, folk sayings and sayings]. Khar'kov : K. N. Gagarin Pbl.
- Verekha, P. N. (1898). *Opyt lesovodstvennogo terminologicheskogo slovarya* [Experience in silvicultural terminology dictionary]. St Petersburg : St-Petersburg City Council Pbl.
- Gerd, A. S. (1968). Problemy formirovaniya nauchnoy terminologii (na materiale russkikh nauchnykh nazvaniy ryb) [Problems of formation of scientific terminology (on the material of Russian scientific names of fish)]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Leningrad : Pushkin Leningrad State University.
- Grinkova, N. P. (1939). Terminy vyshivaniya v russkikh dialektakh [Embroidery terms in Russian dialects]. *Uchenye zapiski LSPI im. A. I. Gertsena* [Scientific notes of the Leningrad Herzen State Pedagogical Institute], 20, 173–192.
- Gromov, A. V. (1992). *Slovar'. Leksika l'novodstva, pryadeniya i tkachestva v kostromskikh govorakh po reke Unzhe* [Dictionary. Vocabulary flax, spinning and weaving in Kostroma dialects on the river Unzha] : A coursebook. Yaroslavl : Infopress.
- Dal', V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka*. (1880–1882). [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Vol. 1–4. 2nd edition. St Petersburg : M. O. Vol'f Pbl.
- Durov, I. M. (1929). *Opyt terminologicheskogo slovarya rybolovnogo promysla Pomor'ya* [The experience of the Pomorye terminological vocabulary]. Solovki.
- Zamyatina, N. A. (1997). *Terminologiya russkoy ikonopisi* [Terminology of Russian Iconography], Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press.
- Ivanishchev, S. I. (1979). Istochniki leksiki russkikh gornyakov (zaimstvovaniya iz obshcherusskogo yazyka i dialektov) [Sources of vocabulary of Russian miners (borrowing from the general Russian language and dialects)]. In V. D. Bondaletov (Ed.), *Leksika russkogo yazyka* [Russian vocabulary] (pp. 7–12). Ryazan : RGPI Press.
- Ivanova, T. G. (1974). *Leksika pchelovodstva russkikh govorov Kubani* [Vocabulary beekeeping Russian dialects Kuban]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow Region Pedagogical University.
- Kartoteka Slovarya russkikh narodnykh govorov [Card dictionary of Russian folk dialects]. Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences.
- Khalyukov, Y. V. (2008). *Leksika orlovskikh rybakov* [Vocabulary of Orel's fishermen]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Orel : Orel State University.
- Kholodilova, M. V. (2009). *Leksika russkoy lesopil'noy promyshlennosti: poliparadigmallyy podkhod* [Vocabulary of the Russian sawmill industry: A polyparadigm approach]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Krasnoyarsk : Siberian Federal University.
- Kondrat'eva, V. P. (1969). O professional'noy leksike pskovskikh plotnikov [About professional vocabulary of Pskov carpenters]. *Uchenye zapiski LSPI im. A. I. Gercena* [Scientific notes of the Leningrad Herzen State Pedagogical Institute], 32, 303–317.
- Korolkova, M. D. (2017). *Leksika valyal'nogo dela v lingvogeograficheskom aspekte (na materiale govorov Prisurskogo Povolzh'ya)* [Felting Craft Vocabulary in Terms of Linguistic Geography (a Case Study of Dialects of the Prisurie Area of the Volga Region)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 9 (1), 25–37.
- Korolkova, M. D. (2017). *Naimenovaniya sruba i sposobov soedineniya breven: sopostavitel'nyy analiz dannykh Prisurskogo Povolzh'ya i severnorusskikh govorov* [Words denoting log construction and log joining techniques: a comparative analysis of the material collected in the Sura area of the Volga region and the data of Northern Russian dialects]. *Severnorusskie govory* [Northern Russian dialects], 16, 76–95.
- Krylov, A. N. (1970). *Terminologicheskie nazvaniya kolichestva l'na i volokna v govorakh Sokol'skogo r-na (Ivanovskaya oblast')* [The terminological names of flax and fiber in the dialects of the Sokolsky district (Ivanovo region)]. *Uchenye zapiski Ivanovskogo ped. instituta* [Scientific Notes of Ivanovo Institute], 84, 16–24.

- Lebedeva, N. I. (1927). *Narodnyy byt v verkhov'yakh Desny i verkhov'yakh Oki* [People's life in the upper Desna and upper Oka]. Moscow : Ethnographic Department of the Society of Anthropology and Ethnography.
- Levenko, E. P. (1982). Vidy semanticheskikh izmeneniy v promyslovoy leksike russkikh govorov (na materiale terminov rybolovstva) [Types of semantic changes in the fishing vocabulary of Russian dialects (based on the fishery terms)]. *Vestnik Mosk. un-ta* [Moscow University Bulletin], 9 (6), 55–60.
- Litvinov, M. I. (1955). Remeslenno-promyslovaya terminologiya (po materialam slovarya V. I. Dalya) [Artisan Terminology in V. I. Dahl Dictionary]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow State University.
- Maerova, K. V. (2006). Dialektnaya terminologicheskaya leksika (na materiale l'no-pryadil'no-tkatskoy terminologii govorov altayskikh staroobryadtsev) [Dialect terminological vocabulary (Based on flax-spinning and weaving terminology of Altai Old Believers dialects)]. In L. P. Kasatkin (Ed.), *Aktual'nye problemy russkoy dialektologii* [Current Issues of Russian dialectology] (pp. 122–124). Moscow : Vinogradov Institute of the Russian language.
- Marinin, A. V. (2011). Leksika promyslov i remesel v govorakh Vadskogo rayona Nizhegorodskoy oblasti [Vocabulary of crafts and skills in the dialects Vadsky district of Nizhny Novgorod region]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Arzamas : Arzamas Department of Lobachevsky University (UNN).
- Mikhaylova, L. P. (1970). Leksika l'noobrabotki, pryadeniya i tkachestva v novgorodskikh govorakh [Vocabulary of flax processing, spinning and weaving in Novgorod dialects]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Leningrad : Herzen Leningrad State Pedagogical University.
- Myznikov, S. A. (2011). O nekotorykh naimenovaniyakh uborki i obrabotki l'na finno-ugorskogo proiskhozhdeniya [On some items of harvesting and processing of flax of Finno-Ugric origin]. In A. S. Gerd (Ed.), *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov* (Materialy i issledovaniya) [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Studies)] (pp. 97–113). SPb : Nauka Press.
- Nevezhin, A. P. (1941). Osobennosti govora derevni Bol'shogo Efimova (terminologiya tkachestva, domashnego pecheniya i dr.) [Peculiarities of the talk of the village of Bolshoi Efimov (The terminology of weaving, home baking, etc.)]. In A. S. Yagodinskiy (Ed.), *Dialektologicheskii sbornik* [Dialectological collection] (pp. 21–27). Vologda : V. M. Molotov Vologda State Pedagogical University.
- Orlova, O. S. (1972). Iz nablyudeniy nad leksikoy kruzhevnoy promysla Ryazanskoy oblasti [From observations on the vocabulary of the lace industry of the Ryazan region]. *Uchenye zapiski Ryazanskogo ped. instituta* [Scientific notes of the Ryazan Pedagogical Institute], 114, 233–238.
- Orlova, O. S. (1976). Terminologiya goncharstva (g. Skopin Ryazanskoy obl.) [Pottery terminology (Skopin, Ryazan region)]. In T. S. Zhbankova (Ed.), *Dialektologicheskii sbornik* [Dialectological collection] (pp. 52–63). Ryazan : RSPI Press.
- Palagina, V. V. (1960). Leksika sanno-telezhnogo promysla v govorakh Tomskoy oblasti [Vocabulary of the sledge-cart fishing in the dialects of the Tomsk region]. *Trudy Tomskogo un-ta* [Bulletin of Tomsk University], 153, 99–103.
- Pavlova, M. R. (1990). Polesskaya terminologiya tkachestva na obshchslavyanskom fone [Polisskaya terminology of weaving on the common Slavic lexical background]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow : Institute of Slavic and Balkan Studies.
- Petrulina, V. M. (1979). Omonimy v leksike sovremennogo tekstil'nogo proizvodstva [Homonyms in the vocabulary of modern textile production]. In V. D. Bondaletov (Ed.), *Leksika russkogo yazyka* [Russian vocabulary] (pp. 16–20). Ryazan : RSPI Press.
- Plotnikov, M. A. (1894). *Kustarnye promysly Nizhegorodskoy gubernii* [Handicraft industries of the Nizhny Novgorod province]. Nizhny Novgorod : Zemstvo Pbl.
- Porfirenko N. A. (1987). Leksika tkatskogo l'nyanogo proizvodstva v russkom yazyke XVII veka [Vocabulary weaving linen production in the Russian language of the XVII century]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Kyiv: Gorky Kyiv Pedagogical Institute.
- Pribytova, L. V. (2005). Professional'nyy yazyk shakhterov Kemerovskoy oblasti: terminologiya i zhargon [Professional language of miners of the Kemerovo region: terminology and jargon]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Kemerovo : Kemerovo State University.

- Reshetova, N. A. (1976). Terminologicheskaya leksika lesorubov [Terminology vocabulary of lumberjacks]. In T. S. Zhbankova (Ed.), *Dialektologicheskii sbornik* [Dialectological collection] (pp. 32–44). Ryazan : RSPI Press.
- Slovar' promyslovy leksiki Severnoy Rusi XV–XVII vv.* [Dictionary of craft vocabulary of Northern Russia XV–XVII centuries] 2003–2015. Vol. 1–3. St Petersburg.
- Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of modern Russian literary language]. (1950–1965). Vol. 1–17. Moscow ; Leningrad : Nauka Press.
- Syvorotkin, M. M. (1984). Leksika kolodeznogo remesla v Poserezh'e [The vocabulary of well's craft in Poserezh'e region] In N. D. Rusinov (Ed.), *Evolyutsiya i predystoriya russkogo yazykovogo stroya. Vzaimodeystvie leksiki i grammatiki* [Evolution and prehistory of the Russian language system. The interaction of vocabulary and grammar] (pp. 87–95). Gorky : Gorky University Press.
- Titova, M. V. (2007). Leksika pchelovodstva na Altae: kompleksnoe issledovanie [Beekeeping vocabulary in Altai: a comprehensive study]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss.. Barnaul : Altai State University.
- Trubachev, O. N. (1966). *Remeslennaya terminologiya v slavyanskikh yazykakh* (etimologiya i opyt gruppovoy rekonstruktsii) [Craft terminology in Slavic languages (Etymology and experience of group reconstruction)]. Moscow : Nauka Press.
- Chizhova, I. L. (2005). *Leksika khudozhestvennykh promyslov Srednego Urala: strukturno-semantichestkiy, leksikograficheskii i nominativnyy aspekty* [The vocabulary of the arts of the Middle Urals: Structural-semantic, lexicographical and nominative aspects]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Ekaterinburg : Ural State Pedagogical University.
- Chumakova, Y. P. (1995). *Leksika traditsionnogo tkachestva v govorakh rayona Bogoslovshchina Ryazanskoj oblasti (semantichestkaya, dialektologicheskaya i etimologicheskaya kharakteristika)* [Vocabulary of traditional weaving in the dialects of the Theological District of the Ryazan Region (Semantic, dialectological and etymological features)]. Ryazan : Ryazansky etnograficheskyy vestnik Press.
- Baillargeon, C., Bédard, V. (2009). *Lexique Textile*. Maison des métiers d'art de Québec.
- Barbot, M. (1973). Notes lexicographiques sur les orfèvres et bijoutiers de Damas. *Revue de l'Occident musulman et de la Méditerranée*. (N 13–14, pp. 67–74). Paris.
- Jeannot, G. (2004). Terminologie sur les métiers . *Convention DGAFP Ecole des ponts et chaussées*. Champs-sur-Marne. 9 décembre 2004.
- Mingaud, M. (1992). Artisans et centres de production de vannerie dans l'occident romain. *Mélanges de la Casa de Velázquez*. Tome 28–1. Antiquité – Moyen-Age. r. P. 37–64.

УДК 372.881.1

UDC 372.881.1

Ли Синь, Стародубцева Наталья Сергеевна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Li Xin, Natalya S. Starodubtseva
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
ilia9980@mail.ru, nstarodubceva@yandex.ru

**ОСОБЕННОСТИ РУССКО-КИТАЙСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ
В ОЛИМПИАДНЫХ СОЧИНЕНИЯХ ШКОЛЬНИКОВ
RUSSIAN-CHINESE LANGUAGE INTERFERENCE PATTERNS
IN THE OLYMPIAD SECONDARY SCHOOL ESSAYS**

Аннотация

Всероссийская олимпиада школьников – массовое ежегодное мероприятие по работе с одарёнными школьниками в системе российского образования по различным предметам, включая китайский язык, и, соответственно, богатый источник сведений о русско-китайской интерференции. В статье приведены результаты анализа сочинений участников олимпиадных испытаний по китайскому языку с целью выявления особенностей русско-китайской интерференции, отражённых в иероглифике. Авторы выделили 5 категории ошибок: 1) неправильное употребление похожих либо непохожих, но омофоничных иероглифов (внутри неё выделено 5 видов ошибок); 2) ошибки, связанные с незнанием способов словообразования; 3) ошибки, связанные с неверным контекстным употреблением слов (нарушение сочетаемости) и неверным выбором лексической единицы; 4) ошибки грамматического характера (частеречные и синтаксические); 5) пунктуационные. В статье приведены типичные примеры каждой категории (и каждого вида) ошибок, даны методические рекомендации, которые могут помочь снизить вероятность их возникновения. Анализ сочинений участников олимпиады также позволил выяснить, какие средства использовали учащиеся для придания речи образности: поговорки, идиоматические выражения, метафоры и т. п.; какие названия достопримечательностей и слова, имеющие отношение к культуре, упоминались в их работах. Полученные результаты помогут в разработке рекомендаций по повышению качества преподавания китайского языка.

Abstract

The all-Russian school Olympiad is a massive annual event for working with gifted students in the Russian education system in different subjects including Chinese, therefore it is a rich source of information about Russian-Chinese language interference. The article presents the results of the Olympiad essays analysis aimed to determine the interference patterns reflected in hieroglyphics. The results enabled to identify the mistakes and group them into 5 categories: 1) wrong use of similar and/or omophonic characters (with 5 subcategories inside), 2) errors related to word formation patterns, 3) the use of words in wrong context (word-combination pattern violations) and wrong word choices, 4) grammatical errors (part of speech and syntactic errors), 5) punctuation errors. A number of mistake without a reasonable explanation were also found. The article gives examples of each error category and provides guidelines to help reduce their number. In addition, the Olympiad participants essays analysis enabled to find out what tools students used to make their speech figurative: sayings, idiomatic expressions, metaphors, etc., as well as what names of sights and words related to culture were mentioned in their works. The obtained results might be useful for working out the guidelines to improve Chinese as L2 teaching methods and techniques.

Ключевые слова: Всероссийская олимпиада школьников, китайский язык, иероглифика, омофон, неверное контекстное употребление слов, словообразовательные ошибки, грамматические и пунктуационные нарушения.

Keywords: all-Russian school Olympiad, the Chinese language, hieroglyphics, omophone, wrong word use in context, word-building errors, grammatical and punctuation errors.

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_2_73_84

1. Введение

Всероссийская олимпиада школьников по различным предметам – массовое ежегодное мероприятие по работе с одарёнными школьниками в системе российского образования, которая включает четыре этапа: школьный, муниципальный, региональный и заключительный. Всероссийская олимпиада школьников по китайскому языку проводится с 2015 г. Ведущие педагоги-синологи уделяют пристальное внимание изучению опыта подготовки школьников к олимпиадным испытаниям, вопросам организации и проведения Всероссийской олимпиады школьников, освещая его в своих публикациях [Рекомендации..., 2017; Круглов, 2018 а, б; Федорова, 2020], проводят вебинары [Развитие речевых..., 2020; Подготовка к ОГЭ..., 2020]. Определённое внимание было уделено и анализу сложностей, с которыми столкнулись школьники при выполнении олимпиадных заданий по китайскому языку, и типичным ошибкам, которые были допущены ими [Распертова, 2016; Урывская, 2018], однако этих сведений на данный момент явно недостаточно. Несомненно, для лингвистики Олимпиада по китайскому языку – это богатый источник сведений о русско-китайской интерференции. Настоящее исследование призвано внести посильный вклад в изучение ошибок и их группировку, уделяя особое внимание тому, как они отражаются в иероглифике.

2. Эксперимент

2.1. Материал и методика исследования

Материалом для анализа послужили 73 письменные работы участников следующих олимпиадных испытаний по китайскому языку:

- 1) Всероссийская олимпиада школьников г. Хабаровска (работы учащихся 7–8 и 9–11 классов – 13 работ победителей и призёров) [Всероссийская олимпиада..., 2019];
- 2) региональный этап Всероссийской олимпиады по китайскому языку 2016–2017 гг. в Амурской области (5 работ победителей и призёров) [Сайт Министерства..., 2016–2017];
- 3) заключительный этап Всероссийской олимпиады школьников по китайскому языку 2015–2016 гг. в г. Волгоград (36 работ) [Заключительный этап..., 2015–2016];
- 4) заключительный этап Всероссийской олимпиады школьников по китайскому языку 2016–2017 гг. в г. Благовещенск (19 работ) [Амурский..., 2016–2017].

2.2. Обсуждение результатов

Анализ материала позволил выделить 5 категорий ошибок: 1) неправильное употребление похожих и / или омофоничных иероглифов; 2) ошибки, связанные с незнанием способов словообразования; 3) ошибки, связанные с неверным контекстным употреблением слов (нарушение сочетаемости) и неверным выбором лексической единицы; 4) ошибки грамматического характера (частеречные и синтаксические); 5) пунктуационные.

Внутри первой категории выделено 5 видов ошибок:

- 1) неправильное употребление похожих иероглифов (омофонов), что вызвано непониманием роли графем в иероглифике;

2) неправильное употребление иероглифов, выступающих квазиомофонами¹ к верным иероглифам;

3) неправильное употребление внешне непохожих иероглифов (омофонов), что вызвано непониманием значения отдельной морфемы, образующей слово;

4) неправильное употребление похожих иероглифов (не омофонов), что вызвано непониманием роли графем в иероглифе;

5) неправильное употребление похожих иероглифов (внешнее сходство).

Рассмотрим примеры пяти видов ошибок данной категории и представим комментарии к ним.

Достаточно часто студенты допускают ошибки в связи с тем, что неправильно употребляют иероглифы, которые являются друг для друга омофонами. Большое количество ошибок такого рода вызвано непониманием роли графем в иероглифе – это первый вид ошибок. Такие ошибки возникают достаточно часто, а путь устранения данной проблемы весьма прост и вызывает интерес у учащихся: анализируя графемы, входящие в состав иероглифа, мы можем прибегнуть к методу мнемотехники, опираясь на мудрость китайского народа, создававшего на протяжении многих тысячелетий свою письменность – необходимо научиться видеть в иероглифах те связи, которые были заложены их создателями. Для этого рассмотрим варианты с ошибкой № 1–7:

Вариант с ошибкой № 1: 我想 (*xiǎng*) 信 (верный вариант: 我相信 (*xiāng*) 信). Верный и ошибочный иероглифы в данном примере объединяет наличие фонетика 相 *xiāng*; в ошибочном варианте (想 'хотеть, думать') фонетик дополнен графемой '心' сердце'. Если при знакомстве со словами проанализировать структуру иероглифа 想 *xiǎng* (фонетик 相 *xiāng* + графема '心' сердце) 'хотеть, думать' и способ словообразования слова 相信 *xiāngxìn* 'верить' (相 'взаимно' + 信 'верить'), данной ошибки можно избежать.

Вариант с ошибкой № 2: 进攻 *jìngōng* вместо 进攻 *jìngōng* 'нападать, атаковать; наступление' – верный и ошибочный иероглифы в данном примере объединяет наличие фонетика *gōng*. Ошибка, причина которой непонимание роли графем в иероглифе, допущена в слове 进攻 'нападать, атаковать; наступление', в иероглифе 攻 'наступать', значение которого выводится благодаря присутствию в нем графемы 攴 'бить, ударять'. В ошибочном варианте учащийся вместо неё пишет графему 力 'сила', получив тем самым иероглиф 功 'заслуга; достижение; подвиг'.

Вариант с ошибкой № 3: в предложении «кроме посещения Великой китайской стены...» вместо иероглифа 除 *chú* – глагол-предлог в конструкциях исключения 'исключать, за исключением', учащийся ошибочно пишет иероглиф 出 *chū* – 'выходить [из]'. Здесь, на первый взгляд, не видится возможным предотвратить ошибку. Однако, если «обыграть» значение иероглифа 除 через значение графем его образующих, то можно не только запомнить данный иероглиф, но и пополнить свой лексический запас ещё одним иероглифом 余 *yú* 'остаток, излишек'. В иероглифе 除 «читается» следующая история: холм 阝 слишком большой, поэтому человек 人 убирает (исключает) излишки 余.

Вариант с ошибкой № 4: 加多点儿由 (*yóu*), верный вариант: 加多点儿油 (*yóu*). Выражение 加多点儿油 имеет значение 'поднажать, добавить усилий' и в своём составе имеет иероглиф 油 'масло', в котором присутствует графема 氵 'вода' (которую учащийся не написал), в отличие от иероглифа 由, являющегося омофоном.

Вариант с ошибкой № 5: иероглиф 城 *chéng* 'городская стена' написан без графемы 土 'земля', что демонстрирует непонимание роли графем в иероглифе; в правой нижней части также располагаются неверные черты, хотя данная часть иероглифа (成

¹ В данной работе квазиомофоны – это слова, чьи звуковые оболочки отличаются друг от друга минимально (одной фонемой, памятуя о всех оговорках применения понятия «фонема» для китайского языка).

chéng) выступает фонетиком и достаточно часто встречается как самостоятельный иероглиф со значением 'становиться'.

Вариант с ошибкой № 6: в иероглифе 往 *wǎng* написана лишняя черта в графеме 王 *wáng*. Данная категория ошибок возникла не по причине «написал лишнюю черту, так как торопился». Причина глубже: ученик не понимает роли правой части данного иероглифа – а именно, не воспринимает графему 王 как фонетик. Данная графема употребляется очень часто, и написать в ней лишнюю черту (если ученик узнает её и осознаёт её роль в данном иероглифе) не видится возможным.

Вариант с ошибкой № 7: 歌歌 (верный вариант: 哥哥). Рекомендуется при знакомстве с данными иероглифами использовать метод презентации схожих (по произношению и/или написанию) иероглифов: 哥哥 *gēgē* 'старший брат', 歌 *gē* 'песня': легко запомнить, если применить метод мнемотехники: «старший брат поёт, лишь открывая рот» – в иероглифе присутствует графема 欠 'открывать рот'.

Следующие ошибки невозможно предотвратить, прибегнув к мнемотехнике. Вариант с ошибкой № 8: 他非(*fēi*)到俄罗斯 (верный вариант: 他飞(*fēi*)到俄罗斯). Корень данной ошибки видится в том, что на этапе знакомства с иероглификой учащимся не была привита полезная привычка рассматривать образ иероглифа с точки зрения пиктографии – в данном случае в иероглифе 飞 'летать', очевидно, просматривается образ летящей птицы.

Варианты с ошибками № 9–10: предотвратить подобные ошибки достаточно сложно. Вариант с ошибкой № 9: 纪念品 (верный вариант: 纪念品). Данные иероглифы являются омофонами и, кроме одинакового чтения (произношения и тона), имеют похожие значения: 记 *jì* – 'сохранять в памяти', 纪 *jì* – 'записывать', 'фиксировать', 'отмечать'. Исходя из этого, ошибочное написание иероглифа 记 'сохранять в памяти' в слове 纪念品 'сувениры' легко объяснить. В таких случаях рекомендуется при знакомстве с данными иероглифами использовать метод презентации схожих (по значению, произношению и/или написанию) иероглифов. Аналогично следует интерпретировать и вариант с ошибкой № 10: вместо иероглифа 市 *shì* 'город' написан иероглиф 师 *shī* 'наставник, учитель', имеющий одинаковое звучание с иероглифом 市 'город'.

Второй вид представляют ошибки, связанные с неправильным употреблением иероглифов, выступающих квазиомофонами к верным иероглифам.

Вариант с ошибкой № 1: 别挡(*dǎng*)心, верный вариант: 别担(*dān*)心. 挡 *dǎng* и 担 *dān* – произношение у двух иероглифов похоже, но завершающий звук в правильном варианте 担 *dān* – мягкий переднеязычный [n], а в ошибочном варианте 挡 *dǎng* – твёрдый заднеязычный [ŋ]. Фонетиком в неверно написанном иероглифе выступает частотный иероглиф 当, следовательно, можно предположить две причины данной ошибки: 1) учащийся не знает точного произношения слова; 2) учащийся не умеет пользоваться подсказками, которые содержат иероглифы: в данном случае – фонетик 当.

Аналогично следует интерпретировать и вариант с ошибкой № 2: ошибка допущена в слове 身体 'тело, здоровье', вариант с ошибкой: 生体: 身 *shēn* – 'тело' – 生 *shēng* – 'рождаться' – произношение похоже, но завершающий звук в правильном варианте мягкий – переднеязычный [n], а в ошибочном варианте – твёрдый заднеязычный [ŋ] (生 *shēng* выступает квазиомофоном к иероглифу 身 *shēn*).

Третий вид ошибок – неправильное употребление внешне не похожих иероглифов (омофонов) – интересна тем, что каждый иероглиф написан верно. Однако слово в итоге получается неверным, так как оно записывается одним из иероглифов, присутствующим здесь ошибочно – он заменяет собой правильный иероглиф, который для него выступает омофоном. Возникновение ошибки вызвано невниманием к значению отдельных морфем, образующих слово.

Вариант с ошибкой № 1: 出现了光告 (верный вариант: 出现了广告): слово реклама 广告 записывается морфемами со значением 广 – 'широкий' и 告 'объявлять' – 'широко объявлять'. Учащийся ошибочно пишет иероглиф 光 guāng – 'свет, сияние', который является омофоном к иероглифу 广.

Вариант с ошибкой № 2: 近年 (верный вариант: 今年). Верный вариант: 今年 'нынешний год', содержит морфему 今 jīn 'сегодняшний день; настоящее', также как и в слове сегодня – 今天, а ошибочный вариант с морфемой 近 jìn имеет значение 1) близкий [от...], 2) близкий, недавний и, что логично, не может образовывать слово со значением 'нынешний год'.

Перейдём к четвёртому виду ошибок – неправильное употребление похожих иероглифов (не омофонов), что вызвано непониманием роли графем в иероглифе.

Варианты с ошибками № 1–2 объединяет неверно написанный иероглиф 校: вариант с ошибкой № 1: в слове 学校 xuéxiào 'школа' допущена ошибка в правой части иероглифа 校 xiào (вместо 交 написан 安, т. е. иероглиф 校 ān), что демонстрирует тот факт, что ученик не понимает роли фонетика 交, а также не знает чтения частоупотребляемого иероглифа 安 ān, который выступает фонетиком во многих иероглифах. В варианте с ошибкой № 2: 音乐学楼 (верный вариант: 音乐学校) учащийся также допустил ошибку в слове школа 学校 xuéxiào, написав вторым иероглифом 楼 lóu – 'здание', а не 校 xiào – 'школа'. И вновь данная категория ошибок возникла не по причине «перепутал похожие иероглифы». Причина та же: ученик не понимает роли правой части данного иероглифа – а именно, не воспринимает её как фонетик xiào.

Вариант с ошибкой № 3: в выражении 大吃一惊 'сильно испугаться' неверно написан иероглиф 惊 'испугаться' – учащийся ошибочно пишет в левой части иероглифа графему 才 'рука' вместо 寸 'сердце', демонстрируя непонимание роли графемы 寸 'сердце' в иероглифах, передающие чувства и эмоции.

Вариант с ошибкой № 4: верный вариант иероглифа 期 qī 'период' в слове 星期 'неделя' содержит фонетик 其 qí и графему 月 'месяц', что очевидно указывает на значение иероглифа, имеющее отношение ко времени. Ученик пишет иероглиф 斯 sī, ошибочно помещая рядом с фонетиком графему 斤 'топор'.

Вариант с ошибкой № 5: 认我去机场 (верный вариант: 让我去机场). В слове 让 ràng 'предлагать, разрешать, заставлять' допущена ошибка в правой части иероглифа (вместо 上 shàng написан иероглиф 人 rén), что демонстрирует тот факт, что ученик не видит роль фонетика shàng, а также не осознает роль фонетика 人 rén в иероглифе 认 rèn, который он ошибочно написал. Однако мы уверены, что чтение иероглифа 人 'человек' ему хорошо знакомо.

Вариант с ошибкой № 6: иероглиф 最 ошибочно написан через графему 目 'глаз' (сверху), а не 曰 'говорить'. При знакомстве с иероглифом рекомендуется провести сравнение, заострить внимание учащихся на возможных ошибках. В данном иероглифе логично предположить наличие графемы 目 'глаз', так как две другие графемы это 耳 'ухо' и 又 'ладонь'. Но в иероглифе присутствует графема 曰 'говорить', которая отличается от графемы 目 'глаз' лишь одной чертой. Однако не следует забывать, что сверху графема 目 'глаз' располагается всегда горизонтально¹⁰⁰.

Вариант с ошибкой № 7: 给他发服告 (верный вариант: 给他发报告 – 'отправить ему доклад'). 报 'объявлять, докладывать' – в нём присутствует графема «рука», а не «месяц».

Пятый вид ошибок – неправильное употребление похожих иероглифов (внешнее сходство). Вариант с ошибкой № 1: 我很喜欢运物 (верный вариант: 我很喜欢动物). Данный пример привлекает внимание тем, что возникновение данного вида ошибок достаточно сложно предотвратить. Слово 动物 dòngwù 'животное' образовано иероглифами

动 *dòng* 'двигаться' и 物 *wù* 'вещь, предмет; живая тварь, существо'. В ошибочном варианте вместо иероглифа 动 был написан иероглиф 运 *yùn* 'перемещать, двигать'. Кроме того, что данные иероглифы имеют похожую часть, они обладают и близким значением – 运动 *yùndòng* 'двигаться'. Следовательно, учащегося трудно обвинить в неумении анализировать значения графем, образующих иероглиф. Поэтому при знакомстве с такого рода словами необходимо акцентировать внимание учащихся на схожести данных иероглифов не только в написании, но и в значении.

Варианты с ошибками № 2 и 3: в иероглифах 狗 'собака' и 猫 'кошка' неверно написана графема 犭 'собака' – выглядит как графема 扌 'рука'. Данные примеры демонстрируют следующее: ученик при написании не видит разницы между графемами «рука» и «собака» или не понимает роли графемы «собака» в данных иероглифах. Решение данной проблемы – сопоставительный анализ указанных графем при знакомстве с ними.

Вариант с ошибкой № 4: неверное написание средней части иероглифа 娜 или левой части иероглифа 那 является типичной – учащиеся ошибочно пишут графему 月 'луна'.

Вариант с ошибкой № 5 демонстрирует прямо противоположную ситуацию: в слове 名胜古迹 'достопримечательности' неверно написана графема 月 'месяц', именно так, как она должна писаться в иероглифах 娜 и 那.

Вариант с ошибкой № 6: вместо иероглифа 无 написан иероглиф 无, вариант с ошибкой № 7: вместо иероглифа 真 в слове 真理 написан иероглиф 直. Написание данных иероглифов необходимо запомнить, использование метода мнемотехники не видится возможным. Рекомендуется при первичной презентации иероглифов обратить внимание на их сходство и различие, что снизит вероятность возникновения ошибок.

Во второй категории были отнесены ошибки, связанные с незнанием способов словообразования. Вариант с ошибкой № 1: 手歌 (верный вариант: 歌手). Понимание значения каждой морфемы в слове и способа словообразования поможет избежать ошибок, подобно этой: в слове 歌手 'певец' нарушен порядок морфем. Слово создано по определительной модели образования сложных слов, 手 *shǒu* 'мастер, умелец' в качестве определения принимает перед собой слово 歌 *gē* 'песня'.

Часто возникают ошибки в иероглифах, с помощью которых записываются имена людей. Это объясняется, на наш взгляд двумя причинами: редким употреблением таких иероглифов и невниманием учащихся к значению каждого иероглифа в имени, например: 安德烈 'Андрей' – 安 'спокойствие', 德 'добродетель', 烈 'доблестный, блестящий'.

Третью категорию составили ошибки, связанные с неверным употреблением слов по контексту (нарушение сочетаемости) либо с неверным выбором лексической единицы.

Вариант с ошибкой № 1: 作饭 *zuò fàn* (верный вариант: 做饭 *zuò fàn* 'готовить еду'). Иероглифы 做 *zuò* 'делать (работу); заниматься (делом)'; 作 *zuò* 'делать, заниматься (чем-л.)' – имеют одинаковое чтение и значение, но сфера их употребления различается, на что необходимо обращать внимание учащихся, приводить примеры употребления данных слов.

Вариант с ошибкой № 2: 妈妈出生孩子 (верный вариант: 妈妈生孩子 'мама родила ребёнка'). Учащийся употребляет глагол «родиться (о ребёнке)» вместо «родить», не анализируя значение отдельных морфем, образующих слово 出生: 出 'выходить [из..., в...]', 生 'родить, рождаться'. Иероглиф 出 является лишним.

Вариант с ошибкой № 3: 什么时候我觉得很累, 想坠手, 老师提醒我: 失败是成功之母 демонстрирует непонимание значения словосочетания 坠手 'опускать руки' (в бессилии, вызванном усталостью, руки ослабели); верный вариант – 放手 'оставлять (что-л.); опускать руки; отказываться от (чего-л.)': 什么时候我觉得很累, 想放手.

Вариант с ошибкой № 4: **坐**自行车 (верный вариант: **骑**自行车). Данная ошибка демонстрирует незнание учащимся значения слова **坐** 'сидеть, ехать (в качестве пассажира)'. На велосипеде 'едут верхом' – **骑**.

Вариант с ошибкой № 5: 我的狗从我的家走出去了。我非常**关心** – **关心** *guānxīn* 'заботиться', верный вариант: 我非常**担心** – **担心** *dānxīn* 'беспокоиться, тревожиться'.

Вариант с ошибкой № 6: 我家有五口人: 爸爸、妈妈、**两个哥哥**和我。一个哥哥……, **别的哥哥**……。 Данным предложением учащийся хотел выразить следующее: «В моей семье пять человек: папа, мама, два старших брата и я. Один брат – ..., другой брат – ...». Однако он неверно употребил слово **别的** 'другой (из нескольких)', а у него только два брата – один и другой (из двух) **另一个**.

Вариант с ошибкой № 7: 他已经**参加**了各种各样的国家 (верный вариант: 他已经**参观**了各种各样的国家. Учащийся вместо слова **参观** 'посетить' пишет **参加** 'участвовать' – два слова объединяет одинаковый первый иероглиф. Отсутствие анализа графем в иероглифе **观** 'осматривать': 'ладонь' + 'видеть' приводит к неверному употреблению второго иероглифа **加**, который состоит из графем «сила» и «рот», что очевидно не может обозначать 'осматривать'.

Вариант с ошибкой № 8: 要坐**公交汽** (верный вариант: 要坐**公交车**). Ошибка сделана в слове **公交车** 'общественный транспорт' – вместо иероглифа **车** 'машина' написан иероглиф **汽** 'пар', который входит в состав слова **汽车** 'машина'. Следовательно, учащийся не проанализировал морфемы, образующие данное слово, что привело к ошибке.

В рассматриваемую категорию также вошло ошибочное употребление счётных слов. Данные слова вызывают сложности у учащихся в связи с тем, что 1) мы редко в русском языке употребляем счётные слова; 2) в китайском языке каждому классу существительных соответствует своё счётное слово; 3) в китайском языке есть слова, с которыми употребление счётного слова не требуется. Вариант с ошибкой № 9 демонстрирует пункт 3: **第二个天** 'на второй день' – в данном случае счётный комплекс выстроен с универсальным счётным словом **个**, однако счётное слово со словом **день** не употребляется (верный вариант: **第二天**).

Вариант с ошибкой № 10: **明天**到了 'наступило завтра' (верный вариант: **第二天**到了 'наступил второй день').

Вариант с ошибкой № 11: 所以我的汉语水平不**怎么好** (верный вариант: 不**怎么高**). Смысл русской фразы «...поэтому уровень моего китайского языка не такой хороший» в китайском языке звучит как «...уровень не такой высокий».

Вариант с ошибкой № 12: 我请他到北京的时候住在我的**房子** – 'Я пригласил его пожить в моём **доме**, когда приедет в Пекин' (верный вариант: 我请他到北京的时候住在我的**家** – 'Я пригласил его пожить в моей **семье**, когда приедет в Пекин'). Иероглиф **家** имеет значение 'дом, семья', слово **房子** – 'дом, здание'.

Вариант с ошибкой № 13: демонстрирует ненадлежащее использование устойчивого оборота **不知不觉** 'не зная и не чувствуя; незаметно для себя; неожиданно': **可是不知不觉**, 我母亲的身体**坏了** – 'Неожиданно здоровье мамы ухудшилось' (верный вариант: 我的母亲病了 / 我的母亲身体欠佳了).

Вариант с ошибкой № 14: 我很**常**去**河**钓鱼 – 'Я часто хожу на **реку** ловить рыбу'. По-китайски следует говорить **我经常去河边**钓鱼 – 'Хожу на **берег реки**'.

Вариант с ошибкой № 15: 我应该**写**考试 (верный вариант: 我应该**考**试) – 'мне нужно сдавать (здесь – 'писать') экзамен'. В китайском языке **考试** имеет значение 'сдавать экзамен' (глагол с дополнением) и 'экзамен' (существительное), поэтому дополнительный глагол **写** 'писать' употреблять не нужно.

Вариант с ошибкой № 16: 您们 '**Вы**' – учащийся вежливо обратился на «Вы» к нескольким людям. Вежливое обращение **您** 'вы', не может быть оформлено суффиксом

множественного числа местоимений, требуется иная форма вежливого обращения к нескольким персонам.

В четвёртую категорию были выделены ошибки грамматического характера (частеречные и синтаксические).

Приведём примеры ошибок в оформлении обстоятельства образа действия. Вариант с ошибкой № 1: 我妈妈说的对 (верный вариант: 我妈妈说得对 – в постпозиции оформляется частицей 得): предложение с обстоятельством образа действия 'Мама говорит верно' и вариант с ошибкой № 2: 我生气的回家 (верный вариант: 我生气地回家 – в препозиции оформляется частицей 地) 'Я, сердясь, вернулся домой' неверно оформлены частицей 的, которая оформляет определения. В варианте с ошибкой № 3: 去学校得时候 (верный вариант: 去学校的时候) 'когда иду в школу' вместо частицы 的, которая оформляет определения (здесь даётся определение моменту времени), учащийся оформляет постпозитивной частицей 得, употребляемой в предложениях с обстоятельством образа действия.

В варианте с ошибкой № 4: 自豪得骑着自行车 (верный вариант: 自豪地骑着自行车) – 'Он с гордостью едет на велосипеде' вместо препозитивной частицы 地 написана постпозитивная частица 得, что демонстрирует факт того, что ученик не знает, какой частицей оформлять обстоятельство образа действия, однако понимает, что такое оформление требуется.

Вариант с ошибкой № 5: 我们见面地很少 (верный вариант: 我们很少见面). В данном предложении, написанном с ошибкой, скрываются две проблемы: 1) ученик неверно использует правило оформления предложений с обстоятельством образа действия – «мы редко встречаемся» – 地 оформляет слово, отвечающее на вопрос «как?» и не может стоять за глаголом (или глаголом с дополнением); 2) ученик воспринимает 见面 как глагол *встречаться*, а не глагол + «пустое» дополнение *видеть лицо*. Вторая проблема приводит к ошибкам в предложениях с длительностью времени.

Вариант с ошибкой № 6: 我没见面他很长时间 (верный вариант: 我们很长时间没见面了) – 'Мы долго не виделись'. Вариант с ошибкой содержит сразу 2 грамматических нарушения: 1) ученик воспринимает 见面 как глагол *встречаться*, а не как глагол + «пустое» дополнение *видеть лицо* (как и в предыдущем ошибочном варианте); 2) слово, отвечающее на вопрос «сколько времени», занимает неверную позицию.

Ещё одним ярким примером ошибок, которые достаточно часто встречаются, выступает вариант с ошибкой № 7: 我们游泳得很长. Здесь собран целый «букет» грамматических нарушений: предложение с обстоятельством образа действия построено неверно, так как глагол с пустым дополнением воспринимается учащимся как «чистый» глагол *плавать*. Анализируя данное предложение, написанное неверно, носитель языка не может понять, что хотел сказать автор: «Мы плавали очень долго» или «Мы плавали далеко»?

Вариант с ошибкой № 8: 两年前我和妈妈坐飞机回中国了 (верный вариант: 两年前我和妈妈坐飞机回了中国): правильная позиция употребления иероглифа 了 в данном предложении – за глаголом, так как он употребляется здесь в качестве суффикса прошедшего времени. Учащийся поставил иероглиф 了 в конце предложения, употребив его как частицу, показывающую изменение ситуации.

Вариант с ошибкой № 9: 可是还不买到了 (верный вариант: 可是还没买到) демонстрирует неверное употребление отрицаний (во времени).

Достаточно часто встречаются ошибки, связанные с неверным употреблением предлогов. Вариант с ошибкой № 10: 没对我打电话 (верный вариант: 没给我打电话) 'не позвонил мне'; вариант с ошибкой № 11: 我给他说话: 我一定要在机场接你! (верный вариант: 我对他说: 我一定要在机场接你!) – в предложении «я ему сказал» учащийся

употребляет предлог 给, однако правильно употреблять предлог 对. Данные предлоги близки по своему значению, что приводит к ошибкам в их употреблении. В нижеследующих примерах учащиеся не используют предлоги, вводя в предложение дополнение: вариант с ошибкой № 12: 我的老师说**我** (верный вариант: 我的老师**对我说**) – 'Мой учитель сказал мне'; вариант с ошибкой № 13: 讲你们一个故事 (верный вариант: 给你们**讲**一个故事) – 'Расскажу вам историю'.

Определённую трудность в освоении для русских учащихся представляют так называемые послелогои. Вариант с ошибкой № 14: 在河游泳了 (верный вариант: 在河**里**游泳了) 'купаться в реке' следует оформлять послелогом *в*.

Вариант с ошибкой № 15: **来**那儿的时候 (верный вариант: **去**那儿的时候). Данная ошибка относится к ошибкам в употреблении глаголов направления движения и демонстрирует непонимание значения указательных местоимений 那儿 'туда', 这儿 'сюда', а также особенности их сочетания с глаголами: 来 – приближение к говорящему и 去 – удаление от говорящего.

Вариант с ошибкой № 16 他决定**去**俄罗斯留学 (верный вариант: 他决定**来**俄罗斯留学) – 'Он решил приехать в Россию учиться'. У русских учащихся сложность в употреблении вызывают глаголы передвижения в пространстве, такие как 来, 去 и т. п. Данная категория глагола показывает передвижение в пространстве, а не процесс. 来 указывает на передвижение к говорящему, 去 – передвижение от говорящего. В предложении «Он решил приехать в Россию учиться» необходимо употребить 来, так как сочинение писалось в России.

Вариант с ошибкой № 17: 他到俄罗斯的天 (верный вариант: 他到俄罗斯的那天) – 'В день, когда он приехал в Россию...' – следует употреблять указательное местоимение 那 'то' в роли определения к слову 天 – *тот день*.

Вариант с ошибкой № 18: 连从床都没有劲儿起来 (верный вариант: 连从床上起来都没有力气) – 'Даже с кровати нет сил подняться'. В данном предложении учащийся расположил китайские слова именно в том порядке, как они звучат в русском языке, нарушив типичный для китайского предложения порядок слов.

Наконец, в п я т у ю к а т е г о р и ю вошли пунктуационные ошибки. Выполняя смысловую функцию в письменной речи, знаки препинания помогают пишущему точно выразить мысль, а читающему эту мысль адекватно воспринять. Поэтому при обучении письменной речи важно уделять внимания вопросам пунктуационного оформления высказывания.

Вариант с ошибкой № 1: при перечислении однородных членов не была поставлена каплевидная запятая (верный вариант: 中国美食、风景、文化). Вариант с ошибкой № 2: неверно оформлен абзацный отступ: он должен быть оформлен красной строкой с отступом в две клетки. Вариант с ошибкой № 3: знаки препинания не могут быть поставлены в первой клетке.

При проверке сочинений участников олимпиадных испытаний нами были замечены и ошибки, которым н е л ь з я д а т ь р а ц и о н а л ь н о е о б ь я с н е н и е – поместить их ни в одну из предложенных категорий показалось невозможным. Освоение данных иероглифов следует держать на особом контроле.

Вариант с ошибкой № 1: в иероглифе 带 'взять с собой', 'пояс' отсутствует графема 冫 'крышка'. Вариант с ошибкой № 2: в слове 必须 в иероглифе 须 правая и левая часть перепутаны. Вариант с ошибкой № 3: в иероглифе 乎 не достаёт двух откидных черт в верхней части.

В задачи настоящего исследования входило не только рассмотреть и проанализировать типичные ошибки, но и выяснить, какие средства использовали учащиеся для

придания речи образности: поговорки, устойчивые идиоматические выражения, метафоры и т. п.; упоминались ли названия достопримечательностей и слова, имеющие отношение к культуре. Из перечисленных средств было отмечено использование в речи чэньюев – устойчивых оборотов (поговорок): 班门弄斧 – 'хвастать перед Лу Банем умением владеть топором' (= 'яйца курицу не учат'), 平安无事 – 'спокойно и без происшествий', 滴水穿石 – 'капля камень точит', 欢天喜地 – 'испытывать чрезвычайное наслаждение (огромную радость)', 大发雷霆 – 'метать громы и молнии; впадать в ярость', 失败是成功之母 – 'поражение – залог успеха', 不在乎 – 'оставлять без внимания, относиться безразлично'; слова, имеющие отношение к культуре: 象棋 – 'сянци (китайские шахматы)'.

3. Заключение

Анализ сочинений показал в целом хороший уровень подготовки участников олимпиадных испытаний, их широкий кругозор: для придания речи образности они использовали поговорки, устойчивые идиоматические выражения, метафоры; упоминали названия достопримечательностей и слова, имеющие отношение к культуре; логично выстраивали своё речевое высказывание. Вместе с тем нельзя не отметить довольно высокую степень интерференции, выраженной разными категориями и видами ошибок.

В результате проведённого исследования было выделено 5 категорий ошибок: 1) неправильное употребление похожих, либо непохожих, но омофоничных иероглифов; 2) ошибки, связанные с незнанием способов словообразования; 3) ошибки, связанные с неверным контекстным употреблением слов (нарушение сочетаемости) и неверным выбором лексической единицы; 4) ошибки грамматического характера (частеречные и синтаксические); 5) пунктуационные. Из них наибольшее количество примеров ошибочных реализаций приходится на первую, третью и четвёртую категории. Первая категория оказалась весьма разнообразна и потребовала дополнительного разделения на виды ошибок, что неудивительно, поскольку системы письма в русском и китайском языках принципиально различаются. Следует особо подчеркнуть, что предложенное разделение ошибок на категории и виды не претендует на то, чтобы быть исчерпывающим или строгим, и зачастую эти категории переплетаются: в ряде случаев одна и та же ошибка может быть помещена в несколько категорий, ну и, разумеется, одно нарушение часто влечёт за собой другое (или сразу несколько).

Подавляющее большинство ошибок вполне поддаются логическому объяснению и лишь мизерная их часть не попадает ни в одну из указанных категорий. Мы суммировали простые техники преодоления этих ошибок (многие из которых наверняка уже активно используются) через толкование особенностей китайского языкового мышления, которое столь значительно отличается от русского. Смеем надеяться, что они окажутся полезными для учителей-предметников, чья главная задача – правильно организовать преподавание китайского языка – всё ещё новой дисциплины для общеобразовательной школы – и повысить его качество.

Список литературы

- Амурский областной институт развития образования [Электронный ресурс]. – URL : <http://amur-iro.ru/olimpiada-dnevnik> (дата обращения : 29.12.2019).
- Всероссийская Олимпиада..., 2019 – Всероссийская олимпиада школьников г. Хабаровска [Электронный ресурс]. – URL : <http://olimpiada.maestro.ru/?p=1193> (дата обращения : 06.07.2019).
- Рекомендации..., 2017 – Рекомендации по разработке заданий и требований к организации и проведению школьного и муниципального этапов интеллектуальных состязаний школьников по китайскому языку в 2015/2016 учебном году [Электронный ресурс]. – URL : <http://>

- docplayer.ru/28174338-Vserossiyskaya-olimpiada-shkolnikov-po-kitayskomu-yazyku.html#show_full_text (дата обращения: 22.07.2017).
- Заключительный этап..., 2015–2016 – Заключительный этап всероссийской олимпиады школьников по китайскому языку [Электронный ресурс]. – URL : <https://drive.google.com/file/d/0B2qW9f0H98DHREFjMWhZNTBYRXM/view> (дата обращения : 29.12.2019).
- Круглов, 2018 а – Круглов, В. В. Всероссийская олимпиада школьников по китайскому языку: угрозы и вызовы [Текст] / В. В. Круглов // Международный форум восточных языков и культур. Актуальные вопросы преподавания китайского и других восточных языков в XXI веке : сб. статей и докладов участников форума. – Казань : Изд-во «Фэн» Академии наук Республики Татарстан, 2018 а. – С. 103–109.
- Круглов, 2018 б – Круглов, В. В. Информационно-коммуникативные технологии в процессе подготовки школьников к Всероссийской олимпиаде по китайскому языку [Текст] / В. В. Круглов // Язык-культура, мышление-познание. Интегративные исследования : материалы междунар. науч.-практич. конф., посвящённой 60-летию со дня рождения д-ра филол. наук, проф. Полины Пурбуевны Дашинимаевой / науч. ред. Г. С. Доржиева, отв. ред. Л. М. Орбодоева. – Улан-Удэ : Бурят. гос. ун-т им. Доржи Банзарова, 2018 б. – С. 371–375.
- Подготовка к ОГЭ ..., 2020 – Подготовка к ОГЭ и Всероссийской олимпиаде школьников по китайскому языку [Электронный ресурс] // Корпорация «Российский учебник» : офиц. сайт. – URL : <https://rosuchebnik.ru/material/podgotovka-k-oge-i-vserossiyskoj-olimpiade-shkolnikov-po-kitayskomu-ya/> (дата обращения : 30.03.2020).
- Развитие..., 2020 – Развитие речевых видов деятельности: аудирование. Опыт Всероссийской олимпиады школьников по китайскому языку [Электронный ресурс] // Корпорация «Российский учебник» : офиц. сайт. – URL : <https://rosuchebnik.ru/material/razvitie-rechevykh-vidov-deyatelnosti-audirovanie-opyt-vserossiyskoj-ol/> (дата обращения : 30.03.2020).
- Распертова, 2016 – Распертова, С. Ю. Анализ типичных ошибок при выполнении олимпиадных заданий по китайскому языку (на примере заданий 2015–2016 учебных годов) [Текст] / С. Ю. Распертова // Вестник Московского гос. лингвистич. ун-та. Гуманитарные науки. – 2016. – Вып. 22 (761). – С. 78–91.
- Сайт Министерства образования и науки Амурской области [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.obramur.ru/2017-01-16-08-47-38> (дата обращения : 24.07.2017).
- Урывская, 2018 – Урывская, Т. А. Краткий анализ части «Аудирование 听力» регионального и заключительного этапов всероссийской олимпиады школьников по китайскому языку [Текст] / Т. А. Урывская // Международный форум восточных языков и культур. Актуальные вопросы преподавания китайского и других восточных языков в XXI веке : сб. статей и докладов участников форума. – Казань : Изд-во «Фэн» Академии наук Республики Татарстан, 2018. – С. 273–280.
- Федорова, 2020 – Федорова, О. В. Проблемы Всероссийской олимпиады школьников по китайскому языку [Электронный ресурс] // Ассоциация развития синологии : офиц. сайт. – URL : http://russinology.ru/od5_fedorova (дата обращения : 30.03.2020).

References

- Amurskiy oblastnoy institut razvitiya obrazovaniya [The Amur Regional Institute of Education]. Retrieved December 29, 2019 from <<http://amur-iro.ru/olimpiada-dnevnik>>.
- Vserossiyskaya olimpiada shkol'nikov g. Khabarovska. [The all-Russian school Olympiad of schoolchildren in Khabarovsk]. Retrieved July 6, 2019 from <<http://olimpiada.maystro.ru/?p=1193>>.
- Rekomendatsii po razrabotke zadaniy i trebovaniy k organizatsii i provedeniyu shkol'nogo i munitsipal'nogo etapov intellektual'nykh sostyazaniy shkol'nikov po kitayskomu yazyku v 2015/2016 uchebnom godu. [Recommendations for the development of tasks and requirements for the organization and conduct of school and municipal stages of intellectual competitions of students in Chinese in the 2015/2016 academic year]. Retrieved July 22, 2017 from <http://docplayer.ru/28174338-Vserossiyskaya-olimpiada-shkolnikov-po-kitayskomu-yazyku.html#show_full_text>.

- Zaklyuchitel'nyy etap vserossiyskoy olimpiady shkol'nikov po kitayskomu yazyku [The final stage of the all-Russian Olympiad in the Chinese language]. Retrieved December 29, 2019 from <<https://drive.google.com/file/d/0B2qW9f0H98DHREFjMWhZNTBYRXM/view>>.
- Kruglov, V. V. (2018 a). Vserossiyskaya olimpiada shkol'nikov po kitayskomu yazyku: ugrozy i vyzovy [The all-Russian Olympiad on the Chinese language: threats and challenges]. *Mezhdunarodnyy forum vostochnykh yazykov i kul'tur. Aktual'nye voprosy prepodavaniya kitayskogo i drugikh vostochnykh yazykov v XXI veke* [International Forum of Oriental languages and cultures. Current issues of teaching Chinese and other Eastern languages in the XXI century]: A collection of the Forum papers (pp. 103–109). Kazan : “FEN” Press.
- Kruglov, V. V. (2018 b). Informatsionno-kommunikativnye tekhnologii v protsesse podgotovki shkol'nikov k Vserossiyskoy olimpiade po kitayskomu yazyku [Informational and communicational technologies in the process of preparing pupils to the all-Russian Chinese language olympiad]. In G. S. Dorzhieva, L. M. Orbodoeva (Eds.), *Yazyk-kul'tura, myshlenie-poznanie. Integrativnye issledovaniya : materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 60-letiyu so dnya rozhdeniya doktora filologicheskikh nauk, professora Poliny Purbuevny Dashinimaevoy* [Language and culture, mind and cognition. Integrated research: Proc. of international scientific-practical conference dedicated to the 60th birthday of doctor of Philology, Professor Polina Urbaine Dashinimaeva] (pp. 371–375). Ulan Ude : Buryat State University Press.
- Podgotovka k OGE i Vserossiyskoy olimpiade shkol'nikov po kitayskomu yazyku. [Preparation for the OGE and the all-Russian Olympiad of school children in Chinese]. Retrieved March 30, 2020 from <<https://rosuchebnik.ru/material/podgotovka-k-oge-i-vserossiyskoy-olimpiade-shkolnikov-po-kitayskomu-ya/>>.
- Razvitie rechevykh vidov deyatelnosti: audirovanie. Opyt Vserossiyskoy olimpiady shkol'nikov po kitayskomu yazyku. [Development of speech activities: Listening. Experience of the all-Russian school Olympiad in Chinese]. Retrieved March 30, 2020 from <<https://rosuchebnik.ru/material/razvitie-rechevykh-vidov-deyatelnosti-audirovanie-opyt-vserossiyskoy-o/>>.
- Raspertova, S. Y. (2016). Analiz tipichnykh oshibok pri vypolnenii olimpiadnykh zadaniy po kitayskomu yazyku (na primere zadaniy 2015–2016 uchebnykh godov) [Analysis of typical school students' mistakes in Chinese language olympiad tests (on the example of 2015-2016 tests)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [MSLU Bulletin. The Humanities], 22 (761), 78–91.
- Sayt Ministerstva obrazovaniya i nauki Amurskoy oblasti [Website of the Ministry of education and science of the Amur region]. Retrieved July 28, 2017 from <<http://www.obramur.ru/2017-01-16-08-47-38>>.
- Uryvskaya, T. A. (2018). Kratkiy analiz chasti «Audirovanie 听力» regional'nogo i zaklyuchitel'nogo etapov vserossiyskoy olimpiady shkol'nikov po kitayskomu yazyku [Brief analysis of the part "auditing / 听力" part of the regional and final stages of the all-Russian Olympiad for school students in Chinese language]. *Mezhdunarodnyy forum vostochnykh yazykov i kul'tur. Aktual'nye voprosy prepodavaniya kitayskogo i drugikh vostochnykh yazykov v XXI veke* [International Forum of Oriental languages and cultures. Current issues of teaching Chinese and other Eastern languages in the XXI century]: A collection of the Forum papers (pp. 273–280). Kazan : “FEN” Press.
- Fedorova, O. V. Problemy Vserossiyskoy olimpiady shkol'nikov po kitayskomu yazyku [Challenges of the all-Russian Olympiad of school children in Chinese]. Retrieved March 30, 2020 from <http://russinology.ru/od5_fedorova>.

УДК 81-23

UDC 81-23

Макарова Елена Николаевна
Уральский государственный экономический университет
г. Екатеринбург, Российская Федерация
Elena N. Makarova
Ural State University of Economics
Yekaterinburg, Russian Federation
makarovayn@mail.ru

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ КОММУНИКАТИВНОГО
СТАТУСА ПОДЛЕЖАЩЕГО И СКАЗУЕМОГО КАК ОБЪЕКТ
СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**
**LINGUISTIC MEANS OF SUBJECT AND PREDICATE'S COMMUNICATIVE
STATUS AS THE OBJECT OF COMPARATIVE STUDIES**

Аннотация

Статья продолжает цикл работ по сопоставлению коммуникативного статуса членов предложения в неблизкородственных языках. Изучение средств выражения коммуникативной нагрузки главных членов предложения в английском, испанском и русском языках, а также выделение универсальных и специфических языковых характеристик в этой области является целью исследования. На основе анализа литературных источников и применения сопоставительного метода представлены способы выделения подлежащего и сказуемого в качестве коммуникативного центра в устной и письменной речи. Описаны устойчивость порядка слов английской фразы и возможности изменения порядка слов в испанском и русском языках, который определяется коммуникативным членением фразы. Приведены результаты анализа коммуникативного статуса сказуемого в испанском языке в зависимости от типа глагола. Выявлены сходства и отличия в использовании способов маркировки главных членов предложения в качестве коммуникативного центра. В английском языке устойчивый порядок слов не играет важной роли в выделении в качестве коммуникативного центра подлежащего или сказуемого. В испанском языке, как и в русском, фонетические средства и порядок слов действуют сообща. Важным отличием русского языка от испанского является меньшая вариантность позиции главных членов испанского предложения, выступающих в качестве коммуникативного центра, в сравнении с русским. На основе сравнительного анализа английских, испанских и русских примеров прогнозируются трудности перевода и выражения коммуникативного намерения у носителей неблизкородственных языков в речи на иностранном языке в случае ошибочного выбора средств выражения коммуникативной статуса главных членов предложения. Намечены перспективы экспериментального исследования по сопоставлению коммуникативного статуса подлежащего и сказуемого в трёх языках.

Abstract

The article continues the series of works on comparing the communicative status of sentence parts in non-related languages. The study of the means of displaying the communicative load of the sentence's main elements in English, Spanish and Russian, as well as the identification of their universal and specific linguistic features, are the goals of the study. Literature review and comparative method application provide the basis for description of the means, used for highlighting the sentence subject and the predicate as communicative centers in oral and written speech. The stability of English word order is indicated, the possibilities of word order variation in Spanish and Russian determined by the communicative structure of the sentence are presented. The results of the analysis of the communicative status of the predicate in Spanish, depending on the type of verb, are given. The similarities and differences in the use of means of highlighting the sentence's main elements are revealed. In English, word order does not play a very important role in highlighting the subject or predicate as a communicative center. In Spanish and Russian, both phonetic means and word order fulfill this function. The important difference between the Russian language and the Spanish language is less degree of sentence's main

elements' position variability in Spanish when comparing to Russian. On the ground of comparative analysis of English, Spanish, and Russian examples, the difficulties in translation and expressing speakers of non-related languages' communicative intentions in a foreign language, are predicted. The perspectives of experimental research on comparing the communicative status of the subject and predicate in three languages are outlined.

Ключевые слова: подлежащее, сказуемое, порядок слов, сопоставительный анализ, коммуникативный статус.

Keywords: subject, predicate, word order, comparative analysis, communicative status.

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_2_85_94

1. Введение

Несмотря на пристальное внимание лингвистов к проблеме сопоставления языковых явлений как близкородственных, так и неблизкородственных языков, в течение нескольких десятилетий поиск сходств и различий на всех уровнях языковых систем продолжает привлекать внимание исследователей-лингвистов. Сравнительный анализ широко используется в работах последних лет, позволяя получать результаты по выявлению универсальных и специфических черт разноструктурных языков [Замалетдинов и др., 2017], в том числе на материале политического дискурса (см., напр., [Богоявленская, 2015]). Отличительной чертой современных исследований является проведение сравнительного анализа на материале трёх и более языков [Хантакова, Швецова, 2017], что способствует поиску общих и индивидуальных характеристик речи носителей нескольких языков и представляется актуальным в современной ситуации мультилингвизма.

К одной из интересных проблем для изучения в русле сопоставительного направления в лингвистике относится сравнение способов выражения коммуникативной значимости членов предложения в разных языках. Несмотря на относительную разработанность, её решение остаётся актуальным, поскольку способствует лучшему пониманию осуществления говорящим или пишущим коммуникативного намерения. Для этих целей в языках мира используются лексические, грамматические и фонетические средства. В рамках теории коммуникативного синтаксиса изучается коммуникативная структура высказывания, которая определяет порядок слов. Именно порядок следования лексических элементов в предложении является одним из главных показателей их коммуникативной нагрузки.

Обзор отечественной и зарубежной литературы за последние семь лет подтверждает важность дальнейшей разработки проблемы построения предложения и роли порядка слов в реализации коммуникативной структуры, в том числе на материале языков, не входящих в число широко распространенных. Например, изучению факторов, влияющих на тот или иной вариант порядка слов в современном эвенкийском языке, который относится к языкам с нежестким порядком слов, посвящена работа Е. Л. Рудницкой [Рудницкая, 2018]. Автор приходит к выводу, что выбор порядка следования глагола и прямого дополнения определяется не только факторами актуального членения, но и дискурсивными характеристиками. Системные обобщения по проблеме связи порядка слов с функциональной ролью, выполняемой членами предложения на материале бразильского варианта португальского языка представлены в работе «Построение предложений в бразильском варианте португальского языка» [Митчелл и др., 2016]. Неизменным остаётся интерес исследователей к сопоставлению порядка слов в различных типах предложений в немецком, английском и русском языках [Крайзер и др., 2016; Пешкова, 2020]. Всё больше работ имеют ярко выраженный прикладной характер. Так, например, проблема переводческих преобразований, обусловленных расхо-

ждениями грамматических систем испанского и русского языков, в том числе особенностями построения в них синтаксических единиц рассмотрена в статье Е. А. Рониной [Ронина, 2013]. Особенности передачи тема-рематического членения в процессе перевода с английского языка на русский обсуждаются в работе Ю. Пономарчук [Ponomarchuk, 2019]. В современной отечественной лингвистике продолжают разрабатываться темы межъязыковой интерференции и эрратологии [Кашина, 2018]. В последние годы усилился интерес языковедов и преподавателей иностранных языков к проявлениям интерференции в письменной речи, в том числе к появлению коммуникативно значимых ошибок, связанных с нарушением в предложении порядка слов [Добрынина, 2017]. Говоря о зарубежных исследованиях, одной из знаковых работ последних лет стала книга «Word Order Change», включающая описания особенностей словопорядка как в классических, так и современных языках [Martins, Cardoso, 2018].

Данная статья продолжает цикл работ по изучению способов выражения коммуникативной нагрузки различных членов предложения [Макарова, 2016, 2019]. Её цель – проанализировать, сопоставить и описать способы выделения подлежащего и сказуемого в качестве коммуникативного центра в английской, испанской и русской устной и письменной речи. Выбор языков определён несколькими обстоятельствами. Английский язык отличается от испанского и русского устойчивым порядком слов. Известно, что в русском и испанском языках порядок следования элементов достаточно свободен. Вместе с тем английский и испанский языки принадлежат к группе языков аналитического строя, тогда как русский язык относится к типологическому классу синтетических языков. Кроме того, три языка можно отнести к категории наиболее распространённых. Сопоставление коммуникативной структуры английского, испанского и русского предложения актуально не только в теоретическом, но и прикладном аспекте, в том числе в целях улучшения качества устного и письменного перевода с одного языка на другой, а также для повышения эффективности формирования иноязычной коммуникативной компетенции у изучающих названные языки в качестве иностранных.

2. Сопоставительный анализ способов выражения коммуникативной нагрузки подлежащего и сказуемого

Исследования места подлежащего и сказуемого в структурной и коммуникативной организации предложения в разных языках продолжают занимать важное место в ряду работ, выполненных в русле сопоставительной лингвистики, и выполняются в последнее время на материале разноструктурных языков, таких, например, как таджикский и английский, или китайский и казахский [Хамидова, 2014; Abdurakyn et al., 2016]. Сравнение средств реализации коммуникативной структуры и выявление способов маркировки подлежащего и сказуемого на материале трёх языков является новой задачей. Отсутствие работ подобного рода объясняет необходимость обращения к данной теме на материале английского, испанского и русского языков.

Несмотря на популярность и распространённость в мире, изучение испанского языка в российских школах и вузах нельзя назвать интенсивным. Список существующих и хорошо известных работ по испанскому синтаксису и особенностям перевода с испанского на русский язык [Арутюнова, 2004; Зеликов, 2005] ежегодно пополняется лишь единичными статьями по описанию своеобразия испанского словопорядка [Безус, 2016]. Возможно, этот факт можно объяснить и тем, что русский и испанский языки демонстрируют сходство в области порядка слов. Он относительно свободен и выполняет, прежде всего, коммуникативную функцию. И в русском, и в испанском языках в качестве базового словопорядка назван тип «подлежащее + сказуемое + дополнение». Несмотря на множественные грамматические несоответствия, обусловленные

принадлежностью испанского к классу аналитических, а русского к классу синтетических языков [Гнатюк, 2019], во многих случаях существует возможность построения параллельных предложений и синтаксических конструкций, например:

Старик вошёл в дом.

El viejo entró en la casa.

В этом случае тема, выраженная подлежащим, и в русском, и в испанском предложении предшествует реме.

Вместе с тем, и в том, и в другом языке подлежащее-рема может занимать и финальную позицию после сказуемого:

В дом вошёл старик.

En la casa entró el viejo.

В двух языках существует возможность предшествования подлежащего сказуемому, если этого требует коммуникативное членение. Однако наличие в испанском языке категории артикля, допускает в данном случае и инициальную позицию подлежащего, выраженного именем существительным с неопределённым артиклем:

Un viejo entró en la casa.

При всём сходстве, русский и испанский языки отличает степень активности использования средств выражения элементов коммуникативной структуры. Для русского языка основным средством выделения коммуникативного центра, наряду с порядком слов, является фразовое ударение. Оно может маркировать наиболее коммуникативно значимый элемент практически в любой позиции. Что касается испанского языка, фразовое ударение также играет важную роль в оформлении коммуникативной структуры. Однако его тяготение к финальной позиции делает необходимым синтаксические изменения – наиболее коммуникативно важное слово «передвигается» в конец предложения, где и выделяется фонетически. Пример, приведённый в работе Г. Н. Птицыной, наглядно демонстрирует бóльшую вариативность позиций подлежащего и сказуемого в русском языке: «на вопрос «Кто звонил, пока меня не было?» возможны следующие ответы:

Исп.: *Llamó tu hermana.* – *Звонила твоя сестра.*

Рус.: *Звонила твоя сестра. Сестра твоя звонила. Твоя сестра звонила. Твоя звонила сестра.* [Птицына, 2017, с. 90]. Названные отличия рекомендуется учитывать при обучении испанскому языку носителей русского языка.

Интересно сопоставить русский и испанский языки, обнаруживающие значительное сходство в использовании способов выражения коммуникативных значений главных членов предложения, со средствами, задействованными в этих целях, в английском языке. Начнём этот этап сравнительного анализа с английского и русского языков.

Как уже было отмечено выше, порядок слов играет важнейшую роль в распределении коммуникативной нагрузки в русском предложении. В английском языке порядок следования лексических элементов не играет главной роли. Его основная функция в языках с фиксированным порядком слов, грамматическая. Выделение наиболее коммуникативно значимой лексической единицы может быть реализовано только фонетическими средствами, в частности, маркировкой главным фразовым ударением. Его подвижность компенсирует устойчивость порядка слов в английском языке. Сказанное выше не отрицает общих черт в английском и русском языках на уровне коммуникативного членения. Базовым порядком слов в обоих языках является структура «подлежащее + сказуемое + дополнение». В нейтральной речи в двух сопоставляемых языках тема практически всегда предшествует реме. Однако в русском языке в качестве темы может выступать и сказуемое: «Приехал твой брат». В случае эмоционально-окрашенной речи в русском высказывании сказуемое также может предшествовать подлежащему: «Отдыхают они хорошо!». В английском языке, несмотря на известные исключения (конструкция *There is...*, *There are*; слова, вво-

дящие прямую речь; элементы сценической речи, например *Enters a girl*), сказуемое редко предшествует подлежащему. Инверсия сказуемого нехарактерна для английского языка и редко используется не только в нейтральной, но и в эмоционально окрашенной речи [Петренко, 2017]. Разница между двумя рассматриваемыми языками в этой области служит причиной многочисленных ошибок в письменной и устной речи носителей русского языка, изучающих английский в качестве иностранного. Проблема овладения английским порядком слов носителями синтетических языков остаётся нерешённой и подлежит дальнейшему изучению [Igolkina, 2018].

Исследование английского и испанского языков в сопоставительном аспекте занимает заметное место в современной контрастивной лингвистике. Помимо изучения лингвистических особенностей двух языков, особое внимание уделяется проблеме овладения английской и испанской письменной и устной речью. Широкое использование испанского языка на территории США способствует появлению работ по сравнению двух языковых систем в целях совершенствования методики обучения испаноязычного населения. Среди множества работ выделяются исследования особенностей порядка слов в двух языках и его роли в выражении коммуникативной структуры [Atrio et al., 2019]. В отличие от английского и русского, принадлежащих к типологическим классам аналитических и синтетических языков соответственно, английский и испанский объединяет аналитический языковой строй: оба языка показывают сходство в базовой структуре «подлежащее + сказуемое + дополнение». Однако английский и испанский различаются степенью свободы порядка следования слов в предложении. Порядок слов в английском языке устойчивый; подлежащее, как правило, занимает позицию в начале предложения. В испанской фразе, как отмечалось, порядок слов относительно свободный, что позволяет ему выполнять коммуникативную функцию, маркируя наиболее важные коммуникативные элементы. Вместе с тем в большинстве простых предложений в нейтральной речи и в английском, и в испанском языке, тема предшествует реме. В обоих языках присутствует грамматическая категория артикля.

Рассмотрим некоторые из этих положений более подробно. Главным, что отличает английский и испанский языки в сфере коммуникативного синтаксиса, является возможность рематизации подлежащего, которая выражается в изменении его места, в частности, перемещение этого члена предложения в финальную позицию. Такие варианты словопорядка мало характерны для английского языка. Сопоставление английских и испанских примеров позволяет говорить о том, что в редких случаях инициальной позиции английского сказуемого подлежащее, выступающее в роли ремы, получает дополнительное средство актуализации, а именно неопределённый артикль: *Entered a girl*. Несмотря на то, что в испанском языке также присутствует категория артикля, перед испанским подлежащим в конце предложений подобной структуры может стоять определённый артикль, поскольку определяющим фактором порядка следования подлежащего и сказуемого может быть семантика глагола: *Llegó la chica*.

Порядок «подлежащее + сказуемое» и «сказуемое + подлежащее» в испанском языке обусловлен не только структурой высказывания, но и лексическим классом глагола [Птицына, 2017]. Подлежащее будет предшествовать сказуемому, если глагол, выступающий в роли последнего, будет принадлежать классу неэргативных. К ним можно отнести глаголы интеллектуальной, эмоциональной и физической деятельности. В случаях, когда сказуемое выражено глаголом из класса неаккузативных, подлежащее в функции ремы будет занимать место в конце фразы. Неаккузативные глаголы, к которым можно отнести глаголы со значением перехода из одного состояния в другое, и влияние их семантики на базовый порядок слов в испанском языке, исследуется на материале разных вариантов испанского языка, в том числе в народной речи [Park, Lakshmanan, 2006 ; Roggia, 2018].

В работах по проблеме порядка следования глагола-сказуемого и подлежащего, выраженного именем существительным, выполненных на материале испанского языка в XX веке, можно встретить описание так называемых презентативных или презентационных глаголов, которые «презентуют» подлежащее [Contreras, 1976]. Их сопоставление с глаголами, относящимися к классу неаккузативных, показывает, что два термина используются для описания одного и того же класса глаголов, имеющих значение развертывания нового процесса или явления, возникновения чего-либо нового. Влияние семантики глагола на место подлежащего и сказуемого в нераспространённых изолированных предложениях проявляется следующим образом: неэргативные глаголы уступают инициальную позицию подлежащему (например, *Mi hermana cantó. Моя сестра пела*), неаккузативные, в свою очередь, занимают позицию перед подлежащим (*Llegó mi hermana. Моя сестра приехала*).

В английском языке в таких случаях порядок слов остаётся неизменным:

My sister sang.

My sister arrived.

Важно отметить, что представленная закономерность в испанском языке может быть нарушена. Как только предложение с глаголом из любой описанной категории оказывается включённым в вербальный или ситуативный контекст, порядок следования сказуемого и подлежащего может измениться. В данном случае коммуникативный статус этих членов предложения оказывается сильнее семантического фактора, например:

Mi hermana cantó (изолированное высказывание с главным ударением на последнем слове).

¿Quién cantó? Кто пел?

Cantó mi hermana (высказывание с главным ударением на финальном *hermana*)
Пела моя сестра.

В английском языке для маркировки наиболее коммуникативно значимого главного члена предложения будут использованы фонетические средства, тогда как порядок слов останется неизменным:

My sister sang (изолированное высказывание с наиболее фонетически выделенным сказуемым).

Who sang?

My sister sang (с фонетическим выделением подлежащего *sister*).

3. Заключение

Проведённый сопоставительный анализ позиции подлежащего и сказуемого позволяет сделать вывод о том, что английский, испанский и русский языки имеют как общие, так и специфические черты в рассматриваемой области. Общность базового типа словопорядка («подлежащее + сказуемое + дополнение») не обеспечивает сходства в фиксированной позиции главных членов предложения в трёх языках. Наибольшую устойчивость структуры «инициальное подлежащее + финальное сказуемое» демонстрирует английский язык. Несмотря на ряд исключений, преобладает модель фиксированного словопорядка, которая не поддаётся изменениям даже в случае изменения коммуникативной нагрузки сказуемого или подлежащего. Напротив, испанский язык отличается вариантностью порядка следования элементов грамматической основы, обусловленной как семантикой сказуемого, выраженного глаголом, так и влиянием вербального или ситуативного контекста. В этом языке более важную роль в маркировке подлежащего или сказуемого в качестве коммуникативного центра играют фонетические средства – фразовое ударение, которое тяготеет к финальной позиции. Гибкость порядка слов позволяет перемещать коммуникативный центр в конец предложения, где он получает и позиционную, и фоне-

тическую выделенность. Русский язык имеет общие черты в использовании способов выделения коммуникативного центра, выраженного сказуемым или подлежащим, как с английским, так и с испанским языком. Различия обусловлены, прежде всего, относительной свободой перемещения лексических единиц, допускающей варианты словопорядка в зависимости от коммуникативного членения фразы, в сравнении с английским языком. Бóльшая вариативность порядка расположения подлежащего и сказуемого в ответах на вопрос к подлежащему в русском языке в сравнении с испанским языком обусловлена тем, что в качестве средств, выделяющих коммуникативный центр, в русском языке активно используется как порядок слов, так и фразовое ударение.

Перспектива использования результатов представленного сопоставительного анализа широка. Одной из сфер их применения является теория и практика перевода. Изучение переводческих стратегий на примере перевода с исходного языка на язык перевода грамматической основы предложения чрезвычайно актуально. Известно, что при осуществлении синхронного перевода «ожидание» подлежащего и сказуемого и их адекватный перевод во многих случаях являются непременным условием того, что перевод будет закончен практически одновременно с оратором. Знание особенностей порядка следования этих элементов в английском, испанском и русском языках облегчает эту задачу. Полученные данные будут полезны и для методики преподавания каждого из трёх языков. Их использование в учебной аудитории позволит учащимся выбрать стратегию построения предложения на иностранном языке, используя свой родной язык и сопоставляя его синтаксические структуры с аналогичными в изучаемом языке. Результаты сравнительного анализа также открывают возможность к дальнейшему теоретическому изучению поставленной проблемы с участием информантов-носителей других германских, романских и славянских языков и могут послужить основой для проведения экспериментальных исследований в области коммуникативного синтаксиса.

Список литературы

- Арутюнова, 2004 – Арутюнова, Н. Д. Трудности перевода с испанского языка на русский [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Высшая школа, 2004. – 109 с.
- Безус, 2016 – Безус, С. Н. Место испанского языка в типологии языков OV/VO [Текст] / С. Н. Безус // Гуманитарные и юридические исследования. – 2016. – № 3. – С. 206–212.
- Богоявленская, 2015 – Богоявленская, Ю. В. Современные сопоставительные исследования: новые векторы развития [Текст] / Ю. В. Богоявленская // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2015. – Т. 1, № 3. – С. 72–81.
- Гнатюк, 2019 – Гнатюк, О. А. Грамматические различия в языковых системах испанского и русского языков как основа возникновения интерференции [Текст] / О. А. Гнатюк // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 8. – С. 202–205.
- Добрынина, 2017 – Добрынина, О. Л. Грамматические ошибки в англоязычном академическом письме: причины появления и стратегии коррекции [Текст] / О. Л. Добрынина // Высшее образование в России. – 2017. – № 8–9. – С. 100–107.
- Замалетдинов и др., 2017 – Замалетдинов, Р. Р. Сопоставительное исследование разноструктурных языков: лингвометодический аспект [Текст] / Р. Р. Замалетдинов, К. З. Закирьянов, Г. Ф. Замалетдинова // Филология и культура. – 2017. – № 2(48). – С. 63–74.
- Зеликов, 2005 – Зеликов, М. В. Синтаксис испанского языка: особенности структуры предложений по характеру коммуникативной установки и цели высказывания [Текст] / М. В. Зеликов. – СПб. : КАРО, 2005. – 304 с.
- Крайзер и др., 2016 – Крайзер, В. М. Простое предложение в немецком, английском и русском языках в сопоставительном аспекте [Текст] / В. М. Крайзер, В. П. Антонов, А. М. Гончаров // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. – 2016. – № 15. – С. 33–41.

- Кашина, 2018 – Кашина, С. В. Структура предложения родного языка как источник интерференции при обучении английскому языку на трилингвальной основе [Текст] / С. В. Кашина // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – № 4(81). – С. 148–151.
- Макарова, 2016 – Макарова, Е. Н. Фонетические средства выделения подлежащего – элемента «нового» в испанской фразе [Текст] / Е. Н. Макарова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2016. – Вып. 2, № 3. – С. 33–40.
- Макарова, 2019 – Макарова, Е. Н. Коммуникативный статус обстоятельств места в неблизкородственных языках [Текст] / Е. Н. Макарова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2019. – Вып. 5. – № 2. – С. 73–83.
- Митчелл и др., 2016 – Митчелл, П. Д. Построение предложений в бразильском варианте португальского языка [Текст] / П. Д. Митчелл, М. О. Черемисина, Л. Агиар Пардиньо // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – № 5–6. – С. 46–53.
- Петренко, 2017 – Петренко, В. И. Случаи отступления от традиционного порядка слов в английском предложении [Текст] / В. И. Петренко // Вестник науки и образования. – 2017. – № 9 (33). – С. 68–71.
- Пешкова, 2020 – Пешкова, А. Б. Структурные типы русских и английских восклицательных предложений [Текст] / А. Б. Пешкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – № 1. – С. 291–294.
- Пономарчук, 2019 – Пономарчук, Ю. В. Особенности передачи тема-рематической структуры предложений при переводе с английского языка на русский [Текст] / Ю. В. Пономарчук // VII Информационная школа молодого ученого / отв. ред. П. П. Трескова. – Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2019. – С. 353–360.
- Птицына, 2017 – Птицына, Т. Н. Факторы и модели освоения испанского языка как иностранного (SLA) в русскоговорящей аудитории [Текст] / Т. Н. Птицына // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2017. – Т. 6. – № 22. – С. 89–96.
- Рудницкая, 2018 – Рудницкая, Е. Л. Порядок слов (глагол и прямой объект) в устных рассказах на эвенкийском языке [Текст] / Е. Л. Рудницкая // Сибирский филологический журнал. – 2018. – № 1. – С. 219–234.
- Хамидова, 2014 – Хамидова, М. Н. Роль сказуемого в структурной организации предложения (на материале таджикского и английского языков) [Текст] / М. Н. Хамидова // Ученые записки Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. – 2014. – № 1 (38). – С. 139–146.
- Хантакова, Швецова, 2017 – Хантакова, В. М. Место синонимии в сопоставительных исследованиях [Текст] / В. М. Хантакова, С. В. Швецова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12-1 (78), ч. 1. – С. 161–165.
- Abdurakyn et al., 2016 – The Chinese and Kazakh languages comparative study: subject-predicate sentence structure [Text] / N. Abdurakyn, A. Nurzhayeva, A. Mustafayeva, D. Kokeyeva, K. Kydyrbayev // International Journal of Applied Linguistics and English Literature. – 2016. – Vol. 5. – Issue 7. – P. 197–208.
- Contreras, 1976 – Contreras, H. A Theory of Word Order with Special Reference to Spanish [Text] / H. Contreras. – Amsterdam : North Holland, 1976. – 302 p.
- Geist, 2005 – Geist, L. Copular sentences in Russian vs Spanish at the syntax-semantics interface [Text] / L. Geist // ZAS Papers in Linguistics. – 2005. – Vol. 44. – P. 99–110.
- Igolkina, 2018 – Igolkina, N. English word order: should it be learnt or acquired by Russian learners? [Text] / N. Igolkina // Иноязычное образование в поликультурной среде : материалы и доклады XXIV научно-практической конференции Национальной ассоциации преподавателей английского языка (NATE 2018) (Самара, 18–20 апреля 2018 г.) / отв. ред. В. В. Левченко. – Самара : Изд-во Самарского университета, 2018. – С. 182–186.
- Martins, Cardoso, 2018 – Martins, A. M. Word Order Change / A. M. Martins, A. Cardoso. – Oxford : Oxford University Press, 2018. – 346 p.
- Park, Lakshmanan, 2006 – Park, K.-S. The unaccusative-unergative distinction in resultatives: evidence from Korean L2 learners of English [Text] / K.-S. Park, U. Lakshmanan // Proc. of the 2nd

- Conference on Generative Approaches to Language Acquisition North America (GALANA). – Somerville, MA : Cascadilla Proceedings Project, 2006. – P. 328–338.
- Atrio et al., 2019 – Atrio, R. À. On the Effect of Word Order on Cross-lingual Sentiment Analysis [Text] / R. À. Atrio, T. Badia, J. Barnes // *Procesamiento del Lenguaje Natural*. – 2019. – N 63. – P. 23–30.
- Roggia, 2018 – Roggia, A. An investigation of unaccusativity and word order in Mexican Spanish [Text] / A. Roggia // *Spanish in Context*. – 2018. – Vol. 15. – P. 77–102.

References

- Arutyunova, N. D. (2004). *Trudnosti perevoda s ispanskogo yazyka na russkiy* [Difficulties in translation from Spanish into Russian]. 2nd ed. Moscow : Vysshaya shkola Press.
- Bezus, S. N. (2016). Mesto ispanskogo yazyka v tipologii yazykov OV/VO [Place of the Spanish language in the OV/VO typology]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanities and Law Studies], 3, 206–212.
- Bogoyavlenskaya, Yu. V. (2015). Sovremennye sopostavitel'nye issledovaniya: novye vektory razvitiya [Modern comparative studies: New vectors of development]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina* [Vestnik of Pushkin Leningrad State University], 1 (3), 72–81.
- Gnatyuk, O. A. (2019). Grammaticheskie razlichiya v yazykovykh sistemakh ispanskogo i russkogo yazykov kak osnova vozniknoveniya interferentsii [Grammatical differences in linguistic systems of the Spanish and Russian languages as a basis of interference problems]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 8, 202–205. DOI: 10.30853/filnauki.2019.8.40.
- Dobrynina, O. L. (2017). Grammaticheskie oshibki v angloyazychnom akademicheskom pis'me: prichiny poyavleniya i strategii korrektsii [Grammar errors in academic writing in English: causes and strategies of correction]. *Vyshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 8–9: 100–107.
- Zamaletdinov, R. R., Zakiryanov, K. Z., Zamaletdinova, G. F. (2017). Sopostavitel'noe issledovanie raznostrukturnykh yazykov: lingvometodicheskij aspekt [Contrastive study of unrelated languages: linguistic and methodological aspects]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2 (48), 63–74.
- Zelikov, M. V. (2005). *Sintaksis ispanskogo yazyka: osobennosti struktury predlozhenij po kharakteru kommunikativnye ustanovki i tseli vyskazyvaniya* [The syntax of the Spanish language: characteristics of sentences' structure according to the nature of utterances' communicative attitude and goal]. St. Petersburg : KARO Press.
- Krayzer, V. M., Antonov, V. P., Goncharov, A. M. (2016). Prostoe predlozhenie v nemetskom, anglijskom i russkom yazykakh v sopostavitel'nom aspekte [Comparative analysis of simple sentences in German, English and Russian languages]. *Vestnik KHakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova* [Bulletin of Khakass State University named after N. F. Katanov], 15, 33–41.
- Kashina, S. V. (2018). Struktura predlozheniya rodnogo yazyka kak istochnik inter-ferentsii pri obuchenii anglijskomu yazyku na trilingval'noj osnove [Sentence structure of a mother tongue as a source of interference in teaching English on a trilingual basis]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Scientific notes of Orel state university. Series: Humanities and social sciences], 4 (81), 148–151.
- Makarova, E. N. (2016). Foneticheskie sredstva vydeleniya podlezhashchego – elementa «novogo» v ispanskoy fraze [Phonetic means of signaling 'new' subject in Spanish]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 2 (3), 33–40.
- Makarova, E. N. (2019). Kommunikativnyy status obstoyatel'stv mesta v neblizkorodstvennykh yazykakh [Adverbial modifiers of place and their communicative status in languages that are not closely-related]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 5 (2), 73–83.

- Mitchell, P. J., Cheremisina, M. O., Aguiar Pardiniho, L. (2016). Postroenie predlozhenij v brazil'skom variante portugal'skogo yazyka [Sentences' Structure in the Brazilian variant of Portuguese]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov university review. Series: Humanities], 5–6, 46–53. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-5/6(157/158)-46-53.
- Petrenko, V. I. (2017). Sluchai otstupleniya ot traditsionnogo poryadka slov v anglijskom predlozhenii [Cases of deviation from the traditional word order in the English sentence]. *Vestnik nauki i obrazovaniya* [Bulletin of Science and Education], 9 (33), 68–71.
- Peshkova, A. B. (2020). Strukturnye tipy russkikh i anglijskikh vosklitsatel'nykh predlozhenij [Structural types of the English and Russian exclamatory sentences]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 1, 291–294. DOI: 10.30853/filnauki.2020.1.57.
- Ponomarchuk, Y. (2019). Osobennosti peredachi tema-rematicheskoy struktury predlozhenij pri perevode s anglijskogo yazyka na russkij [Features of transfer of the theme-rhematic structure of sentences in translation from English into Russian]. In P. P. Treskova (Ed.), *VII Informatsionnaya shkola molodogo uchenogo* [VII Young Scientist Information School] (pp. 353–360). Yekaterinburg : UMTS UPI. DOI: 10.32460/ishmu-2019-7-0042.
- Ptitsyna, T. N. (2017). Faktory i modeli osvoeniya ispanskogo yazyka kak inostrannogo (SLA) v russkogovoryashchej auditorii [Spanish second language acquisition factors and learning models applied in the Russian-speaking audience]. *Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze* [Teaching Methodology in Higher Education], 6 (22), 89–96. DOI: 10.18720/HUM/ISSN2227-8591.22.11.
- Rudnitskaya, E. L. (2018). Poryadok slov (glagol i pryamoy ob"ekt) v ustnykh rasskazakh na evenkiyskom yazyke [Word order (verb and direct object) in oral stories in Evenki]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian journal of philology], 1, 219–234. DOI 10.17223/18137083/62/15.
- Hamidova, M. N. (2014). Rol' skazuemogo v strukturnoy organizatsii predlozheniya (na materiale tadzhikskogo i angliyskogo yazykov) [The role of predicate in the structural organization of the sentence]. *Uchenye zapiski KHudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta imeni akademika B. Gafurova. Seriya gumanitarno-obshchestvennykh nauk* [Khujand State University named after academician B. Gafurov Scientific Notes. Series: Humanities and Social Sciences], 1 (38), 139–146.
- Khantakova, V. M., Shvetsova, S. V. (2017). Mesto sinonimii v sopostavitel'nykh issledovaniyakh [Place of synonymy in comparative studies]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 12–1 (78), 161–165.
- Abdurakyn, N., Nurzhayeva, A., Mustafayeva, A., Kokeyeva, D., Kydyrbayev, K. (2016). The Chinese and Kazakh languages comparative study: subject-predicate sentence structure. *International Journal of Applied Linguistics and English Literature*, 5 (7), 197–208. DOI: 10.7575/aiac.ijalel.v.5n.7p.197.
- Contreras, H. (1976). *A Theory of Word Order with Special Reference to Spanish*. Amsterdam : North Holland.
- Geist, L. (2005). Copular sentences in Russian vs Spanish at the syntax-semantics interface. *ZAS Papers in Linguistics*, 44, 99–110.
- Igolkina, N. (2018). English word order: should it be learnt or acquired by Russian learners? In V. V. Levchenko (Ed.), *Proc. of NATE Russia Conference* (pp. 182–186). Samara : Samara State University.
- Martins, A. M., Cardoso, A. (2018). *Word Order Change*. Oxford : Oxford University Press. DOI: 10.1093/oso/9780198747307.001.0001.
- Park, K.-S., Lakshmanan, U. (2006). The unaccusative-unergative distinction in resultatives: evidence from Korean L2 learners of English. In A. Belikova, L. Meroni, M. Umeda (Eds.), *Proc. of the 2nd Conference on Generative Approaches to Language Acquisition North America (GALANA)* (pp. 328–338). Somerville, MA : Cascadilla Proceedings Project.
- Atrio, R. À., Badia, T., Barnes, J. (2019). On the Effect of Word Order on Cross-lingual Sentiment Analysis. *Procesamiento del Lenguaje Natural*, 63, 23–30. DOI: 10.26342/2019-63-2.
- Roggia, A. (2018). An investigation of unaccusativity and word order in Mexican Spanish. *Spanish in Context*, 15, 77–102. DOI: 10.1075/sic.00004.rog.

УДК 81.161.1'373

UDC 81.161.1'373

Никулкина Ольга Геннадьевна**Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ****г. Брянск, Российская Федерация****Olga G. Nikulkina****Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)****Bryansk, Russian Federation**

sinbad1982@yandex.ru

**ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОВЕСТИ А. П. ЧЕХОВА «ДУЭЛЬ»
(К 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ)
ONOMASTIC SPACE OF A. P. CHEKHOV'S NOVELLA "DUEL"
(TO THE 160TH ANNIVERSARY OF THE WRITER)**

Аннотация

В настоящей работе предлагается комплексный анализ ономастических единиц повести А. П. Чехова «Дуэль». Все имена собственные (ономастическое пространство) исследуются по ряду критериев: 1) денотативное содержание онимов; 2) степень участия онима в сюжете повести; 3) отношение поэтонимов к реальной ономастике; 4) структура поэтонимов; 5) особенности контекстовой семантики онимов, смысловая валентность в тексте. Ономастикон повести представлен антропонимами, хоронимами, пелагонимом, потамонимом, астионимами, годонимами, урбанонимом, теонимами, агеоантропонимами, артионимом, библионимом, библеизмами, эргонимом, фалеронимом, хремадонимом, контекстуальным онимом, именами литературных персонажей. Выявлены сюжетные и фоновые онимы, в том числе аллюзивные имена. Установлено, что семантика антропонимов интерпретируется в зависимости от характера контекста произведения или ассоциаций, на которые косвенно указывают производящие основы имён собственных. Она может быть также мотивирована производящей диалектной номинацией или этимологическим значением онима. В семантической структуре ряда топонимов зафиксировано смещение денотатов за счёт контекстуального приращения значений.

Abstract

The current paper is aimed to give a comprehensive analysis of the onomastic units of A. P. Chekhov's novella "The Duel". All proper names (onomastic space) are studied according to several criteria: 1) denotative content of the names, 2) their significance in the development of the plot of the novel, 3) correlation of the poetic and real names, 4) structure of the poetic names, 5) contextual semantics of the names, their significance and semantic valence in the text. The onomasticon of the narrative is represented by anthroponyms, choronyms, pelagonyms, potamononyms, astionyms, godonyms, urbanonyms, theonyms, agioanthroponyms, artionyms, biblionyms, biblical names, ergonyms, phaleronyms, chrematonyms, contextual names, names of literary characters. The narrative and background names, including allusive ones, have been identified. It has been established that the semantics of anthroponyms is interpreted depending on the nature of the context or associations, as it is indirectly indicated by the productive stems of proper names. It can also be motivated by the productive dialect nomination or etymological meaning of the name. In the semantic structure of some toponyms, due to contextual augment of meanings, the displacement of denotates has been found.

Ключевые слова: А. П. Чехов, ономастическое пространство художественного текста, поэтоним, сюжетные и фоновые онимы, структурная модель.

Key words: A. P. Chekhov, onomastic space of a literary text, poetic name, narrative and background names, structural pattern.

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_2_95_108

1. Введение

В художественном тексте языковые средства приобретают дополнительные оттенки значения, которые формируются «вторичной мотивированностью прямых значений языкового знака» [Винокур, 1991, с. 33]. Особой значимой составляющей художественного произведения выступают имена собственные (ИС), которые изучаются поэтической (литературной) ономастикой.

Общие и частные вопросы поэтической ономастики разработаны Ю. А. Карпенко, В. Н. Михайловым, Э. Б. Магазаником, В. М. Калининским, О. И. Фоняковой, В. И. Супруном, Н. В. Васильевой, М. Э. Рут, Г. Ф. Ковалёвым, Ю. В. Барковской, Р. Ю. Шебановым, Н. И. Васильевой, А. Ф. Рогалевым, С. М. Пак, Л. М. Салминой, а также автором настоящей статьи [Никулкина, 2014; Никулкина, 2016] (анализ трудов вышеупомянутых авторов см. [Горбачева, 2008]).

Для обозначения объекта поэтической ономастики используются следующие термины: фиктонимы [Суперанская, 1973, с. 145], литературные онимы [Фонякова, 1990, с. 5], поэтические имена [Подольская, 1988, с. 109], поэтонимы [Калинкин, 1999].

Согласно концепции В. М. Калинин, под поэтонимами понимаются «существующие в творящем сознании автора и (через текст произведения) в воспринимающем сознании читателей идеальные образы вымышленных или реальных объектов» [Калинкин, 1999, с. 62]. Поэтоним отличается «динамичностью содержания» и «доминированием в семантической сфере "поэтических" коннотаций» обладает «непрерывной семантической текучестью» и «способностью к бесконечному содержательному насыщению» [Там же, с. 62, с. 150]. Поэтоним вторичен по отношению к реальной онимии. Реальные, общеупотребительные онимы в художественном дискурсе являются вторично примененными знаками с намеренно заданной целью – художественного изображения авторского мировидения, главная функция поэтонима – эстетическая. Семантически преобразуясь, ИС «участвует в создании не только связности, но и смысловой многомерности художественного текста» [Николина, 2003, с. 197]. По мнению профессора А. Ф. Рогалева, «изучение истории создания различных романов, повестей, драматических произведений, поэм свидетельствует и о настойчивых поисках самых верных, необходимых, единственно правильных именовании, о сомнениях и отбраковках при номинации, о внимании авторов к этимологии поэтических имён, к их звучанию и ассоциациям, которые те или иные имена и названия вызывают или могут вызвать» [Рогалев, 2007, с. 5]. Ономастическое пространство художественного текста – это все ИС, функционирующие в художественном произведении. Они образуют особую систему, в которой автор проецирует реальную действительность.

Современное языкознание характеризуется особым вниманием к функционированию ИС в художественных текстах. Этим обстоятельством, а также отсутствием работ, связанных с комплексным анализом онимов повести «Дуэль», обусловлена актуальность настоящего исследования. Целью работы является анализ объёма и содержания ономастического пространства чеховской повести.

2. Эксперимент

В качестве материала исследования выступает картотека, содержащая 100 онимических единиц. Количество онимоупотреблений значительно выше, но их количественный подсчёт не входил в задачи автора настоящей работы. Анализируемая единица – однократное употребление той или иной номинации. Методы исследования: описательный, словообразовательный, этимологический, статистический, метод сплошной выборки онимов, а также метод семантического контекстуального анализа.

Объектом исследования в нашей работе является ономастическое пространство повести А. П. Чехова «Дуэль». Предмет изучения – особенности функционирования ИС, анализ семантической и словообразовательной структуры онимов в парадигме ономастического пространства произведения.

«Ах, какой я начал рассказ! Привезу и попрошу Вас прочесть его. Пишу на тему о любви. Форму выбрал фельетонно-беллетристическую. Порядочный человек увёз от порядочного человека жену и пишет об этом своё мнение; живёт с ней – мнение; расходится – опять мнение. Мельком говорю о театре, о предрассудочности «несходства убеждений», о Военно-Грузинской дороге, о семейной жизни, о неспособности современного интеллигента к этой жизни, о Печорине, об Онегине, о Казбеке...» [Чехов, 1976, Т. 3, с. 78–79] – писал А. П. Чехов издателю А. С. Суворину 24–25 ноября 1888 года о своём замысле нового произведения.

Писатель в июле–августе 1888 года впервые отправился на Кавказ. Эта поездка оставила самые яркие впечатления. Тема Кавказа стала отдельным мотивом в повести. Отметим также, что автор во время своего маршрута знакомился с экзотическими именами, которые впоследствии употребил в произведении.

В «Дуэли» также находим отголоски посещения А. П. Чеховым в 1891 году Сахалина. Знаковым было для автора знакомство с сахалинским иеромонахом отцом Ираклием, который стал прообразом персонажа «Дуэли» дьякона Победова, следовательно, можно говорить об автобиографизме части онимов в повести.

Перейдем к рассмотрению ономастического пространства повести А. П. Чехова «Дуэль» по следующим критериям: 1) денотативное содержание онимов; 2) степень участия онима в сюжете повести; 3) отношение поэтонимов к реальной ономастике; 4) структура поэтонимов; 5) особенности контекстовой семантики онимов, смысловая валентность в тексте.

2.1. Денотативное содержание ономастического пространства повести

С учётом денотативного содержания онимы представлены следующими разрядами: 1) антропонимами: *Иван Андреевич Лаевский* (государственный служащий), *Александр Давидович Самойленко* (военный врач), *Надежда Фёдоровна* (спутница Лаевского), *Ачмианов* (владелец торговой лавки), *Илья Михайлыч* (Егор Алексеич) *Кирилин* (полицейский пристав), *Николай Васильевич фон Корен* (зоолог), *Мустафа* (официант), *Никодим Александрович Битюгов* (чиновник), *Марья Константиновна Битюгова* (его жена), *Катя*, *Костя* (их дети), *Победов* (дьякон), *Устимович* (врач), *Кербалай* (владелец духана), *Говоровский* (секундант), *Бойко* (секундант), *Шешковский* (сослуживец Лаевского), *Мирюдов* (некто), *Ольга* (прислуга), *Дарья* (прислуга), *Гаратынские* (дворяне), *Наваридзе*, *Ахатулов* (жители города); 2) топонимами (названия географических объектов): а) хоронимами (название любой территории, области): *Кавказ*, *Московская губерния*, *Тульская губерния*, *Россия*, *Аравия*, *Европа*; б) гидронимами (названия водных объектов): пелагонимом (название морей, заливов): *Чёрное море*; потамонимами (имена рек, проливов): *Чёрная речка*, *Жёлтая речка*, *Берингов пролив*, *Енисей*; в) ойконимами (имена поселений): астионимами (названия городов): *Дерпт*, *Петербург*, *Севастополь*, *Курск*, *Москва*, *Неаполь*, *Новый Афон*, *Новороссийск*, *Владивосток*; годонимами (имена улиц, проспектов, бульваров, переулков): *Невский*, *Большая Морская* (улица), *Ковенский переулок*; урбанонимом (название любого внутригородского объекта) *Петропавловская* (крепость). Тематические разряды поэтонимов дополняются материалом раздела 2.2 настоящего исследования.

2.2. Виды поэтонимов в зависимости от степени участия в сюжете произведения

По значимости поэтонимов в развитии сюжета и выражении идеи повести выделяются сюжетные и внесюжетные (фоновые) ИС. Сюжетными являются все перечисленные выше ономастические единицы. Ими обозначены главные, второстепенные и эпизодические действующие лица повести, очерчены пространственные координаты, которые локализуют место непосредственного развития сюжета или только упоминаются некоторыми персонажами.

В корпус имён собственных анализируемого произведения входят также фоновые онимы, которые представлены двумя группами. К первой группе относятся ономастические единицы, которые «оттеняют» разворачивание действия, придают ему достоверность и реалистичность, насыщают повествование национальным колоритом, при этом они никак не характеризуют действующих персонажей повести. К ним относятся: 1) антропонимы: князь *Воронцов* (Михаил Семёнович Воронцов, с 1844–1853 гг. наместник Кавказа), *Анфиса* и *Акулина* (они́мы употреблены в метафорическом значении 'простолюдинки': *Что же касается любви, то я должен тебе сказать, что жить с женщиной, которая читала Спенсера и пошла для тебя на край света, так же не интересно, как с любой Анфисой или Акулиной* [Чехов, 2011, с. 213], а также квазиантропонимы *Ачкасов*, *Лачкасов*, *Зачкасов* (обозначают несуществующие, фиктивные субъекты, не участвующие в сюжете повести; образованы от одной основы – ачкасов путём чередования начальных звуков [л]/[з]; семантически соотносятся с несерьёзным, легкомысленным, недостойным внимания человеком: *Я не мальчишка, не какой-нибудь Ачкасов или Лачкасов, Зачкасов... Я требую серьёзного внимания!* [Чехов, 2011, с. 277]); 2) идеонимы (имена, связанные с разными сферами идеологической деятельности человека): а) теонимы (имена божеств в любом пантеоне): *Бог*, *Магомет*; б) агеоантропонимы (имена святых): *Христос*, *Господь наш Иисус Христос*; в) артионим (название произведения музыкального искусства): *«Невозвратное»* (вальс); г) библионим *Евангелие*, 3) библеизмы (они́мы из библейских текстов): *Писание*, *Страшное судилище*; 4) эргоним (название учреждения) *«Приятный духан»* (духан – небольшой ресторан с продажей вин в сельской местности на Кавказе); 5) фалероним (название орденов, медалей, знаков отличия): орден *Владимир с бантом* (перифрастическое наименование ордена Святого Владимира 4-й степени); 6) хрематоним (вид прагматонима, имена сортов, марок, товарных знаков): *водка Кошелева*, *водка Смирнова номер двадцать один*; 7) контекстуальный отапеллятивный оним *Провидение*. Эта группа фоновых они́мов состоит из 19 единиц.

Вторая группа фоновых они́мов представлена аллюзивными ИС, ссы́лка на которые помогает автору актуализировать определённую черту в характерах главных персонажей или описываемую ситуацию. Своеобразие этих поэтонимов в том, что они изначально наполнены смысловым содержанием, на которое в дальнейшем наслаивается новое, контекстуальное значение. Оним-аллюзия способен «компактно передавать объёмную информацию текста-источника и стилистически обогащать принимающий текст» [Потылицина, 2005, с. 37], «элемент-аллюзия способствует возникновению у реципиента ассоциаций с предшествующим текстом» [Камовникова, 2000, с. 177]. Имена-аллюзии включают повесть в диалог с мировой культурой. Аллюзивные ИС (всего 28 единиц) представлены 1) реальными антропонимами (фамилиями отечественных и зарубежных писателей, драматургов, философов, учёных, исторических деятелей, художников): *Шекспир*, *Тургенев*, *Толстой*, *Пушкин*, *Лесков*, *Лермонтов*, *Шопенгауэр*, *Спенсер*, *Стенли*, *Верещагин*, *Аракчеев*, *Вильгельм Первый*, *Кант*, *Гегель*; 2) именами литературных персонажей: *Гамлет*, *Онегин*, *Печорин*, *Каин*, *Базаров*, *Фауст*, *Анна Ка-*

ренина, Рудин, Данила (герой рассказа Н. С. Лескова «Легенда о совестном Даниле»), Ромео, Джульетта; 3) библонимами: «*Не уезжай голубчик мой*» (романс), «*Морозной пылью серебрится его бобровый воротник*» (строка из первой главы романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»), *Украинская ночь* Пушкина (неточное воспроизведение начала второй песни поэмы А. С. Пушкина «Полтава»: «Тиха украинская ночь...»).

2.3. Отношение поэтонимов к реальной ономастике

Выделяются реальные и вымышленные ИС. Большинство онимов в повести являются реальными. Они входят в разные тематические разряды. Антропонимы соответствуют реальным моделям именования, но невозможно достоверно определить, взяты они из национальной ономастики или созданы автором по языковым законам номинации, например, *Александр Давидович Самойленко, Ачмианов, Илья Михайлович Кирилин, Никодим Александрович Битюгов, Николай Васильевич фон Корен* и др.

В антропонимиконе повести наряду с русскими национальными формами именования персонажей, присутствуют иноязычные имена и фамилии, репрезентирующие национальный и языковой колорит описываемого в повести. Их, на наш взгляд, А. П. Чехов почерпнул из своего кавказского путешествия: *Мустафа, Ачмианов, Наваридзе, Ахатулов*. Мусульманским именем *Кербалай* в повести назван татарин, владелец духана (небольшой закуской). С прототипом персонажа, носящего это реальное имя, писатель познакомился во время сахалинского путешествия. Автор использовал реальные антропонимы для создания социально-исторического правдоподобия в изображении персонажей.

К реальным относятся также все топонимы (географическая точность топонимикона подчеркивает реальность повествования), артионимы, библониимы, фалероним, а также аллюзивные ИС.

К вымышленным относятся некоторые фоновые ИС (*водка Кошелева, водка Смирнова номер двадцать один, Провидение, Страшное судилище, «Приятный духан»*). Названия видов водки, представляющих собой генетивные конструкции, не являются прагматонимами в терминологическом значении, поскольку названия товарных знаков оформляются с прописной буквы или заключаются в кавычки. Сатиричность и пародийность анализируемых вымышленных поэтонимов достигается за счёт употребления в их структуре фамилий *Кошелев* и *Смирнов*, которые становятся одновременно идентифицирующими и дифференцирующими маркерами конкретной разновидности водки: *...он научил обывателей пить пиво, которое тоже здесь не было известно; ему же обыватели обязаны сведениями по части разных сортов водок, так что с завязанными глазами они могут теперь отличить водку Кошелева от Смирнова номер двадцать один* [Чехов, 2011, с. 226].

Контекстуальный оним *Провидение* и библеизм *Страшное судилище* (структура последнего соответствует атрибутивному типу словосочетания «прилагательное + существительное») перешли из нарицательных имён существительных вследствие процесса онимизации в разряд собственных, что говорит об их значимости в художественной парадигме А. П. Чехова.

В повести встречается один эргоним «*Приятный духан*», искусственность и сатиричность которого усиливается прилагательным *приятный* и подчёркивается описанием места его расположения: *... в стороне от дороги стоял духан татарина Кербалая с русским флагом на крыше и с вывеской, написанной мелом: «Приятный духан»; около него был небольшой садик, обнесённый плетнём, где стояли столы и скамьи, и среди жалкого колючего кустарника возвышался один-единственный кипарис, красивый и тёмный* [Чехов, 2011, с. 242].

Таким образом, вымышленные онимы составляют около 5% от общего числа поэтонимов повести (пять единиц).

2.4 Структурно-словообразовательные типы поэтонимов

Все поэтонимы делятся на простые (однокомпонентные) и составные (представлены двумя и более самостоятельными компонентами).

Структурно антропонимикон представлен следующими типами: а) однокомпонентными именованьями посредством личного имени (10 именованья); б) двухкомпонентными именованьями по формуле «имя + отчество» (восемь именованья); в) двухкомпонентным именованьем по формуле «имя + фамилия» (одно именованье); г) именованьями с использованием фамилии (12 онимов); д) многокомпонентными именованьями по формуле «имя + отчество + фамилия» (семь единиц).

Анализ структурных типов антропонимов проводится нами с учётом всех вариантов именованья каждого персонажа. Например, главный герой повести *Иван Александрович Лаевский* (государственный служащий) в зависимости от ситуации общения и характера отношений с другими персонажами имеет следующие варианты именованья: *Ваня, Ваня Лаевский, Лаевский, Иван Александрович/Александрыч*.

Однокомпонентные именованья персонажей осуществляются посредством официальных (*Ольга, Дарья, Кербалай, Мустафа* 4 именованья) и неофициальных форм канонических имён (*Катя, Костя, Ваня, Надя, Коля, Саша*; шесть именованья).

Пять имён собственных образованы усечением производящих основ полных личных имён с последующим добавлением окончания -а (-я) в функции словообразовательного форманта [Данилина, 1970, с 9–10]: *Катя* (девочка; полная форма имени *Екатерина*), *Костя* (мальчик; полная форма имени *Константин*), *Ваня* (служащий; полная форма *Иван*), *Надя* (молодая женщина; от *Надежда*), *Коля* (зоолог; от *Николай*).

В образовании разговорной именной формы участвует суффикс -и- (*Саша* – военный врач; от *Александр*).

В официальной обстановке персонажи обращаются друг к другу по формуле «имя + отчество», что соответствует традиционному русскому национальному языковому этикету: *Александр Давидович/Давидыч, Надежда Фёдоровна, Иван Андреевич/Андреич, Никодим Александрыч, Марья Константиновна, Николай Васильевич, Илья Михайлыч, Егор Алексеич*. Некоторые отчества наряду с полной формой, употребляются в редуцированной форме с усечёнными суффиксами -ыч, -ич (полная форма суффиксов -ович, -евич): *Александрыч, Михайлыч, Алексеич, Андреич, Давидыч*. В сочетании с полными формами личных имён указанные отчества подчёркивают дружеский, доверительный, непринуждённый характер отношений между героями повести.

Двухкомпонентному именованью по формуле «имя + фамилия» соответствует одно имя собственное *Ваня Лаевский* (компонент «имя» представлен разговорной формой канонического личного имени *Ваня* – от полной формы *Иван*).

Посредством фамилии именуется главный герой: государственный служащий (*Лаевский*), военный врач (*Самойленко*), полицейский пристав (*Кирилин*), зоолог (*фон Корен*), дьякон (*Победов*), а также большинство второстепенных персонажей: владельцы магазина, отец и сын (*Ачмиановы*), семья чиновника (*Гаратынские*), доктор (*Устимович*), сослуживец Лаевского (*Шешковский*), секунданты (*Говоровский, Бойко*), некто *Мирюдов*.

Трёхкомпонентные именованья *Иван Андреевич Лаевский, Александр Давидович Самойленко, Илья Михайлыч Кирилин, Егор Алексеич Кирилин, Николай Васильевич фон Корен, Марья Константиновна Битюгова, Никодим Александрыч Битюгов* соответствуют формуле «имя + отчество + фамилия».

Структурные типы антропонимов соответствуют действующим моделям именования национальной ономастики. Выбор способа именования персонажей продиктован авторским эстетическим вкусом, идейно-художественной направленностью произведения, а также обусловлен контекстовой ситуацией, в которую помещён тот или иной персонаж.

Структурные типы топонимов повести «Дуэль» представлены: а) однокомпонентными именованиями (*Дерпт, Кавказ, Невский, Россия, Петербург, Севастополь, Курск, Москва, Неаполь, Новороссийск, Аравия, Европа, Владивосток, Енисей, Петропавловская, Тульская*; 16 именовании); б) двухкомпонентными именованиями (*Новый Афон, Чёрная речка, Жёлтая речка, Большая Морская* – опущен номенклатурный термин улица; четыре ИС); в) двухкомпонентными именованиями по формуле «прилагательное + существительное», где в качестве главного компонента выступают номенклатурные термины *губерния (Московская губерния), море (Чёрное море), переулоч (Ковенский переулоч), пролив (Берингов пролив)* (пять единиц).

Три однокомпонентных именования (*Невский, Тульская, Петропавловская*) представляют собой редуцированные (сокращённые) формы топонимов с опущенными идентифицирующими компонентами проспект, губерния, крепость соответственно.

2.5 Семантические особенности поэтонимов

Главный герой повести – *Иван Александрович Лаевский*, представитель молодёжи 80-х гг. XIX века. Персонаж называет себя *лишним человеком, жалким неврастеником, белоручкой* [Чехов, 2011, с. 213], по словам фон Корена, персонажа-антипода, *Лаевский – недурной актёр и ловкий лицемер* [Чехов, 2011, с. 230], *пил много и не вовремя, играл в карты, презирал свою службу, жил не по средствам* [Чехов, 2011, с. 216]. Фамилия *Лаевский* является искусственной по своему происхождению и возникла, вероятно, в среде русского православного духовенства. Персонаж «Дуэли» пренебрегает общественным мнением, смело выражает свои мысли, которые противоположны мнению окружающих, в словах он дерзок, прямолинеен. Фамилия героя была выбрана А. П. Чеховым не сразу, были варианты *Ладзиевский, Лагиевский*. Более оправдано, как нам представляется, мотивировать семантику фамилии персонажа словом *лай*, которое в диалектах означает не только звуки, издаваемые собакой, но и ругань, брань [Даль, 1998, с. 241]. Избранный писателем антропоним, вероятнее всего, включает в себе характеристическую экспрессию, а именно, указывает на неосновательность, поверхностность этого персонажа, и поэтому в контексте повести значение онима может быть интерпретировано как 'часто бранящийся, ругающийся с окружающими'. В тексте находим этому подтверждение: *говорит часто так умно, что только немногие его понимали, часто употреблял в разговоре непристойные выражения* [Чехов, 2011, с. 216], *с ним выпить можно, и посквернословить, и посудачить* [Чехов, 2011, с. 230], *...для нашего брата неудачника и лишнего человека всё спасение в разговорах* [Чехов, 2011, с. 212]. Соотнесение фамилии *Лаевский* со словом *лай* составляет подтекст данного литературного антропонима. Современники А. П. Чехова отмечали «прототипичность» образа Лаевского и сравнивали его с редактором А. С. Сувориным, который в речи нередко прибегал к резким высказываниям.

Спутница Лаевского – *Надежда Фёдоровна*. Считаем важным отметить, что в именовании этого персонажа отсутствует фамилия. Мы предполагаем, что фамилия (фамилия её мужа, от которого она сбежала из Петербурга) подчёркивала бы её связь с прежней жизнью. Внешне нейтральные имена (*Иван* и *Надежда*) и отчества героев (*Андреевич, Фёдоровна*) актуализируют свою семантику в конце повести, когда оба персонажа нравственно перерождаются.

Внутренний разлад с самим собой достигает кульминации в дуэли, где персонаж ведёт себя достойно (ср. отчество *Андреевич* – из греческого, означает 'мужественный' [Суперанская, 2005, с. 110]). Герой повести, поставленный перед реальностью близкой смерти, остаётся живым, что подчёркивается семантикой его имени: *Иван* – др.-евр. 'Бог милует' [Там же, с. 192]. Пробуждается и Надежда Фёдоровна, осознав порочность своего существования. Автор даёт героям *надежду* (ср. прозрачную семантику личного имени *Надежда*) на новую счастливую жизнь, на воскрешение как некий *дар*, на что указывает значение отчества *Фёдоровна* (*Фёдор* – 'дар Божий' [Там же, с. 323]). Обращаясь в начале повести к Надежде Фёдоровне безлично или в форме *голубка*, в конце повести Лаевский использует гипокористическую форму личного имени *Надя*, подчёркивающую тёплый характер отношений.

Немецкий педантизм и выдержанность уживаются в образе зоолога *Николая Васильевича фон Корена* с искренностью и открытостью. На наш взгляд, этим можно объяснить необычное сочетание в именовании персонажа канонической христианской формы личного имени и отчества (*Николай Васильевич*) с немецкой фамилией и традиционной немецкой приставкой (*фон Корен*). Приставка *фон* исторически подчёркивала дворянское, аристократическое происхождение человека и указывала на территориальную прикрепленность фамилии. Поскольку отсутствует подробное описание жизненного пути персонажа, вероятнее всего, приставка *фон* была присоединена к родовому не дворянскому имени без указания на поместье. А. П. Чехову было предложено заменить именование персонажа, но писатель посчитал важным оставить его без изменений: «Фон Корен пусть остаётся фон Кореном. Изобилие Вагнеров, Брандты, Фаусеки и проч. отрицают русское имя в зоологии...» [Чехов, 1976, Т. 4, с. 266] (письмо Суворину А. С., 30 августа 1891 г.). Если принять во внимание твёрдость, решительность, основательность характера фон Корена, то звуковая оболочка фамилии этого героя вызывает ассоциации с *корнем*.

В период написания «Дуэли» А. П. Чехов познакомился с зоологом В. А. Вагнером, выдающимся российским зоологом, основателем отечественной сравнительной психологии. С ним писатель беседовал о биологических законах и их роли в человеческом обществе, о главенствующей роли естественных наук, обсуждал теории Спенсера и Дарвина. Отзвуки этих размышлений отразились в рассуждениях персонажа фон Корена. Дарвинист по убеждениям, он принципы естественного отбора в природе проецирует на социальные отношения. Зоолог считает, что сильные должны изолировать или уничтожать слабых (к ним он причисляет Лаевского). Следуя этим размышлениям, в фамилии персонажа можно услышать немецкий глагол *köten* (зоологический термин) – 'выбирать, отбирать' (животных-производителей) [Большой немецко-русский словарь, 2007, с. 739]. Фамилия этого героя также созвучна с фамилией Юхана Корена (1879–1919), норвежского естествоиспытателя, зоолога-любителя, внесшего значительный вклад в изучение Севера. Прототипом образа фон Корена мог также оказаться путешественник и исследователь Н. М. Пржевальский.

Фамилию с подтекстом носит в повести военный доктор, дворянин и статский советник *Александр Давидович Самойленко* с лицом *необыкновенно добрым, милым и даже красивым* [Чехов, 2011, с. 211]. Фамилия *Самойленко* образована путем присоединения к разговорной форме личного имени *Самойло* (украинизированный вариант др.-евр. имени *Самуил*) суффикса *-енко* (первоначально имел значение 'маленький', 'сын'). Главная функция персонажа – опекать, защищать, примирять – раскрывается в семантике его имени: *Александр* в переводе с греческого означает 'мужественный, помощник, защитник людей' [Суперанская, 2005, с. 101]. Не случайно и отчество персонажа – *Давидович*: этимология имени *Давид* ('любимый, возлюбленный' [Там же, с. 161]) допол-

няет образ героя повести. Мотивированность отчества обнажается в тексте: *всем давал деньги взаймы, всех лечил, сватал, мирил, устраивал пикники, <...> всегда он за кого-нибудь хлопотал и просил и всегда чему-нибудь радовался. По общему мнению, был безгрешен* [Чехов, 2011, с. 211]. Характер персонажа скрыто подчёркивается этимологией намеренно выбранного автором именования, где ключевой становится семантика онима *Самуил* (имя древнееврейского происхождения и означает 'Бог услышал' [Суперанская, 2005, с. 293]), от которого образована фамилия. Отчество *Давидович* и фамилию *Самойленко* можно рассматривать и как интертекстуальные поэтонимы, поскольку они отсылают читателя к библейскому тексту. Смысл поэтонима *Самойленко* раскрывается при соотнесении его с образом и именем пророка *Самуила*, помазавшего *Давида* на царство. Не случайно к мнению военного доктора *Самойленко*, как к пророку, прислушиваются другие персонажи. Писатель наделил персонажа благородными чертами характера: *смирный, безгранично добрый, благодушный и обязательный* [Чехов, 2011, с. 211]. В силу своей гармоничной сущности он уравнивает образы *Лаевского* и *фон Корена* и является посредником между ними.

Коннотативной семой и положительной оценочной окраской обладает фамилия другого главного героя повести – дьякона *Победова*. Именно дьякон своим криком отвлекает зоолога от выстрела в момент дуэли, спасая тем самым жизнь *Лаевскому*. Поэтоним *Победов* соотносится с нарицательным словом *победа*, которое в художественном контексте реализует свою метафорическую семантику и интерпретируется как победа нравственности и гуманизма.

Представляет интерес фамилия *Битюговы*, принадлежащая чиновнику *Никодиму Александровичу* и его супруге *Марье Константиновне*. Фамилия *Битюгов* образована от прозвища *Битюг*, которое, в свою очередь, происходит от названия реки (*Битюг* – левый приток Дона) [Никонов, 1993, с. 19]. Прозвище *Битюг* восходит также к нарицательному слову *битюг/ битюк*, которое, согласно В. И. Далю, обозначает ломовую лошадь или крепкого, плотного, здорового, сильного человека [Даль, 1998, с. 90]. Сходную этимологию находим у М. Фасмера: *битюг* – 'силач, здоровяк' [Фасмер, 1986, с. 169]. В тексте повести герой, наделённый редким именем *Никодим*, не отличается ни физической силой, ни плотным телосложением. Персонаж не произносит ни одной реплики, он спокоен, молчалив и угрюм. В этой связи правомерно в качестве мотивирующих сем использовать диалектные значения производящей основы. Номинация *битюг/ битюк* в говорах употребляется применительно к человеку в трёх значениях: 'сердитый, угрюмый', 'ленивый, неповоротливый' и 'вялый, апатичный' [СРНГ, 1966, с. 303]. Такая интерпретация фамилии героя поддерживается опосредованной авторской характеристикой с помощью повтора оценочных лексем-маркеров *маленький, аккуратненький, с зачёсанными височками: маленький, лысый человек, зачёсывавший волосы на виски и очень смирный* [Чехов, 2011, с. 236]; *скорчившись и поджав ноги, сидел Никодим Александрович, маленький, аккуратненький, с зачёсанными височками* [Чехов, 2011, с. 239]; *аккуратненький, с зачёсанными височками* [Чехов, 2011, с. 270]. Супруга *Никодима Александровича, Марья Константиновна, была добрая, восторженная и деликатная особа* [Чехов, 2011, с. 236]. Она любящая и любимая жена, заботливая мать. В этой связи возрастает роль лексической основы имени и отчества персонажа (ср. *Константин* – лат. 'постоянный, стойкий' [Суперанская, 2005, с. 213], *Мария* – др.-евр. 'любимая, желанная, госпожа' [Там же, с. 410]).

Перейдём к рассмотрению семантических особенностей топонимов. Действие в «Дуэли» происходит в небольшом причерноморском кавказском городке, название которого автор не конкретизировал, но, как мы полагаем, в одном из абхазских городков, который А. П. Чехов посетил во время своего кавказского путешествия. Отсутствие

ойконима (название города) подчёркивает, с одной стороны, однотипность черноморских провинциальных городов, типичность происходящих в них событий, а с другой стороны, актуализирует хороним *Кавказ*, который становится в произведении именем-символом со множеством контекстуальных оттенков значения и центром пересечения разных, порой противоположных, мироощущений персонажей.

В повести довольно объёмный топонимический словарь, он включает в себя 24 ономастических единицы. Из них только четыре топонима (*Кавказ*, *Чёрное море*, *Жёлтая речка*, *Чёрная речка*) локализуют пространственные контуры сюжета произведения.

В составе пелагонима *Чёрное море* не происходит смены денотата, он семантически нейтрален и выступает в своём прямом номинативном значении. *В описываемое время у него столовались только двое: молодой зоолог фон Корен, приехавший летом к Чёрному морю, чтобы изучать эмбриологию медуз...* [Чехов, 2011, с. 223].

В повести А. П. Чехов обыгрывает семантику, на первый взгляд, вымышленных гидронимов *Жёлтая речка* и *Чёрная речка*. Названия водных объектов имеют прозрачную внутреннюю форму, они мотивированы цветом воды, что иллюстрируют следующие контексты: *открылась долина Жёлтой речки и блеснула сама речка – жёлтая, мутная, сумасшедшая* [Чехов, 2011, с. 241]; *в том месте, где Чёрная речка впадала в Жёлтую и чёрная вода, похожая на чернила, пачкала жёлтую и боролась с ней...* [Чехов, 2011, с. 242]. Примечательно, что в Абхазии есть горная река *Мчиште*, названная в простонародье *Чёрной речкой* по цвету усеявших русло реки камней, которые покрыты специфическим мхом чёрного цвета. Вероятно, писатель, находясь под впечатлением от посещения Абхазии, перенёс в текст «Дуэли» народный вариант реального гидронима.

Ряд топонимов обозначает внесюжетные пространственные объекты. Они употребляются в прямом номинативном значении, фиксируют географические координаты в воображении или воспоминаниях персонажей, их семантика никак не обыгрывается автором: *Петербург, Невский (Чуждые люди, чуждая природа, жалкая культура – всё это, брат, не так легко, как гулять по Невскому в шубе...* [Чехов, 2011, с. 213]), *Московская губерния* и *Тульская (губерния) (Я бы отдал полжизни, чтобы теперь где-нибудь в Московской губернии или в Тульской выкупаться в речке, озябнуть, знаешь, потом бродить часа три хоть с самым плохеньким студентом и болтать, болтать...* [Чехов, 2011, с. 215]), *Неаполь (Все серьёзные зоологи работают на биологических станциях в Неаполе...* [Чехов, 2011, с. 254]), *Дерпт (Самойленко с тех пор, как уехал из Дерпта, в котором учился медицине, редко видел немцев...* [Чехов, 2011, с. 232]). Сахалинское путешествие А. П. Чехова, как уже нами ранее отмечалось, нашло отражение в реалиях повести. Так, в маршруте фон Корена угадываются черты географии путешествия самого автора: ономастические единицы *Владивосток*, *Берингов пролив*, *Енисей* являются обозначениями ключевых пунктов в воображаемом маршруте зоолога (*Я пройду берегом от Владивостока до Берингова пролива и потом от пролива до устья Енисея* [Чехов, 2011, с. 240]).

Некоторые реальные онимы, функционируя в художественном пространстве, преобразуются и наполняются новыми содержательными и эмоционально-экспрессивными коннотациями. Сказанное относится к номинации *Кавказ*. Оним *Кавказ* употребляется в повести как в прямом значении в качестве обозначения географического, преимущественно горного, региона (*...делает русскому правительству одолжение тем, что живет на Кавказе* [Чехов, 2011, с. 231]), так и в переносном значении. Главные герои по-разному существуют в этом пространстве. Лаевский бежал на Кавказ от своих проблем, пустой жизни в надежде трудиться на земле. Но работа оказалась для него скучной. *Чуждые люди, чуждая природа, жалкая культура – всё это, брат, не так легко, как гулять по Невскому в шубе...* [Чехов, 2011, с. 213]. Лаевский сравнивает Кавказ с колодецем: *колодецем представляется мне твой великолепный Кавказ. Если бы мне предложили*

что-нибудь из двух: быть трубочистом в Петербурге или быть здешним князем, то я взял бы место трубочиста [Чехов, 2011, с. 215]. Таким образом, происходит переосмысление значения хоронима Кавказ. В нем актуализируются новые коннотативные значения: 'колодец, из которого невозможно выбраться', 'чуждое, чужое пространство', 'ловушка'. Для Ивана Андреевича Лаевского *Кавказ* – синоним дикости, азиатчины, а Россия представляется цивилизацией. *В буфетах щи, баранина с кашей, осетрина, пиво, одним словом не азиатчина, а Россия, настоящая Россия* [Чехов, 2011, с. 220]. Противопоставление онимов *Россия* и *Кавказ* рождает оппозицию *своё – чужое*. Временным местом пребывания становится Кавказ для дьякона Победова и зоолога фон Корена.

Оппозиция *своё – чужое* реализуется в хорониме *Кавказ* посредством мироощущения ещё одного персонажа. Надежда Фёдоровна связывала с Кавказом мечты о счастье: *оказалось же, что Кавказ – это лысые горы, леса и громадные долины, где надо долго выбирать, хлопотать, строиться, и что Лаевский не торопился приобретать участок; она была рада этому...* [Чехов, 2011, с. 235]. Выбор Кавказа как реализации мечты о счастливой жизни не случаен: отдаленность от России и отделённость от неё водным пространством и горами мыслится как некая защита от петербургской суеты. Курортный городок подсознательно ассоциируется с отдыхом, лёгкостью, праздностью. Так, оним *Кавказ* приобретает контекстуальный смысловой оттенок 'лёгкость существования', 'праздность'. Александр Давидович Самойленко уже восемнадцать лет живёт на Кавказе. Он восхищается здешней природой, выращивает виноград, делает из него вино. Кавказ для Самойленко – дом, место постоянного проживания. Проиллюстрируем его отношение к России и Кавказу. *А я уже восемнадцать лет не был в России. Забыл уж, как там, по-моему, великолепно Кавказа и края нет* [Чехов, 2011, с. 215]. Анализируемый фрагмент позволяет констатировать, что в ониме *Кавказ* происходит смена денотата, поэтоним выступают не как обозначение территориального объекта, а как синоним «своего», родного пространства. Таким образом, поэтоним *Кавказ* в повести получает чёткое семантическое разграничение: 1) обозначает географический объект, 2) является одновременно символом «своего, родного пространства» и «чужого, далёкого»; 3) выражает значения 'лёгкость, праздность существования'; 'колодец, ловушка'; 'место временного пребывания', 'азиатчина'.

Коннотативно обогащёнными становятся топонимы в следующем текстовом фрагменте. *Воображение его рисовало, как он садится на пароход и потом завтракает, пьёт холодное пиво, разговаривает на палубе с дамами, потом в Севастополе садится на поезд и едет. Здравствуй, свобода! Станции мелькают одна за другой, воздух становится всё холоднее и жёстче, вот берёзы и ели, вот Курск, Москва... В буфетах щи, баранина с кашей, осетрина, пиво, одним словом, не азиатчина, а Россия, настоящая Россия. Пассажиры в поезде говорят о торговле, новых певцах, о франко-русских симпатиях; всюду чувствуется живая, культурная, интеллигентная, бодрая жизнь... Скорей, скорей! Вот наконец Невский, Большая Морская, вот Ковенский переулок, где он жил когда-то со студентами, вот милое, серое небо, морозящий дождик, мокрые извозчики...* [Чехов, 2011, с. 220]. Прямые значения в семантической структуре топонимов *Севастополь, Курск, Москва, Невский, Большая Морская, Ковенский переулок* затемняются, и актуализируются семы 'свобода', 'радостная жизнь'. Внешне нейтральные онимы осложняются не только новой содержательной коннотацией, но и приобретают эмоционально-экспрессивную окраску за счёт упоминания их в одном ряду с лексемами *свобода, жизнь*.

3. Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, ономастическое пространство повести А. П. Чехова «Дуэль» представлено следующими раз-

рядами поэтонимов: антропонимами, хоронимами, пелагонимом, потамонимом, астионимами, годонимами, урбанонимом, теонимами, агеоантропонимами, артионимом, библионимом, библеизмами, эргонимом, фалеронимом, хремадонимом, контекстуальным онимом, именами литературных персонажей.

Во-вторых, в зависимости от степени участия в сюжете повести онимы делятся на сюжетные и внесюжетные (фоновые). Последние представлены двумя группами: 1) поэтонимами, являющимися лишь фоном, на котором разворачивается сюжет повести, и 2) аллюзивными ИС, посредством которых в произведение вводятся прецедентные имена, прецедентные тексты и прецедентные ситуации. Аллюзивные онимы не только скрещивают в повести различные фрагменты мировой культуры, но и являются актуализаторами определённых черт в образах персонажей.

В-третьих, ономастикон повести состоит преимущественно из реальных онимов. Вымышленные ИС составляют 5% от общего числа поэтонимов.

В-четвёртых, онимы соответствуют определённым структурным моделям. Структурно антропонимы соотносятся с моделями: а) однокомпонентными именованиями посредством личного имени; б) двухкомпонентными именованиями по формуле «имя + отчество»; в) двухкомпонентным именованием по формуле «имя + фамилия»; г) именованиями с использованием фамилии; д) многокомпонентными именованиями по формуле «имя + отчество + фамилия». Структурные типы топонимов представлены: а) однокомпонентными именованиями; б) двухкомпонентными именованиями; в) двухкомпонентными именованиями по формуле «прилагательное + существительное».

В-пятых, установлено, что семантика антропонимов 1) раскрывается в контексте произведения, 2) мотивирована ассоциациями, на которые косвенно указывают производящие основы ИС, 3) проецирует мифологические мотивы, 4) мотивирована производящей диалектной номинацией, 5) наполнена этимологическим значением имени. Топонимы представлены семантически нейтральными единицами, прямо указывающими на первоначальный денотат и являющимися локализаторами пространства, и единицами, осложнёнными контекстуальными значениями, необходимыми автору для воплощения своего замысла.

Онимы организуют пространственно-временной уровень текста, а также декодируют скрытые смыслы, важные для понимания текста, актуализируют разные планы повести (философский, бытовой, библейский). Ономастикон проецирует авторскую картину мира, является неотъемлемой частью чеховского художественного почерка.

Список литературы

- Большой немецко-русский словарь, 2007 – Большой немецко-русский словарь [Текст]: В 2 т.– М., 2007. – Т. 1: А–К. – 2007. – 1076 с.
- Винокур, 1991 – Винокур, Г. О. О языке художественной литературы [Текст]: учеб. пособие / Г. О. Винокур. – М.: Высшая школа, 1991. – 448 с.
- Гобачева, О. Г. Ономастическое пространство русских народных и авторских сказок [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Горбачева Ольга Геннадьевна; Брянский гос. ун-т. – Орел, 2008. – 273 с.
- Даль, 1998 – Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]: Т. 1–4 / В. И. Даль. – М.: Рус. яз., 1998. – Т. 1: А – З. – 1998. – 699 с.
- Данилина, 1970 – Данилина, Е. Ф. Личные официальные и неофициальные имена в современном русском языке (Специфика. Словообразование) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.10 / Данилина Евгения Фёдоровна. – М., 1970. – 20 с.
- Калинкин, В. М. Поэтика онима [Текст] / В. М. Калинкин. – Донецк: Изд-во Донецкого гос. ун-та, 1999. – 408 с.

- Камовникова, Н. Е. Антропонимы как интертекстуальные аллюзии в поэтическом тексте [Текст] : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Камовникова Наталья Евгеньевна ; РГПУ им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2000. – 200 с.
- Николина, Н. А. Филологический анализ текста [Текст] : учеб. пособие / Н. А. Николина. – М. : Академия, 2003. – 256 с.
- Никонов, В. А. Словарь русских фамилий [Текст] / В. А. Никонов. – М. : Школа-Пресс, 1993. – 224 с.
- Никулкина, О. Г. К вопросу о специфике поэтонимов в авторских сказках [Текст] / О.Г. Никулкина // Научные парадигмы современного гуманитарного знания и содержание образования : материалы междунар. конф., г. Петрозаводск, 28 мая 2014 г. – Петрозаводск, 2014. – С. 146–150.
- Никулкина, О. Г. «На море, на океане, на острове на Буяне...» (к интерпретации сказочного поэтонима) [Текст] / О. Г. Никулкина // Перспективы развития науки и образования : сб. науч. тр. по материалам VIII междунар. науч.-практ. конф., 31 августа 2016 г. / под общ. ред. А. В. Туголукова. – М. : ИП Туголуков А. В., 2016. – С. 82–85.
- Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии [Текст] / Н. В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
- Потылицина, И. Г. Дискурсивный аспект аллюзивной интертекстуальности английского эссе [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Потылицина Ирина Геннадьевна ; МГПУ. – М., 2005. – 213 с.
- Рогалев, А. Ф. Имя и образ: Художественная функция имён собственных в литературных произведениях и сказках [Текст] / А. Ф. Рогалев. – Гомель : Барк, 2007. – 224 с.
- Словарь русских народных говоров [Текст] / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. – Выпуск 02. Ба – Блазниться. – М.-Л.: Наука, 1966. – 317 с.
- Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного [Текст] / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 366 с.
- Суперанская, А. В. Словарь русских личных имён [Текст] / А. В. Суперанская. – М. : Изд-во Эксмо, 2005. – 544 с.
- Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Текст]: В 4-х т.: Пер. с нем. – 2-изд., стереотип. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1986. – Т. 1. – 576 с.
- Фонякова, О. И. Имя собственное в художественном тексте [Текст] : учеб. пособие / О. И. Фонякова. – Л. : ЛГУ, 1990. – 103 с.
- Чехов, А. П. Малое собрание сочинений [Текст]: /А. П. Чехов. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 800 с.
- Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем [Текст] : в 30 т. Письма: В 12 т. / А. П. Чехов. – М. : Наука, 1974–1983. Т. 3. Письма, Октябрь 1888–декабрь 1889. – М. : Наука, 1976. – 575 с.
- Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем [Текст] : в 30 т. Письма: В 12 т. / А. П. Чехов. – М. : Наука, 1974–1983. Т. 4. Письма, январь 1890–февраль 1892. – М. : Наука, 1976. – 656 с.

References

- Bol'shoy nemetsko-russkiy slovar': V 2 t. T. 1: A–K (2007) [Large German-Russian Dictionary. V. 1]. Moscow.
- Vinokur, G. O. (1991). *O yazyke khudozhestvennoy literatury* [On the language of fiction] : A coursebook. Moscow : Vysshaya shkola Press.
- Gorbacheva, O. G. (2008). *Onomasticheskoe prostranstvo russkikh narodnykh i avtorskikh skazok* [The onomastic space of Russian folklore and fables]. PhD in Philological sci. diss. Bryansk. Orel : Bryansk State University.
- Dal', V. I. (1998). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: T. 1–4. T. 1: A–Z* [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian language. Vol. 1: A–Z]. Moscow : Russky Yazyk Press.
- Danilina, E. F. (1970). *Lichnye ofitsial'nye i neofitsial'nye imena v sovremennom russkom yazyke (Spetsifika. Slovoobrazovanie)* [Personal official and unofficial names in modern Russian (Specificity. Word Formation)]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow.

- Kalinkin, V. M. (1999). *Poetika onima* [Poetics of a name]. Donetsk : Donetsk State University Press.
- Kamovnikova, N. E. (2000). *Antroponimy kak intertekstual'nye allyuzii v poeticheskom tekste* [Anthroponyms as intertextual allusions in the poetic text]. PhD in Philological sci. diss. Herzen State Pedagogical University of Russia. St Petersburg.
- Nikolina, N. A. (2003). *Filologicheskii analiz teksta. Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedeniy* [Philological analysis of the text. Textbook for students of higher pedagogical educational institutions]. Moscow : Akademiya Press.
- Nikonov, V. A. (1993). *Slovar' russkikh familiy* [Dictionary of Russian surnames]. Moscow : Shkola-Press
- Nikulkina, O. G. (2014). K voprosu o spetsifike poetonimov v avtorskikh skazkakh [On the Specificity of Poetonyms in Author's Tales]. *Nauchnye paradigmy sovremennogo gumanitarnogo znaniya i sodержanie obrazovaniya* [Scientific paradigms of modern humanitarian knowledge and the content of education] (pp. 146–150). Petrozavodsk.
- Nikulkina, O. G. (2016). «Na more, na okeane, na ostrove na Buyane...» (k interpreta-tsii skazochnogo poetonima) [“On the sea, on the ocean, on an island on Buyan...” (To the interpretation of the fairytale poetry)]. In A.V. Tugolukov (Ed.), *Perspektivy razvitiya nauki i obrazovaniya* [Prospects for the development of science and education] (pp. 82–85). Moscow : Tugolukov Press.
- Podolskaya, N. V. (1988). *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. 2nd ed. Moscow : Nauka Press.
- Potylitsina, I. G. (2005). *Diskursivnyy aspekt allyuzivnoy intertekstual'nosti angliyskogo esse* [Discursive aspect of allusive intertextuality of English essays]. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow State Pedagogical University.
- Rogalev, A. F. (2007). *Imya i obraz: khudozhestvennaya funktsiya imen sobstvennykh v literaturnykh proizvedeniyakh i skazkakh* [Name and image: Artistic function of proper names in literary works and fairy tales]. Gomel : Bark Press.
- Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vypusk 02. Ba – Blaznit'sya (1966)*. [Dictionary of Russian folk dialects. Vol. 02. Ba – Blaznitsya]. Moscow-Leningrad : Nauka Press.
- Superanskaya, A. V. (1973). *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [The general theory of a proper name]. Moscow : Nauka Press.
- Superanskaya, A. V. (2005) *Slovar' russkikh lichnykh imen* [Dictionary of Russian personal names]. Moscow : Eksmo Press.
- Fasmer, M. (1986). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]: In 4 volumes. Vol. 1. Moscow: Progress Press.
- Fonyakova, O. I. (1990). *Imya sobstvennoe v khudozhestvennom tekste* [Proper names in fiction] A coursebook. Leningrad : Leningrad State University Press.
- Chekhov, A. P. (2011). *Maloe sobranie sochineniy* [Small collection of works]. St Petersburg: Azbuka, Azbuka–Atticus Press.
- Chekhov, A. P. (1976). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem. T. 3. Pis'ma, Oktyabr' 1888–dekabr' 1889* [Complete works and letters. Vol. 3. Letters, October 1888 – December 1889]. Moscow : Nauka Press.
- Chekhov, A. P. (1976). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem. T. 4. Pis'ma, Yanvar' 1890–fevral' 1892* [Complete works and letters. Vol. 4. Letters, January 1890 – February 1892]. Moscow : Nauka Press.

УДК 81'42
UDC 81'42

Пром Наталья Александровна
Волгоградский государственный технический университет
г. Волгоград, Российская Федерация
Nataly A. Prom
Volgograd State Technical University
Volgograd, Russian Federation
natalyprom77@mail.ru

МЕДИАФАКТ В ЖАНРОВЫХ КАТЕГОРИЯХ **MEDIAFACT IN GENRE CATEGORIES**

Аннотация

В статье медиафакт представлен как альтернативная тексту единица медиапотока. Автор обосновывает тезис о том, что медиафакты способны образовывать тексты, а также выступать самостоятельными текстами. Медиафактом предлагается считать информационный конструкт медиареальности, который реципиент этой реальности готов считать фактом. В лингвистике уже существует представление о первичных и вторичных медиатекстах и жанрах. Категория первичности / вторичности / третичности, по мнению автора, представляется применимой в отношении медиафактов и позволяет выделить их типы с учётом генезиса и функциональности. В качестве первичных медиафактов рассматриваются новостные сообщения с функцией информирования и фокусом на событиях действительности. Вторичными являются медиафакты, содержащие аналитические интерпретации первичных фактов, нацеленные на оказание определённого воздействия на аудиторию. Третичные медиафакты содержат интерпретацию первичных или вторичных фактов, в которой фокусируется эмоция исходного факта. Третичные медиафакты выявляются как в информационном поле, так и в развлекательном контенте.

Abstract

In the article, media fact is presented as a media stream unit, alternative to text. According to the hypothesis, (i) media facts are able to form texts, as well as act as independent texts, (ii) the media fact should be considered an information construct of media reality, which the recipient of this reality is ready to regard as a fact. In linguistics, the idea of primary and secondary media texts and genres has already been suggested. The major finding of this study is that the category of primary / secondary / tertiary units appears applicable to media facts and enables to establish their types in terms of genesis and functionality. Primary media facts are considered news messages with the informing function and focus on reality events. Secondary media facts are the ones containing analytical interpretations of primary facts and are aimed at achieving a certain impact on the audience. Tertiary media facts contain an interpretation of primary or secondary facts, with the emotion of the initial fact being focused. The facts of this kind can be found both in the information field and in entertaining content.

Ключевые слова: медиадискурс, медиафакт, жанр, категория, первичный / вторичный / третичный медиафакт, эмоция, юмор.

Keywords: media discourse, media fact, genre, category, primary / secondary / tertiary media fact, emotion, humor.

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_2_109_118

1. Введение

Современная медиалингвистика работает с текстом как универсальной единицей медиадискурса. Медиатекст можно рассматривать как текст, который является речевым

произведением, состоящим из ряда особых единиц, объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющим определённую целенаправленность и прагматическую установку [Гальперин, 1981, с. 18], плюс медиаканал [Добросклонская, 2014].

Медиатекст представляет собой генерализованное понятие, включающее широкое поле разнообразных форм его организации – типов медиатекстов или жанров. Понятие жанра в медиадискурсе многими учёными-лингвистами расценивается как малопродуктивное, поскольку выделение медиажанров, с одной стороны, не всегда может решить проблему типологизации медитекстов, так как такой текст часто демонстрирует признаки разных жанров, что затрудняет однозначную идентификацию. С другой стороны, жанр не обязывает журналиста придерживаться той или иной структуры при создании текста. В этой связи в научный обиход вводится понятие «тип медиатекста», выполняющее ту же функцию организации медиаинформации, что и жанр. Например, в типах медиатекста «новости», «информационная аналитика», «публицистика» [Dominick, 1993; Добросклонская, 2014] легко прослеживаются информационные, аналитические и художественно-публицистические группы жанров [Тертычный, 2006]. При этом в теории журналистики жанры характеризуются как форма репрезентации материала и метод работы с информацией [Шибалева, 2000] в профессионально-практических и методических целях. Подробное изучение этих типологий выявило акцентирование внимания авторов на информационно-аналитических жанрах, в то время как современный медиадискурс вынужден увеличивать долю развлекательности в текстах любой тематической направленности и жанровой оформленности. Медиалингвистика описывает то, каким медиатекст видится аудитории, редко идентифицирующей жанровую форму в современных медиа. Для реципиента важным являются факты, которыми оперирует журналист, руководствуясь их актуальностью и целесообразностью.

В этой связи мы считаем, что медиафакт является удобной и мобильной единицей медиадискурса, которая способна быть как самостоятельным текстом (напр., на новостной ленте), так и входить в состав более крупных форм – других текстов. Так, обоснование гипотезы о том, что медиафакт способен выступать единицей медиадискурса, и выбор категории, оптимальной для типологизации этой единицы, мы рассматриваем в качестве задач предлагаемого исследования. Это даёт новые возможности для лингвистических исследований качественных характеристик медиапотока, его воздействующего потенциала. С целью изучения модификации фактической основы медийного текста и жанра, в основе которых лежит знаковая природа, и решения поставленных задач мы применили метод когнитивно-прагматического анализа.

2. Результаты и обсуждение

Объектом данного исследования выступает современный медиафакт, особенностью которого является то, что он выходит за рамки пропозиции, приобретая функциональную возможность передавать субъективные смыслы актуализации, оценочности и др., что обусловило размывание синтаксических границ. Поэтому основанием для выделения медиафакта является минимальная функционально-смысловая завершенность его изложения [Козлов, 2018, с. 73]. Данный подход основан на работах А. Е. Кибрика, который считает, что структура высказывания, содержащего журналистский факт, должна повторять структуру ситуации и отражаться в пропозиции, состоящей из предиката (события) и его аргументов [Кибрик, 1992, с. 198].

Медиафакты содержат завершённый смысл, поскольку дают ответ на определённый вопрос, и образуют жанры – форму дискурсивной репрезентации объективной реальности. Подтверждением данного тезиса может служить концепция речевых жанров в

работе Л. Р. Дускаевой. Жанрообразование здесь представлено как продуцирование журналистского произведения определённой жанровой разновидности за счёт последовательно раскрывающихся тем, предусмотренных моделью. На основе гипотетических вопросов аудитории в процессе создания новостного текста формируются ответы-жанры «Сообщение о событии», «Сообщение о пространстве события», «Сообщение о причинах события», «Сообщение о последствиях события» [Дускаева, 2012, с. 87] и т. п., которые, по сути, являются медиафактами.

Телевизионные новостные, аналитические и развлекательные форматы отличаются от жанров прессы, однако структурная диалогическая основа в них также прослеживается или даже является декларируемой (напр., ток-шоу). При этом медиафакты не ограничивают зону своей деятельности новостным дискурсом, где в качестве сообщения аудитория хочет видеть достоверный объективный факт. Транслирование средствами массовой коммуникации, так называемая медиатизация, придаёт любой информации способность быть фактом [Пром, 2018]. На статус такового сегодня претендует мнение, прогноз, оценка и прочее как в информационном тексте, так и тексте, относящемся к дискурсу, не предполагающему реальный модус – юмористическому, изотерическому и др. Следовательно, медиафакт представляет собой информационный конструкт медиареальности, который реципиент этой реальности готов считать фактом. Медиафакт, однако, не претендует на то, чтобы стать заменой жанру, принятому в журналистике. При этом один и тот же медиафакт может входить в состав текстов разных жанров.

Поскольку медиафакты образуют тексты и жанры медиадискурса, решая когнитивный вопрос категоризации, мы можем опираться на лингвистические концепции, разрабатывающие данные феномены с учётом особенностей фактуальных единиц. Для выделения типов медиафактов будет полезна концепция о соотношении первичных и вторичных речевых жанров, схематично предложенная М. М. Бахтиным [см.: Бахтин, 1996, с. 161]. В современной лингвистике по этому вопросу существуют два основных мнения. Согласно первой точке зрения, непосредственное речевое общение на бытовом уровне является источником для выделения первичных жанров, а на их основе формируются системы вторичных жанров, состав и специфика языкового оформления которых определяются характером производной сферы [Шмелева, 1997; Орлова, 1997; Дементьев, 2002]. Другие учёные понимают первичные жанры как структурный элемент вторичных речевых жанров и проводят аналогию между первичным речевым жанром, понимаемым как реплика в диалоге, и речевым актом [Баранов, 1997; Кожина, 2010]. Оппоненты этой точки зрения высказывают мнение о том, что связь компонента и целого не исчерпывает всей сложности отношений, «поскольку первичные жанры в этом случае теряют свою самостоятельность и уже не могут быть вычленены как жанры» [Анисимова, 1998, с. 6].

Категория первичности/вторичности выявлена и в медиатексте. Разрабатывая проблему восприятия, понимания и интерпретации полученной информации, М. Р. Желтухина определяет медийный текст как дважды, трижды и более метонимию реконструируемого целостного значения: «кем-либо порождённый текст – кем-либо воспринятый, осмысленный и воспроизведённый текст – кем-либо ретранслируемый текст, поданный в определённом контексте – кем-либо воспринятый, осмысленный и т. д.» [Желтухина, 2003, с. 38]. Следовательно, первичные тексты – это медиафакты на новостной ленте, которые являются репрезентативами объективной реальности в медиа. Они становятся исходными стимулами для появления интерпретаций в развитии информационной волны. Вторичные тексты представляют собой смысловые расширения первых, тексты-реакции призваны вписать событие в существующую шкалу ценностей общества и ассоциированы с аналитическими жанрами.

Информационные волны рождают третичные тексты – информационное эхо, отражающие контаминацию и конвергенцию ранее актуализированных в других текстах смыслов. Под информационным эхо А. В. Болотнов предлагает понимать фрагментированный смысл новости, факта или мифа, который припоминается аудиторией в процессе коммуникативной и проблемно-поисковой деятельности, связанной с отражением пред-рассудков, слухов и мнений. Такой текст содержит только элементы оценок, взятых из другого текста, первичного или вторичного. В нём улавливается поверхностная общность с базовым текстом: частичный ход размышлений, компиляция изложения, размывание границ первичного замысла [Болотнов, 2015, с. 114]. На первый план в третичном тексте выходит эмоция, которую обеспечивают первичные и вторичные факты в новом ракурсе. Эти тексты находятся в средствах массовой информации и вне их поля, например, в блогах, развлекательных передачах, включая юмористический контент. При этом третичные тексты сохраняют выраженную проблематизацию, несмотря на различную трактовку.

Анализ указанных работ показал, что категория первичности / вторичности / третичности не является разработанной и актуализированной ни на материале медиатекстов, ни на материале жанров. Мы считаем, это связано с тем, что единицы «медиатекст» и «медиажанр» не вполне соответствуют данной категории. В медиадискурсе это фактуальная категория, поскольку, во-первых, именно медиафакт принимает вид пропозиции или макропропозиции (термин Ван Дейка), способной передать смысл целого текста в случае его редукции, и, во-вторых, в медиадискурсе невозможно установить цепочку конкретных первичных-вторичных-третичных текстов, а фактов – возможно. Из этого следует, что первичный-вторичный-третичный медиафакты – это разные факты, а не трансформация одного и того же. В этой связи предлагаемый подход мы характеризуем как когнитивно-прагматический. Поскольку мы имеем дело с переосмыслением факта, его интерпретацией, то когнитивный аспект является неизбежным. Прагматика учитывает дискурсивную функциональность медиафакта.

Дополнительным параметром разграничения типов медиафактов является их функциональность, которая состоит в том, что первичные медиафакты информируют о событиях объективной реальности; вторичные медиафакты, интерпретируя, оценивая и делая прогнозы последствий данных событий, стремятся добиться согласия реципиентов медиареальности со своим видением мира. Третичные медиафакты реализуют развлекательно-воздействующую цель медиадискурса и обуславливают высокую интертекстуальную насыщенность современных медийных текстов.

Воздействующую функцию третичных медиафактов могут выполнять жанры, ранее получившие название художественно-публицистических [Тертычный, 2006, с. 202]. Однако в настоящее время публицистика не является актуальной и почти не встречается в описаниях современных жанров СМИ [Коньков, 2004; Шмелева, 2010], а доля такого рода материалов сократилась за счёт стремительного роста лёгкого чтения [Клушина, 2008, с. 39]. Такие тексты не часто создаются журналистами, а скорее относятся к творчеству копирайтеров. Это развлекательно-комические жанры¹, построение единой классификации которых, по замечанию исследователей смехового типа общения, является довольно сложным в силу разнородности образцов, относимых к общему классу юмористического [Морозова, 2013, с. 221].

Рассмотрим появление первичных, вторичных и третичных медиафактов на примере информационной волны и её эха о событии «присоединение Крыма к России». Первичный медиафакт в российских СМИ представляет собой сообщение:

1. Исследования указанных жанров набирают популярность (см., напр, сравнительный лингво-культурологический анализ жанра «стендап» на материале скетчей русского и немецкого комиков [Дубровская, Манёрова, 2019]).

(1) *В Москве состоялось подписание договора между Россией и Крымом о принятии Крыма в состав РФ и образовании новых российских субъектов* (Интерфакс. 18.03.2014).

Медиафакт (1) входит в структуру медиатекста в качестве заголовка. Функцией первичного факта является информирование аудитории о факте действительности. Он характеризуется максимально возможной объективностью. На первый взгляд, авторские оценки и интерпретации отсутствуют, однако сам выбор номинаций уже является интерпретацией. В частности, лексема *принятие Крыма в состав РФ* имеет значение согласия включить территорию в состав России как следствие добровольного выбора, осуществляемого субъектом (Крымом, его населением). В западных СМИ новостные сообщения и заголовки текстов типа: *Putin signs Crimea annexation* (BBC News, 21.03.2014) строились с участием номинации *annexation*, акцентирующей незаконный результат включения объекта (Крыма) к территории агрессора (России). Так, уже в первичном факте заданы противоположные векторы для интерпретаций.

В течение нескольких лет не перестают быть актуальными многочисленные вторичные медиафакты в составе текстов, жанровая принадлежность которых определяется как:

– аналитическая статья: *Russia's actions in Crimea* (GOV.UK. 18.03.2014); *The consequences of the annexation of Crimea* (OSW, 19.03.2014); *Плюс-минус Крым. Что приобрела и что потеряла Россия за пять лет гибридной войны* (Радио Эхо Москвы. 04.03.2019);

– хроника событий: *Ukraine crisis: March 18 as it happened* (The Telegraph. 18.03.2014); *Референдум в Крыму о статусе автономии* (2014) (РИА Новости. 16.03.2016); *Как Крым вошёл в состав России: хроника событий* (Аргументы и факты. 16.03.2015); *Как Россия аннексировала Крым: ретроспектива растерянности и измены* (24 часа. 18.03.2019);

– интервью с очевидцами: *«Никто не верил, что это всерьёз» Как присоединили Крым: весна 2014-го глазами Москвы, Киева и Севастополя* (Meduza. 21.03.2017); *Алексей Чалый раскрыл тайны присоединения Крыма к России* (МК.RU. 14.03.2019);

– комментарий: *Лавров не советует никому даже думать о нападении на Крым* (РИА Новости. 09.07.2014); *Путин о присоединении Крыма: Россия поступила так, как была обязана* (РИА Новости. 09.03.2015); *Политологи комментируют присоединение Крыма к России* (1 канал. 23.03.2014);

– репортаж: *Референдум в Крыму. Вторжение России в Украину, 16 марта. Онлайн-репортаж* (Гордон. 16.03.2014);

– телевизионные ток-шоу: *Вернуть Крым?* (Время покажет // 1 канал. 19.03.2019); *Украина приняла закон о деоккупации* (Программа 60 минут // Канал Россия. 14.04.2018) и прочие.

Данные тексты включают ряд медиафактов и с разных ракурсов освещают проблемы, вызванные событием, анализируют его последствия, положительные и отрицательные эффекты для каждой стороны конфликта и заинтересованных участников с целью привлечь аудиторию на свою сторону и, используя богатый риторический арсенал воздействия, убедить в правильности той или иной точки зрения.

Воздействуя на эмоции, третичные медиафакты часто реализуют развлекательную или даже рекламную цель медиадискурса. Например, креализованный текст рекламы новых конфет «Крым. А ну-ка, отбери!», вербальная часть которого звучит так:

(2) *Даже в то время, когда страна принимает непростые решения, мы не перестаём улыбаться. Потому что мы – Россияне! Крым. А ну-ка, отбери!* (Радио Эхо Москвы. 05.06.2014). Обёртка для конфет выглядит следующим образом (рис. 1).

Р и с у н о к 1. Обёртка крымских конфет

Новосибирская фабрика решила выпускать сладости с необычным названием после возвращения полуострова в состав России. Комический эффект медиафакта (2) достигается двойной аллюзией. Наиболее явной является ассоциативная отсылка к известному для адресата российскому юмористическому сериалу «Наша Russia». Рекламный текст не содержит прецедентного текста целиком, однако узнаваемыми являются иронично-приподнятый стиль, ритмический рисунок и фрагменты предтекста: *когда* – Это мы придумали пить, *когда* нам плохо и курить, *когда* нам хорошо; *страна* – Именно в нашей *стране* умерли многие великие люди, особенно Пушкин и Лермонтов; *мы* – Это *мы* гордимся нашим великим русским языком и выражаем ему респект; *потому что* – Это в нашей стране пенсионер на одну пенсию может купить 15000 коробок спичек, *потому что* Россия – страна гигантских возможностей! (Викицитатник, www).

Вторая аллюзия прослеживается в том, что раньше выпускали конфеты «А ну-ка, отними!», на фантике которых была изображена девочка. Она высоко поднимает конфету в яркой обертке и дразнит собаку. Выбранный сюжет представляет собой тизер (от англ. *tease* 'дразнить') для политических противников. Целью данного высказывания является подбадривание соотечественников в непростой политической и экономической ситуации в условиях санкций. Отметим, что в качестве противников выбраны не украинцы, а американцы как заказчики и руководители смены власти на Украине. Об этом говорит невербальная часть креолизованного текста – на фантике изображен Супермен, украшенный российским триколором. Так, третичный медиафакт сохраняет следы проблематичности, но не раскрывают её, а представляют некогда новостной факт в ироничной интерпретации.

Понимание третичных медиафактов обнаруживается в монологе стендап-комика Руслана Белого: *Вы заметили, что нет шуток про Крым? Ну, он как бы наш, а шутить про него нельзя. Просто про Воронеж можно, он тоже наш, а про Крым нельзя. <...> Мне кажется, Крым по-настоящему станет наш, когда про него можно будет шутить* (программа StandUp // канал ТНТ. 15.02.2017).

Другими словами, переосмысление сложного социального явления, иногда катастрофы, в юмористическом дискурсе включает речевую репрезентацию пресуппозиций аудитории. Появление таких шуток во время или сразу после катастрофы в виде анекдотов, народного юмора и т. п. объясняют стремлением людей снять стрессовое состояние, защититься от неприятных эмоций [Попов, 2016]. Переосмысление такого сложного политико-экономического события, как «присоединение Крыма», требовало в медиадискурсе продолжительного времени.

Креолизованная репрезентация третичных медиафактов представляет собой Интернет-мем как лингво-культурную единицу информации. В лингвистике мем определяется как гибрид вербального и невербального, который отличается воспроизводимостью,

высокой скоростью циркуляции в Интернете и относится к категории комического [Щурина, 2014, с. 148]. Ироническая тональность достигается прецедентным характером этого феномена, основывающегося на коммуникативных элементах, хорошо известных всем представителям культурно-языкового коллектива. Данная особенность обосновывает право рассматривать мемы в категории третичной информации.

Мемы украинского кризиса отличались эффективным воздействием на эмоции аудитории посредством идеологически выверенной оценочности. Например, «печеньки Госдепа» стали мемом, обозначающим предательство. Историческим фоном мема является ситуация в Киеве в 2013 году, когда представитель США В. Нуланд раздавала продукты на Майдане. Тот факт, что протестанты принимали угощения, маркирует защитников Майдана как «продавшихся Америке». Данный мем представляет собой многослойное переосмысление, поскольку прецедентность обусловлена не только ассоциацией с событиями на Майдане, но и со «Сказкой о Военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твёрдом слове» А. Гайдара (1933), в которой предательство Мальчиша-Плохиша вознаграждается «целой корзиной печенья» [Радченко, 2016, с. 211]. Приведём тематически релевантный пример мема (рис. 2).

Р и с у н о к 2. Интернет-мем: Одноразова харчова допомога 'Единовременная продуктовая помощь'; источник: wikireality.ru

Представленный креолизованный Интернет-мем категоризируется как мем-демотиватор, составленный по определённому формату и включающий изображение и комментирующий его ироничный слоган, обыгрывающие известную тему. Вербальные и невербальные элементы демотиватора образуют визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, направленное на комплексное воздействие на адресата [Щурина, 2014, с. 152]. Невербальная часть является сложным семиотическим комплексом, который содержит траурное (в черной рамке) изображение девушки с признаками национальной символики (венок с лентами) и ртом, неестественно набитым печеньем, а также государственную символику Украины и Евросоюза (флаги государств в верхних углах картинки). Вербальная часть *Печеньки Майдана. Один раз – и на всю жизнь* выглядит как надгробная надпись.

Мем располагает дополнительной подписью на украинском языке: *Одноразова харчова допомога* (Единовременная продуктовая помощь). Мем интерпретируется следующим образом: девушка символизирует государство Украину (традиционный код), рядом висящие флаги Украины и Евросоюза напоминают о стремлении нового руководства страны попасть в Еврозону и являются аллюзией на лозунг *Україна це Європа!* Подтекстом и моралью мема представляется таким: даже если человек находится в бедственном положении, предательство за еду не будет спасительным и приведёт скорее к печальным последствиям.

Третичные медиафакты вне СМИ предполагают определённое переосмысление чужих или собственных проблем, другой взгляд, возможный в том случае, когда эмоциональное напряжение ушло, а юмор воспринимается рационально. В этом смысле предполагается наличие условного модуса реальности, поскольку тексты подобного рода,

воспринятые как истинные, могут спровоцировать конфликт. Такие медиафакты часто создаются с целью высмеивания противников, оппонентов, врагов и применяются как один из методов информационной войны. Он довольно подробно исследован в социологии, психологии, филологии. Из этого следует, что развлекательная функция редко реализуется в чистом виде, а, как правило, сопровождается размещением факта на шкале оценок и ценностей, за счёт чего осуществляется определённое воздействие, запрограммированное автором медиафакта, а не просто инфотейнт-суждение. Так, третичный медиафакт является когнитивным феноменом, характеристиками которого являются оценочность и эмоциональность.

3. Заключение

Таким образом, медиафакт представляется актуальной единицей медиаинформации и, следовательно, текста и жанра. Когнитивно-прагматический подход, учитывающий генезис и функциональность медиафактов, позволил выделить их первичные, вторичные и третичные типы. Журналист, контактируя с объективной реальностью, фактуализирует её – создаёт первичные медиафакты с целью информировать аудиторию о её событиях и явлениях. Вторичные медиафакты, содержащие модальность, оценку и иногда домыслы, не являются фактами в строгом научном и философском понимании, однако претендуют на этот статус в медиадискурсе. Размещая события и явления действительности на аксиологических шкалах, они призваны оказывать воздействие на аудиторию, заложенное автором. Третичные медиафакты являются переосмыслением первичных и вторичных медиафактов; результатом воздействия третичных медиафактов являются, в первую очередь, эмоции. Полученные результаты планируется применить для дальнейшего исследования медиафактов в развлекательном сегменте медиадискурса, который становится актуальным и популярным объектом лингвистического анализа.

Список литературы

- Анисимова, 1998 – Анисимова, Т. В. К вопросу о типологии жанров речи [Текст] / Т. В. Анисимова // Языковая личность : жанровая речевая деятельность. – Волгоград : Перемена, 1998. – С. 4–6.
- Бахтин, 1996 – Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров. Проблема текста [Текст] / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 5 т. – М. : Языки русской культуры, 1996. – Т. 5. – С. 159–206.
- Болотнов, 2015 – Болотнов, А. В. О некоторых ключевых понятиях формирующейся информационно-медийной парадигмы в русистике [Текст] / А. В. Болотнов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 1 (042). – С. 111–116.
- Гальперин, 1981 – Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 138 с.
- Добросклонская, 2014 – Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь : учеб. пособие [Электронный ресурс] / Т. Г. Добросклонская. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2014. – 264 с. – URL : <http://www.ffl.msu.ru/research/publications/dobrosklonskaya/dobrosklonskaya-medialingvistika.pdf>.
- Дубровская, Манёрова, 2019 – Дубровская, П. Д. Лингвокультурологический анализ механизмов создания юмора в жанре «стендап» (на материале русского и немецкого языков) [Текст] / П. Д. Дубровская, К. В. Манёрова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2019. – Вып. 5. – № 4. – С. 62–74.
- Дускаева, 2012 – Дускаева, Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. [Текст] / Л. Р. Дускаева. – Изд. 2-е, доп., испр. – СПбГУ : Филол. фак., 2012. – 274 с.
- Желтухина, 2003 – Желтухина, М. Р. Политический и масс-медиаальный дискурсы: воздействие – восприятие – интерпретация [Текст] / М. Р. Желтухина // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2003. – Вып. 23. – С. 38–51.

- Кибрик, 1992 – Кибрик, А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке) [Текст] / А. Е. Кибрик. – М. : Изд-во МГУ, 1992. – 336 с.
- Клушина, 2008 – Клушина, Н. И. Стилистика публицистического текста. [Текст] / Н. И. Клушина. – М. : МедиаМир, 2008. – 242 с.
- Козлов, 2018 – Козлов, А. В. Достоверность журналистского факта, или Как цель оправдывает средства [Текст] / А. В. Козлов. // Известия Урал. федерального ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2018. – Т. 24. – № 1 (171). – С. 72–79.
- Коньков, 2004 – Коньков, В. И. Речевая структура газетных жанров : учеб. пособие [Текст] / В. И. Коньков. – СПб : СПбГУ, 2004. – 221 с.
- Морозова, 2013 – Морозова, А. М. Жанровая специфика юмористического дискурса [Текст] / А. М. Морозова // Вестник Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2013. – № 1. – С. 216–222.
- Попов, 2016 – Попов, А. Д. «Не конец ли Крыму?»: интерпретации катастроф XX в. в фольклоре и медиа [Текст] / А. Д. Попов // Антропологический форум. – 2016. – № 31. – С. 155–176.
- Пром, 2018 – Пром, Н. А. Медиафакт: между достоверностью и вымыслом [Текст] / Н. А. Пром. // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2018. – № 4 (30). – С. 47–54.
- Радченко, 2016 – Радченко, Д. А. «Жареный укроп» с «кровью младенцев»: пищевые коды российско-украинского конфликта [Текст] / Д. А. Радченко // Антропологический форум. – 2016. – № 31. – С. 209–234.
- Тертычный, 2006 – Тертычный, А. А. Жанры периодической печати [Текст] / А. А. Тертычный. – М. : Аспект Пресс, 2006. – 312 с.
- Шиббаева, 2000 – Шиббаева, Л. В. Жанры в теории и практике журналистики [Электронный ресурс] / Л. В. Шиббаева // Ростовская электронная газета. Журналистика. – 2000. – № 17 (47). – URL : <http://www.relga.rsu.ru/%20n47/jur47.htm> (дата обращения 12.04.2008).
- Шмелева, 2010 – Шмелева, Т. В. Публицистика с позиций медиалингвистики [Текст] / Т. В. Шмелева // Публицистика в кризисный период: проблемы истории, теории, языка. – Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2010. – С. 262–273.
- Щурина, 2014 – Щурина, Ю. В. Интернет-мемы в структуре комических речевых жанров [Текст] / Ю. В. Щурина // Жанры речи. – 2014. – № 1–2 (9–10). – С. 147–153.
- Dominick, 1993 – Dominick, J. The Dynamics of Mass Communication [Текст] / J. Dominick. – New York : McGraw-Hill, 1993. – 315 p.

References

- Anisimova, T. V. (1998). K voprosu o tipologii zhanrov rechi [To the question of the typology of speech genres]. *Yazykovaya lichnost': zhanrovaya rechevaya deyatel'nost'* [Language personality: Genre speech activity] (pp. 4–6). Volgograd : Peremena Press.
- Bakhtin, M. M. (1996). Problema rechevykh zhanrov. Problema teksta [The problem of speech genres Text problem]. *Sobranie sochineniy* [Collected edition]: In 5 volumes (Vol. 5, pp. 159–206). Moscow : Yazyki russkoy kul'tury Press.
- Bolotnov, A. V. (2015). O nekotorykh klyuchevykh ponyatiyakh formiruyushchey informatsionno-mediynoy paradigmy v rusistike [Certain key notions on forming informational and media paradigm in Rusistics]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of cognitive linguistics], 1 (042), 111–116.
- Galperin, I. R. (1981). *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow : Nauka Press.
- Dobrosklonskaya, T. G. (2014). *Medialingvistika: sistemnyj podhod k izucheniyu yazyka SMI: sovremennaya anglijskaya mediarech'* [Medialinguistics: a systematic approach to the study of the language of the media: modern English media speech]. Moscow : Flinta Press. Retrieved from <<http://www.ffl.msu.ru/research/publications/dobrosklonskaya/dobrosklonskaya-medialingvistika.pdf>>.
- Dubrovskaya, P. D., Manerova, K. V. (2019). Lingvokul'turologicheskij analiz mekhanizmov sozdaniya yumora v zhanre «stendap» (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov) [Linguoculturological

- analysis of the mechanisms of humor creating in stand up (On example of Russian and German)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 5 (4), 62–74.
- Duskayeva, L. R. (2012). *Dialogicheskaya priroda gazetnykh rechevykh zhanrov* [The dialogical nature of newspaper speech genres]. St Petersburg : St Petersburg University, Philological Faculty Press.
- Zheltukhina, M. R. (2003). Politicheskii i mass-medial'nyy diskursy: vozdeystvie – vospriyatie – interpretatsiya [Political and mass-media discourses: Impact – perception – interpretation]. In V. V. Krasnykh, A. I. Izotov (Eds), *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication] (Vol. 23, pp. 38–51). Moscow : MSU Press.
- Kibrik, A. E. (1992). *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaniiya (universal'noe, tipovoe i specifichnoe v yazyke)* [Essays on general and applied issues of linguistics (Universal, typical and specific in language)]. Moscow : MSU Press.
- Klushina, N. I. (2008). *Stilistika publicisticheskogo teksta* [The style of journalistic text]. Moscow : Mediamir Press.
- Kozlov, A. V. (2018). Dostovernost' zhurnalistskogo fakta, ili Kak cel' opravdyvaet sredstva [Credibility of the Journalistic Facts: How the Goal Justifies the Means]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture], 24 (1), 72–79.
- Kon'kov, V. I. (2004). *Recheyaya struktura gazetnykh zhanrov* [The speech structure of newspaper genres] : A coursebook. St Petersburg : St Petersburg University Press.
- Morozova, A. M. (2013). *Zhanrovaya spetsifika yumoristicheskogo diskursa* [Specific Genre of Humorous Discours]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Vestnik of Pushkin Leningrad State University], 1, 216–222.
- Popov, A. D. (2016). «Ne konets li Krymu?»: interpretatsii katastrof XX v. v fol'klоре i media [“Is it the end for the Crimea?”: Interpretations of the local catastrophes of the 20th century in folklore and medias]. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture], 31, 155–176.
- Prom, N. A. (2018). *Mediafakt: mezhdru dostovernost'yu i vymyslom* [Mediafact: Between credibility and fiction]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: Problem Field of Media Education], 4 (30), 47–54.
- Radchenko, D. A. (2016). «Zharennyy ukrop» s «krov'yu mladentcev»: pishchevye kody rossijsko-ukrainskogo konflikta [“Fried Dill” and “Babies’ Blood”: Alimentary Codes of Russian-Ukrainian Conflict]. *Antropologicheskij forum* [Forum for anthropology and culture], 31, 155–176.
- Tertychny, A. A. (2006). *Zhanry periodicheskoy pechati* [Genres of periodicals]. Moscow : Aspect Press.
- Shibaeva, L. V. (2000). Zhanry v teorii i praktike zhurnalistiki [Genres in the theory and practice of journalism]. *Rostovskaya elektronnaya gazeta. Zhurnalistika* [Rostov Electronic Newspaper. Journalism], 17 (47). Retrieved April 12, 2008 from <<http://www.relga.rsu.ru/%20n47/jur47.htm>>.
- Shmeleva, T. V. (2010). Publitsistika s pozitsiy medialingvistiki [Journalism from the perspective of media linguistics]. *Publitsistika v krizisnyy period: problemy istorii, teorii, yazyka* [Journalism in the crisis period: Problems of history, theory, language]. Veliky Novgorod : Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Press.
- Schurina, Yu. V. (2014). Internet-memy v strukture komicheskikh rechevykh zhanrov [Internet memes in the structure of comic speech genres]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 1–2 (9–10), 147–153.
- Dominick, J. (1993). *The Dynamics of Mass Communication*. NY : McGraw-Hill.

УДК 81'27, 81'282.4

UDC 81'27, 81'282.4

Пустовалов Олег Викторович**Национальный исследовательский Томский политехнический университет****г. Томск, Российская Федерация****Oleg V. Pustovalov****National Research Tomsk Polytechnic University****Tomsk, Russian Federation**

pustovalowol@yandex.ru

**РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ПОТОМКА РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ
В КИТАЙСКОЕ ТРЁХРЕЧЬЕ В XX В. (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАПИСЕЙ УСТНОЙ
РЕЧИ ОДНОЙ ИЗ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦ РУССКОЙ ВОСТОЧНОЙ
ЭМИГРАЦИИ В КИТАЕ)
SPEECH PORTRAIT OF THE RUSSIAN EMIGRANTS' DESCENDANTS
IN THE CHINESE TREKHRECHIYE (BASED ON THE RECORDINGS OF
THE ORAL SPEECH OF REPRESENTATIVE OF RUSSIAN EASTERN
MIGRATION TO CHINA)**

Аннотация

В статье осуществлено речевое портретирование русских переселенцев в Китай в XX в. – Лидии Д., проживающей в китайском Трёхречье, которое было одним из мест переселения русских в Китай. Данная территория расположена в автономном районе Внутренняя Монголия на севере Китая. Изучение особенностей сохранения языка в условиях билингвизма на протяжении нескольких поколений обуславливает актуальность данного исследования. Цель статьи – создание речевого портрета потомка русских эмигрантов в Трёхречье для выявления особенностей сохранения русского языка в условиях русско-китайского билингвизма. В статье представлены грамматические, фонетические, лексические, синтаксические особенности речи информанта. На всех уровнях языковой системы отмечены следы межъязыковой интерференции, обусловленные типологическими различиями двух контактирующих языков, а также присутствие русских диалектных черт. Статья написана по материалам научно-исследовательских экспедиций, осуществленных автором в 2017 и 2018 гг.

Abstract

The article describes the speech portrait of Lydia D., who is a representative of the Russian emigrants' descendants to China in the twentieth century. Lydia D. lives in Trekhrechiye. This territory is one of the places where Russians moved in the XIX century. Trekhrechiye is located in the Inner Mongolia Autonomous Region in the northern part of China. The article presents analysis of phonetic, lexical and grammatical features of the informant's speech. The study of the peculiarities of language preservation, in the situation of bilingualism for several generations, determines the relevance of this study. The purpose of the article is to create a speech portrait of a descendant of the Russian emigrants to Trekhrechiye in order to show the peculiarities of language preservation in the situation of the Russian-Chinese bilingualism. The article presents grammatical, phonetic, lexical, and syntactic features of the informant's speech. There are traces of interlanguage interference at all levels of the language system as a result of typological differences between the two contacting languages, as well as the presence of Russian dialect features. This article is based on the results of 2 research expeditions carried out by the author in 2017 and 2018.

Ключевые слова: речевое портретирование, русский язык в Китае, диалектная форма языка, билингвизм, интерференция.

Keywords: speech portrait, Russian language in China, dialectal forms of the language, bilingualism, interference.

1. Введение

Социально-речевое портретирование является одним из методов анализа языковой личности, в том числе билингвальной. Оно дает возможность целостно и типологически осмыслить речь информантов. Создание речевых портретов нашло отражение в работах таких учёных, как Т. Г. Винокур [Винокур, 1989], С. В. Гордеева [Гордеева, 2012], Т. И. Ерофеева [Ерофеева, 2017], Е. А. Земская [Земская, 2000; Земская, 2008], М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова [Китайгородская, Розанова, 1995], Л. П. Крысин [Крысин, 2001], Т. М. Николаева [Николаева, 1991], Е. А. Оглезнева [Оглезнева, 2009], М. В. Панов [Панов, 2002] и других.

Созданы речевые портреты представителей различных социальных групп, в том числе речевые портреты представителей русской эмиграции в XX в. Так, Е. А. Земской был предпринят опыт речевого портретирования представителей послереволюционной волны русской эмиграции на запад [Земская, 2000; Земская, 2001; Земская, 2008]. Е. А. Оглезнева представила в своих работах речевые портреты русских харбинцев, относящихся к восточной ветви послереволюционной эмиграции [Оглезнева 2006; Оглезнева 2009]. Следует отметить, что эмиграция на восток осуществлялась в страны Азиатско-Тихоокеанского региона: Китай, Японию, Корею и далее в Австралию (в большинстве случаев через Китай). В Китае, который географически находится ближе всего к российской территории по сравнению с другими указанными выше странами, центрами эмиграции являлись города Харбин, Шанхай, Тяньцзинь, а также города и поселки по линии Китайско-Восточной железной дороги и район так называемого Трёхречья.

Восточная ветвь русской эмиграции получила своё продолжение в лице потомков переселенцев, в частности тех, которые до настоящего времени проживают в Трёхречье – автономном районе Внутренняя Монголия, находящемся в Китае. Потомки русских переселенцев сохранили русский язык, но в своеобразном состоянии.

Цель статьи – создание речевого портрета потомка русских эмигрантов в Трёхречье для выявления особенностей сохранения русского языка в условиях русско-китайского билингвизма. Объектом речевого портретирования выступила языковая личность Лидии Д. – потомка русских переселенцев в Китай в начале XX в., жительницы города Лабудалинь городского уезда Аргунь автономного района Внутренняя Монголия в Китае. Это и есть район так называемого Трёхречья, или Саньхэ, названный так по расположению в бассейне трёх рек – Ган, Дербул и Аргунь [Колобова, 2006]. Трёхречье, было одним из мест активного переселения русских из России в послереволюционный период – в 20-30-е гг. XX в.

Изучение особенностей сохранения языка в условиях билингвизма на протяжении нескольких поколений обуславливает актуальность исследования.

Лидия – потомок от смешанного брака во втором поколении, сама представляющая третье поколение русских переселенцев. Родившись в Китае, Лидия сохраняет диалектную форму русского языка и в общении с носителями русского языка говорит на русском диалекте.

В область языковой компетенции Лидии в настоящее время входят два языка: китайский и русский. Основным является китайский, который она использует во всех сферах официального и неофициального общения, русский же используется ситуативно.

Научная новизна исследования заключается во вводимом в научный оборот уникальном материале – записях устной речи билингва [Беседа..., 2017–2018], представляющего потомков русских эмигрантов в китайском Трёхречье – и предпринятом опыте его речевого портретирования.

2. Особенности речевого портрета Лидии Д.

Лидия Д. (имеет русскую фамилию) родилась в 1951 г. в селе Тулунтуй – одном из 19 русских сел китайского Трёхречья. Была крещена в православии, при крещении ей было дано имя Анна. Отец Лидии – китаец, родом из провинции Шаньдун. Мать звали Груня Д. (имела русскую фамилию), «полукровка», родилась в смешанном браке от русской матери и отца-китайца. В семье Лидии домашним языком был китайский: родители разговаривали друг с другом по-китайски. Дед Лидии по материнской линии – тоже китаец, родом из провинции Хэбэй, а бабушка – русская, родилась в селе Бура в Забайкалье¹. Они встретились на российской (тогда – советской) территории.

У меня баушка / Она русска // Она там / в России родила (сь) // Ну / тут / наверно близко где-нибудь // Близко / тут // Ган проедешь там же сразу русские стороне // Ну / так прозвали эту деревню там Бура / Бура / вон там же жили // [Фоноархив «Русское Трёхречье»].

Лидия всю жизнь прожила в Трёхречье: сначала в селе Тулунтуй, где родилась, после замужества – в селе Щучье², а в настоящее время проживает в городе Лабудалинь:

Мы родились в Тулунтуе / в Трохречье // Там я в Тулунтуе родилась // Потом-ка я на Шучу замуж вышла // <...> Потом-ка суды перекочевали // Ну суды перекочевали уже <...> С Тулунтуя // В Шучу я в замуж вышла / Потом-ка детей наносила / пока да чо да и вот / сняла со с работы и суды потом приехали / мы суды перекочевали // Тут уже десять лет / живём //.

Лидия училась в китайской школе 6 лет. О времени учёбы в школе вспоминает так:

Ага / летом рано / летом рано // Да / кого / мы маленьки были / летом тоже шибко рано не вставали // В семь часов / или там в восемь часов / пойдём в школу / ране с полчаса встанем / умоемся / вычешемся / и в школу //.

Культурная революция в Китае помешала Лидии продолжить образование. По-китайски Лидия читает плохо, как она сама говорит, «маловато». По-русски не умеет ни читать, ни писать. Большое значение для поддержания русского языка имел муж Лидии, который также родился в смешанном браке от русской матери и отца-китайца, но хорошо говорил по-русски:

Мы вот с мужем всё // У меня муж так-то / он хорошо говорит по-русски // Мы другой раз-то разговариваем / всё по-русски // Он если говорит / я с ём //.

Хорошее владение русским языком у мужа Лидия объясняет так: *Он поучёный был // Это как это он говорил / у него бабушка / дедушка все же по-русски говорили и мать / отец по-китайски / но где где / тоже по-русски // Он-то там / кулак // Он по-русски поучёный / да и говорил // Я за него вышла / мы где-где тоже по-русски говорим // Маленечко подучилась / да тоже кого / шиворот навыворот //.*

Лидия работала в производственной бригаде, в настоящее время является пенсионеркой:

Дак / это на китайской языке всё учились / А потом-ка мы это поболе / давай / работать <...> // Нет, это как сказать шэнчаньдуй³ // <...> Да / производственная / Мы же щас все снялись с работы / нам пенсию идёт //.

¹ В настоящее время село Бура находится в Калганском районе Забайкальского края.

² В 1940-х годах, как отмечают исследователи, в Трёхречье было 19 русских деревень: Драгоценка, Дубовая, Ключевая, Тулунтуй, Караганы, Попирай, Щучье, Покровка, Верх-Кули, Усть-Кули, Лабдарин, Чилотуй, Светлый Колуй, Барджакон, Лапчагор, Верх-Урга, Усть-Урга, Ширфовая и Нармакчи [Соломеина, 2013, с. 226].

³ 生产队 кит. производственная бригада [Котов, 2000, с. 375].

У Лидии трое детей – две дочери и сын:

У меня / троя // Девочки / двоя // Мальчик – один //

Старшая дочь родилась в 1973 г., младшая – в 1980 г., сын родился в 1975 г. Сын не говорит на русском языке, старшая дочь говорит по-русски и понимает русскую речь:

Не / не говорят // Вот это / у меня большая девушка говорит / понимает // Говорит мало-малко // Ну / училас / Мало-малко-то поучилас на русском языке / Дак / она училась в школе в Хайларе // Учителшиа учила //

Дети названы китайскими именами, русских имён, как это часто бывает в таких семьях, у детей нет, но внука иногда называют русским именем Владимир:

(В) Китае // Вот обязательно чтобы дедушка имя дал по-русски // Деда / говорит / так вы китаецсы / вам што русское имя? (Внук говорит) Нет // Дай / да и всё // Вот // Он потом говорит / видно дедушка ему Володя // Теперь же не зовите меня здесь / русских-то нету / так / а вы почему меня зовете-то Володя? Потом спросит тебя Володя папа как? Ну / вон большой Володя / а я маленький Володя //

Лидия осталась до преклонных лет православной верующей, дома висят иконы. Посещает православный храм в г. Лабудалинь: *Молимся / я каждую неделю // Вот в воскресенье // Сёдня / сёдня воскресенье / я вот свечи зажигаю и Богу молюся-ка вот // Каждую неделю // Ну вот / утром встаю (у)моюсь / ниче не делаю / вперёд Богу молюсь //*

В рассказах Лидии актуальна тема русской жизни, русского быта, о которых она повествует на русском диалекте, испытавшем влияние основного для неё китайского языка, с использованием русской диалектной лексики. Так, она вспоминает о русской еде, которую готовила мать:

Ну / всё готовила // где лыбу / мы шио-та маленьки были // Ну / у нас мама печенье пекла / всяко тоже / всё запекала / где вот мясо / поросят тама-ка запекала всё // <...> // Где пряники тама-ка / где вот эта / калачики / да чо да вот всякие // <...> Шанги пекли из этих // <...> // Картомники всё всяко // У нас мама хорошио пекла // <...> // Черемуху намелешь иной раз // Насеешь эту муку / заваришь // Где это тама-ка ягода всё это есть // Варенье наваришь / заваришь / потом тарочки пекешь // Дак голубица есть // Брусница // <...> Дак с молоком сперва сами вот где пропускали // Тама-ка у кого может сепаратор есть // Таскали там пропускали вот сметану // всё а потом-ка во все забрали же коров всё забрали и всё сдали //

об особенностях рыбной ловли:

Вот / вот // Перемётья // Я уже шас все позабыла // Перемётья есть / он все вот на лодке ездил // Вот // Мы раньше там жили / возле речки // Вот // Спуститься и поедет / поплывёт туды / сети поставит на всю ночь // Вот в это время поплывёт / поставит // Утром потом поедет / соберёт //

о русских посиделках:

Где сами поют / где ето // Где насобируются старушки тоже // Сядут чай пить тоже для себя и тоже запоют // Сами себя веселят и всё //

Анализ записанных устных рассказов Лидии на русском языке показал, что она владеет диалектной формой русского языка. Основной причиной этого является русское крестьянское происхождение её бабушки и матери, от которых Лидия усвоила русский язык, а также проживание в сельской местности, среди русских, говорящих на русском диалекте.

Укажем на фонетические, грамматические и лексические особенности речи Лидии.

2.1. Фонетические особенности

2.1.1. Вокализм

1. В первом предударном слоге после твёрдого согласного и в абсолютном начале слова фонемы <о> и <а> реализуются звуком [а], т. е. наблюдается **аканье**. Например, *к[а]лэчки, п[а]тёма-ка, б[а]юсь, [а]нэ*.

2. В некоторых случаях наблюдается различие фонем <о> и <а> в первом и втором предударном слогах: *г[о]лубица, выг[о]вариват, п[о]дряжэют*.

3. В первом предударном слоге после мягких согласных наблюдается иканье – такой тип безударного вокализма, при котором гласные фонемы, кроме <у>, совпадают в 1-м предударном слоге после мягких согласных в звуке [и]: *д[и]рэвня, ум[и]рлэ, п[и]р[и]эхали, у-м[и]ня* и др., хотя в некоторых случаях отмечается и еканье – тип безударного вокализма, при котором гласные фонемы неверхнего подъёма в 1-м предударном слоге после мягких согласных совпадают в звуке [е] [Касаткин, 1989, с. 48]: *р[е]волюция, п[е]р[е]вóдчика, кр[е]стíл*.

4. В единичных случаях в безударных слогах после мягкой согласной наблюдается яканье – тип безударного вокализма, при котором все гласные фонемы неверхнего подъёма совпадают в 1-м предударном слоге после мягких согласных всегда или в части позиций в звуке [а]: *ч[а]рёмуха*.

5. Ударные гласные более длительны, чем в современном русском языке: *у́тшится (учится), крешёны (крещёные), утшб́телша (учительша), дб́тика (дочка)*. Безударные гласные, по нашим наблюдениям, в меньшей степени подвержены редукции по сравнению с современной русской разговорной речью. Это даёт впечатление «небеглости» речи.

2.1.2. Консонантизм

1. Звонкий заднеязычный согласный представлен в речи [г]-взрывным: *[г]олубица, [г]рибы, о[г]ород, сабо[г]и (=сапоги), дол[г]о, я[г]ода*.

2. Сочетание [жд] в корне произносится как твёрдое [жж]: *Ро[жж]ество, до[жж]и*.

3. Сочетание [чн] произносится как [шн]: *Ярни[шн]а (Ярничная – название деревни)*.

4. В возвратных формах глаголов 3 лица ед. и мн. числа ассимиляция согласных отсутствует: *учи [тс']а, охоти[тс']а, пасу[тс']а*.

5. В словах сюда и отсюда произносится твёрдый [с]: *[суда], [отсуда]*.

6. Аффриката <ц> присутствует в речи и имеет несколько вариантов артикуляции. Она реализуется в речи информанта: а) как [ц]-твёрдый (*доктори[ц]а, [ц]ерква*); б) сочетанием звуков [тс] с ослабленным [т] и преобладающим свистящим [с] (*китае[тс], китае[с]ы, голуби[тс]а*); в) как мягкий [ц'] (*револю[ц']ия*).

7. В речи информанта шипящая фонема <ш'> произносятся как твёрдая: *жэнишына, мушшына*.

8. Долгая мягкая шипящая фонема произносятся твёрдо: *шшотка, шшо, крешшоны, жэнишына*.

9. Отмечается произношение твёрдых согласных на месте мягких перед гласными: *учи[тэ]лша, отсуда, ч[а]ромуха, перэводтшэца*.

10. Зафиксированы огласовки⁴ местоимений, свойственные диалектам и просторечию: *[ч'о] – что, суды – сюда, отсэдова – отсюда, тута – тут, тама – там, туды – туда, куды – куда*.

⁴ Аналогичное явление отмечают исследователи в речи диалектоносителей Забайкалья

11. Прослеживается вариативность ударения в некоторых словах: *бы́ло – было́, говори́ть – говорíть, тепло́ – тёпло, положи́ть – поло́жить, моего́ – моёго, далеко́ – далёко*. Многие особенности, которые представлены выше, прослеживаются в русских говорах [Игнатович, 2009 ; Касаткин, 1989 ; Князев, 2008 ; Николаева, 1991 ; Пустовалов, 2018 ; Юмсунова, 1999], что позволяет сделать вывод о диалектной основе речи Лидии. В речи Лидии часто встречается фонетический эллипсис: *ничо, шас, када, некада, гврит, семисят*, который является характерным для русской разговорной речи и просторечия, хотя, наряду с этим, в разговорной речи информанта представлены и полные формы: *когда, сейчас*.

Яркой чертой речи Лидии являются фонетические особенности, возникшие в результате интерференции под влиянием китайского языка.

1. Аффриката [ч] произносится как [тш]: *дево[ти]ка, уло[ти]ка, перево[ти]ик, перэвод[ти]эца, сей[ти]ас, до[ти]ка, вну[ти]ка, ленто[ти]ки, плато[ти]ки, рань[ти]э, пе[ти]ки*. Н. А. Спешнев в своей работе «Фонетика китайского языка» указывает на то, что аффриката [tʃ] в китайском языке всегда твёрдая [Спешнев, 1980, с. 48].

2. У аффрикаты [ц] появляется придыхательный элемент, как это происходит при произношении звука [tsʰ] в китайском языке: *соиц^хе, япоиц^хы, шиениц^ха, револотс^хи, китаец^х*. Также необходимо отметить произношение аффрикаты [ц] в речи Лидии по аналогии с аффрикатой [с] в китайском языке. Н. А. Спешнев описывает данную аффрикату следующим образом: «Глухая аффриката [tsʰ] представляет собой сочетание смычного согласного [tʰ] с щелевым согласным [s]. Аффриката [tsʰ] отличается от русского [ц] положением кончика языка, который более приподнят к альвеолам, как у согласного [tʰ], придыханием и более длительным щелевым моментом. Данная аффриката всегда твердая» [Спешнев, 1980, с. 47].

3. Отмечены также единичные случаи придыхания у глухих согласных перед гласными: *по-китайск^хи, бабушк^ха, старык^хи*.

4. Наблюдается вокализация речи: имеются случаи упрощения групп согласных и добавления гласных между согласными или в конце слова: *понгравилось; садитеси, по-китайсы, спомнила*.

5. Частотно встречается неразличение звонких и глухих согласных: *пензия, сабоги, козули, каг, тога, бапушка*. Это обусловлено отсутствием в китайском языке фонологического противопоставления глухих и звонких согласных [Каверина, 1988, с. 91].

6. В единичном случае встретилось произношение [л] вместо [р]: *все готовила // где лыбу* (вместо: рыбу).

7. Отмечено тоническое произношение имен собственных, в частности, топонимических названий: Эньхэ (恩和), Саньхэ (三河) и др. При произнесении названия села Эньхэ Лидия произносит первый слог ēn (энь) первым тоном⁵. Первый тон в китайском языке является высоким и ровным [Спешнев, 1980, с. 17]. Второй слог hé (хэ) произносится вторым тоном. Второй тон – это восходящий тон [Спешнев, 1980, там же]. При произнесении названия села Саньхэ Лидия произносит первый слог sān (энь) первым тоном. Второй слог hé (хэ) произносится вторым тоном [Спешнев, 1980, там же].

Темп речи Лидии можно охарактеризовать как средний, но он может меняться в зависимости от темы разговора, знания лексики. Необходимо отметить, что общий уровень владения русским языком у Лидии достаточно высокий. В своей речи она использует приёмы звукового выделения некоторых семантически значимых участков высказывания через интонацию, увеличение силы звука, повышение или напротив понижение тона и удлинение гласного: *Рожжество тама-ка (пауза) в Лабдарине / вот //*

⁵ Тон – мелодическая окраска слога [Спешнев, 1980, с. 16].

Они вот собирау-у-тца (удлинение гласного) // Ну / щас / китайцы тоже смешаны (понижение тона) //.

Многие выявленные фонетические особенности демонстрируют диалектную основу речи Лидии, другие возникли под влиянием интерференции. В целом можно отметить наличие в речи существенных отклонений от фонетических норм современного русского литературного языка.

2.2. Морфологические особенности

На уровне морфологии были выделены следующие особенности в речи Лидии:

1. Форма родительного падежа множественного числа существительного *день* представлена вариантом с нулевой флексией и чередованием *е/о* в корне: *сорок дён* (вместо: *дней*).

2. Форма винительного падежа существительных множественного числа представлена вариантами *держали бараны, коровы* (вместо: *держали баранов, коров*).

3. В форме творительного падежа существительных наблюдается использование флексии мужского рода вместо флексии женского рода и наоборот: *литовком косили* (вместо: *литовкой косили*), *переводчицем была* (вместо: *переводчицей была*).

4. Местоимение *этот* в форме предложного падежа имеет флексию -ИМ: *в этом лесу* (вместо: *в этом*).

5. При образовании множественного числа у названия детёнышей животных используется флексия -И, вместо флексии -А: *утяты (утята), гусяты (гусята), цыпляты (цыплята), бараняты (ягнята)*.

6. Местоимение *сколько* всегда употребляется в особой форме – *сколь*.

7. Местоимения 3-го лица *он, она, оно* употребляются в косвенных падежах без начального «н»: *с ём, за имя́, с имя́, можете с имя* (вместо: *с ним, за ними, с ними, можете с ними*).

8. Отмечается использование местоимений *кого, никого* для указания на отсутствие предмета, свойства, явления: *сейчас никого нет, она никого не ест, я никого не умею, кого это ты сказала*. В соответствии с языковой нормой в этом случае должны употребляться местоимения *что, чего, ничего*.

9. В речи информанта широко используются стяженные формы прилагательных, местоимений: *кака́, желта́, русска, гра́мотны, котóры, старá*.

10. Возвратный постфикс глаголов представлен вариантом -СЯ и -СЬ, но более частотным является вариант -СЬ: *поучился, остались, повстались, родилась, разъехались, подучилась, снялись, проверилась, охотились, боюсь* и т. д.

11. Отмечено употребление возвратной формы глагола вместо невозвратной: *Нет // я это же болела // Провериться / мол съездиться (вместо: съездить) // Там проверилась //; У меня мамы баушка // Она – русска // Она там / в России родила (вместо: родилась) //*

12. Императив глагола размешать представлен формой *размей* (вместо: *размешай*).

13. Отмечено использование грамматических показателей китайского языка, в частности служебного слова *ла* 了 [le], которое употребляется в постпозиции и среди множества значений имеет значение завершенности действия, изменения состояния: *Тоже их / стары нетула // Одни дети остались //*

14. При использовании падежных форм имён существительных отмечается преимущественное употребление формы именительного падежа. Так, именительный падеж может быть использован вместо родительного падежа: *татары много* (вместо: *татар много*), *мало было колечки, браслеты* (вместо: *колечек, браслетов*); именительный падеж вместо винительного падежа: *мы поставили икона* (вместо: *мы поставили икону*).

15. Наряду с этим наблюдается использование одних косвенных падежей вместо других. Например, творительный падеж может быть использован вместо родительного падежа: *огурцом накупим* (вместо: *огурцов накупим*); дательный падеж вместо творительного падежа: *съездит за вам* (вместо: *съездит за вами*).

16. При реализации глаголов отмечены случаи использования формы единственного числа вместо множественного и наоборот. Например, единственное число вместо множественного: *Русские школы было* (вместо: *русские школы были*); множественное число вместо единственного: *приездали батюшка* (вместо: *приезжал батюшка*).

17. При употреблении глаголов обнаружено использование несоответствующей временной формы или несоответствующей формы наклонения: формы глагола прошедшего времени вместо инфинитива, например, *дети остались у него не стали* (вместо: *дети оставаться у него не стали*); форм изъявительного наклонения вместо сослагательного, например, *Мама если жива шас будет / так цзюшилю⁶* (вместо: *Если бы мама жива была, то ей было бы 96*); формы глаголов настоящего времени вместо прошедшего, например, *Мы вот с мужем все // У меня муж так-то он хорошо говорит по-русски // Мы другой раз-то разговариваем / все по-русски // Он если говорит / я с ём //* (Муж Лидии умер, поэтому в данном случае необходимо было употребить формы прошедшего времени – О. П.).

18. Одной из наиболее ярких особенностей речи Лидии является наличие стяжённых форм: *знам, Караванна, чиста, сделам, болишá*. Стяжение наблюдается в окончаниях глаголов 1 лица множественного числа, прилагательных женского рода, субстантивированных прилагательных.

2.3. Синтаксические особенности

1. Отмечен неправильный выбор предлогов: *У нас на книге не так написано* (вместо: *в книге*); *У меня мама шалюшки вязала с пуху* (вместо: *из пуха*); *Я по эти года* (вместо: *в эти года = в это время*).

2. В некоторых случаях опускается предлог «в» с пространственно-временным значением: *А сейчас уехала Устюров // эти деревни татары много*.

3. В качестве моделей для построения предложений иногда используются синтаксические модели китайского языка. Так, например, в китайском языке для обозначения приблизительного количества используется показатель 多[duō] – ‘больше’, который ставится после существительного, 一年多 [yī nián duō] (буквально: ‘один год больше’; литературный перевод: ‘больше года, год с небольшим’). В русском языке ‘больше’ ставится перед именными формами в таком употреблении. Лидия же в своей речи использует порядок слов по типу китайского языка: *Сорок лет боле //; дак тридцать боле / где сорок боле тоже бывает //*

Проведя анализ морфологических и синтаксических особенностей речи нашего информанта, можно сделать вывод о том, что в целом грамматическая система русского языка сохранена. Однако отклонения от грамматической нормы русского языка имеются. Эти отклонения обусловлены: а) диалектным характером речи и являются нормой для диалекта; б) влиянием китайского языка – интерференцией.

2.4. Лексические особенности

Анализ лексических единиц выявил семантические кальки как результат лексической интерференции: *болиша девка, младшая девушка* (вместо: *старшая дочка, младшая дочка*). В китайском языке в подобных словосочетаниях употребляются

⁶ 九十六 кит. девяносто шесть

многозначные прилагательные 大 [dà] ‘большой, крупный, старший’ и 小 [xiǎo] ‘маленький, мелкий, младший, молодой’. Также при обращении к маленьким детям в китайском языке используется слово 小 [xiǎo], а к старшим по возрасту людям 大 [dà], поэтому Лидия использует в своей русской речи словосочетания, представляющие собой дословный перевод с китайского языка: *вот он большой Володя, а я маленький Володя*.

Диалектный характер речи Лидии находит отражение в составе её словаря. Основу её лексикона составляют общенародные и разговорные слова: *коровы, лошади, собака, соседка, брюки, штаны, валенки, грибы, малина, граница, кулак, капуста, морковь, внук, школа* и др. Кроме того, встречается много диалектных и архаичных слов: *чушка, барануха, шалюшка, катанки, когó* (в значении ‘что, чего’), *далёко, бра́вый* (красивый), *литóвка* (коса), *малко* (мало), *нарошечно* (нарочно) и другие.

В речи Лидии встречаются уменьшительные формы слов – деминутивы, которые служат для оценки, описания, представления явлений: *малёнько, шалюшка, тáрочки, уточки, я́ички, и терминов родства: мама, папа, отец, девочка, девка* (в значении ‘дочь’), *девушка* (в значении ‘девочка, дочь’), *сын, муж, тетя, бабушка, зять, внук, внучка, свекровка*. Присутствуют имена существительные женского рода, которые обозначают женщин и образованы от однокоренных существительных мужского рода, обозначающих мужчин и являющихся парными к ним, т. е. феминитивы, например: *докторица*.

В речи присутствует и религиозная лексика, хотя в достаточно ограниченном количестве: *крешиона, крестили, икона, молилась, батюшка, Бог*.

Следует отметить наличие в речи Лидии вкраплений из китайского языка, главным образом, имён собственных: названий сёл (*Саньхэ*), провинций (*Шаньдун, Хэбэй*), а также имён и фамилий. Но среди вкраплений не только имена собственные: *Нет / это как сказать // Шэнчаньдуй⁷ //*; *Он в чжэнфу⁸ работает //*; *Мама если жива шас будет так цзюшилю⁹ //*; *Деда же у меня чиста китаец / Хэбэйжэнь¹⁰ //*. Наблюдается переключение с русского языка на китайский, однако это случается нечасто, обычно в тех случаях, когда нужно было использовать числительные (если речь шла о возрасте, например) или когда информант не мог подобрать эквивалент в русском языке: *уинянь¹¹ // воцзиньяньцишисань¹², шэнчаньдуй¹³, чжэнфу¹⁴*.

В целом можно констатировать, что лексический запас информанта достаточен для свободной коммуникации, что выражается в свободном построении высказываний на русском языке, редких переходах на китайский язык. Однако из-за отсутствия возможности пополнения словарного запаса отмечается незнание информантом лексических обозначений современных реалий и, как следствие этого, наблюдается свободное использование ресурсов языковой системы (так, слово *этажи* используется метонимически в значении ‘многоэтажный дом’).

3. Заключение

Анализ речи представительницы русского восточного зарубежья в китайском Трёхречье показал, что в последние годы основным языком Лидии является китайский, русский же язык находится в пассивном употреблении. Длительное функционирование

⁷ 生产队 кит. производственная бригада [Котов, 2000, с. 375]

⁸ 政府 кит. правительство [Котов, 2000, с. 346]

⁹ 九十六 кит. девяносто шесть [Котов, 2000, с. 89]

¹⁰ 河北人 кит. житель провинции Хэбэй [Котов, 2000, с. 530]

¹¹ 五一年 кит. 51 год [Котов, 2000, с. 387]

¹² 我今年七十三 кит. мне в этом году 73 года

¹³ 生产队 кит. производственная бригада [Котов, 2000, с. 375]

¹⁴ 政府 кит. правительство [Котов, 2000, с. 346]

русского языка вне метрополии в условиях языкового контакта, подчинённое положение по отношению к китайскому языку, а также узость сферы употребления (бытовое общение) и существование лишь в устной форме отразились на его состоянии и степени сохранности. Русский язык ушёл в пассивный запас личности и постепенно забывается.

В настоящее время на всех уровнях языковой системы в речи информанта наблюдаются следы межъязыковой интерференции, обусловленные типологическими различиями двух контактирующих языков (русского и китайского) и демонстрирующие неустойчивые, слабые участки системы русского языка. Присутствие русских диалектных черт на всех уровнях языковой системы выступает как одна из наиболее ярких специфических особенностей речи информанта. В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что данный вариант языка остаётся практически без изменений, несмотря на отсутствие факторов, которые могли бы способствовать его сохранению.

Список литературы

- Беседа..., 2017–2018 – Беседа с Л. Д. [запись] // Фоноархив «Русское Трёхречье». Записи: 2017–2018.
- Виноградов, 1990 – Виноградов, В. А. Интерференция [Текст] / В. А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 197 с.
- Винокур, 1989 – Винокур, Т. Г. Речевой портрет современного человека [Текст] / Т. Г. Винокур // Человек в системе наук. – М.: Наука, 1989. – 504 с.
- Гордеева, 2012 – Гордеева, С. В. К вопросу о языковой компетенции русских и их потомков в китаезычной среде (на материале речи потомков русских переселенцев в приграничный Китай) [Текст] / С. В. Гордеева // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2012. – № 363. – С. 16–19.
- Ерофеева, 2017 – Ерофеева, Т. И. Речевой портрет провинциального города: учеб. пособие по спецкурсу [Текст] / Т. И. Ерофеева. – 3-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2017. – 192 с.
- Земская, 2008 – Земская, Е. А. Речевой портрет эмигрантки первой волны (третье поколение) [Текст] / Е. А. Земская // Русский язык в Научном освещении. – 2008. – №1(15). – С. 196–207.
- Земская, 2001 – Земская, Е. А. Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты [Текст] / Е. А. Земская. – М.: Языки славян. культуры; Вена: Венский славистический альманах, 2001. – 492 с.
- Земская, 2000 – Земская, Е. А. Речевой портрет эмигрантки первой волны (к вопросу об объяснительной силе теории естественной морфологии) [Текст] / Е. А. Земская // Русский язык сегодня / отв. ред. Л. П. Крысин; РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова – М.: Азбуковник, 2000. – С. 100–121.
- Игнатович, 2009 – Игнатович, Т. Ю. Забайкальские диалекты в условиях современных интеграционных процессов [Текст] / Т. Ю. Игнатович // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2009. – № 6. – С. 232–238.
- Каверина, 1998 – Каверина, В. В. Обучение русскому произношению лиц, говорящих на китайском языке (на основе сопоставительного анализа китайской и русской фонетических систем) [Текст] / В. В. Каверина // Язык, сознание, коммуникация: сб. науч. ст., посвященный памяти Галины Ивановны Рожковой / отв. ред. Л. П. Клобукова. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – Вып. 6. – С. 78–92.
- Касаткин, 1989 – Касаткин, Л. Л. Русская диалектология: учебник [Текст] / Л. Л. Касаткин. – М.: Просвещение, 1989. – 224 с.
- Китайгородская, Розанова, 1995 – Китайгородская, М. В. Русский речевой портрет: фонохрестоматия. [Текст] / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М.: [Б. и.], 1995. – 128 с.
- Князев, 2008 – Князев, С. В. Русская диалектная фонетика: учеб. пособие [Текст] / С. В. Князев. – М.: Изд-во МГУ, 2008. – 42 с.
- Колобова, 2019 – Колобова, Э. А. Забайкальские говоры [Электронный ресурс] / Э. А. Колобова // Энциклопедия Забайкалья 15/04/2019. – URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=2006>.

- Котов, 2000 – Котов, А. В. Новый китайско-русский словарь [Текст] / А. В. Котов. – М. : Русский язык – Медиа, 2000 – 612 с.
- Крысин, 2001 – Крысин, Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета [Текст] / Л. П. Крысин // Русский язык в научном освещении. – 2001. – №1. – С. 90–106.
- Николаева, 1991 – Николаева, Т. М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания [Текст] / Т. М. Николаева // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Всесоюзная научная конференция / отв. ред. О. Л. Дмитриева; Ин-т русского языка Академии наук СССР. – М. : ИРЯЗ. – 1991. – С. 69–74.
- Оглезнева, 2009 – Оглезнева, Е. А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине) [Текст] / Е. А. Оглезнева. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2009. – 352 с.
- Оглезнева, 2007 – Оглезнева, Е. А. Русский язык в восточном зарубежье: орфографический аспект / Е. А. Оглезнева [Текст] / Е. А. Оглезнева // Вестник Томского гос. ун-та. – 2007 – № 299. – С. 16–22.
- Панов, 2002 – Панов, М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. [Текст] / М. В. Панов. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 456 с.
- Пустовалов, 2018 – Пустовалов, О. В. История русского Трехречья в рассказах переселенцев из России [Текст] / О. В. Пустовалов // Забайкальское казачество: История и современность : Материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. ; отв. ред. Е. В. Дроботушенко. – Чита : Забайкальский гос. ун-т, 2018. – С. 57–59
- Соломеина, 2013 – Соломеина, Ю. Н. Трехречье – русская национальная волость в приграничном Китае [Текст] / Ю. Н. Соломеина // Общество и государство в Китае. – 2013. – Т. 43. – № 2. – С. 223–227.
- Спешнев, 1980 – Спешнев, Н. А. Фонетика китайского языка [Текст] / Н. А. Спешнев. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1980. – 141 с.
- Юмсунова, 1999 – Юмсунова, Т. Б. Фонетическое и морфологическое своеобразие говоров старообрядцев Забайкалья [Текст] / Т. Б. Юмсунова // Гуманитарные науки в Сибири. – 1999. – № 4. – С. 49–53.

References

- Beseda s L. D. (2017–2018). [Conversation with L. D.]. Fonoarkhiv «Russkoe Trekhrech'e». Zapisi [Phonoarchive «Russian Trekhrech'e». Records].
- Vinogradov, V. A. (1990). Interferentsiya [Language interference]. In V. N. Yartseva (Ed.), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow : Sovetskaya entsiklopediya Press.
- Vinokur, T. G. (1989). Rechevoy portret sovremennogo cheloveka [Speech portrait of a modern person]. In I. T. Frolov. (Ed.), *Chelovek v sisteme nauk* [Person in the system of sciences] (pp. 361–370). Moscow : Nauka Press.
- Gordeeva, S. V. (2012). K voprosu o yazykovoy kompetentsii russkikh i ikh potomkov v kitaeyazychnoy srede (na materiale rechi potomkov russkikh pereselentsev v prigranichnyy Kitay) [On Russians' and their descendants' language competence in Chinese language environment (Based on speech of descendants of Russian immigrants to border China)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 363, 16–19.
- Erofeeva, T. I. (2017). *Rechevoy portret provintsial'nogo goroda* [Speech portrait of a provincial city]: A coursebook. 3d edition. Moscow : FLINTA Press.
- Zemskaya, E. A. (2008). Rechevoy portret emigrantki pervoy volny (tret'e pokolenie) [Speech portrait of an emigrant of the first wave (third generation)]. *Russkiy yazyk v Nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory] (pp. 196–207), 1 (15).
- Zemskaya, E. A. (2001). *Yazyk russkogo zarubezh'ya: Obshchie protsessy i rechevye portrety* [The Russian Language Abroad. General Processes and "Portraits" in the Vernacular] Moscow : Yazyki slavyanskoi kul'tury Press ; Vienna.
- Zemskaya, E. A. (2000). Rechevoy portret emigrantki pervoy volny (k voprosu ob ob'yasnitel'noy sile teorii estestvennoy morfologii) [Speech portrait of an emigrant of the first wave (on the question

- of the explanatory power of the theory of natural morphology)]. In L. P. Krysin (Ed.), *Russkiy yazyk segodnya* [Russian language today] (pp. 100–121). Moscow : V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Press.
- Ignatovich, T. Yu. (2009). Zabaykal'skie dialekty v usloviyakh sovremennykh integratsionnykh protsessov [Trans-Baikal dialects in the context of modern integration processes] *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 6, 232–238.
- Kaverina, V. V. (1998). Obuchenie russkomu proiznosheniyu lits, govoryashchikh na kitayskom yazyke (na osnove sopostavitel'nogo analiza kitayskoy i russkoy foneticheskikh sistem) [Teaching Russian pronunciation to people who speak Chinese (Based on a comparative analysis of Chinese and Russian phonetic systems)]. In L. P. Klobukova (Ed.) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]: A collection of scientific articles dedicated to the memory of Galina Rozhkova (Vol. 6, pp. 78–92). Moscow : Dialog-MSU Press.
- Kasatkin, L. L. (1989). *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]: A coursebook. Moscow : Prosveshchenie Press.
- Kitaygorodskaya, M. V., Rozanova N. N. (1995). *Russkiy rechevoy portret: fonokhrestomatiya* [Russian speech portrait. Phonochrestomathy]. Moscow.
- Knyazev, S. V. (2008). *Russkaya dialektnaya fonetika: uchebnoe posobie* [Russian dialect phonetics: a textbook]. Moscow : Moscow State University Press.
- Kolobova, E. A. Zabaykal'skie govory. Entsiklopediya Zabaykal'ya [Trans-Baikal dialects. Encyclopedia of Transbaikalia]. Retrieved April 4, 2019 from < <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=2006>>.
- Kotov, A. V. (2000). *Novyy kitaysko-russkiy slovar'* [New Chinese-Russian dictionary]. Moscow : Russkiy yazyk – Media Press.
- Krysin, L. P. (2001). Sovremennyy russkiy intelligent: popytka rechevogo portreta. [Modern Russian intellectual: An attempt at a speech portrait]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 1, 90–106.
- Nikolaeva, T. M. (1991). «Sotsiolingvisticheskiy portret» i metody ego opisaniya ["Sociolinguistic portrait" and methods of its description]. In O. L. Dmitrieva (Ed.), *Russkiy yazyk i sovremennost'. Problemy i perspektivy razvitiya rusistiki* [Russian language and modernity. Challenges and outlook for the development of Russian studies]: All-Union scientific conference (pp.69–74). Moscow : V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences.
- Oglezneva, E. A. (2009). *Russkiy yazyk v vostochnom zarubezh'e (na materiale russkoy rechi v Kharbine)* [Russian language abroad in the east (based on the Russian language in Harbin)]. Blagoveshchensk : Amur State University Press.
- Oglezneva, E. A. (2007). Russkiy yazyk v vostochnom zarubezh'e: orfograficheskiy aspekt [The Russian language in the Eastern branch of Russian emigration: Orthographical aspect]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 299, 16–22.
- Panov, M. V. (2002). *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII–XX vv.* [History of Russian literary pronunciation of the XVIII–XX centuries.]. Moscow : Editorial URSS Press.
- Pustovalov, O. V. (2018). Istoriya russkogo Trekhrech'ya v rasskazakh pereselentsev iz Rossii [History of the Russian Sanhe told by descendants of the Russian settlers]. In E. V. Drobotushenko (Ed.), *Zabaykal'skoe kazachestvo: Istoriya i sovremennost'* [Trans-Baikal Cossacks: History and Modernity] (pp. 57–59). Chita : Transbaikalia State University.
- Solomeina, Yu. N. (2013). Trekhrech'e – russkaya natsional'naya volost' v prigranichnom Kitae [Three Rivers region is the Russian national district in the Border China]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [State and Society in China] (Vol. 43, Part 2, pp. 223–227). Moscow : Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
- Speshnev, N. A. (1980). *Fonetika kitayskogo yazyka* [Phonetics of the Chinese language]. Leningrad : Leningrad University Press.
- Yumsunova, T. B. (1999). Foneticheskoe i morfologicheskoe svoeobrazie govorov staroobryadtsev Zabaykal'ya [Phonetic and morphological peculiarities of old believers' dialects in Transbaikalia]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [The Humanities in Siberia], 4, 49–53.

УДК 81.1

UDC 81.1

Савёлова Юлия Константиновна
Нижевартовский государственный университет
г. Нижевартовск, Российская Федерация
Yuliya K. Savyolova
Nizhnevartovsk State University
Nizhnevartovsk, Russian Federation
savyolova_julia@mail.ru

**ЛИНГВОСОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ КАК КОМПОНЕНТ
ТЕКСТОВОГО АНАЛИЗА УНИВЕРСИТЕТСКИХ САЙТОВ
LINGUISTIC AND SOCIOCULTURAL INFORMATION AS A COMPONENT OF
TEXT ANALYSIS ON UNIVERSITY WEBSITES**

Аннотация

Статья посвящена изучению лингвосоциокультурных компонентов, представляющих собой языковые единицы, структурирующие текстовое пространство с наполнением элементами нескольких видов дискурсов. Согласно лингвосоциокультурному подходу, текстовое пространство рассматривается как языковая реализация знаний и опыта совокупностью текстов, одним из базовых составляющих которых является социокультурный контекст. В центре внимания находится лингвосоциокультурная информация как компонент текстового анализа университетских сайтов. Целью исследования является определение актуальной лингвосоциокультурной информации, составляющей специфику немецкоязычных и англоязычных университетских сайтов. Для описания социокультурных контекстов и концептуального содержания текстового пространства использованы интерпретационный метод и приём комментирования. Проведённый анализ показал, что выявленная лингвосоциокультурная информация отражает общую тенденцию к реализации университетами концепции формирования позитивного социального климата в студенческом обществе, содействия личностному росту и развитию студентов.

Abstract

The article considers linguistic and sociocultural components as linguistic units that structure the text space filling it with the elements of different discourse types. According to linguistic and sociocultural approach, text space is viewed as interpretation of knowledge and practice by the texts taken together, with one of basic components – sociocultural context. The focus is on linguistic and sociocultural information as a component of text analysis on university websites. The current research aims at finding the relevant linguistic and sociocultural information for German and English University websites. This information reflects the specific features of the websites. The interpretative method and commenting technique are used to describe sociocultural contexts and conceptual content of the text space. The analysis showed that the found linguistic and sociocultural information reflects the general tendency used by universities to realize the concept of developing positive social climate in student community and support for student's personal advancement and achievement.

Ключевые слова: лингвосоциокультурный подход, текстовое пространство, социокультурная информация, социокультурный контекст, концептуальное содержание.

Keywords: linguistic and sociocultural approach, text space, sociocultural information, sociocultural context, conceptual content.

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_2_131_141

1. Введение

Исследовательский интерес к изучению лингвосоциокультурного аспекта функционирования языка в условиях современной коммуникации посредством Интернета

обусловлен актуальностью проблемы информативной направленности Интернет-сайтов, демонстрирующих объединение текстов разного типа с наполнением элементами определённых дискурсов [Рянская, Савелова, 2018]. Цель настоящей работы заключается в выявлении актуальной для проанализированных немецкоязычных и англоязычных сайтов лингвосоциокультурной информации, составляющей их специфику.

Термин «лингвосоциокультурный» употребляется в научной литературе наряду с терминами «лингвокультурный» и «социолингвистический». В лингвистических исследованиях лингвокультурный и социолингвистический аспекты могут рассматриваться как в единстве, так и самостоятельно.

О. В. Глухова определяет лингвокультурную область (вслед за Е. Ю. Бутенко) как часть лингвокультуры, репрезентирующей возможности актуализации культурных смыслов и их языковой объективации [Глухова, 2010, с. 14]. Согласно А. В. Звягинцевой, особенность лингвокультурологического подхода к текстовому анализу заключается в рассмотрении текста как феномена культуры, отражающей человеческий опыт и знания [Звягинцева, 2015, с. 400, 404].

Лингвокультурологический анализ акцентирует внимание на типичных языковых проявлениях, свойственных социуму. Изучаются аспекты, актуальные для описания специфичных концептуальных пространств и лингвокультурной специфики дискурсов [Ларионова, 2010, с. 3]. Цель исследования национально-культурного аспекта – установить, что в языковом знаке является носителем культурного знания. С. В. Иванова и З. З. Чанышева в своей работе указывают на необходимость выхода за рамки выявления компонента в лексическом значении, именуемого этнокультурным / культурно-национальным / культурным, и предлагают исследование этнокультурного содержания лексической семантики на основе анализа различных уровней его существования [Иванова, Чанышева, 2010, с. 126]. По определению С. В. Ивановой, лингвокультурологический анализ – это исследование и описание культурного пространства лингво-культурного сообщества сквозь призму языка и культурного фона коммуникативного пространства [Иванова, 2003, с. 3]. Для вычленения фактов проявления культурно-языковой специфики предлагается использовать сравнительный и интроспективный методы. Сравнительный анализ позволяет выявить специфические и универсальные черты, интроспективный – национально-культурную специфику на основе текстового анализа и работы информантов [Иванова, 2003, с. 13]. По мнению С. В. Ивановой, именно текст создаёт возможность актуализации культурноносных смыслов языковых единиц [Иванова, 2003, с. 30].

Для лингвокультурологического анализа используются приёмы описания культурных смыслов, концептуальной семантики лексики, а также выявления наборов кодов культуры путём анализа средств вербализации [Иванова, Чанышева, 2010, с. 123–124]. Лингвокультурный код понимается С. В. Ивановой как «система культурно-языковых соответствий, обслуживающих коммуникативные нужды» [Иванова, 2003, с. 22].

В работах, содержащих лингвокультурологический анализ, используется ряд других обозначений носителей культурно значимой информации. Так, используется термин «культурнозначимый компонент» под которым понимаются языковые формы в их взаимосвязи с культурной средой, представление ценностного опыта [Федорова, 2011, с. 62]. Культурные маркёры, являясь носителями национальной памяти народа, аккумулируют культурные коды и разделяются на когнитивные (концептуальные) и сценарные. Когнитивные маркёры, отражающие совокупность смыслов, выступают в виде концептов и архетипов. Сценарные разворачивают ядерные семы культуры [Ерофеева и др., 2017, с. 136–138].

Кроме культурнозначимого компонента, представленного языковыми репрезентантами на языковом уровне, при анализе текста выявляется экстралингвистический

контекст. При этом глубинный уровень предполагает наличие фоновых знаний [Федорова, 2011, с. 62]. Особенности современных лингвокультурологических исследований текстов в Интернете, с точки зрения П. В. Морослина, заключаются в проявлении тенденции к переходу от лингвистики «внутренней» к лингвистике «внешней», антропологической, когда языковые явления рассматриваются в тесной связи с особенностями коммуникации, с духовно-практической деятельностью человека [Морослин, 2010, с. 10].

Таким образом, в рассмотренных работах лингвокультурологической направленности предлагаются следующие актуальные для описания лингвокультурной специфики носители культурного знания: культурный / этнокультурный / культурно-национальный / культурологический / культурнозначимый компонент, культураносные / культурные смыслы, культурноспецифическая / культурологически значимая / культурноценностная информация, культурный концепт, культурные маркёры, культураносы, культурные коды, национально-культурные символы.

Обращение к социокультурному аспекту наблюдается в лингвистических исследованиях, посвященных проблемам соотношения социального и индивидуального факторов в речи представителей отдельного социума [Елина, 1997]; социокультурной типологии коммуникативного действия [Митягина, 2008]; выявления дискурсивной специфики социумно ограниченных неформальных коммуникативных локусов [Ларионова, 2011]; процессам формирования понятийного аппарата социолингвистики [Кириленко, 2015]. Лингвосоциокультурная концепция развивается в работах О. Г. Дубровской, изучающей принцип и механизмы формирования и реализации социокультурной специфики дискурса [Дубровская, 2014, 2015, 2016], и В. В. Богуславской, разрабатывающей положения лингвосоциокультурного моделирования журналистского газетного текста [Богуславская, 2017, 2018]. В коллективной монографии И. В. Ерофеевой и соавторов отражена проблема анализа текста через выявление формализованной совокупности лингвосоциокультурных параметров [Ерофеева и др., 2017].

В исследовании О. Г. Дубровской по отношению к дискурсу термин «социокультурный» обозначает «направление анализа языковых фактов, которые получают научное объяснение в результате учета социокультурных факторов, формирующих специфику социокультурных знаний субъекта и специфику его дискурса» [Дубровская, 2014, с. 31]. Отличие термина «социокультурный» от «экстралингвистический» состоит в том, что в первом случае фактор внеязыковой действительности является элементом концептуальной системы человека, контекстом социокультурных знаний, во втором внеязыковая действительность обуславливает изменения в языке [Дубровская, 2014, с. 32–33]. Важное значение придаётся понятиям социокультурного контекста, в котором субъект приобретает знания о социуме и культуре, социокультурных практик (неречевые действия) и дискурсивных практик (вербализация) [Дубровская, 2015, с. 18]. В качестве метода выявления социокультурной специфики дискурса О. Г. Дубровская предлагает метод анализа когнитивно-дискурсивной интерпретанты, предполагающий обнаружение социокультурных смыслов как результата взаимодействия концептуальных и языковых единиц, языковых и неязыковых знаний [Дубровская, 2014, с. 15].

Согласно проведённому О. Г. Дубровской анализу используемых исследователями терминов для обозначения социокультурной специфики языка, именованная с компонентом «национально-культурный» включают: культурное значение, культурные смыслы, культурно значимая (культурологическая) информация, национально-культурный компонент, этнокультурный компонент, культурологический комментарий, национально-культурная специфика, культурное знание [Дубровская, 2014, с. 22].

Учитывая, что термин «социокультурный» объединяет социумные и культурные знания, можно заключить, что с точки зрения социокультурного подхода в рамках дис-

курсивного и текстового анализа изучению подвергаются культурно значимые и социально обусловленные информация, концепты, контексты, дискурсивные практики, смыслы, значения, компоненты, знаки, маркёры, коды, символы.

Определяя задачу изучения культурно значимой и социально обусловленной информации, следует уточнить, как соотносятся понятия «информация» и «знания».

Исследователи, характеризуя понятие культурноспецифической информации, отмечают, что такая информация не обязательно выступает стереотипной, она может не соотноситься с опытом адресата – носителя другой культуры, не соответствовать социокультурным чертам другого этноса [Федорова, 2011, с. 63]. Данные заключения предполагают существование проблемы адекватного восприятия лингвосоциокультурной информации. Что касается социокультурных знаний и опыта, то они занимают важное место в дискурсивной деятельности, поскольку, как пишут Н. Н. Болдырев и О. Г. Дубровская, культура и социум влияют на формирование концептуальной и языковой картин мира [Болдырев, Дубровская, 2015, с. 16]. Под социокультурными знаниями авторы понимают «результат познавательной, трудовой, интеллектуальной и др. деятельности субъекта в конкретном социуме и культуре в виде языкового и неязыкового опыта, языковых и неязыковых правил и норм поведения». Знания субъекта о той сфере, которую репрезентирует дискурс в рамках соответствующего социума и культуры, формируют социокультурный контекст дискурса [Болдырев, Дубровская, 2015, с. 17–18]. Социокультурный контекст дискурса определяется О. Г. Дубровской как «индивидуальная концептуальная система субъекта, сформированная социокультурными знаниями и активизируемая субъектом в процессе языковой интерпретации как социокультурная специфика дискурса» [Дубровская, 2014, с. 9].

Лингвосоциокультурный аспект затрагивает проблему интеркультурного знания, т. е. формирования межкультурной коммуникативной компетенции. Интеркультурное знание означает владение более объективной информацией, способностью воспринимать инокультурные смыслы [Гончарова, 2012, с. 115–116]. Связывая индивида и среду, предопределяя систему ценностей, представлений, норм и т. д., которые существуют в данном социуме, социокультурный контекст является важной составляющей межкультурной коммуникации [Обдалова и др., 2017, с. 210–211].

2. Анализ лингвосоциокультурной информации в текстовом пространстве немецкоязычных и англоязычных университетских сайтов

С точки зрения лингвосоциокультурного подхода значимым представляется следующее понимание текстового пространства: «Пространство текстов является формализованным представлением явных знаний Коллективного Интеллекта, совокупностью конкретных текстов различных типов как реализаций языковой системы. К базовым компонентам пространства текстов относятся: история, культура, социум» [Ерофеева и др., 2017, с. 18]. Следует согласиться с высказыванием, что исследование текста – это исследование культуры и социальных факторов [Там же, с. 19]. Конкретно-исторические условия определённого социума с соответствующей языковой базой и являются, согласно В. В. Богуславской, лингвосоциокультурными факторами [Богуславская, 2017].

2.1. Материал и методика исследования

Материалом настоящего исследования послужили тексты сайтов университетов Германии и ряд англоязычных сайтов университетов Европы и США.

Приведённые выше теоретические положения позволяют сформулировать основные приёмы и методы, которые могут быть применимы к выявлению лингвосоциокультурной информации в тексте. На первом этапе текстового анализа реализуются

приёмы вычленения языковых единиц, содержащих культурно значимую и социально обусловленную информацию. Соглашаясь с положением о необходимости мотивировать социокультурную значимость языковой единицы, высказанным И. А. Стерниным [Стернин, 2011, с. 10], используем для их описания комментарии. Поскольку материалом исследования послужили тексты разноязычных сайтов, применим сравнительный анализ, позволяющий выявить специфические и универсальные черты, присущие лингвосоциокультурным составляющим. Метод интерпретанты, предложенный О. Г. Дубровской [Дубровская, 2014, с. 15], необходим для обнаружения социокультурных контекстов и концептуального содержания текстового пространства. Социолингвистическая интерпретация как один из методов социолингвистики предполагает не только анализ текстов, но и привлечение другого экстралингвистического материала [Словарь..., 2006, с. 208].

2.2. Обсуждение результатов

Проведённый анализ текстов нескольких университетских сайтов позволил выделить ряд информативно значимых единиц социокультурной направленности, иллюстрирующих основные концепции университета. В рамках данной статьи ограничимся сферой внеучебной студенческой жизни.

Специфика рассматриваемых сайтов заключается в проявлении социокультурного контекста, который отображает не только процесс получения образования, но и обеспечение условий жизни и развития личности. Следующие примеры свидетельствуют о наличии законодательных актов и служб Германии, направленных на поддержку студентов во время обучения в университете имени Фридриха-Александра в Эрлангене и Нюрнберге (*Friedrich-Alexander-Universität (die FAU), Erlangen-Nürnberg*).

Прежде всего, сайт содержит информацию о программах помощи обучающимся в Германии, в частности: *das Bundesausbildungsförderungsgesetz (BAföG)* и *das Bayerisches Eliteförderungsgesetz (BayEFG)* [<http://www.uni-erlangen.de/>].

Das Bundesausbildungsförderungsgesetz (BAföG) – Федеральный закон о поддержке образования, регулирует государственное финансовое обеспечение школьников и студентов во время обучения в Германии. Государственную стипендию-ссуду *BAföG* в Германии получают студенты из малоимущих семей и те, кто проходят профессиональное обучение. Она выдаётся на весь срок обучения, является беспроцентной. Её получатель возвращает государству лишь половину предоставленной суммы [Bafög..., 2020].

Das Bayerisches Eliteförderungsgesetz (BayEFG) – Баварский закон о поддержке элиты, регулирующий выплату стипендии студентам Баварии. Это уникальный инструмент высшего академического образования, в рамках которого реализуется концепция содействия в подготовке элиты, реализуется под руководством Баварского государственного министерства образования и культуры, науки и искусства [de.wikipedia.org].

Сайт Вестфальского университета имени Вильгельма (*Westfälische Wilhelms-Universität (WWU), Münster*) [<http://www.uni-muenster.de/>] демонстрирует примеры, отражающие одну из базовых концепций университета – содействия улучшению условий жизни студентов. Так, содержание раздела и его «говорящее» название «*Kinder und familie*» позволяют включить его в ряд значимой социокультурной информации университетского сайта:

Seit Juni 2008 ist die Universität Münster als familiengerechte Hochschule zertifiziert. Mit dieser Auszeichnung werden ihre Bemühungen um eine familienfreundliche Personalpolitik und Studienorganisation gewürdigt. Zentrale Anlaufstelle ist ein eigenes Familienportal, über das sich Studierende und Beschäftigte mit Kind informieren und beraten lassen können – С июня 2008 года университет Мюнстера был отмечен как учебное заведение, ориентированное на поддержку семьи. Эта награда является признанием уси-

лий, направленных на создание дружественной для семьи персональной политики и обучения. Центральный контактный пункт – это отдельный семейный портал, через который можно информировать и консультировать студентов и сотрудников с детьми'.

Выделенные словосочетания *familiengerechte Hochschule* и *familienfreundliche Personalpolitik* являются значимыми для характеристики социокультурного контекста, включающего информацию о существовании политики поддержки обучающихся и сотрудников, имеющих детей.

В разделе «*Räume für Eltern und Kinder an der WWU*» даются сведения, также иллюстрирующие концепцию университета о поддержке студентов, имеющих детей:

Diverse Einrichtungen der WWU bieten Still- und Wickelräume. Zudem gibt es Eltern-Kind-Räume, die ruhige Arbeitsplätze mit Spielecken kombinieren – 'В различных зданиях университета имеются комнаты для отдыха и пеленания. Кроме того, есть комнаты для родителей и детей, которые сочетают тихие рабочие места с игровыми уголками'.

О политике содействия обучающимся свидетельствует размещённое на сайте Высшей школы Фульды (Hochschule Fulda, HS-Fulda) обращение к студентам воспользоваться Центральной студенческой информационно-консультационной службой (*der Zentralen Studienberatung, ZSB*), если возникнут проблемы в период обучения [<https://www.hs-fulda.de/>].

Одно из направлений образовательной политики университета Гамбурга – привлечение студентов к внеаудиторной деятельности, о чём свидетельствует раздел «*Hochschulpolitik: AStA und StuPa*» [<http://www.uni-hamburg.de/>]:

Wer sich politisch engagieren möchte, kann dies im Allgemeinen Studierendenausschuss (AStA) oder im Studierendenparlament (StuPa) tun – 'Те, кто хочет заниматься политикой, могут делать это в Объединённом студенческом комитете (АСтА) или в студенческом парламенте (СтуПа)'.

Студенческий комитет избирается студенческим парламентом и, как и парламент, представляет интересы студентов в Гамбургском университете.

Культурно значимую и социально обусловленную информацию демонстрируют сайты других европейских университетов. На сайте университета Глазго (*University of Glasgow*) обращает на себя внимание раздел «*Chaplaincy*» (Священослужение), содержащий информацию, касающуюся исторического прошлого данного учебного заведения. Указывается, что в Университете Глазго (Шотландия) расположена Мемориальная часовня, установленная в историческом здании в память бывших студентов и сотрудников университета, погибших в Первой мировой войне. Часовня была освящена 4 октября 1929 года и ныне является действующей, в ней осуществляются службы и церемонии, концерты органной музыки и другие мероприятия [<https://www.gla.ac.uk/myglasgow/chaplaincy/>].

Одним из приоритетных направлений Университета Южной Дании (*University of Southern Denmark, SDU*) является содействие дальнейшему профессиональному и социальному росту студентов, на что указывает раздел «*SDU RIO*» [https://www.sdu.dk/en/om_sdu/sdurio]:

SDU RIO (SDU Research & Innovation Organisation) supports collaboration between research, education, the business community and the public sector – 'Организация научных исследований и инновационной деятельности университета Южной Дании оказывает помощь в реализации совместных научных проектов с представителями профессиональных сообществ в области образования, бизнес-сообществ и государственного сектора'.

В сферу оказываемых услуг данной организации входят, кроме поддержки научных исследований, юридические консультации, коммерциализация и патентование, профессиональная ориентация студентов.

Особое внимание на перспективное развитие научной деятельности и поддержку исследовательской работы обращает *University of Applied Sciences JAMK* – Университет прикладных наук (г. Ювяскюля, Финляндия). Это отчётливо отражается в разделе «Library» официального сайта университета [<https://www.jamk.fi/en/Services/library/find-ask-learn/>]:

*Students working on their theses or development project reports can get one-to-one guidance in database search problems. The **Thesis Sauna** is meant only for the JAMK students. You can book a **Thesis Sauna** after you have participated in the information seeking lessons integrated into the Thesis courses* – 'Студенты, которые занимаются научной деятельностью или оформляют отчёт по проектной работе, могут получить индивидуальную консультацию в поиске и подборе материалов согласно индивидуальным запросам. Для этого необходимо являться студентом университета прикладных наук, принять участие в курсе по поиску информации и заранее оформить запрос на оказание данной услуги'.

Выделенное словосочетание Thesis Sauna («научная парилка») отражает национальный колорит, характерный для финского народа. Лексемный анализ позволяет раскрыть метафоричность данного словосочетания: национальный символ Финляндии – сауна, является неотъемлемой частью образа жизни и культуры финнов, что объясняет выбор данного образного выражения для названия услуги, которая даёт «разогрев» для работы в сфере науки.

3. Заключение

Проведённый анализ выявленной лингвосоциокультурной информации, представленной на европейских университетских сайтах, позволяет заключить, что сведения в разделах, посвящённых внеучебной студенческой жизни, отражает общую тенденцию к реализации университетами концепции формирования позитивного социального климата в студенческом обществе, содействия личностному росту и развитию студентов.

Тематика социокультурных реалий, которые осмысливаются как лингвосоциокультурная информация, разнообразна и иллюстрирует некоторые национально-культурные особенности. На университетских сайтах Германии наиболее отчётливо реализуются концепции поддержки обучающихся и сотрудников, имеющих детей; законодательного регулирования государственного финансового обеспечения образования; обеспечения студентов информационно-консультационной службой; формирования студенческого самоуправления; содействия в подготовке элиты. Сайты других европейских университетов демонстрируют направленность на перспективное развитие научно-профессиональной деятельности и поддержку исследовательской работы студентов.

Таким образом, социокультурная значимость представленных в работе образцов лингвосоциокультурной информации состоит в возможности выявления элементов концептуальной системы определённого университетского сообщества и обнаружения тех социокультурных знаний, которые служат основой формирования межкультурной коммуникативной компетенции. Знание языка и знания об иной социокультуре образуют единую информационную базу, позволяющую адекватно взаимодействовать в условиях межкультурного общения.

Список литературы

- Богуславская, 2017 – Богуславская, В. В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция: Анализ журналистских текстов [Текст] / В. В. Богуславская. – М. : Изд-во URSS, 2017. – 280 с.

- Богуславская, 2018 – Богуславская, В. В. Лингвосоциокультурная подсистема системы новой грамотности [Текст] / В. В. Богуславская // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. – 2018. – Сер. : Гуманитарные науки. – Т. 37. – № 1. – С. 62–66.
- Болдырев, Дубровская, 2015 – Болдырев, Н. Н. О формировании социокультурной специфики дискурса [Текст] / Н. Н. Болдырев, О. Г. Дубровская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 3 (44). – С. 14–25.
- Глухова, 2010 – Глухова, О. В. Ономастические и лингвокультурологические характеристики словесных товарных знаков: на материале русского и английского языков [Текст]: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Глухова Ольга Владимировна; Кабард.-Балкар. гос. ун-т им. Х. М. Бербекова. – Нальчик, 2010. – 23 с.
- Гончарова, 2012 – Гончарова, В. А. Интеркультура как цель современной лингводидактики [Текст] / В. А. Гончарова // Вестник Бурят. гос. ун-та. – 2012. – № 15. – С. 112–116.
- Дубровская, 2014 – Дубровская, О. Г. Субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса [Текст]: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Дубровская Ольга Георгиевна; Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 2014. – 383 с.
- Дубровская, 2015 – Дубровская, О. Г. Социокультурный подход к изучению дискурса [Текст] / О. Г. Дубровская // Вестник Тамбов. гос. ун-та. – 2015. – Сер. «Филологические науки и культурология». – Вып. 2 (2). – С. 17–22.
- Елина, 1997 – Елина, Е. А. Социолингвистический аспект речи персонажей-военных (на материале русской прозы XIX – начала XX веков) [Текст]: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Елина Евгения Аркадьевна; Саратов. гос. ун-т. – Саратов, 1997. – 17 с.
- Звягинцева, 2015 – Звягинцева, А. В. Применение лингвокультурологического подхода к анализу интонационного оформления текста (на материале информационного стиля) [Текст] / А. В. Звягинцева // Преподаватель XXI век. – 2015. – № 4–2. – С. 399–406.
- Иванова, 2003 – Иванова, С. В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц [Текст]: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Иванова Светлана Викторовна; Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2003. – 44 с.
- Иванова, Чанышева, 2010 – Иванова, С. В. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения [Текст] / С. В. Иванова, З. З. Чанышева. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – 366 с.
- Кириленко, 2015 – Кириленко, С. В. Процессы формирования понятийного аппарата социолингвистики [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Кириленко Светлана Владимировна; Ин-т языкознания РАН. – М., 2015. – 276 с.
- Ларионова, 2010 – Ларионова, А. Ю. Неформальный студенческий дискурс в социолингвистическом и лингвокультурологическом аспектах (на материале граффити) [Текст] / А. Ю. Ларионова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 392 с.
- Ларионова, 2011 – Ларионова, А. Ю. Неформальный студенческий дискурс в социолингвистическом и лингвокультурологическом аспектах (на материале граффити) [Текст]: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Ларионова Алла Юрьевна; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2011. – 21 с.
- Ерофеева и др., 2017 – Лингвокультурологическое моделирование медиатекста [Текст] / И. В. Ерофеева, В. В. Богуславская, А. Н. Тепляшина, Ю. В. Толстокулакова / отв. ред. И. В. Ерофеева. – Чита: ЗабГУ, 2017. – 202 с.
- Митягина, 2008 – Митягина, В. А. Социокультурные характеристики коммуникативного действия (на материале немецкого и русского языков) [Текст]: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Митягина Вера Александровна; Волгоград. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2008. – 42 с.
- Морослин, 2010 – Морослин, П. В. Лингвокультурологические основы теории функционирования Рунета в пространстве межкультурной коммуникации [Текст]: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Морослин Петр Васильевич; Российский ун-т дружбы народов. – М., 2010. – 42 с.
- Обдалова и др., 2017 – Обдалова, О. А. Дискурс как единица коммуникативного и речемыслительного процесса в коммуникации представителей разных лингвокультур [Текст] / О. А. Обдалова, Л. Ю. Минакова, А. В. Соболева // Язык и культура. – 2017. – № 37. – С. 205–228.

- Рянская, Савелова, 2018 – Рянская, Э. М. Проблема статуса текстового пространства сайта (на примере сайтов содействия студентам) [Текст] / Э. М. Рянская, Ю. К. Савелова // Вестник Южно-Урал. гос. ун-та. – 2018. – Сер. «Лингвистика». – Т. 15. – № 2. – С. 32–37.
- Словарь..., 2006 – Словарь социолингвистических терминов [Текст] / отв. ред. В. Ю. Михальченко. – М., 2006. – 312 с.
- Стернин, 2011 – Стернин, И. А. О понятии лингвокультурной специфики языковых явлений [Текст] / И. А. Стернин // Язык. Словесность. Культура. – 2011. – Вып. 1. – С. 8–22.
- Федорова, 2011 – Федорова, И. К. Кинотекст в инокультурной среде: к проблеме построения моделей культурных переносов [Текст] / И. К. Федорова // Вестник Пермского гос. ун-та. Сер. «Российская и зарубежная филология». – 2011. – Вып. 1 (13). – С. 61–70.
- Vafög..., 2020 – Vafög для иностранцев [Электронный ресурс]. – URL : <https://www.dw.com> (дата обращения 15.01.2020)

Источники иллюстративного материала

- Friedrich-Alexander-Universität [Electronic Resource]. – URL : <http://www.uni-erlangen.de/> (дата обращения : 15.01.2020).
- Hochschule Fulda [Electronic Resource]. – URL : <https://www.hs-fulda.de/> (дата обращения : 15.01.2020).
- Stipendium für besonders Begabte [Electronic Resource]. – URL : de.wikipedia.org (дата обращения : 15.01.2020).
- Universität Hamburg [Electronic Resource]. – URL : <http://www.uni-hamburg.de/> (дата обращения : 15.01.2020).
- University of Applied Sciences JAMK [Electronic Resource]. – URL : <https://www.jamk.fi/en/Services/library/find-ask-learn/> (дата обращения : 18.01.2020).
- University of Glasgow [Electronic Resource]. – URL : <https://www.gla.ac.uk/myglasgow/chaplaincy/> (дата обращения : 18.01.2020).
- University of Southern Denmark [Electronic Resource]. – URL : https://www.sdu.dk/en/om_sdu/sdurio (дата обращения : 18.01.2020).
- Westfälische Wilhelms-Universität [Electronic Resource]. – URL : <http://www.uni-muenster.de/> (дата обращения : 18.01.2020).

References

- Boguslavskaya, V. V. (2017). *Modelirovanie teksta: lingvosotsiokul'turnaya kontseptsiya: Analiz zhurnalistskikh tekstov* [Modelling of text: Linguo sociocultural concept: Analysis of journalistic texts]. Moscow : URSS Press.
- Boguslavskaya, V. V. (2018). Lingvosotsiokul'turnaya podsystema sistemy novoy gramotnosti [Linguo sociocultural sub-system of new literacy system]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities series], 1, 62–66.
- Boldyrev, N. N., Dubrovskaya, O. G. (2015). O formirovani sotsiokul'turnoy spetsifiki diskursa [About organization of discourse sociocultural particularity]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of cognitive linguistics] (Vol. 3, pp. 14–25).
- Glukhova, O. V. (2010). Onomasticheskie i lingvokul'turologicheskie kharakteristiki slovesnykh tovarnykh znakov: na materiale russkogo i angliyskogo yazykov [Onomastic and linguoculturological features of verbal trademarks]. PhD in Philological sci. diss. Nalchik : Kabardino-Balkaria State University named after Kh. M. Berbekov.
- Goncharova, V. A. (2012). Interkul'tura kak tsel' sovremennoy lingvodidaktiki [Interculture as an aim of modern linguodidactics]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Buryat State University Bulletin], 15, 112–116.
- Dubrovskaya, O. G. (2014). Subektnyy printsip formirovaniya sotsiokul'turnoy spetsifiki diskursa [Subjective feature of organization of discourse sociocultural particularity]. Doctoral in Philological sci. diss. Tambov : Derzhavin Tambov State University.

- Dubrovskaya, O. G. (2015). Sotsiokul'turnyy podkhod k izucheniyu diskursa [Sociocultural approach to discourse study]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki i kul'turologiya* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2, 17–22.
- Elina, E. A. (1997). Sotsiolingvisticheskiy aspekt rechi personazhey-voennykh (na materiale russkoy prozy XIX – nachala XX vekov) [Sociocultural aspect of military characters' speech (Based on Russian prose of the 19th – the early 20th century)]. PhD in Philological sci. diss. Saratov : Saratov State University.
- Zvyagintseva, A. V. (2015) Primenenie lingvokul'turologicheskogo podkhoda k analizu intonatsionnogo oformleniya teksta (na materiale informatsionnogo stilya) [Applying the linguoculturological approach to intonational text presentation (Based on informative style)]. *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher 21st century] (Vol. 4-2, pp. 339–406).
- Ivanova, S. V. (2003). Lingvokul'turologicheskii aspekt issledovaniya yazykovykh edinit [Linguoculturological aspect of studying linguistic units]. Doctoral in Philological sci. diss. Ufa : Bashkir State University.
- Ivanova, S. V., Chanysheva, Z. Z. (2010). *Lingvokul'turologiya: problemy, poiski, resheniya* [Linguoculturology: problems, searchings, solutions]. Ufa.
- Kirilenko, S. V. (2015). Protssy formirovaniya ponyatiynogo apparata sotsiolingvistiki [Organization processes of conceptual construct in sociolinguistics]. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Institute of Linguistics RAS.
- Larionova, A. Yu. (2010). *Neformal'nyy studencheskiy diskurs v cotsiolingvisticheskom i lingvokul'turologicheskome aspektakh (na materiale graffiti)* [Informal student discourse in sociolinguistic and linguoculturological aspects (Based on graffiti)]. Yekaterinburg.
- Larionova, A. Yu. (2011). *Neformal'nyy studencheskiy diskurs v cotsiolingvisticheskom i lingvokul'turologicheskome aspektakh (na materiale graffiti)* [Informal student discourse in sociolinguistic and linguoculturological aspects (based on graffiti)]. Doctoral in Philological sci. diss. Yekaterinburg : Ural State University named after A. M. Gorky.
- Erofeeva, I. V. (Ed.) (2017). *Lingvokul'turologicheskoe modelirovanie mediateksta* [Linguoculturological modelling of media text]. Chita : Transbaikalskaya gosudarstvennaya universiteta Press.
- Mityagina, V. A. (2008). Sotsiokul'turnye kharakteristiki kommunikativnogo deystviya (na materiale nemetskogo i russkogo yazykov) [Sociocultural features of communicative act (Based on the German and the Russian languages)]. Doctoral in Philological sci. diss. Volgograd : Volgograd State University.
- Moroslin, P. V. (2010). Lingvokul'turologicheskie osnovy teorii funktsionirovaniya Runeta v prostranstve mezhkul'turnoy kommunikatsii [Linguoculturological elements of Russian Internet functioning theory in intercultural communication space]. Doctoral in Philological sci. diss. Moscow : People's Friendship University of Russia.
- Obdalova, O. A., Minakova, L. Yu., Soboleva, A. V. (2017). Diskurs kak edinitsa kommunikativnogo i rechemyslitel'nogo protsessa v kommunikatsii predstaviteley raznykh lingvokul'tur [Discourse as a unit of communication and verbal and cogitative processes in communication between members of different linguocultures]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture] (Vol. 37, pp. 205–228).
- Ryanskaya, E. M., Savyolova, Yu. K. (2018). Problema statusa tekstovogo prostranstva sayta (na primere saytov sodeystviya studentam) [The status problem of the website text space (The case of the student assistance websites)]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics], 2, 32–37.
- Mikhail'chenko, V. Yu. (2006). Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov [Dictionary of sociolinguistic terms]. Moscow.
- Stermin, I. A. (2011). O ponyatii lingvokul'turnoy spetsifiki yazykovykh yavleniy [About linguocultural feature of linguistic phenomena]. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Literature. Culture] (Vol. 1, pp. 8–22).
- Fedorova, I. K. (2011). Kinotekst v inokul'turnoy srede: k probleme postroeniya modeley kul'turnykh perenosov [Film text in inner culture setting: to the problem of building the model of culture interpretations]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya:*

Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Ser. Russian and Foreign Philology], 1, 61–70.

Bafög for foreigners. Retrieved January 15, 2020 from <<https://www.dw.com>>.

Illustration material sources

Friedrich-Alexander-Universität. Retrieved January 15, 2020 from <<http://www.uni-erlangen.de/>>.

Hochschule Fulda. Retrieved January 15, 2020 from <<https://www.hs-fulda.de/>>.

Stipendium für besonders Begabte. Retrieved January 15, 2020 from <de.wikipedia.org>.

Universität Hamburg. Retrieved January 15, 2020 from <<http://www.uni-hamburg.de/>>.

University of Applied Sciences JAMK. Retrieved January 18, 2020 from <<https://www.jamk.fi/en/Services/library/find-ask-learn/>>.

University of Glasgow. Retrieved January 18, 2020 from <<https://www.gla.ac.uk/myglasgow/chaplaincy/>>.

University of Southern Denmark. Retrieved January 18, 2020 from <https://www.sdu.dk/en/om_sdu/sdurio>.

Westfälische Wilhelms-Universität. Retrieved January 18, 2020 from <<http://www.uni-muenster.de/>>.

УДК 811.111: 81'373

UDC 811.111: 81'373

Семина Ольга Юрьевна
Тульский государственный университет
Тула, Российская Федерация
Olga Yu. Syomina
Tula State University
Tula, Russian Federation
syomina1007@yandex.ru

**СОЧЕТАЕМОСТЬ ЛЕКСЕМ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЭМОЦИИ,
С ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ-ИНТЕНСИФИКАТОРАМИ (НА МАТЕРИАЛЕ
КОРПУСОВ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)
COMBINABILITY OF LEXEMES DENOTING EMOTIONS WITH INTENSIFYING
ADJECTIVES (BASED ON THE DATA OF ENGLISH AND RUSSIAN
LANGUAGE CORPORA)**

Аннотация

Фонд языковых средств интенсификации постоянно обновляется под действием лингвистических и нелингвистических факторов, что обуславливает необходимость регулярного уточнения соответствующих лексикографических данных. Адъективные интенсификаторы на сегодняшний день изучены сравнительно мало, и особый интерес вызывает их сочетаемость с номинаторами эмоций. Словосочетания, построенные по данной модели, достаточно частотны в речи, поскольку говорящий, выражая эмоции, стремится их градуировать. В настоящей статье представлены результаты исследования сочетаемости существительных, обозначающих эмоции, с интенсифицирующими прилагательными в английском и русском языках. В ходе исследования были привлечены данные нескольких словарей сочетаемости и сопоставлены с данными национальных языковых корпусов. Выявлены наиболее частотные адъективные интенсификаторы для каждого номинатора эмоции. Установлено, что выбор интенсифицирующего прилагательного связан с аксиологической оценкой репрезентируемой эмоции (в числе наиболее частотных коллокатов для номинаторов положительных эмоций – *passionate, profound, горячий, всеобщий*; для номинаторов отрицательных эмоций – *bitter, страшный, ужасный*). Особое внимание в статье уделяется асимметрии между словарными и корпусными данными: отсутствию в языковых корпусах коллокаций, предлагаемых словарями, и наличию в корпусах вариантов, не зафиксированных лексикографически.

Abstract

The corpus of language intensification means is subject to constant changes due to both linguistic and non-linguistic factors, which makes it necessary to regularly update the corresponding lexicographic data. Adjective intensifiers have been given relatively little attention, their combinability with nominators of emotions is of particular interest. Phrases built on this model are rather frequent in speech, as speakers tend to graduate the emotions they express. The article presents a study of combinability of nouns denoting emotions with intensifying adjectives in English and Russian. In the course of study, the data from several combinability dictionaries were compared with the data of national language corpora. As a result, the most frequent intensifiers were found for each noun denoting an emotion. This enabled to establish that the choice of the intensifying adjective is associated with the axiological evaluation of the represented emotion (the most frequent intensifiers used with nominators of positive emotions include *passionate, profound, горячий, всеобщий*, while those used with nominators of negative emotions include *bitter, страшный, ужасный*). Particular attention is paid to the asymmetry between dictionary and corpus data: the absence in the corpora of some collocations found in the dictionaries, on the one hand, and presence of collocations not registered in the dictionaries, on the other.

Ключевые слова: прилагательное-интенсификатор, эмоция, сочетаемость, коллокат, национальный языковой корпус.

Keywords: intensifying adjective, emotion, combinability, collocate, national language corpus.

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_2_142_148

1. Введение

Эмоции, принадлежащие к числу базовых категорий сознания, находятся в тесной взаимосвязи с механизмами осуществления вербальной коммуникации: с одной стороны, именно проявления эмоционально-психического мира во многом определяют специфику структурирования высказывания в конкретной речевой ситуации и оказывают влияние на систему разноуровневых средств манифестации эмотивности в языке в целом в масштабе диахронических изменений; с другой стороны, соответствующим образом оформленное высказывание служит средством воздействия и даже манипулирования эмоциями адресата. В связи с вышесказанным, многообразные способы языковой репрезентации эмоций представляют интерес для исследований в русле как собственно эмотиологии, так и других отраслей лингвистики (когнитивной лингвистики, стилистики, лингвокультурологии, психолингвистики и др.).

Мнения относительно количества эмоций и их отличия от смежных явлений (чувств, аффектов) разнятся. Так, американский доктор философии и профессор психологии К. Изард считает, что в число «фундаментальных» эмоций входят интерес, радость, удивление, печаль, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, смущение (застенчивость), вина [Изард, 2007, с. 48]. Прочие феномены аффективно-эмоциональной сферы, которые в обиходе нередко называют и эмоциями, и чувствами (тревога, ревность, гордость, любовь и под.), представляют собой, по мнению учёного, комплексные аффективно-когнитивные состояния [Там же, с. 53]. В то же время, в современной лингвистике сложилась традиция понимать эмоции более широко – как психологические состояния и переживания человека.

Сочетаемость лексем, обозначающих эмоциональные состояния, заслуживает особого внимания. Незнание норм коллокации слова в различных значениях приводит к тому, что модели сочетаемости слова в одном, уже известном изучающему язык значении механически переносятся на новые значения этого же слова, которым они несвойственны. Сегодня изучение проблем сочетаемости выходит на новый уровень благодаря возможности задействовать материал языковых корпусов – мощнейшего источника данных, позволяющего исследователю в кратчайшие сроки получить несравнимо более полную информацию о функционировании и семантике той или иной единицы, чем при использовании словарей или традиционного метода сплошной выборки.

Предметом нашего исследования стала сочетаемость существительных, обозначающих эмоции, с интенсифицирующими прилагательными. Отметим, что интенсифицирующим усилительными прилагательным в теории языка не уделялось особого внимания, в то время как наречия-интенсификаторы в английском языке получили исчерпывающее описание ещё в ставшей классической грамматике Р. Квирка и др. [Quirk et al., 1985]. При этом очевидно, что многие лексические единицы, отличающиеся от усиливающих наречий по своим морфологическим и синтаксическим характеристикам, также выполняют функцию усиления значения определяемого слова. Это можно, в частности, сказать о прилагательных в синтаксической функции определения по отношению к существительным, обозначающим эмоции. К эмоциям в полной мере применимы категории меры и градации, они могут отличаться большей или меньшей степенью проявления, в то время как определяющее их прилагательное эту степень идентифицирует. Сказанное обуславливает высокую частотность реализации в речи лексико-грамматической модели сочетаемости «интенсифицирующее прилагательное + существительное, называющее эмоцию».

Лексические средства интенсификации в языке подвержены постоянному обновлению: под действием разного рода лингвистических и экстралингвистических факторов (социокультурные перемены, переоценка ценностей, нормы морали, особенности узуса и практики словоупотребления [Будагов, 1983, с. 51]) они теряют свою экспрессивную силу и вытесняются более яркими и выразительными. Следствием данного процесса является постоянное обновление интенсифицирующих средств. Встречается и обратный процесс, когда слово-интенсификатор теряет свою эмоциональную составляющую и начинает восприниматься как эмоциональные шумы. Сказанное обуславливает необходимость регулярного обновления данных о сочетаемости усилительных средств.

2. Эксперимент

2.1. Методы и материал исследования

В ходе исследования были проанализированы в общей сложности 97 существительных английского и русского языков, обозначающих эмоции. Существительные были отобраны из толковых словарей с привлечением метода многоступенчатого компонентного анализа дефиниций (при составлении списка мы опирались на наличие или отсутствие в словарных дефинициях ключевого слова *чувство/эмоция* или *feeling/emotion*). Анализ дефиниций позволил разделить все вошедшие в список лексемы на номинаторы положительных, отрицательных и нейтральных эмоций, исходя из наличия в словарных дефинициях аксиологически эксплицитных компонентов: *good/bad, pleasant/unpleasant* и подобных. Для каждой из лексем далее были получены данные о сочетаемости из нескольких лексикографических источников: «Словаря усилительных словосочетаний русского и английского языков», «Комбинаторного словаря английского языка» и онлайн-словарей сочетаемости слов английского языка [Убин, 1995 ; Бенсон и др., 1990 ; Oxford Online..., 2019 ; ProWritingAid, 2019].

Далее были сделаны запросы в Национальный корпус русского языка (НКРЯ, 2019) и Корпус современного американского языка (СОСА, 2019) для каждого из исследуемых существительных и получены списки адъективных коллокатов; в случае, если то или иное предлагаемое словарём сочетание не обнаруживалось в списке левых коллокатов для соответствующей лексемы, делался контрольный запрос на данное сочетание лексем.

2.2. Обсуждение результатов

Необходимо отметить, что в «Словаре усилительных словосочетаний русского и английского языков» отсутствуют словарные статьи для десяти лексем из проанализированных нами 97: *compassion, complacency, ecstasy, enjoyment, euphoria, liking, reverence, thrill, triumph* и *wonder*, что подтверждает предположение о критическом несоответствии данных словаря, написанного более 30 лет назад, современному состоянию языка.

Для сравнения, в онлайн-словаре сочетаемости ProWritingAid были обнаружены варианты употребления лексем *compassion, enjoyment, liking* и *reverence* с прилагательными-интенсификаторами, но не обнаружено коллокатов для слов *complacency, ecstasy, euphoria, thrill, triumph* и *wonder*. Словарь The BBI Combinatory Dictionary of English приводит коллокаты для слова *compassion* (*deep, profound, strong*), *ecstasy* (*pure, sheer*), *enjoyment* (*full, great*), *reverence* (*deep, profound*); в то же время, для слов *complacency* и *thrill* варианты сочетания с усилительными прилагательными отсутствуют. Для *triumph* в качестве коллокатов предлагаются *glorious, splendid*, которые, однако, соответствуют не употреблению слова *triumph* в значении эмоции ('joy or satisfaction resulting from a

success or victory'), а другому его значению – 'a great victory or achievement' [Oxford..., 2019]. Этот пример наглядно иллюстрирует тот факт, что требования объёма вынуждают авторов традиционных словарей сочетаемости ограничиваться наиболее употребительными значениями многозначного слова, тем самым значительно снижая информативную ценность словарной статьи и результативность определённого процента обращений к такому словарю.

В целом, исследованный нами материал позволяет утверждать, что спектр усилительных прилагательных, сочетающихся с существительными-номинаторами эмоций, чрезвычайно широк как по своей стилистической принадлежности, так и по метафорической основе.

Что касается существительных, обозначающих положительные эмоции (*joy, happiness, love, gratitude* и др.), в английском языке они, как показало исследование, сочетаются с интенсификаторами *absolute, breathless, consummate, deep, ecstatic, fathomless, great, heartily, ineffable, jubilant, keen, lasting, measureless, overflowing, profoundly, rich, sharp, solid, tenfold, universal, vehement, whole-hearted, zealous* и др. Для сравнения, в русском языке с аналогичными номинаторами эмоций (*радость, любовь, благодарность, гордость* и др.) сочетаются такие прилагательные, как *безбрежная, беззаветная, безумная, бессмертная, большая, бьющая через край, вечная, всепоглощающая, глубокая, давняя, жгучая, исключительная, невыразимая, необузданная, необычная, непередаваемая, неудержимая, огромная, острая, пылкая, сердечная, страстная, чрезмерная* и т. д.

Существительные, обозначающие отрицательные эмоции (*fear, contempt, hatred, grievance, ужас, печаль, тоска* и др.), сочетаются со следующими интенсификаторами: *abject, angry, blank, clutching, crying, desperate, eternal, fierce, grisly, hideous, implacable, inexpressible, keen, morbid, pale-hearted, poignant, rabid, severe, strong, tumultuous, unmeasurable, vehement, wide, адская, безысходная, великая, громадная, звериная, люта-тая, неизгладимая, непереносимая, неудержимый, патологическая, сильная, тёмная, цепенящий, чёрная, щемящая* и др. Даже с учётом невозможности отразить в словаре количественные закономерности сочетаемости в языке со стопроцентной точностью, эти данные позволяют поставить под сомнение мнение о том, что спектр ассоциативных связей богаче у лексики отрицательных эмоций [Гончарова, 2003, с. 136].

Некоторые лексемы, обозначающие аффективно-когнитивные состояния, не могут быть однозначно причислены к номинаторам положительных либо отрицательных эмоций. В числе подобных лексем, обозначающих нейтральные эмоции, в английском языке *hope, hunger, inclination, taste u thirst*, а в русском языке – *надежда, ожидание, голод, склонность, вкус и жажда*. В английском языке, согласно словарным данным, они сочетаются с интенсификаторами *ardent, dauntless, exquisite, great, impeccable, keen, strong, unsleeping* и др.

Анализ материала выявил значительные расхождения в информации о коллокации как между самими словарями сочетаемости, так и между словарями и языковыми корпусами. В качестве примера приведём слово *anger*. The BBI Combinatory Dictionary of English предлагает для него усилительные прилагательные *blind, burning, deep, profound, seething, righteous, unbridled*; Oxford Online Collocation Dictionary, составленный на основе Британского национального корпуса (BNC), – прилагательные *bitter, black, cold, deep, fierce, great, savage, terrible, genuine, real*. Как видим, совпадает из предложенных в двух словарях только *deep*. Сравнение с данными СОСА показывает, что из всех предлагаемых усилительных прилагательных лексема *anger* чаще всего – в 68 контекстах – сочетается с прилагательным *real*; за ним следует *great* (50); *intense* (35) *deep* (32), *hot* (20), *seething* (19), *extreme* (18), *terrible* (16), *raw* (13), *burning* (13),

uncontrollable (13), *tremendous* (12), *overwhelming* (11), *violent* (10), *bitter* (9), *cold* (9), *fierce* (8), *palpable* (8), *black* (7), *blind* (6), *dark* (5), *furious* (5), *wild* (4), *red* (3), *huge* (3), *significant* (3), *mad* (2). Реже всего слово *anger* сочетается с усилителями *insane* и *unappeasable* – каждый всего в одном контексте. (Для сравнения, в русском языке слово *гнев* чаще всего употребляется с интенсификатором *страшный* (40)).

Корпусные данные позволили установить, что для существительных, обозначающих положительные эмоции, самими частотными усилительными прилагательными являются *great*, *deep*, *passionate*, *intense*, *profound*. В русском языке наиболее часто употребляемыми прилагательными-интенсификаторами для аналогичных лексем являются *большой*, *огромный*, *горячий*, *глубокий* и *всеобщий*. Отметим, что одна и та же лексема может сочетаться с несколькими из перечисленных выше прилагательных-интенсификаторов. К примеру, с интенсификаторами *great*, *profound*, *deep*, *intense* и *passionate* могут сочетаться лексемы *affection*, *appreciation*, *joy* и *love*, а *большой*, *глубокой*, *огромной* может быть и благодарность, и гордость, и любовь. В число уникальных словосочетаний с лексемами, обозначающими положительные эмоции, входят *fiery ardour*, *Epicurean delight*, *awfully grateful*, *dizzy happiness*, *stormy passion*, *бездонная радость*, *жаркая страсть*, *неизъяснимое удовольствие*, *явная симпатия*, *собачья привязанность* и т. д.

Для существительных, обозначающих отрицательные эмоции, наиболее часто используемыми интенсификаторами по результатам корпусного анализа оказались прилагательные *deep*, *bitter* и *intense*, *страшный*, *глубокий* и *ужасный*. При этом нужно отметить, что анализ русскоязычного материала демонстрирует более высокую степень collocational гибкости, взаимозаменяемости интенсификаторов. С каждым из указанных трёх наиболее частотных интенсифицирующих прилагательных может сочетаться практически любой номинатор эмоции. К примеру, *страшной* / *глубокой* / *ужасной* может быть и *обида*, и *отвращение*, и *ненависть*. Что касается англоязычного материала, здесь каждый из указанных интенсификаторов имеет собственный, более или менее чётко очерченный круг сочетаемости. Единственной лексемой, которая может сочетаться с каждым из трёх указанных выше английских прилагательных, оказалась лексема *grievance*. В число адъективных интенсификаторов, сочетаемость которых с тем или иным номинатором отрицательной эмоции, уникальна, входят, к примеру, *abject fear*, *black depression*, *cold hatred*, *deep-rooted contempt*, *eager concern*, *безбрежная тоска*, *иступленная ненависть*, *резкая боль*, *убийственная усталость*, *чрезвычайная досада*.

По результатам запросов в языковой корпус, наиболее частотными коллокациями для существительных, обозначающих нейтральные эмоции, оказались *great*, *strong*, *sharp*, *ardent* в английском языке и *большой*, *великий*, *сильный* в русском языке. В числе адъективных интенсификаторов, сочетаемость которых с номинаторами нейтральных эмоций уникальна, например, *bright (hope)*, *profound (inclination)*, *unsleeping (thirst)*, *алчная (жажда)*.

В целом все полученные словосочетания можно разделить на три группы:

- 1) зафиксированное в словаре словосочетание закреплено в языковом корпусе;
- 2) зафиксированное в словаре словосочетание не закреплено в языковом корпусе;
- 3) незафиксированное в словаре словосочетание закреплено в языковом корпусе.

Всего было обнаружено 315 зафиксированных в словарях словосочетаний (72 в русском и 243 в английском языках), которые не встречаются в языковых корпусах русского и английского языков, например: *boundless happiness*, *marked appreciation*, *overmastering passion*, *frantic delight*, *keen envy*, *deep grievance*, *inexpressible sadness* и т. д.

С другой стороны, в языковых корпусах было обнаружено 446 словосочетаний, которые не закреплены в словаре. Так, словосочетание *tremendous appreciation* встречается в СОСА в пяти контекстах, например:

I was widowed – I'm a widower since about five years, I got an 11-year-old boy, a 14-year-old girl, and I've got a tremendous appreciation for single mothers (COCA SPOK: NPR_TalkNation).

В числе других примеров коллокаций, не зафиксированных в словарях, следующие: *profound inclination, sharp annoyance, dizzy happiness, endless delight, strong attraction, boundless gratitude, true happiness*.

Помимо этого, в общей сложности нами было обнаружено 101 зафиксированное в словаре словосочетание, которое не имеет примеров употребления в языковых корпусах. Среди них: *doglike affection, marked appreciation, enormous attraction, frantic delight, endless gratitude, dizzy happiness, immortal joy, all-absorbing love, overmastering passion, untold pleasure, acute satisfaction* и многие другие.

Показателен в этом отношении пример лексемы *ardour*: ни одно из предложенных в словаре сочетаний с интенсифицирующими прилагательными (*amazing / fervent / great / irresistible / passionat / redoubled ardour*) не было обнаружено в языковом корпусе. В то же время, в СОСА эта лексема встречается в сочетании с интенсификаторами *feverish* и *extraordinary*:

*It is strange to see with what **feverish ardour** the Americans pursue their own welfare; and to watch the vague dread that constantly torments them lest they should not have chosen the shortest path which may lead to it* (COCA, ACAD: Journal of American Culture).

*Remembering again Maureen's insatiable passion, remembering her **extraordinary sexual ardour**, ... Cornelius had felt like someone passing* (COCA, FIC: World Literature Today).

3. Заключение

Исследование наглядно демонстрирует преимущества использования языковых корпусов в качестве источника информации о нормах коллокации. Как видим, в ряде случаев привлечение корпусных данных позволяет существенно скорректировать информацию о сочетаемости, предлагаемую словарями, предотвратить возникновение речевых ошибок, что может быть полезно как изучающим иностранный язык, так и в переводческой практике. Говоря о недостаточно полной представленности в корпусе словарных данных, не следует забывать, однако, о зависимости результатов поиска от текстового наполнения корпуса. Корпус СОСА регулярно пополняется новыми текстами, в связи с чем неизбежно изменяются и результаты запросов.

Перспективными направлениями применения полученных данных в современных условиях представляется повышение информативности корпусов языка за счёт создания соответствующей разметки, учитывающей эмоциональную составляющую, а также разработка средств машинного анализа манифестаций эмоций в языке с целью ранней идентификации и предотвращения коммуникативных конфликтов (напр., в работе телефонных «горячих линий»).

Список литературы

- Будагов, 1983 – Будагов, Р. А. Язык – реальность – язык [Текст] / Р. А. Будагов. – М.: Наука, 1983. – 260 с.
- Гончарова, 2003 – Гончарова, Ю. Л. Слова-названия эмоций в когнитивном аспекте [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Гончарова Юлия Леонидовна; Ростовский гос. пед. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2003. – 162 с.
- Изард К. Э., Психология эмоций [Текст] / К. Э. Изард. / пер. с англ. – СПб.: «Питер», 2007. – 464 с.

- Quirk et al., 1995 – *Comprehensive Grammar of the English Language*. [Text] / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. – London : Longman Group UK Ltd, 1995. – 1779 p. Oxford..., 2019 – *Oxford English Dictionary* [Электронный ресурс]. – URL : <https://www.lexico.com/en> (дата обращения : 23.06.2019).

Список источников материала

- Бенсон и др., 1990 – Бенсон, М. Комбинаторный словарь английского языка (= The BBI Combinatory Dictionary of English) [Текст] / М. Бенсон, Э. Бенсон, Р. Илсон (= M. Benson, E. Benson, R. Ilson). – Специальное издание. – М. : Русский язык ; Амстердам : Бенджаминс, 1990. – 286 с.
- НКРЯ, 2019 – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL : <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 05.04.2019).
- Убин, 1995 – Убин, И. И. Словарь усилительных словосочетаний русского и английского языков [Текст]: Dictionary of Russian and English lexical intensifiers / И. И. Убин. – М., 1995. – 567 с.
- COCA, 2019 – Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. – URL : <https://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения 05.04.2019).
- Oxford Online..., 2019 – Oxford Online Collocation Dictionary [Электронный ресурс]. – URL : <https://www.englishzoom.ru/poleznye-resursy/oxford-online-collocations-dictionary-oxsfordskij-slovar-leksicheskoy-sochetaemosti.html> (дата обращения 05.04.2019).
- ProWritingAid, 2019 – ProWritingAid. Free Online Collocations Dictionary [Электронный ресурс]. – URL : <http://prowritingaid.com/Free-Online-Collocations-Dictionary.aspx> (дата обращения 05.04.2019).

References

- Budagov, R. A. (1983). *Yazyk – real'nost' – yazyk* [Language – reality – language]. Moscow : Nauka Press.
- Goncharova, Yu. L. (2003). *Slova-nazvaniya emotsiy v kognitivnom aspekte* [Names of emotions in cognitive aspect]. PhD in Philological sci. diss. Rostov-on-Don : Rostov State Pedagogical University .
- Izard K. E. (2007). *Psikhologiya emotsiy* [Psychology of emotions] / Translated from English. St Petersburg.
- Oxford English Dictionary*. Retrieved June 23, 2019 from <<https://www.lexico.com/en>>.
- Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. (1995). *Comprehensive Grammar of the English Language*. London : Longman Group UK Ltd.

Sources of material

- Benson, M., Benson, E., Ilson, R. (1990). *The BBI Combinatory Dictionary of English*. Special Edition. Moscow : Russkiy yazyk Press ; Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company. Russian National Corpus. Retrieved April 5, 2019 from <<http://ruscorpora.ru>>.
- Ubin, I. I. (1987). *Dictionary of Russian and English Lexical Intensifiers*. Moscow : Russky Yazyk Press.
- Corpus of Contemporary American English (COCA). Retrieved April 5, 2019 from <<https://corpus.byu.edu/coca/>>.
- Oxford Online Collocation Dictionary. Retrieved April 5, 2019 from <<https://www.englishzoom.ru/poleznye-resursy/oxford-online-collocations-dictionary-oxsfordskij-slovar-leksicheskoy-sochetaemosti.html>>.
- ProWritingAid. Free Online Collocations Dictionary. Retrieved April 5, 2019 from <<http://prowritingaid.com/Free-Online-Collocations-Dictionary.aspx>>.

УДК 81'42

UDC 81'42

Смирнова Ульяна Викторовна
Московский городской университет
г. Москва, Российская Федерация
Uliana V. Smirnova
Moscow City University
Moscow, Russian Federation
yanasmirnova@hotmail.com

**КОНСТРУИРОВАНИЕ ДИСКУРСА В РЕЖИМЕ
РЕПРЕССИВНОЙ ПОЭТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА
ОБРАЗА «ДЕВОЧКА НА КОНЬКАХ»)
«THE GIRL ON SKATES»: CONSTRUCTING DISCOURSE BY THE LAW OF
REPRESSIVE POETICS**

Аннотация

В статье предлагается пример лингвистического анализа репрессивного поэтического образа «девочки на коньках», созданного В. Шендеровичем. Статья носит в большей степени эмпирический, нежели чем теоретический характер. Это обусловлено необходимостью представить лингвистическое осмысление и иллюстрацию введённого Ю. М. Соболевым философского термина «репрессивный поэтический образ», обладающего большим потенциалом в отношении анализа технологии конструирования политического, рекламного, массмедийного дискурсов. Перспективное единство восприятия образа «девочки на коньках», конструируемое с помощью ключевой метафоры «гениальная девочка повышает наши шансы отбросить коньки», не совпадает с видимой перспективой восприятия Юлии Липницкой, олимпийской чемпионки по фигурному катанию (2014 г.). Ракурс смещает восприятие с индивидуальных характеристик к более абстрактным идеям, например, таким, как «красота и профессионализм служат целям пропаганды». Поэтическая образность является средством навязывания своего круга интерпретации при помощи репрессивного подавления других интерпретантов.

Abstract

Drawing from discourse analysis of the repressive poetic image "the girl on skates" constructed by V. Shenderovich, this article considers possible ways to study linguistic techniques that are used to produce effective political, advertising and mass media discourses. This article provides linguistic analysis based on the philosophic notion "repressive poetic image" introduced by Yu. M. Sobolev and it is more an illustrative and practical research than a theoretical one. The entity "the girl on skates" is perceived from the perspective of the metaphor "the genius girl raises our chances to turn up our toes" (in Russian skates are used in this idiomatic expression: to turn up our skates). This does not coincide with other possible perspectives of perceiving Julia Lipnickaya, figure skating gold medalist at the 2014 Winter Olympics. The focus is shifted from individual features to more abstract ideas, such as "beauty and professional sport serve the goals of propaganda". Poetic imagery is a means of imposing your circle of interpretation by repressing and oppressing other interpretants.

Ключевые слова: технологии воздействия, репрессивная поэтика, репрессивный поэтический образ, В. Шендерович, «девочка на коньках».

Keywords: linguistic techniques, repressive poetics, repressive poetic image, V. Shenderovich, "the girl on skates".

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_2_149_158

1. Введение

В статье предпринимается попытка обозначить возможные инструменты анализа технологий конструирования дискурса воздействия. По нашему мнению, весьма перспективным в этом отношении является понятие «репрессивного поэтического образа», предложенного Ю. М. Соболевым, Е. Н. Викторук в философском ключе и развитого в данном исследовании лингвистически.

В теории репрессивного поэтического образа [Соболев, 2008 ; Викторук, 2009] речь идёт об оформлении идеологических смыслов в высоко поэтические образы, которые в отличие от истинных поэтических образов являются не средством свободного выражения, но манипуляционным способом подавления «иног».

Почему говорится о поэтике как средстве репрессивного манипуляционного воздействия? Причина кроется в особом языке поэтики. Если отталкиваться от понимания поэтики в философии, то её можно трактовать как «высшую форму всякого языка» (М. Хайдеггер), как художественное творчество, в основе которого лежат образное мышление и творческое вдохновение (Платон), как практическое средство облагораживания человека (Аристотель). Поэтому поэтику можно и необходимо трактовать как феномен культуры, способный пролить свет на механизм создания «идеологических масок, скрывающих смыслы, отличные от репрезентированных» [Викторук, 2009, с. 4]. Ключевыми при лингвистическом анализе здесь становятся следующие моменты.

1. Поэтика создаёт язык.

Поэтический язык существует как «высокое» искусство слова. И здесь мы в первую очередь говорим о творимом поэтом новом языке образов и обращаем внимание на авторские «неологизмы», когнитивные механизмы создания которых будут указывать, какие образы станут центральными при репрессии других горизонтов интерпретации.

2. Поэтические законы требуют высокой степени организованности языка.

Основными характеристиками поэтического языка являются ритм и порядок знаков. Так, рассуждая на тему отличия поэтики от других жанров и апеллируя к исследованиям Ю. Лотмана, Р. Якобсона, Б. МакХейла, Л. Комуцци отмечает, что когнитивный механизм поэтического воздействия кроется исключительно в особенностях поэтических конструкций – «formal structures that are noticeably measured and rhythmical» [Comuzzi, 2012 / 2014].

3. При формировании поэтической реальности главенствующую роль играет образ.

«Посредством образа поэтика переводит изображаемый ей предмет или событие из внешнего мира во внутренний, даёт внутренней жизни излиться в предмет, охватить и пережить его изнутри, сделать его своей частью» [Викторук, 2009, с. 31].

4. Поэтика снимает вопрос истинности или ложности.

Поэтическое не поддаётся обвинениям в манипуляции или лжи, поскольку заведомо является альтернативным возможным миром, что, однако, не умаляет силу его воздействия.

Для лингвистической иллюстрации центральных положений философского взгляда на репрессивный поэтический образ возьмём статью В. Шендеровича «Олимпийская война: Путин и девочка на коньках» от 10 февраля 2014 года [Шендерович, 2014] и рассмотрим созданный им образ «девочки на коньках».

2. Лингвистический анализ репрессивного поэтического образа

Имя олимпийской чемпионки 2014 г. Юлии Липницкой хорошо знакомо адресату дискурса, но намеренный отказ говорящего от конкретной референции и оперирование конструкцией «девочка на коньках» не просто стилистический приём. Следует рассу-

ждать о желании сделать знак референциально и семантически диффузным и, как следствие, наполнить его теми смыслами, который автор стремится репрессивно донести в своём дискурсе. Анализ покажет, что создаваемый автором образ «девочки на коньках» репрессивен, т. е. призван подавить иные, кроме авторской, интерпретации с помощью особых средств языка, которые будут выявлены при анализе.

Выбор экзистенциальной референции «*некая девочка, обладающая рядом признаков*» есть первый и основной шаг в создании репрессивного поэтического образа «девочки на коньках», символизирующего, по мысли автора, процессы, происходящие в российском обществе и политике. Отвлечённый характер образа «родная пятнадцатилетняя красавица на коньках», «гениальная девочка, взлетающая на коньках» призван увести адресата от интерпретации событий, связанных фамилией и именем, конкретным местом и временем, и придать дискурсу игровой характер.

На первый взгляд этот образ изоморфен, т. е. мы наблюдаем объект, реконструируемый тождественно объекту действительности. Но также очевидно, что этот образ одновременно является и метафорой, и аллегорией. Сложность этой метафоры открывается в высказывании «гениальная девочка ... повышает наши шансы отбросить коньки». Актуализируемая фразеологическая модель «отбросить коньки / откинуть копыта / протянуть ноги», семантика которой сводится к грубо-просторечному «умереть, подохнуть, загнуться», реализует метафору образа: выполняющая сложные фигуры на коньках фигуристка приводит к гибели страны. Игра знаков построена во многом на том, что в синтаксис вовлечены антонимические связи физического движения вверх и метафорического движения вниз: взлетать, прихватывать вверх, повышать VS. отбрасывать коньки (падать, умирать), где конёк является главным операционным элементом в выстраиваемой дискурсивной цепочке.

Используя теорию обратной перспективы П. А. Флоренского (как особую систему изображения и восприятия действительности православных икон [Флоренский, 2000]), мы видим, что создаётся особое перспективное единство восприятия образа, которое не вполне совпадает с возможной видимой перспективой восприятия реального объекта. Ракурс рассмотрения фигуры смещает внимание с индивидуальных характеристик субъекта к более абстрактным идеям и свидетельствует о стремлении автора активировать особое эмоциональное отношение, высветить на интенциональном горизонте интерпретатора сложный пучок связей: красота и профессионализм, которые губят страну; молодость и талант, используемые в пропагандистских целях.

Образ девочки на коньках осложняется особыми отношениями, которые устанавливаются между ним и словесным образом немецкого нациста – толкателя ядра. Это способствует привлечению в поле интерпретации смыслов, связанных с фашизмом, смертью и кровью: *Мне очень нравится эта девочка на коньках. Очень! Но если бы вы знали, как нравился берлинцам летом 1936 года толкатель ядра Ханс Вельке, первый немецкий чемпион в лёгкой атлетике, улыбчивый парень, красавец, символизирующий молодость новой Германии.*

Через актуализацию сопровождающего образа, осуществляемую посредством синтаксического повтора глагола чувств «нравится», открывается та связь, которую автор вводит как прямое отношение между абстрактной идеей и свойствами конкретных объектов. Единными свойствами объектов являются внешняя красота, талант, улыбка: «родная пятнадцатилетняя красавица на коньках» и «первый немецкий чемпион в лёгкой атлетике, улыбчивый парень, красавец». Внешний вид очень важен, поэтому и выбирается глагол чувств *нравится* с его преимущественной семантикой симпатии / расположения / приятия, основанной на внешнем визуальном восприятии. Автор подчёркивает, что внешний вид объектов, составляющих образ, является неотъемлемым

атрибутом раскрываемой им цели их истинного существования. Осуществляется семиотическая попытка создать идеологический знак-миф по Р. Барту [Барт, 1994]: целостный знак «девочка на коньках» становится означающим для вкладываемого идеологического содержания «молодость, красота и спортивные таланты скрывают нечто очень важное; они служат пропаганде государственной политики»¹.

Образ – это всегда личностное переживание, с помощью поэтических средств языка автор находит возможность личностному и субъективному отозваться на горизонте интенциональности Другого². Этой цели и служит реактуализация времени культуры нацизма, остро отзвывающееся в нашей архетипической памяти.

Создание особо чувствительных очагов на интенциональном горизонте интерпретатора при помощи синтаксических связей, соединяющих элементы разных времён культуры, является весьма распространённым. Сравним идентичную связь, указывающую на пропаганду политической повестки дня в спортивных мероприятиях, на примере высказывания из оппозиционного дискурса в Америке. Известный теоретик разных заговоров А. Джонс, утверждает, что Обама использует спортивное событие в качестве средства агитации [Jones, 2013]. При этом он апеллирует к тому же самому прецедентному событию, которое упоминает автор, рассматриваемой нами статьи, – Олимпийским играм в 1936 году в Мюнхене:

Alex Jones, who last made headlines with a notorious anti-gun control rant on Piers Morgan's show, said the NFL's decision proved the league was "anti-family," "anti-liberty," and "anti-American." Worse yet, Jones said, the NFL was in cahoots with the imperialistic Obama Administration, which is using the Super Bowl as a venue for political propaganda, just like Hitler did with the 1936 Munich Olympics" [Winkler, 2013] – 'Алекс Джонс, не так давно попавший в заголовки газет после шоу Пирса Моргана и своей гневной тирады в защиту свободного владения оружием, заявил, что решение НФЛ (Национальной футбольной лиги) свидетельствует о том, что лига выступает против ценностей семьи, ценности свободы и всего американского. Более того, он обвинил лигу в том, что она находится в сговоре с империалистической администрацией Обамы, использующей Супербоул в качестве площадки своей политической пропаганды точно так же, как Гитлер использовал Олимпийские игры 1936 года в Мюнхене' (перевод наш – У. С.).

Поэтическая образность является инструментом, способствующим навязыванию своего способа интерпретации. В рассматриваемом нами дискурсе поэтика концентрируется вокруг центрального образа девочки на коньках, аллегория и символизм которого раскрываются с помощью поэтизации интегрированных в его структуру признаков «шизофрения», «текущая кровь» «варево ведьм». Они являются своеобразными мета-концептами, применимыми, по мысли автора, ко всему строю российской жизни и внутренне ему присущие. Так, например, шизофрения концептуализирует вводимое в дискурсе раздвоение на «их государство» и «твою страну», в котором знак Родина выносится за пределы понимания семантики знака «твоя страна» и включается в чужое, «их» пространство административной власти:

Гражданская олимпийская война, разразившаяся в «Фейсбуке» ещё во время церемонии открытия, выявила обнажённый нерв вечного вопроса: где кончается их госу-

¹ Знак-миф, по Р. Барту, состоит из знака первой системы, который становится означающим во второй системе, и идеологического содержания; наш пример созвучен с приводимым Р. Бартом изображением «молодого африканца в военной форме на обложке журнала «Пари-Матч», который берёт под козырёк и глядит вверх, вероятно, на развевающийся французский флаг», связываемым с идеологическим смыслом «Франция – великая империя, все сыны которой, независимо от цвета кожи, верно служат под её знамёнами» [Барт, 1994].

² Под Другим в статье, вслед за М. М. Бахтиным, М. Бубером, Х.-Г. Гадамером, понимается «ты», т. е. собеседник, чьё присутствие необходимо для обретения собственного «Я» [Бахтин, 1986 ; Бубер, 1993 ; Гадамер, 1988]).

дарство и начинается твоя страна? Толстой, конструктивисты, Гагарин с Королёвым, а ты сидишь, нос воротить? – да ты Родину не любишь! Встречный вариант: Чечня, Магнитский, Путин с «питерскими», воровство с узурпацией, а ты сидишь, пускаешь слюни разноцветными колечками? Во время таких церемоний хорошо быть круглым идиотом, чтобы и гармония была полной. У мало-мальски рефлексующего человека душа, конечно, идёт на разрыв [Шендерович, 2014].

Здесь, как и далее в дискурсе, задействуются основные прототипические признаки концепта шизофрении «расщепление рассудка» и «раздвоение личности». Эти признаки находят свою реализацию в семантике, прагматике и синтаксисе дискурса. Семантика психической болезни, ведущей к раздвоению, к расстройству психики, онтологизируется в метафорах «душа на разрыв», «сидишь, пускаешь слюни разноцветными колечками», в идиоме «хорошо быть круглым идиотом». Обратим внимание на творческий характер этих метафор, явившийся результатом нового синтаксиса устойчивых в языке фразеологических оборотов. «Душа разрывается» значит испытывать глубокую тоску, печаль, боль. «Душа идёт на разрыв» в большей степени означает когнитивный диссонанс, вызванный столкновением конфликтных представлений о происходящем в стране; в дискурсе непосредственно соотносится не с печалью, а с шизофренией сознания. «Пускать слюни» значит желать чего-то очень сильно, например, съесть или получить. «Пускать слюни разноцветными колечками» создаёт образ психически больного человека, при этом подчёркивается слабоумная восторженность и наивность субъекта. «Пускаемые разноцветные колечки» семантически связаны с дескрипцией «круглый» в характеристике «круглый идиот», что является маркером дальнейшего семантического и синтаксического развития метафоры.

Метафора органически связана с поэтическим видением мира, однако творимая в поэтическом дискурсе метафора по сути репрессивна. Разворачивая метафоры в тексте, автор создаёт особую прагматику всего дискурса, которую можно характеризовать как осуждение искажённого, идиотичного, слабоумного восприятия окружающей действительности. При соединении нескольких метафор в одну метафорическую систему формируется более общая метафора русского человека подобного идиоту, любующемуся успехами русской спортсменки и не понимающему истинное назначение её действий.

Очень важным моментом является то, что автор апеллирует к разуму, поскольку рефлексия – это рациональный мыслительный процесс, но синтаксически связывает рациональное с аффективным: *У мало-мальски рефлексующего человека душа, конечно, идёт на разрыв.* Таким образом, порядок построения дискурса дискурсивно-логический, а средства – мифо-поэтические, сводящие все интерпретанты в единый фокус. Противоречие скрыто в самом дискурсе и задаётся позицией контролирующей системы. Адресат вводится в круг психической болезни, заблуждения, выбора в интерпретации событий, но с помощью оценки, рассеиваемой в синтаксисе, скрытой аргументации ему словно открываются глаза на единственно правильную интерпретанту. Адресат находится внутри круга шизофрении, а контролёр находится вовне. Контролёр видит «истинное положение» дел и раскрывает его для адресата. «Мало-мальски» как аргументативный модификатор утверждает, что даже в очень маленькой степени способные анализировать люди должны осознавать аспекты действительности, которые намеренно означиваются метафорически: «варево ведьм», «душистые травы для одурманивания человека», «ведьмин рецепт», «кликушеская череда праздников», «клятые интеллигенты, побивающие себя в кровь собственными цепями».

Концепт шизофрении последовательно реализуется в структуре псевдиалога, фиксирующего раздвоение личности на «их государство» и «твою страну». Обратим внимание на то, что в конструируемом диалоге личное местоимение «ты» играет слож-

ную роль. С одной стороны, оно относимо к говорящему, позиция которого не совпадает с наблюдателем; говорящий говорит о себе от второго лица и воспроизводит возможный диалог между собой и неким оппонентом. Однако более вероятно, что, выбирая синтаксическую структуру «а ты сидишь, нос воротишь..., да ты Родину не любишь,... а ты сидишь, пускаешь слюни...» вместо «вы мне говорите..., а я вам отвечаю...», говорящий создаёт образ обобщенно-личностного субъекта и фокусирует внимание на вводимое в дискурсе шизофреническое раздвоение, где «встречный вариант» в диалоге может быть охарактеризован как раздвоение психики.

Вся конструкция дискурса демонстрирует несколько ключевых модусов, разворачиваемых вокруг миров, поддерживаемых сложной системой личных местоимений. С помощью личных местоимений создатель дискурса маневрирует между набрасываемыми проекциями смысла и сдвигает горизонт интерпретации адресата в нужном ему направлении. Выявляются три структурных блока:

– «они и ты», маркируемое размышлениями о поиске себя внутри концепта «ШИЗОФРЕНИЯ», вводимого через разделение на «твою страну» и оппозиционное пространство, которое можно обозначить как «Путин, его администрация, Чечня, дело Магнитского»;

– «я», в котором когнитивная схема шизофрении воспроизводится вновь, но разворачивается изнутри феноменологического мира внутреннего времени Эго говорящего; наблюдатель и говорящий сливаются и вновь расходятся (Могу ли я не радоваться, не гордиться и не желать/ Могу ли я не понимать/ Могу ли я радоваться/ Вот и живи теперь в шизофрении);

– кульминационное «мы» («что-то, однако, мешает нам сегодня радоваться его победе»; «наши шансы отбросить коньки»), которое становится ритмическим итогом дискурса и объединяет «твою» и «мою» интерпретанты в замыкающей круг метафоре «наши шансы отбросить коньки».

Автор дискурса остаётся участником беседы, но не выводится как контролёр, руководящий процессом интерпретации. Например, в кульминационном высказывании «вот и живи теперь в шизофрении», оставаясь вовне, контролёр сводит воедино разные уровни:

– пространственный (здесь, в России);
– темпоральный (сейчас, во время Путина);
– нарративно-речевой (высказывается итог противоположных взглядов на объект, обращённый к обобщенно-личностному Другому, сформулированный ритмически в восходяще-нисходящей градации; речевой акт директива, иллокутивная сила побуждения в котором скрывает два разнонаправленных вектора: делай и не делай так, как говоришься в пропозиции);

– модальный (в рамках императивной модальности утверждается некое положение вещей во внутреннем мире Другого – «конфликт сознания», даётся критически-негативная оценка экстралингвистическому контексту и имплицитно устанавливается установка адресата на понимание истинного положения дел).

Подобная позиция контролёра сродни точке зрения как объективной единицы анализа дискурса, вычленение которой демонстрирует когнитивную логику его формирования [Татару, 2009].

Отличительной чертой синтаксиса дискурса являются параллельные конструкции, которые обеспечивают ритм. Симметрия таких конструкций, которая создаётся с помощью повторения того же самого порядка знаков при приблизительно равном числе знаков в следующих друг за другом предложениях, давно известное и очень эффективное средство воздействия в поэтике. В рассматриваемом дискурсе в композиции также постоянно присутствуют повторы и антитеза, в сочетании с параллелизмом создающие

особый эффект восходящей градации (в литературной терминологии – климакса), в то время как замыкающее высказывание представляет собой ряд нисходящей градации (антиклимакса):

Могу ли я не радоваться русскому алфавиту, не гордиться причастностью к уникальной цивилизации и не желать золота родной пятнадцатилетней красавице на коньках?

И могу ли я не понимать, что Лев Толстой, конструктивисты и пятнадцатилетняя красавица на коньках призваны сделать так, чтобы мы в восторге упоенья напрочь забыли о текущем воровстве и текущей крови?

Могу ли я радоваться тому, что Путин припахал Льва Толстого, и граф исправно выполняет важную административную задачу?

Вот и живи теперь в шизофрении [Шендерович, 2014].

Рассуждая о создаваемых параллельных конструкциях, можно говорить о когнитивном моделировании синтаксиса. Манипулятивный потенциал дискурса скрывается именно в моделируемом синтаксисе, который нарушает естественный ход образования синтаксических конструкций. В теории и практике структура высказывания отражает понимание говорящим структуры действительности и реализует в синтаксической форме «мир, увиденный и понятый носителями языка» [Когнитивные категории, 2009]. Появление синтаксической конструкции подчиняется определённому когнитивному закону: первична прагматика говорящего, ориентирующегося в данной конкретной ситуации на действие, деятеля, состояние объекта, свойство и т. д.; за прагматикой следует семантика, в процессе закрепления которой определяются смысловые блоки; цикл завершается выбором наиболее оптимальных для передачи этого смысла конструктивных возможностей синтаксиса [Когнитивные категории, 2009]. В этом наше принципиальное отличие от исследователей, полагающих, что ориентиром манипуляционных исследований является выбор лексики [напр., Борисова, 2016].

При манипуляции эксперт начинает с синтаксиса, который становится некой когнитивной картой для проведения необходимой семантики и прагматики. Параллельные конструкции характерны для сакральных текстов, но мы знаем, что в подобных текстах состояние знака таково, что близкое соположение знаков указывает на родственную связь референтов этих знаков в мире. Тот же самый когнитивный эффект необходим и при манипуляции.

Для дискурса Шендеровича характерна сопряжённость шизофрении восприятия действительности с физическим насилием – «обнажённый нерв», «душа на разрыв», «текущая кровь», «побивать себя в кровь», «патриотическое живое». Тема физической боли поддерживается прецедентными именами лагерей пыток. Свойства объектов, составляющих референты *Дахау*, *Ковентри*, *Хатынь*, русскоговорящим адресатом переживаются очень остро. В этом случае нет, и не может быть расхождений в интерпретации. Вводя в создавшееся интенциональное поле другие знаки, можно добиться эффекта иррадиации, под которой мы понимаем проекцию переживания значимых прецедентных событий на горизонты интерпретации других событий. Как и в оптике, где иррадиация описывает оптический обман зрения, возникающий при зрительном восприятии фигур на контрастном фоне, так и в дискурсе особое синтаксическое размещение знаков прецедентных феноменов определяет условия интерпретации других знаков. Поэтому синтаксическая последовательность ряда знаков, включающая названия нацистских лагерей пыток, и знаков «спортивная победа», «спортивный подвиг», настолько эффективна в своём воздействии: *Что-то, однако, мешает нам сегодня радоваться его <немецкого чемпиона в лёгкой атлетике> победе. Не иначе, мы в курсе итоговой цены этого спортивного подвига – цены, в которую вошли и Дахау, и*

Ковентри, и Хатынь, и Ленинград... Не по вине Ханса, разумеется, но так получилось, что он поспособствовал [Шендерович, 2014].

Определённая закономерность синтаксического оперирования знаками устанавливается также при соположении прецедентных имён политических деятелей современности и исторических мифологических фигур: *Олимпиада, разумеется, отличный для них случай закосить под Родину: какой там Сечин с Чуровым, какой там Бастрыкин... – Кирилл и Мефодий, Барма и Постник, Королёв и Гагарин!* [Шендерович, 2014].

Сам выбор знаков, как представляется, сделан на основе рифмы и созвучия. Синтаксис таков, что, будучи соположенными именам политиков, знаки-мифы лишаются устойчивого прецедентного контекста и теряют свое высокое предназначение. Стоит задуматься о десакрализации знаков, имеющих большую значимость в русской картине мира. Справедливо будет заметить, что десакрализация собственно направлена не на обесценивание сакральных образцов русской культуры, но столь свободный синтаксис знаков приводит к ощущаемой десакрализации самой мировоззренческой установки на патриотизм, на любовь к своей Родине. Синтаксис свидетельствует о том, что со знаками обращаются не как с символами («припахать Льва Толстого»): *Могу ли я радоваться тому, что Путин припахал Льва Толстого, и граф исправно выполняет важную административную задачу?* [Шендерович, 2014]. Идёт не вытеснение и замещение знаков [Бубнова, 2015], но их символическое обесценивание, и инструментальная позиция символов лишь свидетельствует об этом.

Предлагаемый автором игровой механизм обращения со знаками позволяет рассуждать о демифологизации. Но не в смысле демифологизации Р. Бульмана, когда бы автор стремился показать в чём вечное непреходящее содержание нарративов этих исторических лиц, независимое от любой политической конъюнктуры. Демифологизация направлена на место концепта «патриотизм» в системе ценностей субъекта. Обнаруживаемые в дискурсе интерпретанты знака «патриотизм» подавляются оценкой и высоко поэтичны: испытывать патриотические чувства означает подвергнуться воздействию «варева ведьм», «душистых травок для одурманивания», «ведьминого рецепта» [Шендерович, 2014]. Патриотические праздники получают дескриптив «кликунский», что в свою очередь отсылает к порче, колдовскому влиянию, в результате которого возникает «истерия» [Шендерович, 2014]. Употребление высказываний из концептуального поля «ПАТРИОТИЗМ» получает предикативную функцию «закосить под Родину», «мимикрировать под Родину».

Формально дискурс разворачивается вокруг конструкта Другого, раздираемого противоречиями, отсюда и употребление концептов шизофрении, метафор боли и колдовского воздействия. Контролёр, руководящий процессом интерпретации, этими противоречиями не страдает и нацелен на ликвидацию всех альтернативных интерпретаций.

3. Заключение

Завершая статью, необходимо отметить, что раскрытие механизмов репрессивной поэтики можно осуществить лишь на экспертном уровне. Адресат дискурса не производит столь сложный анализ дискурса, а обращается к своим фоновым знаниям, что должен учитывать автор, желающий достичь нужного коммуникативного эффекта: все смыслы считываются им на уровне архетипов, мифов, знаков прецедентных феноменов. Но общая поэтика раздражает и задевает, а в этом и заключается самая главная цель – в манипуляции эмоциями и чувствами. Снижая и низводя высокое, он не предлагает ничего взамен, а это деструктивно для субъекта. Автор провоцирует ценностную эрозию и лишает субъект принципа идентификации.

Образ, будь то поэтический или репрессивно-поэтический, не способен и не призван зеркальным образом изображать объект действительности. Образ представляет собой личностное переживание и служит организующим центром для любого поэтического произведения. То же самое замечание справедливо для репрессивной поэтики, но с одной лишь оговоркой о том, что автор образа в данном случае является технологичным конструктором: все его знания по воздействию на адресата реализуются в лингвистических конструкциях с определённой логикой построения. Репрессивный образ является концептуальным стержнем экспертной организации и рассеивания смыслов.

Список литературы

- Барт, 1994 – Барт, Р. Миф сегодня [Текст] / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, Универс, 1994. – С. 72–130.
- Бахтин, 1986 – Бахтин, М. М. К философии поступка [Текст] / М. М. Бахтин // Философия и социология науки и техники: Ежегодник, 1984–1985. – М.: Наука, 1986. – С. 80–160.
- Бубер, 1993 – Бубер, М. Я и Ты [Текст] / М. Бубер; пер. с нем. Ю. С. Терентьева, Н. Файнгольца; послесл. П. С. Гуревича. – М.: Высш. шк., 1993. – 175 с.
- Бубнова, 2015 – Бубнова, И. А. Эволюция русской языковой личности [Текст] / И. А. Бубнова // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2015. – № 3 (19). – С. 34–41.
- Борисова, 2016 – Борисова, Е. Г. Лексическая номинация в информационных войнах [Текст] / Е. Г. Борисова // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2016. – № 1 (21). – С. 61–65.
- Викторук, 2009 – Викторук, Е. Н. Репрессивная поэтика как феномен культуры [Текст]: / Е. Н. Викторук, Ю. В. Круглов, Ю. В. Соболев. – Красноярск: СибГТУ, 2009. – 161 с.
- Гадамер, 1988 – Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики [Текст] / Х.-Г. Гадамер; пер. с нем. – М.: Прогресс, 1988. – 699 с.
- Когнитивные категории, 2009 – Когнитивные категории в синтаксисе [Текст] / под ред. Л. М. Ковалевой. – Иркутск: ИГЛУ, 2009. – 249 с.
- Соболев, 2008 – Соболев, Ю. В. Репрессивная поэтика как феномен культуры [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Соболев Юрий Викторович; Сибир. гос. технол. ун-т. – Омск, 2008. – 22 с.
- Татару, 2009 – Татару, Л. В. Точка зрения и ритм композиции нарративного текста (на материале произведений Дж. Джойса и В. Вулф) [Текст]: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Татару Людмила Владимировна; Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2009. – 419 с.
- Флоренский, 2000 – Флоренский, П. А. Обратная перспектива [Текст] / П. А. Флоренский // Священник Павел Флоренский. Соч. в 4-х тт. – Т. 3 (1). – М.: Мысль, 2000. – С. 46–98.
- Шендерович, 2014 – Шендерович, В. Путин и девочка на коньках [Электронный ресурс] / В. Шендерович. – 2014. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/blog/shenderovich/1255508-echo/> (режим доступа свободный).
- Comuzzi, 2012/2014 – Comuzzi, L. Lyric Poetry as a Narrative Speech Genre: On the dialogue between genre theory and cognitive science [Electronic resource] / L. Comuzzi // Amsterdam International Electronic Journal for Cultural Narratology (AJCN). – 2012/2014. – N 7–8. – URL: http://cf.hum.uva.nl/narratology/issue/7/a12_Ludmila_Comuzzi.html (дата обращения: 25.07.2019).
- Jones, 2019 – Jones, A. NFL faces national protest [Electronic resource] / A. Jones // INFOWARS. – 2013. – URL: <http://www.infowars.com/nfl-faces-national-protest/> (дата обращения: 10.07.2019).
- Winkler, 2019 – Winkler, A. Gun nuts find a new target: The NFL [Electronic resource] / A. Winkler // The New Republic. – 2013. – URL: <http://www.newrepublic.com/article/115834/nfl-bans-gun-ad-two-americas-favorite-things-go-war> (дата обращения: 15.07.2019).

References

- Barthes, R. (1994). Mif segodnya [Myth today]. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected papers: Semiotics. Poetics] (pp. 72–130). Moscow : Progress Press, Univers Press.
- Bakhtin, M. M. (1986). K filosofii postupka [On the philosophy of a deed]. *Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki* [Philosophy and sociology of science and technology]: A yearbook, 1984–1985 (pp. 80–160). Moscow : Nauka Press.
- Buber, M. (1993). Ya i Ty [I and Thou]. Translated from German by Yu. S. Terent'ev and N. Fayngol'ts, afterword by P. S. Gurevich. Moscow : Vysshaya shkola. (First published in 1923 in German).
- Bubnova, I. A. (2015). Evolyuciya russkoy yazykovoy lichnosti [Evolution of the Russian language personality]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie* [Vestnik of Moscow City Teacher Training University. Series: Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], 3 (19), 34–41.
- Borisova, E. G. (2016). Leksicheskaya nominatsiya v informatsionnykh voynakh [Lexical nomination in information wars]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie* [Vestnik of Moscow City Teacher Training University. Series: Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], 1 (21), 61–65.
- Viktoruk, E. N., Kruglov, Yu. V., Sobolev, Yu. V. (2009). *Repressivnaya poetika kak fenomen kul'tury* [Repressive poetics as a phenomenon of culture]. Krasnoyarsk : Siberian State Technological University Press.
- Gadamer, H.-G. (1988). *Istina i metod: osnovi filosofskoy germeneytiki* [Truth and method: The concept of philosophical hermeneutics]. Translated from German (pp. 5–36). Moscow : Progress Press.
- Kovaleva, L. M. (Ed.). (2009). *Kognitivnye kategorii v sintaksise* [Cognitive categories in syntax]. Irkutsk : Irkutsk State Linguistic University Press.
- Sobolev, Yu. V. (2008). *Repressivnaya poetika kak fenomen kul'tury* [Repressive poetics as a phenomenon of culture]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Omsk: Siberian State Technological University.
- Tataru, L. V. (2009). Tochka zreniya i ritm kompozitsii narrativnogo teksta (na materiale proizvedeniy Dzh. Dzhoyisa i V. Vulf) [Point of view and rhythm of composition in a narrative (Drawing from an analysis of works by J. Joyce and V. Wolf)]. Doctoral in Philological sci. diss. Saratov: Saratov State University.
- Florensky, P. A. (2000). Obratnaya perspektiva [Reverse perspective]. *Svyashchennik Pavel Florensky. Soch. V 4-kh tt.* [Priest Pavel Florenskiy. Essays in 4 volumes]. (Vol. 3 (1), pp. 46–98). Moscow : Mysl' Press.
- Shenderovich, V. (2014). *Putin i devochka na kon'kakh* [Putin and the girl on skates]. Retrieved July 30, 2019 from <<https://echo.msk.ru/blog/shenderovich/1255508-echo/>>.
- Comuzzi, L. (2012 / 2014). Lyric Poetry as a Narrative Speech Genre: On the dialogue between genre theory and cognitive science. *Amsterdam International Electronic Journal for Cultural Narratology* (AJCN), 7–8. Retrieved July 25, 2019 from <http://cf.hum.uva.nl/narratology/issue/7/a12_Ludmila_Comuzzi.html>.
- Jones, A. (2013). NFL faces national protest. *INFOWARS*. Retrieved July 10, 2019 from <<http://www.infowars.com/nfl-faces-national-protest/>>.
- Winkler, A. (2013). Gun nuts find a new target: The NFL. *The New Republic*. Retrieved July 15, 2019 from <<http://www.newrepublic.com/article/115834/nfl-bans-gun-ad-two-americas-favorite-things-go-war>>.

УДК 811.111'36 + 811.111'37

UDC 811.111'36 + 811.111'37

Ekaterina S. Chiglintseva
Ural Federal University
Ekaterinburg, Russian Federation
Чиглинцева Екатерина Сергеевна
Уральский федеральный университет
г. Екатеринбург, Российская Федерация
ekaterina.ch@bk.ru

ON POLYFUNCTIONALITY OF THE ENGLISH CONNECTIVE *AS* **О ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ АНГЛИЙСКОГО СОЮЗА *AS***

Abstract

The paper studies the polyfunctionality of the English connective *as*, “connective” being used with reference to a clause linkage device (or conjunction). In Modern English, the item in question functions as a coordinating conjunction and subordinating conjunction of comparison, manner, time, cause, purpose, condition, concession. Thus, the paper aims to bring to light some of the problems connected with the semantic and pragmatic ambiguity of the connective *as* as well as give a brief pragmatic account of the diachronic development of its meanings using the framework of relevance theory, subjectification theory and the invited inference theory of semantic change. The analysis is conducted using the data from modern British fiction and scientific prose as well as from Old, Middle and Early Modern English. Using various tests, the author shows that the aforementioned meanings of *as* are cases of semantic polysemy. There is also evidence suggesting that causal *as* is a pragmatically ambiguous item (the ambiguity exists between the epistemic and speech act domains).

Аннотация

Статья посвящена полифункциональности английского союза *as*. Данная лексическая единица может функционировать как сочинительный и подчинительный союз (сравнения, образа действия, времени, причины, цели, условия, уступки). Цель работы – обозначить некоторые проблемы, связанные с семантической и прагматической неоднозначностью данного союза, а также дать краткую характеристику диachронического развития его значений в свете теорий релевантности, субъективации, а также модели развития значений слов, связанной с когнитивным механизмом инференции. Материалом для анализа послужили тексты современной британской художественной и научно-популярной прозы, а также примеры из древнеанглийского, среднеанглийского и ранненовоанглийского. Используя существующие тесты и методики, автор показывает, что значения союза *as* являются случаем семантической полисемии. *As* в функции союза причины демонстрирует прагматическую полисемию (эпистемические отношения и отношения, объясняющие совершение речевого акта).

Keywords: conjunction *as*, polysemy, semantic and pragmatic ambiguity, subjectification, relevance theory.

Ключевые слова: *as*, полисемия, союз, субъективация, теория релевантности.

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_2_159_168

1. Introduction

The paper studies the English connective *as* and its polyfunctional character, polyfunctionality being understood as “the range of meanings and values an item exhibits solely in its function as adverbial subordinator” [Kortman, 1997, p. 89]. The term “connective” is used with reference to a clause linkage device (or conjunction). There have been a number of studies investigating various English connectives, such as *while*, *because*,

since, etc. which focused on their semantic and pragmatic ambiguity (e.g. [Traugott, 1999, 2012; Molencki, 2007; González-Cruz, 2007; Lenker, 2007; Smirnova, 2012; Chen, 2000]). However, the conjunction *as* seems to have been only briefly mentioned in special studies. Thus, the main aim of this paper is to discuss some of the problems concerning semantic and pragmatic ambiguity of the connective, which will be illustrated using examples from modern British fiction and scientific prose. The study has implications for theoretical description of this lexical item, its lexicographic representation, the disambiguation of its meanings in verbal communication and teaching English as a foreign language.

The term “polysemy” was introduced for the first time by Bréal [Bréal, 1924 (1897)] but scholars have always tried to understand why and how meanings are multiplied. For instance, B. Nerlich and D. Clarke write that “there always is and always will be a discrepancy, a fundamental incongruence, between the supply of words and our communicative demands. Even the fact that most words have several meanings from which one can choose does not overcome that problem. There are always occasions when one wants to say something new, interesting, subjective, which has never been said before” [Nerlich, Clarke, 2001, p. 6]. In order to do that there are two main instruments in languages: metaphor and metonymy. Another explanation is that polysemy could be motivated by the “economy of expression” and effort-saving. Nerlich and Clarke also point out and criticize the fact that polysemy is often studied in an isolated way, as a “phenomenon of the dictionary”. However, the most effective way to explore the phenomenon is to consider it as something “alive” or inseparable from communication [Nerlich, Clarke, 2001, p. 3]. This brings us to the question of *how* meanings are multiplied. The most plausible explanation can be found within the framework of pragmatics, in particular, using the invited inference theory of semantic change, relevance theory, and the theory of subjectification, which will be addressed in the following sections.

There is also a commonly held view that communication generally limits all the meanings of a polysemous word to just one. However, there are a lot of examples that challenge this view, and *as* is a very illustrative one. There is a fine line between some of its meanings, even in context, which will also be discussed in this paper.

As has been stated above, the connective *as* is a semantically and pragmatically ambiguous item, therefore we shall finish this section with a brief outline of its meanings and functions as they are presented in popular dictionaries:

1) coordinating conjunction *as well as* (*The organization gives help and support to people in need, as well as raising money for local charities*),

2) subordinating conjunction expressing: comparison (*Helen comes to visit me as often as she can*), manner (*You treat him as if he were your servant*), time (*As she grew older she gained in confidence*), cause (*She may need some help as she's new*), condition (*You can go out to play as long as you stay in the back yard*), concession (*Try as she might, Sue couldn't get the door open*), purpose (*We went early so as to get good seats*), comments or additional information about something (*As I explained on the phone, your request will be considered at the next meeting*).

2. Remarks on the diachronic development: a pragmatic account

Etymological study allows the hypothesis that comparison expressing similarity or equality is the first and basic meaning of the word *as*. It is an amalgamated compound which derives from *ealswa*, where *eal* is the ancestor of *all*, while *swa* is the ancestor of *so*. Hence, the meaning “being altogether alike” [Fónagy, 1978, p. 116; Algeo, 2010, p. 229].

M. Bruce in his book *A Guide to Old English* identifies four main uses of the connective:

1. In indefinite combinations (e.g. in clauses of place *swā wīde swā / as widely as*; in clauses of time: *swā lange swā / as long as*; *sōna swā / as soon as*). It is worth noting that in its spatial and temporal readings the meaning of comparison is evident.

2. With the superlative e.g. *swa hie selest mihton / as well as they could, as best they could*.

3. In clauses of comparison (*swā / as*; *swā swā / as, just as, such as*; *swā ... swā / so... as, as ... so*).

4. Other uses (*swā* + the subjunctive form meaning *as if*; *swā* can also be translated as *because* or *so that*).

Let us illustrate the uses with some examples:

(1) *Hu seo prag gewat, genap under nihthelm, swa heo no wære (95 – 96) / How that time has passed away, dark under the cover of night, as if it had never been!* (The Wanderer) [Bruce, 1992, p. 274].

(2) *Oft he gar forlet, wælspere windan on þa wicingas, swa he on þam folce fyrrest eode, heow and hiende, oðþæt he on hilde gecrang (321 – 324) / Often he let a spear, a deadly spear, fly into the vikings, as he went foremost in the host, hacked and brought down (enemies), until he fell in battle* (The Battle of Maldon) [Diamond, 1970, p. 136–137].

In (2) *swa* can be considered to be a temporal connective (*when* he went foremost...). However, the meaning of degree or proportion is present, which makes it possible to categorize it as a comparison/similarity connective as well [Quirk, 1985, p. 1111]. As M. Bruce notes, “frequently it is a rather characterless connective, shading into concession, result, or manner, as the case may be, and, with the negative, corresponding to Modern English without, not being” [Bruce, 1992, p. 84–85]. It is possible to say that the meanings of reason, result, time or concession existed, but were not yet firmly established. In the subsequent centuries, they became more routinely used.

In Middle English *as* was often used to introduce important quotations from the Bible or quotations of famous theologians:

(3) *For as Seynt Austen seyth, befor or Criste was borne, the worlde was full of derknes of dedely synne / For as Saint Augustine says, before Christ was born, the world was full of darkness and deadly sin* [Kohnen, 2007, p. 297].

In (3) the speaker compares what was written or said by somebody with their own words or thoughts and establishes similarity. In this period, it is also possible to find it as a temporal (4) and causal (5) connective:

(4) *Bifil that in that seson on a day, In Southwerk at the Tabard as I lay Redy to wenden on my pilgrimage / It happened that in that season on one day, In Southwark at the Tabard Inn as I lay Ready to go on my pilgrimage* (Chaucer).

(5) *And swoor his ooth, as he was trewe knyght, He wolde doon so ferforthly his might Upon the tiraunt Creon hem to wreke / And swore his oath, that as he was true knight, He would put forth so thoroughly his might Against the tyrant Creon* (Chaucer).

By the 17th century, the concessive meaning had been firmly established (6) and by the 18th century – the conditional meaning (7):

(6) *But, wretched as he is, he strives in vain; What he breathes out his breath drinks up again* [Shakespeare, 1966, p. 1103].

(7) *With drinking healths to my niece, I'll drink to her **as long as** there is a passage in my throat and drink in Illyria* [Shakespeare, 1966, p. 300].

Comparison as the first and basic meaning must have given rise to such uses as a manner connective, a commenting device and a temporal connective. The latter seems to have led to the development of the so called C-readings (cause, condition, concession, contrast). As Kortmann suggests, adverbial subordinators generally acquire C-senses later than locative, modal, or temporal ones [Kortmann, 1997, p. 347]. The chronological order presented here is supported by data from several etymological dictionaries and textbooks [Online Etymology Dictionary ; Ilyish, 1973 ; Bruce, 1992 ; Kohnen, 2007]. The processes and mechanisms that underlie these developments can be explained using a pragmatic approach. Let us start with quoting P. Grice: “it may not be impossible for what starts life, so to speak, as a conversational implicature to become conventionalized” [Grice, 1989, p. 39]. This idea was further developed in E. Traugott’s works. She argues that semantic changes described above are the result of the conventionalization of pragmatic inferences. In the course of time, a pragmatic inference may conventionalize and become part of the semantics of an item. Thus, communication is similar to mind-reading: the hearer needs to uncover the intention of the speaker by an inferential process. Consequently, what is considered to be a merely pragmatic “shade” of meaning at some point in time may become firmly established as its independent semantic value later. Traugott also writes that subjectification and intersubjectification can accompany the developments, which means that senses generally develop from more concrete toward more abstract, from meanings “based in the sociophysical world” to meanings “based in the speaker’s mental attitude” [Traugott, 1989, p. 46]. As a result, ambiguity that exists in the language “injects” it with subjectivity and helps “to reappropriate the language we use as a shared, inter-subjective system” [Nerlich, Clarke, 2001, p. 14].

The process of constructing inferences and hypotheses about speaker-intended meanings can be studied with reference to the relevance theory. According to D. Sperber and D. Wilson, the search for relevance is a basic feature of human cognition. The utterance is “relevant to the individual when it connects to background information to yield conclusions that matter to him: say, by answering a question he had in mind, improving his knowledge on a certain topic, settling a doubt, confirming a suspicion, or correcting a mistaken impression. According to the relevance theory, an input is relevant to an individual when its processing in a context of available assumptions yields a positive cognitive effect. A positive cognitive effect is a worthwhile difference to the individual’s representation of the world: a true conclusion, for example. False conclusions are not worth having; they are cognitive effects, but not positive ones.” It is stated that the greater the required processing effort, the less relevant the input. On the contrary, the less processing effort required, the more relevant the utterance [Wilson, Sperber, 2006 p. 608–609]. Thus, in some situations of communication certain inferences may be quite relevant and they are perceived as intended meanings of the interlocutor. The search for relevance is also connected with activating different mental schemas and encyclopedic knowledge of the world [Blochowiak et al., 2016, p. 4–5]. For instance, we all have mental schemas about causes and results, causes and consequences, we know that what happened earlier in time can be interpreted as the cause for something that happened later. This inference or hypothesis about causality may prove to be quite relevant for a particular situation, which then leads to the causal reading being conventionalized. Let us consider the following example from Modern English:

(8) ***As** their diameters narrowed to below 250 nanometres, the fibres became tougher and so were less prone to fracture, but did not lose their strength* [Nature, 2013, p. 284].

The reader can make an assumption or infer that the reason for the fibres becoming tougher and less prone to fracture (which probably happened earlier in time) is that their diameters narrowed.

Another set of examples can illustrate the mechanism of inferencing and conventionalization in the history of English. The expression *swa lange swa* (*so / as long as*) was used in Old English solely in its temporal sense:

(9) *wring þurh linenne clað on þæt eage swa lange swa him ðearf sy / squeeze (the medication) through a linen cloth into the eye as long as he needs* (Lacnunga) [Traugott, 2012, p. 555–556].

The reader is advised to squeeze the medicine as long as it is needed. Obviously, it is implied that you should use this treatment only if there is such a necessity. In this case, the speaker is encouraging the hearer to infer the meaning of condition. In the course of time, the conditional reading became more prominent, but ambiguity was still present as in (10). In the 18th century the conditional reading became fully conventionalized, which means that it was the only possible reading (11):

(10) *With drinking healths to my niece, I'll drink to her as long as there is a passage in my throat and drink in Illyria* [Shakespeare, 1966, p. 300].

(11) *I heard Ann Wright say ... Chapman had stole Davis's watch; she asked Davis to go and see for it; Davis answered, he did not mind the watch, so long as he escaped with his life* (Trial of William Chapman) [Traugott, 2012, p. 556].

C. Breul writes about “false hypothesis” during the process of pragmatic inferencing. He believes that it is children (language users who have not yet completed language acquisition) who are responsible for “the diachronic detachment of a formerly implicated meaning from the linguistically encoded meaning”. They do not have yet fixed denotations for clausal connectives in their mental lexicon. If an implicated meaning is more relevant in a particular situation for a child, then the child may falsely hypothesize that the implied meaning is the denotational one and it may then be fixed in the language [Breul, 2007, p. 178–179].

3. Semantic polysemy vs. pragmatic polysemy

The problem that the author will address in this section is whether we should regard the aforementioned meanings as “independent” (semantic polysemy) or as instances of pragmatic polysemy. Kortmann proposes two major criteria that help to identify cases of semantic polysemy: 1) divergent syntactic constraints 2) “semantic uniqueness” or “one meaning to the exclusion of any other” (in a particular context only one reading is possible) [Kortmann, 1997, p. 90–91]. According to the criteria, *as* does not fully qualify for the case of semantic polysemy because it does not display various syntactic options; we can only note that in its concessive reading it can be placed immediately after a fronted nominal or adjectival complement of the clause (*Happy as they were, there was still something missing*). As for semantic uniqueness, there are a lot of ambiguous examples that can be treated in various ways:

1. Causal and temporal: *Now, standing at the railing as the town came into clearer view, she began to understand the point of travel* [Nicholls, 2009] (She began to understand the point of travel, *because* the town came into clearer view or *when* the town came into clearer view?).

2. Causal and conditional: *As long as we are here, why don't we discuss our plans?* (*Since* we are here... or *If* we are here...).

3. Similarity and manner: *And while you're there, in deepest black, you don't behave as you usually would* [Hawkins, 2015] (You don't behave in the similar way as you usually would).

In these cases “cause” or “condition” or other meanings can be treated as enrichments or extra shades that may seem stronger for some speakers, while for others just one sense may be completely sufficient. These “shades” are not usually listed in dictionaries as separate entries.

For instance, the connective *after* which has its basic meaning of anteriority, in some examples may amount to cause (*After we read your novel we felt greatly inspired*), which depends on the subjective interpretation of the speaker. The only meaning of *after* that is listed in dictionaries is the temporal one, which also supports the idea of purely pragmatic ambiguity (the term pragmatic ambiguity is taken from L. Horn (1985)) [Kortmann, 1997, p. 91]. The case of *as* is not quite the same because most popular dictionaries list the range of its meanings mentioned in the introduction, thus allowing to say that they are cases of semantic polysemy.

Nevertheless, pragmatic ambiguity could be present within an independent semantic meaning. The hypothesis was brought about by Sweetser's research [Sweetser, 1990] exploring such connectives as *because* and *although* and establishing three domains in the usage of these causal and concessive connectives: content, epistemic and conversational or speech act. The content domain has to do with real-world causalities, the epistemic domain concerns the speaker's grounds for making the assertion in the main clause, the speech-act domain gives the cause (motivation) of the speech act embodied in the main clause [Sweetser, 1990, p. 76–77]. Some scholars argue that epistemic and speech act uses behave in very similar ways and that is why the distinction is made only between truth-conditional meaning and use-conditional one [Kroeger, 2018, p. 334]. R. Quirk distinguishes between direct and indirect reason. In the former case, there is a direct reason relationship between the reason clause and the matrix clause. In the latter case, the reason is not related to the situation in the matrix clause but is a motivation for the implicit speech act of the utterance [Quirk, 1985, p. 1104].

The hypothesis of this paper is that the same interpretation can be applied to the causal *as*. On the one hand, it seems possible to find examples that fit this distinction. The following examples can be used to illustrate that.

The content domain:

(12) *As their diameters narrowed to below 250 nanometres, the fibres became tougher and so were less prone to fracture, but did not lose their strength* [Nature, 2013, p. 284].

(13) *Roxster and I were able, unusually, to have breakfast together today, as Chloe the nanny was taking them to school* [Fielding, 2013].

The epistemic domain (these sentences often contain such modal verbs of deduction as *must/may/might*, etc or such adverbs as *clearly, obviously, apparently*, etc):

(14) *Was trying to park car. This is impossible in our street as is narrow, curved and cars park on both sides* [Fielding, 2013] (The fact that the street is narrow and *curves* causes my conclusion that it is impossible to park my car).

(15) *The clown was clearly bored as Mabel and Billy were the only grandchildren under the age of thirty-five, apart from a couple of great-grandchildren, who were babies* [Fielding, 2013] (The fact that Mabel and Billy were the only grandchildren under the age of thirty-five, apart from a couple of great-grandchildren, who were babies caused my conclusion that the clown was bored).

The speech act domain:

(16) *As you're in charge, where are the files on the new project?* [Quirk, 1985, p. 1104] (I am asking you where the files are and the reason for my asking is that you are in charge).

(17) *How could I possibly handle Mum, Una and the kids, with no help as Chloe was going on a t'ai chi retreat to Goa with Graham?* [Fielding, 2013] (I am asking how I could handle Mum, Una and the kids, and the reason for my asking is that Chloe was going on a t'ai chi retreat to Goa with Graham and I would be left with no help).

A survey of literature on the subject showed controversy as to the issue whether the lexical item in question can be used in the content domain or not. For example, U. Lenker points out that in Modern English *because* may be employed in all three functions, while other conjunctions are more restricted in their use: *since* and *as* are internal “explanation causals”, which means that distinction can be made only between epistemic and speech act uses [Lenker, 2007, p. 198]. However, other researchers state that *as* can be used to express a direct / real reason relationship between the clauses of a sentence [Petrenko, 2000, p. 114].

There are tests or criteria that could help to distinguish between the content domain on the one hand and the epistemic and speech act domains on the other hand [Quirk, 1985, p. 1070–1071; Kroeger, 2018, p. 333–338]:

1. The presence of pause or “comma intonation” between the two clauses (the pause is optional when we deal with content domain uses, but obligatory with other uses; if the pause is omitted, the sentences can only be interpreted as expressing real-world causality).

2. Questionability (the use of yes-no questions or Why-questions): when content domain uses occur as part of a yes / no question, the causal relationship itself is part of what is being questioned; with other uses, the causal relationship is not questioned; the interrogative force is restricted to the main clause; why-questions can be applied only to the content domain uses).

3. Capacity for being negated (if we speak about the content use, then negation takes scope over the whole sentence and it is restricted to the main one in the case of epistemic and speech act uses).

4. Capacity for being embedded within conditional clauses (content domain uses can be embedded within conditional clauses, and this is impossible with epistemic or speech act uses).

5. Capacity for being used as the focus of a cleft sentence (it is possible only with the content domain uses).

6. Capacity for being focused using subjuncts like *only*, *just*, *simply*, and *mainly* (it is valid only for content domain uses).

If we apply the tests suggested above, we get sentences that sound bizarre and are not possible in Modern English, e.g.:

* *It is as their diameters narrowed to below 250 nanometres that the fibres became tougher and so were less prone to fracture, but did not lose their strength.*

* *Did the fibres become tougher and so were less prone to fracture as their diameters narrowed to below 250 nanometres or as some other factors played their role? (English does not allow a sentence like that, however, it is the causal relationship which is being questioned here).*

* *The fibres became tougher and so were less prone to fracture, but did not lose their strength only as their diameters narrowed to below 250 nanometres.*

* *Why did the fibres become tougher and so were less prone to fracture? As their diameters narrowed to below 250 nanometres.*

All in all, there is evidence suggesting that causal *as* is pragmatically ambiguous but the ambiguity exists between the epistemic and speech act domains. These peculiarities of use

and restrictions of use are not reflected in dictionaries. The majority of definitions read: “used to state the reason for something”, “used for giving the reason for something”, “used to state why a particular situation exists or why someone does something” or “because, since”. It implies that lexicographers should probably adopt a more detailed and use-oriented approach to connectives in general.

4. Conclusion

In this paper I have presented a brief outline of some of the problems connected with the semantic and pragmatic aspects of the polysemous connective *as*: the disambiguation of its senses, the borderline between semantic and pragmatic ambiguity, the development of new meanings within the framework of inference-based approach. First, it was found that as early as the Old English period the connective *as* displayed a high degree of polyfunctionality, although comparison (expressing similarity or equality) can be considered its first and basic meaning. It must have given rise to such uses as a manner connective, a commenting device and a temporal conjunction. The latter seems to have led to the development of the so called C-readings (cause, condition, concession, contrast). Another finding was connected with the mechanisms that underlie these developments, namely, the conventionalization of pragmatic inferences which may have relevance in certain situations of communication and later become part of the semantics of lexical items. The development of new meanings is also accompanied by the process of subjectification (from more concrete toward more abstract, from meanings based in the real world to meanings based in the speaker’s mind). Finally, the various senses of *as* are more likely to be cases of semantic polysemy rather than pragmatic ambiguity, although pragmatic ambiguity may exist within an independent semantic meaning (e.g. causal *as*). Further research can be focused on giving a more detailed diachronic account of sense development and exploring frequency of its use in different functions (including the preposition *as*) in Modern English using corpus data.

References

- Algeo, J. (2010). *The Origins and Development of the English Language: Sixth Edition*. Wadsworth, Cengage Learning.
- Blochowiak, J., Castelain, T., Moeschler, J. (2016). Logical, temporal and causal interpretations of conjunction. An experimental approach. *Papers dedicated to Anne Reboul*. Retrieved June, 30 2019 from <http://reboul.isc.cnrs.fr/Blochowiaket.pdf>
- Breul, C. (2007). A relevance-theoretic view on issues in the history of clausal connectives. In U. Lenker and A. Meurman-Solin (eds.) *Connectives in the History of English* (pp. 167–192). John Benjamins Publishing.
- Bruce, M. (1992). *A Guide to Old English*. Blackwell.
- Chaucer, G. *The Canterbury Tales*. Retrieved June, 30 2019 from <http://www.librarius.com/cantales.htm>
- Diamond, R. (1970). *Old English Grammar and Reader*. Wayne State University Press.
- Fielding, H. (2014). *Bridget Jones: Mad About the Boy*. Vintage; Reprint edition.
- Fónagy, I. (1978). The Languages Within Language: Toward a Paleontological Approach of Verbal Communication. In W. McCormack, S. A. Wurm (eds.) *Approaches to Language : Anthropological Issues* (pp. 79 – 134). Mouton Publishers.
- Hawkins, P. (2016). *The Girl on the Train*. Riverhead Books; Reprint edition.
- Ilyish, B. (1973). *History of the English Language*. L. :Prosveschenie.
- Kohnen, T. (2007). ‘Connective profiles’ in the history of English texts. Aspects of orality and literacy. In U. Lenker and A. Meurman-Solin (eds.) *Connectives in the History of English* (pp. 289 – 306) John Benjamins Publishing.
- Kortmann, B. (1997). *Adverbial Subordination: A Typology and History of Adverbial Subordinators Based on European Languages* (Empirical Approaches to Language Typology). Berlin : Mouton de Gruyter.

- Kroeger, P. (2018). *Analyzing meaning: An introduction to semantics and pragmatics*. Berlin : Language Science Press.
- Lenker, U. (2007). Forhwi 'because': Shifting deictics in the history of English causal connection. In U. Lenker and A. Meurman-Solin (eds.) *Connectives in the History of English* (pp. 193 – 228) John Benjamins Publishing.
- Nature*. Vol. 495. No. 7441 (2013) Nature Publishing Group.
- Nerlich, B., Clarke D. (2001). Ambiguities we live by: towards a pragmatics of polysemy. *Journal of Pragmatics* 33 : 1-20.
- Nicholls, D. (2009). *One Day*. Hodder and Stoughton.
- Online Etymology Dictionary: <https://www.etymonline.com/>
- Petrenko, S. (2000). *Sopostavitel'noe opisanie kauzal'nykh soyuzov angliyskogo i russkogo yazykov* [A Comparative Description of Russian and English Causal Conjunctions]. PhD in Philological sci. diss. Pyatigorsk: Pyatigorsk State Linguistic University.
- Quirk, R. (1985). *A Comprehensive Grammar of the English Language*. Longman Group Limited.
- Shakespeare, W. (1966). *Complete Works*. Oxford University Press.
- Sweetser, E. (1990). *From Etymology to Pragmatics: Metaphorical and Cultural Aspects of Semantic Structure*. Cambridge University Press.
- Traugott, E. C. (1989). On the Rise of Epistemic Meanings in English: an Example of Subjectification in Semantic Change. *Language* 65: 31–55.
- Traugott, E. C. (2012). Pragmatics and Language Change. In K. Allan and K. Jaszczolt (eds.) *The Cambridge Handbook of Pragmatics* (pp. 549 – 566). Cambridge University Press.
- Wilson, D.; Sperber, D. (2006). Relevance Theory. In L. R Horn and G. L. Ward (eds.) *The Handbook of Pragmatics* (pp. 607–632). Malden, MA : Blackwell Publishing.

Список литературы

- Ильиш, 1973 – Ильиш, Б. А. История английского языка = History of the English language : на английском языке: Учеб. для студ. фак. иностр. яз. пед. ин-тов по спец. 2103 "Иностр. яз." [Текст] / Б. А. Ильиш. – Л. : Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1973. – 351 с.
- Петренко, 2000 – Петренко, С. А. Сопоставительное описание каузальных союзов английского и русского языков [Текст] : дис. ... канд. филол. наук 10.02.20 / Петренко Светлана Анатольевна ; Пятигорский гос. лингвистический ун-т. – Пятигорск, 2000. – 195 с.
- Algeo, 2010 – Algeo, J. The Origins and Development of the English Language: Sixth Edition [Text] / J. Algeo. – Wadsworth, Cengage Learning, 2010. – 347 p.
- Blochowiak, 2016 – Blochowiak, J. Logical, temporal and causal interpretations of conjunction. An experimental approach [Electronic Resource] / J. Blochowiak, T. Castelain, J. Moeschler // Papers dedicated to Anne Reboul. – 2016. – URL: <http://reboul.isc.cnrs.fr/Blochowiaketal.pdf> (дата обращения 30.06.2019).
- Breul, 2007 – Breul, C. A relevance-theoretic view on issues in the history of clausal connectives [Text] / C. Breul // Connectives in the History of English / Eds. U. Lenker, A. Meurman-Solin. – John Benjamins Publishing, 2007. – P. 167–192.
- Bruce, 1992 – Bruce, M. A Guide to Old English [Text] / M. Bruce. – Blackwell, 1992.–376 p.
- Chaucer, 2019 – Chaucer, G. The Canterbury Tales [Electronic Resource] / G. Chaucer. – URL: <http://www.librarius.com/cantales.htm> (дата обращения 30.06.2019).
- Diamond, 1970 – Diamond, R. Old English Grammar and Reader [Text] / R. Diamond. – Wayne State University Press, 1970. – 304 p.
- Fielding, 2014 – Fielding, H. Bridget Jones: Mad About the Boy [Text] / H. Fielding. – Vintage; Reprint edition, 2014. – 478 p.
- Fónagy, 1978 – Fónagy, I. The Languages Within Language: Toward a Paleontological Approach of Verbal Communication [Text] / I. Fónagy. // Approaches to Language: Anthropological Issues / Eds. W. McCormack, S. A. Wurm. – Mouton Publishers, 1978. – P. 79–134.
- Hawkins, 2016 – Hawkins, P. The Girl on the Train [Text] / P. Hawkins. – Riverhead Books; Reprint edition, 2016. – 416 p.

- Kohnen, 2007 – Kohnen, T. ‘Connective profiles’ in the history of English texts. Aspects of orality and literacy [Text] / T. Kohnen // *Connectives in the History of English* / Eds. U. Lenker, A. Meurman-Solin. – John Benjamins Publishing, 2007. – P. 289–306.
- Kortmann, 1997 – Kortmann, B. *Adverbial Subordination: A Typology and History of Adverbial Subordinators Based on European Languages (Empirical Approaches to Language Typology)* [Text] / B. Kortmann. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1997. – 425 p.
- Kroeger, 2018 – Kroeger, P. *Analyzing meaning: An introduction to semantics and pragmatics* [Text] / P. Kroeger. – Berlin : Language Science Press, 2018. – 502 p.
- Lenker, 2007 – Lenker, U. Forhwi ‘because’: Shifting deictics in the history of English causal connection [Text] / U. Lenker // *Connectives in the History of English* / Eds. U. Lenker, A. Meurman-Solin. – John Benjamins Publishing, 2007. – P. 193–228.
- Nature, 2013 – Nature [Text]. – 2013. – Vol. 495. – No. 7441. Nature Publishing Group.
- Nerlich, Clarke, 2001 – Nerlich, B., Clarke D. Ambiguities we live by: towards a pragmatics of polysemy [Text] / B. Nerlich, D. Clarke // *Journal of Pragmatics*. – 2001. – 33. – P. 1–20.
- Nicholls, 2009 – Nicholls, D. *One Day* [Text] / D. Nicholls. – Hodder and Stoughton, 2009. – 437 p.
- Online Etymology Dictionary, 2019 – Online Etymology Dictionary [Electronic Resource]. – URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения 30.06.2019).
- Quirk, 1985 – Quirk, R. *A Comprehensive Grammar of the English Language* [Text] / R. Quirk. – Longman Group Limited, 1985. – 1779 p.
- Shakespeare, 1966 – Shakespeare, W. *Complete Works* [Text] / W. Shakespeare. – Oxford University Press, 1966.
- Sweetser, 1990 – Sweetser, E. *From Etymology to Pragmatics: Metaphorical and Cultural Aspects of Semantic Structure* [Text] / E. Sweetser. – Cambridge University Press, 1990. – 192 p.
- Traugott, 1989 – Traugott, E. C. On the Rise of Epistemic Meanings in English: an Example of Subjectification in Semantic Change [Text] / E. C. Traugott // *Language* – 1989. – 65. – P. 31–55.
- Traugott, 2012 – Traugott, E. C. *Pragmatics and Language Change* [Text] / E. C. Traugott // *The Cambridge Handbook of Pragmatics* / Eds. K. Allan, K. Jaszczolt. – Cambridge University Press, 2012. – P. 549–566.
- Wilson, Sperber, 2006 – Wilson, D., Sperber, D. *Relevance Theory* [Text] / D. Wilson, D. Sperber // *The Handbook of Pragmatics* / Eds. L. R Horn, G. L. Ward. – Malden, MA : Blackwell Publishing, 2006. – P. 607–632.

УДК 81'42

UDC 81'42

Шустова Светлана Викторовна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
Svetlana V. Shustova
Perm State University
Perm, Russian Federation
lanaschust@mail.ru

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ УГРОЗЫ В АСПЕКТЕ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ
LEXICAL MEANS OF ACTUALIZATION OF THE FUNCTIONAL-PRAGMATIC CATEGORY OF THREAT IN THE ASPECT OF VERBAL AGGRESSION

Аннотация

В предлагаемой статье рассматриваются вопросы актуализации речевой агрессии на лексическом уровне. В качестве ведущего средства выступает лексический каузатив. Анализ контекстов функционирования лексического каузатива позволяет выделить функционально-прагматические семантические категории угрозы и предостережения, которые соотносятся в аспекте актуализации интенции. Функционально-прагматические категории угрозы и предостережения автосемантически и представляют интерес для исследования конфликтной коммуникации. В фокусе внимания автора находятся и фразеологические средства русского и немецкого языков. Выявление и изучение средств реализации речевой агрессии рассматривается актуальным аспектом анализа речевого общения с позиций лингвистической прагматики, теории коммуникации, теории речевого воздействия. Анализ языковых средств реализации речевой агрессии является одним из необходимых этапов для перехода к изучению средств лингвотолерантности и снижению конфликтности.

Abstract

This article discusses the issues of actualization of speech aggression at the lexical level. The major means of actualization is lexical causative. The analysis of the contexts of the lexical causation functioning enables to distinguish functional-pragmatic semantic categories of threats and warnings which correlate in the aspect of the actualization of intention. Functional and pragmatic categories of threat and warning are auto-semantic and are of interest for the conflict communication studies. In the paper, the focus is made on the phraseological means of the Russian and German languages. The identification and study of speech aggression patterns is considered an actual aspect of the verbal communication analysis from the standpoint of linguistic pragmatics, the theory of communication, and the theory of speech exposure. The analysis of linguistic means of verbal aggression actualization is one of the necessary stages for the transition to the study of linguistic tolerance patterns and conflictogenicity reduction.

Ключевые слова: русский язык, немецкий язык, речевая агрессия, функционально-прагматическая категория, фразеология, «угроза».

Keywords: the Russian language, the German language, verbal aggression, functional-pragmatic category, phraseology, “threat”.

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_2_169_177

1. Введение

Актуальность предлагаемой работы определяется общелингвистическим интересом к проблемам коммуникации в аспекте речевой агрессии и факторам её обуславлива-

ющих. В частности, различные виды речевой угрозы упоминаются в коллективной монографии, посвящённой прагматике и семантике [Witczak-Plisiecka, 2010, p. 10, 12, 91, 93, 166]; разница между речевыми актами обещания и угрозы раскрывается на материале английского языка [Salgueiro, 2010]; косвенная реализация угрозы и предупреждения описывается на материале французского языка [Ерофеева, 2018], семантика речевого акта угрозы и его типы рассматриваются на материале русского языка [Баранов, 2014], языковое выражение акта угрозы изучено на материале большого корпуса разножанровых английских текстов [Жучков, 2010]. Между тем, к лексическому материалу немецкого языка при изучении прагматической категории угрозы практически не обращались, сопоставление с русским языком в этом плане не проводилось, что и стало мотивом для проведения настоящего исследования.

Комплексное изучение языковых средств реализации «угрозы» потребовало многоаспектности подхода, сочетающего анализ семантического потенциала единиц, контекстуальных условий, прагматических характеристик. Речевые акты, в которых реализуется функционально-прагматическая категория угрозы в аспекте речевой агрессии, представлены прямыми директивами. В них реализуются акты обвинения, упрёка, нападок, запугивания, унижения, уничижения, замечания, оскорбления, сопровождающиеся выражением сильных, ярких отрицательных эмоций (см., напр., [Арский, 2017, с. 174–181; Газизов, 2010, с. 7–12]. В побудительных предложениях также актуализируется признак волитивности – воля человека, не желающего видеть своего собеседника [Кравец, 2015, с. 29–39]. Агрессия несомненно содержится и в инвективных и порицающих речевых актах, относящихся к «инфлуктивам» [Трофимова, 2008, с. 216–348]. Ситуация актуализации угрозы может иметь следующий вид: каузатор оказывает воздействие на объект каузации с целью модификации его эмоционального состояния на отрицательное с интенцией вынудить объект каузации к выполнению или невыполнению какого-либо действия. В модель реализации данной ситуации включаются такие аспекты как оценочность, интенсивность, экспрессивность. Модель предполагает актуализацию эмотивно-каузативного категориального семантического комплекса, включающего эмотивно-оценочно-каузативный, эмотивно-интенсивно-каузативный эмотивно-экспрессивно-каузативный субкомплексы (см., напр., [Сюткина, 2018, с. 19–21]). Одним из ведущих средств реализации функционально-прагматической категории угрозы является лексический каузатив.

2. Речевой акт угрозы

2.1. Материал и методика исследования

В качестве материала послужили корпусные данные немецкого и русского языков (Национальный корпус русского языка, данные лаборатории корпусной лингвистики Лейпцигского университета), толковые, фразеологические, синонимические словари, исследовательские ресурсы, представляющие базу данных для поиска контекстов функционирования изучаемых каузативов. Общее количество единиц анализа – около 300. Для анализа языкового материала в статье используются гипотетико-индуктивный и гипотетико-дедуктивный методы, контекстный анализ, метод моделирования каузативной конфликтогенной ситуации.

2.2. Обсуждение результатов

Лексический каузатив как разряд глаголов речевого действия своим существованием обязан теории речевых актов. Глаголы речевого действия включаются в более широкий класс глаголов речи, которые содержат тот же тематический компонент, но актуализируют другую таксономическую категорию и, следовательно, другую концеп-

туальную структуру. К глаголам поля речи также относятся такие единицы как *шептать, бормотать, лепетать, мямлить, пришептывать, шепелявить, flüistern, zuflüistern, hauchen, munkeln, raunen, säuseln, tonlos sprechen, tuscheln, wispern, zischeln*, но данные глаголы не могут рассматриваться как глаголы речевого действия, поскольку их семантический потенциал не включает элемент интенциональности. Актуальным для них является инструментальность, а именно, способ осуществления действия.

Поскольку в изучение языковых средств реализации семантики «угрозы» вовлечено речевое действие, то доминирующим инструментом является способ как неопределённая форма инструментальности. Рассматриваемая в предлагаемой статье категория угрозы может быть реализована глаголом *угрожать*, который относится и к разряду обязательств (будущие действия каузатора), и к эмоциям (эмотивным каузативам в терминологии Н. П. Сюткиной [Сюткина, 2019]). Объект каузации может испытывать *страх, испуг, тревогу, ужас, опасение, панику, боязнь, опасность, фобию, беспокойство, встревоженность, обеспокоенность*. В том числе *угрожать* выступает в качестве действия-попытки воздействовать на волю объекта каузации и побудить его к выполнению или невыполнению действия, изменения или отсутствия изменения состояния. Классификационный признак речевого акта может быть определён лишь в контексте.

Деятельностная составляющая каузативной ситуации, моделируемой каузативом *угрожать* включает следующие смысловые компоненты: *убить, расправиться, взорвать (бомбу), применить (меры), покончить (с собой), сбросить (из окна), отказать (в согласовании), запретить (продажу), принять (решение), создать (препятствия), произвести (порчу оборудования), лишить (наследства), совершить (теракт), разместить (видеоролик), поджечь (квартиру), нанести (ядерный удар), бросить (меня), привлечь (к уголовной ответственности), сжечь (дом), подать (в суд), посадить (сына в тюрьму), отнять (ребёнка), застрелить (ЛС).*

Он угрожал уволить сотрудников милиции, а когда те не испугались, начал драться (ЛС).

Если его требования не выполнят, угрожал сжечь дом (ЛС).

Он угрожал подать на студию в суд, если ему не заплатят за использование фотографий (ЛС).

В процессе коммуникации под давлением определённых ситуаций, интенций и иллюзий функционально-прагматическая семантическая категория угрозы сближается с категорией предостережения. Категория предостережения отличается полифункциональностью и широким спектром прагматических значений, в том числе и проникающих в семантику угрозы или находящихся в непосредственной семантической близости от неё. Функционально-прагматические категории угрозы и предостережения автосемантически по своей природе и образуют интерактивную основу малоизученной сферы коммуникации – конфликтной и потенциально конфликтной коммуникации.

Речевой акт угрозы и частично речевой акт предостережения предполагают конфронтацию воли коммуникантов. В этом смысле угроза и предостережение способны, с одной стороны, экспансировать волю адресанта и, с другой стороны, подавлять волю адресата.

Указанные категории в актах реальной коммуникации могут семантически взаимно сближаться, отчуждаться и взаимопроникать друг в друга, то есть их границы чётко не очерчены.

Угроза – запугивание, обещание причинить кому-либо вред, зло (картаслов.ру). На парадигматическом уровне синонимический ряд к слову «угроза» представлен следующим образом: *предупреждение, предостережение, шантаж, запугивание, принуждение, устрашение, острастка, наказание, прещение (наказание, угроза, эпитимия,*

страх, застраивание). Ассоциативный ряд к слову «угроза» имеет следующий вид: *страх, опасность, жизнь, гроза, угрожать, шантаж, смерть, нападение, человек, война, убийство, бандит, грозить, боязнь, предупреждение, оружие, боль, нож, враг, испуг, пистолет, защита, полиция, преступник, удар, ужас, маньяк, зло, беда, риск, тревога, здоровье, наказание, вор, злость, грозный, слова, теракт, драка, пугать, убийца, запугивание, преступление, ссора, насилие, волнение, расправа, ненависть, терроризм, вред, крик, обида, плохо, пожар, авария, тюрьма, ураган, бояться, землетрясение, сила, взрыв, катастрофа, люди, бомба, месть, деньги, болезнь, большая, террорист, безопасность, выкуп, кровь, молния, опасно, паника, печаль, террор, страшно, агрессия, наводнение, выкидыш, бой, мама, убить, звонок, письмо, хулиган, криминал, ограбление, преследование, проблемы, угрызение, устрашение, опаска, оскал, ультиматум, заложник, метеорит, разбойник, козни, забастовка, наезд, нахальство, требование, комета, внимание, камнепад, рычание, кулачок, уклонист, упрёк, опасение, револьвер, власть, юрист, человечество, недруг, граната, госбезопасность, бег, суд, роза, атака, дождь, кулак.*

Со словом «угроза» ассоциируются фразы: *угроза жизни, угроза здоровью, угроза смерти, угроза выкидыша, большая угроза, скрытая угроза, страшная угроза, угроза для жизни, угроза войны, опасная угроза, сильная угроза* (картаслов.ру).

На синтагматическом уровне слова «угроза» имеет следующие определители: *потенциальная, нештучная, завуалированная, неприкрытая, невысказанная, скрытая, неотвратимая, оцутимая, непосредственная, явная, шутливая, реальная, смертельная, серьёзная, террористическая, мнимая, постоянная, растущая, мифическая, неясная, прямая, инопланетная, затаённая, неопределённая, исламская, отчётливая, возможная, смутная, нацистская, несомненная, ядерная, откровенная, внешняя, предполагаемая, нескрываемая, очевидная, немая, пустая, фашистская, страшная, злоеющая, неведомая, молчаливая, турецкая, глобальная, притворная, отдалённая, безмолвная, уловимая, персидская, сдержанная, большевистская, непонятная, действительная, видимая, биологическая, призрачная, неминуемая, военная, вечная, германская, неизвестная, ласковая, существенная, близкая, тихая, главная, невидимая, мрачная, немедленная, незримая, необъяснимая, атомная, глухая, оранжевая, конкретная, двойная, опасная, ужасная, подводная, подобная, физическая, внезапная, основная, любая, заметная, китайская, таинственная, особая, новая, настоящая, открытая, неожиданная, лёгкая, общая, тайная, воздушная* (картаслов.ру).

Функционально-прагматическая категория угрозы реализуется на вербальном уровне системой фразеологических средств, содержащих в своей структуре имена существительные, обозначающие части тела, например, *лицо, голова, губы, der Kopf, die Lippen, das Gesicht: kriegen – auf Fresse, auf Deckel, auf Mütze, in Fresse, aufs Maul, auf Schnauz, auf Nase, auf Rübe.*

“Ich halte lieber meinen Mund, weil ich nicht auf Maul kriegen will” (DWDS) – 'Я предпочитаю держать рот на замке, потому что не хочу получить по морде'.

Wir haben verdient, in die Fresse zu kriegen (DWDS) – 'Мы заслужили получить по морде'.

Семантический признак угрозы реализуется в высказывании в виде различных слов и словосочетаний с переносным значением, включающих указание на голову как объект нанесения удара. Выделяются следующие модели: *j-m auf die Haube / auf den Ballon / auf die Rübe / auf die Mütze (получить выговор / по шапке) / aufs Haupt / auf den Kopf / (auf) (über) den Schädel / auf die Birne / aufs Dach / auf den Deckel | geben; дать к-л по чепчику / баишке / баине / получить выговор / по шапке / макушке / по голове / по чепушке / в репу / по крыше / по крышке.*

Ich haue dir gleich ein paar auf die Schnauze (DWDS) – 'Я сейчас как дам в рыло'.
Ты ж, по сути, правонарушение предупредил, так сказать нашу работу сделал, а тебе – бац и по башке! А у нас не по башке бы, а благодарность, а то и премия! (Ngram).

Вечером, наверняка, тут можно отлично получить в репу (НКРЯ).

Получил импровизированный удар в репу ... (НКРЯ).

– Сейчас как дам в репу – предупреждал Чебыкин (НКРЯ).

Все получили по шапке, не без моего скромного участия (НКРЯ).

А с другой стороны, ты в любой момент мог получить по шапке и попасть туда, куда попасть не хочется (НКРЯ).

Ну, в дыню выписать и у меня не заржавеет. А давай-ка в самом деле угощу тебя в дыню напоследок (НКРЯ).

– Даст в дыню, вот и всё твоё моральное право (НКРЯ).

Усиление степени инвективизации высказывания можно продемонстрировать на примере синонимического ряда: *der Kopf – das Haupt* (выс.) – *der Schädel* (фам.) – *die Haube* (фам.) – *der Ballon* (фам.) – *das Dach* (сокращение от *Schäfeldach*, но грубее) – *der Deckel* (фам.) – *die Birne* (фам.) – *der Dez* (фам.) – *die Rübe* (груб.).

В высказываниях числительное *eins* (реже *etwas*) указывает на количественную характеристику предполагаемого действия – *der Schlag* – удар, элементы *gleich / jetzt* – на усиление: *Du kriegst (gleich / jetzt) (eins) auf die Haube!*; *Wenn uns jemand stört, kriegst er eins aufs Maul* (DWDS).

Существующие варианты включают вербальное представление физического воздействия на другие части тела: *j-m | den Bart putzen* *начистить морду / den Rost runtermachen – распекать, разносить / die Kolbe lausen – начистить нос*. В русском языке *распекать* имеет следующий синонимический ряд: *отчитывать, наказывать, бранить, ругать, честить, стыдить, попрекать, укорять, корить, пенять, критиковать, костерить, чихвостить, пропесочивать, разносить, шпынять; начистить нос – набить морду, набить рожу, начистить рожу, начистить физиономию, начистить шею, выютюжить морду*.

Однако в поведенческой тактике угрозы такие модели достаточно редки, как правило, они используются для опосредованного описания самого акта или когда исполнитель угрозы – отсутствующее авторитетное лицо:

"Der wird dir den Kopf waschen!" (DWDS) – 'Он задаст тебе головомойку!'

Иногда совершенно неожиданно хвалил офицера за бравоый, хотя и противозаконный поступок, иногда начиная распекать, крича так, что его бывало слышно на улице (НКРЯ).

А Хрущёв умел давить, угрожать, разносить, распекать, клеймить (НКРЯ).

Угрозы могут быть направлены и отсутствующему адресату:

"Wir werden mal den Verantwortlichen den Kopf waschen. Vielleicht wird es dann anders" [Девкин 1996, с. 410] – 'Мы устроим ответственным головомойку, может тогда что-нибудь изменится!'

В качестве средств реализации речевой агрессии выступают фразеологические синонимы:

быть вне себя: *aus dem Häuschen sein (geraten)* – *быть вне себя, потерять голову (от гнева, радости, горя); ausser Fassung sein* – *быть вне себя; ausser Rand und Band sein* – *быть вне себя; ausser sich sein* – *быть вне себя; die Engel singen hören* – *быть вне себя (от радости, боли); im Sturm sein (einen Sturm haben)* – *быть вне себя; nicht bei sich sein* – *быть вне себя;*

Rumo konnte mich mit seinem kalten Blick immer noch aus der Fassung bringen (DWDS) – 'Румо всегда мог своим холодным взглядом вывести меня из себя!'

быть вспыльчивым: *er kocht gar zu leicht über* – он очень вспыльчив; *ihm wird der Kopf gleich warm* – он очень вспыльчив; *obenhinaus sein* – быть вспыльчивым;

безбожно ругаться: *ein loses (grosses, ungewaschenes) Maul haben* – ругаться последними словами; *schimpfen wie ein Rohrspatz* – безбожно ругаться; *wie ein Heide fluchen* – безбожно ругаться;

Dabei hätte er auf der späteren Pressekonferenz schimpfen können wie ein Rohrspatz (DWDS) – 'При этом он безбожно ругался на прессконференции'.

Sie ist aufbrausend, wütend und schimpft schon bei der kleinsten Kleinigkeit wie ein Rohrspatz (DWDS) – 'Она вспыльчива, зла и безбожно ругается из-за любой мелочи'.

быть горлодером: *die grosse Klappe haben* – быть горлодером; *eine grosse Schnauze haben* – быть горлодером;

взять за горло кого-либо: *j-m auf die Naht (Nähte) gehen (rücken)* – припереть к стенке кого-либо; *j-m das Messer an die Kehle setzen* – взять за горло кого-либо; *j-m den Ausweg abschneiden* – поставить в безвыходное положение кого-либо; *j-m den Daumen aufs Auge halten (drücken, setzen; j-m den Daumen auf dem Auge halten)* – взять за горло кого-либо; *j-m den Weg abschneiden* – поставить кого-либо в безвыходное положение; *j-m die Pistole auf die Brust setzen* – взять за горло кого-либо; *j-m in den Rachen greifen* – взять за горло кого-либо; *j-n am Schlips kriegen* – взять за горло кого-либо; *j-n in der Schraube haben* – держать кого-либо в тисках; *j-n in die Enge treiben* – припереть к стенке кого-либо; *j-n in die Klemme treiben* – зажать в тиски кого-либо; *j-n in die Schrauben nehmen* – зажать кого-либо в тиски;

осадить кого-либо: *j-m auf den Schwanz treten* – резко одёрнуть кого-либо; *j-m eine Blüte stechen* – одёрнуть, осадить кого-либо; *j-m einen Dämpfer aufsetzen* – осадить кого-либо; *j-m eins auf den Mund geben* – резко одёрнуть кого-либо; *j-m eins auf die Finger geben (klopfen)* – одёрнуть кого-либо; *j-m eins auf die Nase geben* – осадить кого-либо; *j-m etw. auf die Pfoten geben (j-n auf die Pfoten klopfen)* – грубо одёрнуть кого-либо; *j-m Halt gebieten* – осадить кого-либо; *j-m über den Mund fahren* – осадить кого-либо; *j-m übers Maul fahren (aufs Maul schlagen)* – осадить кого-либо; *j-n anlaufen lassen* – резко осадить кого-либо; *j-n beim (am) Schlafittchen fassen (fangen, kriegen, nehmen, packen)* – одёрнуть кого-либо; *j-n in die Schranken (zurück)weisen (zurückverweisen)* – осадить кого-либо;

Ich war so erbittert, dass ich ihm grob über den Mund fuhr (DWDS) – 'Я был настолько зол, что грубо осадил его'.

сорвать гнев на ком-либо: *seine Bosheit an j-n auslassen* – сорвать свой гнев на ком-либо; *seinen Mutwillen an j-m auslassen* – сорвать сердце на ком-либо; *seinen Zorn (Unmut, Ärger) an j-m auslassen* – сорвать гнев на ком-либо; *seine Wut an j-m auslassen* – сорвать гнев на ком-либо; *sein Müttchen an j-n kühlen* – сорвать на ком-либо свою злобу.

Da ich an diesem Tage in Hamburg zu run hatte und von dort direkt nach Bochum fahren wollte, kriegte er nur meine Sekretärin zu fassen, auf die er seinen Zorn ablud (DWDS) – 'В тот день я должен был направиться в Гамбург и оттуда прямо в Бохум, ему удалось перехватить мою секретаршу и сорвать на ней свой гнев'.

Aber eher er noch dazu kommt, seinem Zorn freien Lauf zu lassen, wird der Minister im Auftrage eines Grafen ermordert – und dieser Mord, begangen von rechts, wird gesühnt an der Kinken (DWDS) – 'Но скорее он все-таки даст волю своему гневу, министр будет убит по приказу графа и это убийство, совершенное правыми, будет искуплено на Кинкене'.

3. Заключение

Большое количество исследований, посвящённых проблемам речевого общения, свидетельствует о том, что данная сфера остаётся востребованной и актуальной в связи с ростом конфликтогенного речевого поведения. Речевой акт угрозы относится к разря-

ду некооперативных явлений, поскольку предполагает отрицательное воздействие на волю и разум объекта каузации. Угроза сопряжена с несовпадением мотивов, интенций и установок участников коммуникации. Категория угрозы может быть представлена в виде модели: каузатор А угрожает объекту каузации Б чем-либо (предметом, другим действием (в том числе речевым), если объект каузации не сделает В. Актуализация категории угрозы представляет собой яркий пример конфликтной коммуникации.

Функционально-прагматическая семантическая категория угрозы соотносится не только с категорией предостережения, но и косвенно с такими категориями, как требование, приказ, рекомендация, просьба, совет. При этом реализуется разная степень интенсивности каузативного воздействия. Изучение таких средств может быть отнесено к перспективам работы в этом направлении. Категория предостережения, как уже подчёркивалось, демонстрирует полифункциональность и широкий спектр прагматических значений на пересечении с названными категориями. Функционально-прагматические категории угрозы и предостережения автосемантически и представляют интерес для исследования конфликтной коммуникации. Выявление и изучение средств реализации речевой агрессии рассматривается нами актуальным аспектом анализа речевого общения с позиций лингвистической прагматики, теории коммуникации, теории речевого воздействия. К перспективам исследования можно отнести изучение функционально-прагматической категории угрозы на материале других языков в рамках, например, миграционной лингвистики в целях снижения конфликтности и усиления лингвотолерантности.

Список литературы

- Арский, 2017 – Арский, А. А. К вопросу о категориальных и прагматических факторах речевых актов угрозы и предостережения [Текст] / А. А. Арский // Внутренний мир человека: эмоции, когниции, коммуникация: материалы Всероссийской конференции памяти Ю. М. Малиновича / отв. ред. М. П. Амзаракова; науч. ред. М. В. Малинович. – Абакан: Хакасский гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова, 2017. – С. 174–181.
- Арский, 1998 – Арский, А. А. Семантическая категория угрозы и предостережения и их вербальная реализация в современном немецком языке (тактико-ситуативный подход) [Текст]: автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Арский Александр Адольфович; Иркутский гос. лингвистич. ун-т. – Иркутск. 1998. – 26 с.
- Баранов, 2014 – Баранов, А. Н. Феномен угрозы в лингвистической теории и экспертной практике [Текст] / А. Н. Баранов // Теория и практика судебной экспертизы. – 2014. – № 4 (36). – С. 139–147.
- Газизов, 2010 – Газизов, Р. А. К вопросу о коммуникативных угрозах в речевом общении (на материале русского и немецкого языков) [Текст] / Р. А. Газизов // Вестник Томского гос. ун-та. – 2010. – № 335. – С. 7–12.
- Ерофеева, 2014 – Ерофеева, Е. В. Речевые акты угрозы и предупреждения и их косвенная реализация во французском дискурсе [Текст] / Е. В. Ерофеева // Политическая лингвистика. – 2014. – № 4 (50). – С. 240–247.
- Жучков, 2010 – Жучков, Д. О. Речевой акт угрозы как объект прагмалингвистического анализа [Текст]: автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Жучков Дмитрий Олегович; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2010. – 23 с.
- Кравец, 2015 – Кравец, Т. В. Средства реализации речевых актов прощения в этикетно-речевой коммуникации Германии [Текст] / Т. В. Кравец // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. – Вып. 4. – № 1. – С. 29–39.
- Сюткина, 2018 – Сюткина, Н. А. К вопросу о расширении семантического потенциала каузативных глаголов (на материале глагола *ärgern*) [Текст] / Н. А. Сюткина // Евразийский гуманитарный журнал. – 2018. – № 2. – С. 19–21.
- Сюткина, 2019 – Сюткина, Н. П. Наречия-интенсификаторы в ситуации с эмотивными каузативами [Текст] / Н. А. Сюткина // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2019. – Вып. 5. – № 1. – С. 145–155.

- Трофимова, 2008 – Трофимова, Н. А. Экспрессивные речевые акты. Семантический, прагматический, грамматический анализ [Текст] / Н. А. Трофимова. – СПб.: ООО «Изд-во ВВМ», 2008. – 376 с.
- Salgueiro, 2010 – Salgueiro, A. B. Promises, threats, and the foundations of speech act theory [Text] / A. B. Salgueiro // *Pragmatics*. – 2010. – N 20 (2). – P. 213–228.
- Witczak-Plisiecka, 2010 – Witczak-Plisiecka, I. Pragmatic perspectives on language and linguistics. Vol. II: Pragmatics of semantically-restricted domains. – Cambridge Scholars Publishing, 2010. – 405 p.

Источники иллюстративного материала

- Девкин, 1996 – Девкин, В. Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики [Текст] / В. Д. Девкин. – 2-е изд., стер. – М.: РУССО, 1996. – 768 с.
- Картаслов – Карта слов и выражений русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 10.06.2019).
- LC – Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: июнь 2019).
- Ngram Google Books Ngram Viewer. Исследовательский ресурс [Электронный ресурс]. – URL: <https://books.google.com/ngrams> (дата обращения: 19.08.2018).
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.06.2019).
- DWDS – Der deutsche Wortschatz von 1600 bis heute [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 14.06.2019).

References

- Arskiy, A. A. (2017). K voprosu o kategorial'nykh i pragmaticheskikh faktorakh rechevykh aktov ugrozy i predosterezheniya [On categorical and pragmatic factors of speech acts of threat and warning]. In M. P. Amzarakova, M. V. Malinovich (Eds.), *Vnutrenniy mir cheloveka: emotsii, kognitsii, kommunikatsiya: materialy Vserossiyskoy konferentsii pamyati Yu. M. Malinovicha* [Proc. of the All-Russia Conference in commemoration of Yu. M. Malinovich “The inner world of a person: Emotions, cognition, communication”] (pp. 174–181). Abakan: Katanov State University of Khakasia.
- Arskiy, A. A. (1998). *Semanticheskaya kategoriya ugrozy i predosterezheniya i ikh verbal'naya realizatsiya v sovremennom nemetskom yazyke (taktiko-situativnyy podkhod)* [The semantic category of threat and warning and their verbal manifestation in modern German (Tactical-situational approach)]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Irkutsk: Irkutsk State Linguistic University.
- Baranov, A. N. (2014). Fenomen ugrozy v lingvisticheskoy teorii i ekspertnoy praktike [Phenomenon of threat in linguistic theory and forensic practice]. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy* [Theory and Practice of Forensic Science], 4 (36). 139–147.
- Gazizov, R. A. (2010). K voprosu o kommunikativnykh ugrozakh v rechevom obshchenii (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov) [On communicative threats in speech interaction (In the Russian and German languages)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 335, 7–12.
- Erofeeva, E. V. (2014). Rechevye акты угрозы и предупреждения и их косвенная реализация во франсузском дискурсе [Speech acts of menace and warning and their indirect realization in French discourse]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 4 (50), 240–247.
- Zhuchkov, D. O. (2010). *Rechevoy akt ugrozy kak ob"ekt pragmalingvisticheskogo analiza* [The speech act of threat as an object of pragmalinguistic analysis]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Voronezh: Voronezh State University.
- Kravets, T. V. Sredstva realizatsii rechevykh aktov proshchaniya v etiketno-rechevoy kommunikatsii Germanii [Means of realization of speech acts of parting pattern in the etiquette-verbal

- communication of Germany]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and applied linguistics], 1 (4), 29–39.
- Syutkina, N. A. (2018). K voprosu o rasshirenii semanticheskogo potentsiala kauzativnykh glagolov (na materiale glagola ärgern) [On the issue of expansion of semantic potential of causative verbs (As exemplified in verb «ärgern»)]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal], 2, 19–21.
- Siutkina, N. P. (2019). Narechiya-intensifikatory v situatsii s emotivnymi kauzativami [Adverbial intensifiers in situation with emotive causatives]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and applied linguistics], 5 (1), 145–155.
- Trofimova, N. A. (2008). *Ekspressivnye rechevye atky. Semanticheskii, pragmaticheskii, grammaticheskii analiz* [Expressive speech acts. Semantic, pragmatic, grammatical analysis]. St Petersburg : VVM Press.
- Salgueiro, A. B. (2010). Promises, threats, and the foundations of speech act theory. *Pragmatics*, 20 (2), 213–228.
- Witczak-Plisiecka, I. (2010). *Pragmatic perspectives on language and linguistics. Vol. II: Pragmatics of semantically-restricted domains*. Cambridge Scholars Publishing.

Illustration material sources

- Devkin, V. D. (1996). *Nemetsko-russkiy slovar' razgovornoy leksiki* [German-Russian dictionary]. Moscow, RUSSO Press.
- Kartaslov – Karta slov i vyrazheniy russkogo yazyka [The map of Russian words and word expressions]. Retrieved June 10, 2019 from <<https://kartaslov.ru>>.
- LC – Laboratoriya korpusnoy lingvistiki Leyptsigskogo universiteta [Corpus Linguistics Laboratory]. Retrieved June, 2019 from <<http://www.wortschatz.uni-leipzig.de>>.
- Ngram Google Books Ngram Viewer. Retrieved August 19, 2018 from <<https://books.google.com/ngrams>>.
- NK – Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [National corpus of the Russian language]. Retrieved June 14, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- DWDS – Der deutsche Wortschatz von 1600 bis heute. Retrieved June 14, 2019 from <<http://www.dwds.de>>.

УДК 81'255

UDC 81'255

Купчик Елена Викторовна
Тюменский государственный университет
г. Тюмень, Российская Федерация
Elena V. Kupchik
University of Tyumen
Tyumen, Russian Federation
elwika@list.ru

ВСЁ ПЕРЕКАТЫ...:
Рецензия на статью А. А. Бурькина
(Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1. № 4. С. 105–111)

RIFTS ROAR AND ROAR... :
A review of A. A. Burykin's article (2015)
In Theoretical and Applied Linguistics, 1(4), 105–111

Аннотация

Для вьедливого переводоведа не существует идеального перевода из-за принципиальной разницы языков и культур. Отсюда вытекает одна из главных проблем – безэквивалентная лексика. Для перевода художественные тексты, особенно поэтические, с одной стороны проще других жанров из-за универсальности чувств, эмоций и душевных состояний, а с другой – сложнее из-за необходимости отразить авторский стиль и ритм. Это характерно и для текстов бардовских песен, в том числе А. Городницкого «Перекаты», успешный перевод которой сделан А. А. Бурькиным. Автору удалось не только правдиво передать фактическую информацию, но и сделать стиль автора и ритм песни узнаваемыми. В переводе имеется несколько нарушений канонов, в частности перекаты – rifts. Русское слово подразумевает преодоление преграды, а английское – её обход. Однако эти отклонения полностью оправданы для достижения поставленной переводчиком цели.

Abstract

For a hypercritical specialist in translation studies there is no ideal translation because of considerable differences in languages and cultures. These differences trigger one of the major challenges – culture-specific vocabulary. For translation, literature, especially poetry, on the one hand, is simpler than other genres due to the universal patterns of feelings, emotions and state of mind, but on the other hand, it is more challenging due to the necessity to reflect a poet's style and rhythm. This is true about bard song texts, particularly, the text of the "Rifts" song by A. Gorodnitsky whose successful translation was performed by A. A. Burykin. The translator not only managed to preserve factual information but made the author's style and the rhythmic pattern recognizable. There are some violations of canonical techniques, particularly in translating perekaty as rifts. The semantics of the Russian word presupposes overcoming obstacles while the chosen English equivalent contains the meaning of escaping obstacles. However, such deviations are fully justified for achieving the translator's purpose.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, перевод поэтического текста, бардовская песня, авторский стиль, авторский ритм, отклонения от канонов перевода.

Keywords: culture-specific vocabulary, poetic text translation, bard song, author's style, author's rhythm, deviations from canonical techniques.

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_2_178_180

Любой текст ... с любого языка ... на любой язык...

Вьедливый переводовед, разумеется, найдёт объект для придинок. Сошлётся на принципиальную разницу многих языков и культур – с киплингвским выводом «и вме-

сте им не сойтись» (см. «Баллада о Востоке и Западе» [Киплинг, 2008]¹). Упомянет африканское племя, на язык которого ну никак не переводится инструкция по сборке мебели. Пресловутые безэквиваленты опять же. И прочие перекаты да перекаты.

Ответы имеются. Африканское племя? Спросите для начала о необходимости для него той самой инструкции. За толкованием безэквивалентной лексики, этноспецифичных оборотов – к словарям, пожалуйста. В конце концов, любой текст можно снабдить списком толкований и прочих примечаний.

С художественными (в особенности поэтическими) текстами всё и проще, и сложнее. С одной стороны, *homo sapiens* везде *homo sapiens* – с универсальным набором чувств, эмоций, душевных состояний. Где бы ни жил – и любит, и печалится, и гневается, и мыслит (следовательно, существует). Проявлениям внутреннего человека вряд ли мешает его анатомия: у китайцев, например, место нашей души прочно занимает сердце. Тоска – «уникальное русское понятие», по словам А. Вежбицкой [Вежбицкая, 1996, с. 22–24], – разве она только у нас? С другой стороны, переводчику надо и авторский слог сохранить, и сами слоги подсчитать, и ритмику сберечь. Не подменить дактиль анапестом. Там, где есть рифмы, не использовать «достоинства стиха свободного, его лесбийские изыски» (А. Городницкий). И песню обязательно надо перевести как песню – чтобы можно было петь, не натываясь на разного рода Riffs.

Любой текст можно перевести... Важно – как (гугл ведь тоже переводит). Успех зависит от знания языка (языков), от мастерства, от «очень хочется» (ну да, трюизм).

«Перекаты» – песня на вид незамысловатая. Ситуация вполне общечеловеческая: плывёт человек на лодке по реке. У Городницкого немало текстов, универсальность которых (вкуче с философской составляющей) способствует тому, что их активно переводят на другие языки. Но и с «незамысловатыми» текстами не все так просто. Перекаты – Riffs, вполне корректно. Но само устройство слова «перекат» содержит значение преодоления: через это препятствие надо пере-браться, пере-валить, пере-катиться, хоть кубарем. В английском аналоге такого нет, на рифы стараются не натывать, их по возможности избегают. Но с этим переводчику ничего не поделать, да и вряд ли надо: из самого текста вполне понятно, что к чему.

Впрочем, понятно не всем. В ещё советские времена довелось прочесть в какой-то статье о важности авторской песни для молодёжи что-то типа «А то поют А где-то бабы живут на свете, Друзья сидят за водкою, чего не позволит себе написать приличный бард». Упрекали Городницкого и в легкомыслии, непостоянстве: любит, мол, только до поворота.

Об английском языке у меня представление довольно смутное, но вполне отчетливое – о том, что переводчик блестяще справился с задачей. Это, несомненно, Городницкий. Это, бесспорно, песня. Причём такая, которую уместно спеть среди тех, кто в теме, в интернациональной компании под интернациональную же гитару.

Некоторые отклонения от канона имеются. «Владеют камни, владеет ветер Моей дырявой лодкою». В произведениях Городницкого пространственно-временные координаты обозначаются, как правило, достаточно чётко (иногда там и улицы, и номера домов, и подробности заоконных пейзажей). В нашей песне место действия – река Северная неподалеку от впадения в Нижнюю Тунгуску, время – конец августа («К большой реке я наутро выйду, Наутро лето кончится»). Бывают ли в это время в этом месте снежные бури? Но почему бы и не допустить. Иностранец и не задаст вопроса – по причине расхожего представления о Сибири как месте снежном и холодном. С учётом речных реалий описываемой местности любой клипербот, как ни пытались укреплять его брезентом, получал повреждения иногда в самом первом плавании. Но почему бы и не old? Ободранная о камни, заклеенная-заштопанная, она с юности выглядит старой.

¹ Баллада написана Р. Киплингом в 1889 году.

Главное, что против поэтической правды автор не погрешил. Это действительно Городницкий – и не только с его раздумьями, но и с его голосом, интонацией.

В этом году – 60 лет «Перекатам». Для человека вполне пенсионный возраст. Но песни – существа особые, иные и вообще бессмертны...

P.S.

Жаль, что английским не владею. Интересно было бы сравнить этот перевод с вариантом Ю. Рашковского, где *gifts and rapids* или *Friends pour vodka* и прочее.

Елена Купчик
19.04.2020.

Список литературы

- Бурькин, 2015 – Бурькин, А. А. Ещё о непереводе в переводе, или если нельзя, но очень хочется – то можно! Опыт работы над английским переводом песни А. Городницкого «Перекаты» (к 55-летию написания русского текста) [Текст] / А. А. Бурькин // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. – Вып. 1. – № 4. – С. 105–111.
- Вежбицкая, 1996 – Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
- Киплинг, 2008 – Киплинг, Р. Баллада о Востоке и Западе [Текст] / Р. Киплинг ; пер. с англ. Е. Полонской // Баллада о Востоке и Западе. – М. : Азбука, 2008. – С. 103–109.

References

- Burykin, A. A. (2015). Eshche o neperevodimom v perevode, ili esli nel'zya, no ochen' khochetsya – to mozjno! Opyt raboty nad angliyskim perevodom pesni A. Gorodnitskogo «Perekaty» (k 55-letiyu napisaniya russkogo teksta) [Again about untranslatable in translation or if it is forbidden but mostly desirable – then it is possible! The experience of translating A. Gorodnitskiy's bard song «Rifts» (To the 55th anniversary of the Russian words of the song)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 1 (4), 105–111.
- Wierzbicka, A. (1997). *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow : Russkie slovary Press.
- Kipling, R. (2008). Ballada o Vostoke i Zapade [The ballad of East and West]. Translated into Russian by E. Polonskaya. *The ballad of East and West* (pp. 103–109). Moscow : Azbuka Press.

УДК 811.111:81'373.72

UDC 811'111:81'373.72

Федуленкова Татьяна Николаевна
Владимирский государственный университет
г. Владимир, Российская Федерация
Tatiana N. Fedulenkova
Vladimir State University
Vladimir, Russian Federation
fedulenkova@list.ru

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ П. С. ДРОНОВА «ОЧЕРКИ
ПО КУЛЬТУРНЫМ ТРАНСФЕРАМ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ»
REVIEW OF THE MONOGRAPH OF P. S. DRONOV «SKETCHES
ON CULTURAL TRANSFERS IN PHRASEOLOGY»**

Аннотация

В рецензии даётся высокая оценка монографии П. С. Дронова «Очерки по культурным трансферам во фразеологии», посвящённой проблеме культурного трансфера, который трактуется автором как процесс взаимобмена и как определённый свод правил для перевода и переинтерпретации фразеологических единиц. Автором предлагается инновационный подход к выявлению групп метафорических моделей и актуальных значений фразеологических единиц. В монографии рассмотрен фразеологический материал различных языков – славянских, германских, кельтских. Проанализированные фразеологические единицы могут служить иллюстрацией к понятию культурного трансфера в обоих смыслах: в смысле культурного кода и в смысле эквивалента. Они чётко показывают, что национально-культурная специфика идиом и их интернационализация или эквивалентность – это, по сути своей, две стороны одной медали, и незначительное отличие между ними и есть культурный трансфер во фразеологии.

Abstract

The review highly appreciates P. S. Dronov's monograph «Sketches on cultural transfers in phraseology» aimed at studying the issue of cultural transfer, which is interpreted by the author as a process of mutual exchange and as a certain set of rules for translation and reinterpretation of phraseological units. The author offers an innovative solution to grouping the metaphoric models and finding the crucial meanings of phraseological units. The monograph considers phraseological material of different languages – Slavic, German, Celtic. The analyzed phraseological units can serve as an illustration to the concept of cultural transfer in both meanings: in the sense of cultural code and in the sense of equivalent. They clearly show that the national-cultural specificity of an idiom and their internationalization or equivalence are essentially two sides of the same coin, and the minor difference between them is the cultural transfer in phraseology.

Ключевые слова: национально-культурная специфика фразеологических единиц, носитель культурного кода, культурный трансфер во фразеологии, фразеологические эквиваленты, фразеологические интернационализмы, фразеологические универсалии, переинтерпретация фразеологических единиц.

Keywords: national-cultural specifics of phraseological units, medium of cultural code, cultural transfer in phraseology, phraseological equivalents, phraseological internationalisms, phraseological universals, reinterpretation of phraseological units.

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_2_181_185

Недавно вышедшая в свет монография П. С. Дронова привлекает внимание своей неординарностью и обращением к таким наиболее актуальным проблемам современной

лингвистики, как проблема эквивалентности фразеологических единиц и проблема влияния культуры на язык и, в особенности, на его фразеологию.

В начале книги рассматриваются различные трактовки термина «трансфер». Делая краткий экскурс в историю вопроса, автор отмечает, что этот термин начинает употребляться в лингвистике с середины XX в., и что областью его применения изначально были коммуникация и перевод. Обращаясь к рассуждениям классика американского структурализма З. Харриса, который в своей статье «Грамматика трансфера» (1954) называет трансфером различие между грамматическими структурами двух и более разных языков, П. С. Дронов делает заключение о том, что трансфер является чем-то необходимым для перевода, но необязательно переводимым.

Что касается термина «культурный трансфер», то он был предложен французскими авторами М. Вернером и М. Эспанем [Espagne, 2013], причём изначально он использовался в исторической науке относительно культурных контактов между Францией и Германией. В настоящее время, как утверждает автор, термин «культурный трансфер» используется в самых разных областях знаний, таких как теоретическая и прикладная лингвистика, история, психология.

Для исследования автора ключевым является понятие культурного трансфера в междисциплинарном аспекте, под которым понимается не просто культурный контакт и обмен, а циркуляция идей и взаимообогащение. Такой подход позволяет автору выделить понятие внутрикультурного трансфера, которое предполагает рассмотрение какой-либо культуры в её внутренней мобильности и гетерогенности, а также связывается с понятием интердискурсивности [Фещенко, Бочавер, 2016, с. 22]. Автор поддерживает традиционное понимание интердискурсивности как междискурсивного взаимодействия, отсылая читателя к подробному исследованию взаимодействия (интерференции, контаминации, монтажа) между литературным авангардом, рекламным дискурсом и PR [Соколова, 2015].

С проблематикой культурных трансферов в области фразеологии непосредственно связана лингвокультурологическая концепция кодов культуры [Ковшова, 2016; Телля, 1996; Федуленкова, 2014]. Выделяются такие пласты культуры, как архетипические (напр., противопоставления своего и чужого, верха и низа, далёкого и близкого), мифологические (в том числе с элементами анимизма и фетишизма, с которыми связано придание особого значения частям тела), фольклор, художественно-литературные тексты, публицистические тексты и другие средства массовой культуры. Автор опирается также на исследование культурных коннотаций и конвенций, связанных с памятью, в работе Н. Г. Брагиной «Память в языке и культуре» [Брагина, 2007].

Не проходит мимо внимания автора ещё одно понятие – трансфер знаний. Ссылаясь на труды В. З. Демьянкова, автор считает, что трансфером знаний можно назвать передачу не только эмпирических и теоретических сведений, но и навыков, установок, предпочтений в выборе теоретических подходов и в решении научных проблем. С помощью такого трансфера поддерживается «научный тонус» в общении между представителями различных поколений учёных (межпоколенный трансфер) и различных научных дисциплин (междисциплинарный трансфер) [Демьянков, 2016, с. 65].

Как для автора, так и для читателя интерес представляет наблюдение В. З. Демьянкова об особенностях трансфера знаний при смене научных парадигм: при чтении текстов основоположников новой парадигмы бросается в глаза предельно острая полемика с предшественниками.

Данная монография даёт представление о том, как понятие «культурный трансфер» применяется прежде всего к фразеологии. П. С. Дронов рассматривает культурный трансфер с двух точек зрения: как процесс взаимообмена – в том числе, путём заимствования из общего источника – и как некий свод правил для перевода и переинтерпретации.

В книге рассматриваются различные примеры влияния культуры на язык, поднимается вопрос трансфера, специфики, интернациональности и эквивалентности идиом.

Первая глава, «Культурный трансфер, национально-культурная специфика и фразеологическая эквивалентность», предлагает обзор основных существующих точек на национально-культурную специфику во фразеологии. Непосредственным продолжением этой главы можно считать следующую главу, «Национально-культурная специфика vs. фразеологические интернационализмы: опыт искусственных языков», в которой ставится вопрос об использовании моделей для исследования национально-культурной специфики, и в качестве таких моделей использованы так называемые вымышленные языки, или конланги.

Третья глава «Как несут крест русские, англичане или немцы: модификации фразеологического интернационализма в трёх языках» представляет наблюдения автора над особенностями употребления идиом и результат этих наблюдений – выявленные автором характерные, специфические черты идиом, относимых к фразеологическим интернационализмам, на примере библейского фразеологизма *нести (свой) крест* в трёх отдалённо родственных языках: русском, английском и немецком.

Четвёртая и пятая главы «*Ta a fliios again, mar a chreidim*: русские, английские и ирландские идиомы с компонентами знание и вера» и «Идиомы с компонентами земля, почва: метафоры, культурные коннотации и употребление (на материале славянской, германской и кельтской фразеологии)» представляют образец сопоставления идиом с одинаковыми именными компонентами. Инновационность работы состоит в том, что при этом выявляются группы метафорических моделей и актуальных значений, лежащих в основе данных фразеологических единиц. Эти метафорические модели совпадают в языках разной степени родства, то есть имеют характер универсалий. Такие идиомы образованы по нескольким метафорическим моделям, и могут также служить интенсификаторами. Анализ данного метафорического сегмента идиом приводит автора к инновационному заключению о том, что изменение формы идиом может приводить к сближению идиом с разными образными составляющими.

Шестая глава, «Пар и парус во фразеологии: идиомы технического прогресса и их употребление» демонстрирует поворот от анализа культурной специфики на примере идиом с близким компонентным составом в сторону анализа употребления идиом с близким актуальным значением. В этом смысле шестая глава занимает промежуточную позицию в структуре монографии, поскольку в ней исследуются особенности употребления идиом, имеющих общие компоненты и относящихся к одному семантическому полю и временному периоду.

Седьмая глава, «Время как удача во фразеологии: варьирование формы, близость структуры и изменение образной основы», не просто представляет анализ идиом, основанных на общей метафоре или одном источнике, в данном случае – мифе о греческом боге Кайросе, – но и показывает дальнейшее развитие этой метафоры, изменение образной составляющей идиом. Автор исследует варьирование образной составляющей у русских, английских и немецких идиом, основанных на метафорической модели ВРЕМЯ — ЭТО УДАЧА. Сами эти идиомы в русском, английском и немецком языках восходят к двум источникам – греческому мифу о боге времени (вернее, счастливых мгновений и случаев) Кайросе (нем. *die Gelegenheit beim Schopf packen* и, возможно, рус. схватить бога за бороду) и цитате из Горация *carpe diem* (англ. *seize the day*, нем. *Die Gelegenheit ergreifen*, рус. ловить момент). Анализируются окказиональные модификации подобных идиом, а также определённое развитие их образной составляющей, которое проявляется, в утрате временного семантического компонента идиомами.

В целом в данной монографии проанализированы и описаны идиомы национально-специфичные и интернациональные, не имеющие аналогов и функционально эквивалентные друг другу. При этом из их употребления и особенностей значения автору удается сделать ряд оригинальных выводов.

Во-первых, важность национально-культурной специфики для фразеологии прослеживается на материале конлангов – искусственных языков-моделей: их авторы, сознательно или интуитивно, оставляют в «устойчивых» словосочетаниях и пословицах отсылки к тем или иным вымышленным реалиям и прецедентным текстам или, в случае с «альтернативно-историческими» языками, к прецедентным текстам, существующим на самом деле.

Во-вторых, национальная специфика проявляется в неодинаковых морфологических и синтаксических изменениях «фразеологических интернационализмов», причём это бывает обусловлено языковыми особенностями (например, маркированностью пассивных конструкций). В то же время лексические и лексико-синтаксические модификации подобных идиом оказываются довольно близки.

В-третьих, идиомы с совпадающими именными и глагольными компонентами – как правило, глаголами чувственного восприятия и мышления – в разных языках образованы всего по нескольким метафорическим моделям. Помимо ограниченного инвентаря образов, можно говорить об ограниченном инвентаре актуальных значений.

В-четвёртых, у идиом, обязанных своим возникновением развитию науки и техники, существует тенденция к изменению компонентного состава идиом в сторону осовременивания и обобщения. С осовремениванием и генерализацией связано и то, что некоторые из идиом, восходящих к прецедентным текстам и ранее появлявшихся во фразеографических и паремиографических источниках, исчезают из них; это подтверждается также наблюдениями В. Мидера о «пословицах и поговорках, которые должен знать каждый» (proverbs everyone ought to know), т. е. некоем паремиологическом минимуме у говорящих на языке [Mieder, 2018, с. 74–97].

В-пятых, национально-культурная специфика идиом и фразеологические интернационализмы – это две стороны одной медали; национально-культурная специфика в языке существует параллельно с языковыми универсалиями или фреквенталиями.

Представляя собой оригинальный труд в области лингвокультурологии и фразеологической семантики, данная монография, несомненно, послужит образцом анализа идиом и фразеологических единиц другого рода как для искушённых специалистов в области фразеологии, так и для тех, кто лишь постигает её азы.

Список литературы

- Брагина, 2007 – Брагина, Н. Г. Память в языке и культуре [Текст] / Н. Г. Брагина. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 514 с.
- Демьянков, 2016 – Демьянков, В. З. Языковые техники трансфера знаний [Текст] / В. З. Демьянков // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии / отв. ред. В. В. Фещенко. – М.: Культурная революция, 2016. – С. 61–85.
- Ковшова, 2016 – Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры [Текст] / М. Л. Ковшова. – М.: Ленанд, 2016. – 456 с.
- Соколова, 2015 – Соколова, О. В. Дискурсы активного воздействия: теория и типология [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Соколова Ольга Викторовна; Ин-т языкознания Российской Академии Наук. – М., 2015. – 35 с.
- Телия, 1996 – Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

- Федуленкова, 2014 – Федуленкова, Т. Н. Лингвокультурологический метод в фразеологии М. Л. Ковшовой: индекс инновации [Текст] / Т. Н. Федуленкова // *European Social Science Journal* (Европейский журнал социальных наук). – 2014. – № 4(43). – Т. 2. – С. 178–182.
- Фещенко, Бочавер, 2016 – Фещенко, В. В. Теория культурных трансферов: от переводоведения – через cultural studies – к теоретической лингвистике [Текст] / В. В. Фещенко, С. Ю. Бочавер // *Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии* / отв. ред. В. В. Фещенко. – М. : Культурная революция, 2016. – С. 35–36.
- Espagne, 2013 – Espagne, M. La notion de transfert culturel [Electronic Resource] / M. Espagne // *Revue Sciences / Lettres*. – 2013. – Vol. 1 : Transferts culturels. – Doi : <https://doi.org/10.4000/rsl.219>.
- Mieder, 2018 – Mieder, W. “It’s a Small World”: From Widespread Idioms to Widespread Proverbs [Text] / W. Mieder // *Modern Phraseology Issues* / ed. by T. N. Fedulenkova. – Arkhangelsk, 2018. – P. 74–97.

References

- Bragina, N. G. (2007). *Pamyat' v yazyke i kul'ture* [Memory in Language and Culture]. Moscow : Yazyki slavyanskikh kul'tur Press.
- Dem'yankov, V. Z. (2016). Yazykovye tekhniki transfera znaniy [Language techniques of knowledge transfer]. In V. V. Feshchenko (Ed.), *Lingvistika i semiotika kul'turnykh transferov: metody, printsipy, tekhnologii* [Linguistics and semiotics of cultural transfers: methods, principles, technologies] (pp. 61–85). Moscow : Kul'turnaya revolyutsiya Press.
- Kovshova, M. L. (2016). *Lingvokul'turologicheskiy metod vo frazeologii. Kody kul'tury* [Linguoculturological method in phraseology. Culture codes]. Moscow : Lenand Press.
- Sokolova, O. V. (2015). *Diskursy aktivnogo vozdeystviya: teoriya i tipologiya* [Discourse of active influence: Theory and typology]. Doctoral in Philological sci. diss. Moscow : Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.
- Teliya, V. N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. Moscow : Yazyki russkoy kul'tury Press.
- Fedulenkova, T. N. (2014). *Lingvokul'turologicheskiy metod v frazeologii M. L. Kovshovoy: indeks innovatsii* [Linguoculturological method in phraseology M. L. Kovshova: Innovation index]. *European Social Science Journal*, 4 (43), 2, 178–182.
- Feshchenko, V. V., Bochaver, S. Yu. (2016). *Teoriya kul'turnykh transferov: ot perevodovedeniya – cherez cultural studies – k teoreticheskoy lingvistike* [Theory of cultural transfers: from translation science – through cultural studies – to theoretical linguistics]. In V. V. Feshchenko (Ed.), *Lingvistika i semiotika kul'turnykh transferov: metody, printsipy, tekhnologii* [Linguistics and semiotics of cultural transfers: methods, principles, technologies] (pp. 35–36). Moscow : Kul'turnaya revolyutsiya Press.
- Espagne, M. (2013). *La notion de transfert culturel. Revue Sciences / Lettres, 1. Vol. 1 : Transferts culturels*. Doi : <https://doi.org/10.4000/rsl.219>.
- Mieder, W. (2018). “It’s a Small World”: From Widespread Idioms to Widespread Proverbs. In T. N. Fedulenkova (Ed.), *Modern Phraseology Issues* (pp. 74–97). Arkhangelsk.

Наши авторы

Агеев Сергей Валерьевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 1 Санкт-Петербургского государственного экономического университета, г. С.-Петербург, Российская Федерация, email: s_ageev@hotmail.com

Алексеев Александр Валерьевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета; доцент кафедры общего языкознания Института филологии Московского педагогического государственного университета, г. Москва, Российская Федерация, email: avalekseev74@yandex.ru

Антоненко Наталия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, г. С.-Петербург, Российская Федерация, email: nantonenko1@gmail.com

Боргоякова Татьяна Николаевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Федерального института развития образования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Российская Федерация, email: borgtatyana@ Rambler.ru

Бурнакова Клара Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор Института иностранных языков Московского городского университета, г. Москва, Российская Федерация, email: klara_burnakova@mail.ru

Герасимова Светлана Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент Института иностранных языков Московского городского педагогического университета, г. Москва, Российская Федерация, email: gerasvetlana@yandex.ru

Годизова Зара Иосифовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ, Российская Федерация, email: godizovazi@ Rambler.ru

Королькова Мария Денисовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии Института лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: skifane@gmail.com

Купчик Елена Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Института социально-гуманитарных наук Тюменского гос. университета, г. Тюмень, Российская Федерация, email: elwika@list.ru

Ли Синь, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: ilia9980@mail.ru,

Макарова Елена Николаевна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой делового иностранного языка Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург, Российская Федерация, email: makarovaun@mail.ru

Никулкина Ольга Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) (Брянский филиал), г. Брянск, Российская Федерация, email: sinbad1982@yandex.ru

Пром Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Волгоградского государственного технического университета, г. Вогград, Российская Федерация, email: natalyprom77@mail.ru

Пустовалов Олег Викторович, аспирант отделения русского языка Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета; старший преподаватель кафедры русского языка Хэйхэского университета, г. Хэйхэ, КНР, email: olegonne@mail.ru

Пушкарев Евгений Александрович, кандидат филологических наук, старший преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, департамент иностранных языков, г. С.-Петербург, Российская Федерация, email: auldington@gmail.com

Савёлова Юлия Константиновна, аспирант кафедры лингвистики и перевода Нижневартковского государственного университета, г. Нижневартковск, Российская Федерация, email: savyolova_julia@mail.ru

Семина Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Тульского государственного университета, г. Тула, Российская Федерация, email: syomina1007@yandex.ru

Смирнова Ульяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации Московского городского университета, г. Москва, Российская Федерация, email: yanasmirnova@hotmail.com

Стародубцева Наталья Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры китаеведения Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: nstarodubceva@yandex.ru

Федуленкова Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета, профессор Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова, член Научного Совета по филол. наукам Российского Профессорского собрания, член-кор. Российской Академии Естествознания, г. Владимир, Российская Федерация, email: fedulenkova@list.ru

Чиглинцева Екатерина Сергеевна, ассистент кафедры германской филологии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация, email: ekaterina.ch@bk.ru

Шустова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и перевода, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь, Российская Федерация, email: lanaschust@mail.ru

Our authors

Sergei V. Ageev, PhD in Philology, Associate Professor, English Department № 1, Saint Petersburg State University of Economics, St Petersburg, Russian Federation, email: s_ageev@hotmail.com

Aleksandr V. Alekseev, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian language and methods of teaching philological disciplines, Institute of Humanities in Moscow City Teacher Training University; Associate Professor, Department of General linguistics, Institute of Philology in Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation, email: avalekseev74@yandex.ru

Nataliya V. Antonenko, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, St Petersburg, Russian Federation, email: nantonenko1@gmail.com

Tatyana N. Borgoyakova, PhD in Philology, Leading Researcher, Federal Institute of Education Development Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation, email: borgtatyana@rambler.ru

Klara N. Burnakova, Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation, email: klara_burnakova@mail.ru

Svetlana A. Gerasimova, PhD in Philology, Associate Professor, Institute of Foreign Languages, Moscow City University, Moscow, Russian Federation, email: gerasvetlana@yandex.ru

Zara I. Godizova, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian language, North Ossetian State University after K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russian Federation, email: godizovazi@rambler.ru

Mariia D. Korolkova, PhD in Philology, Researcher, Department of Dialect Lexicography and Linguogeography, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russian Federation, email: skifane@gmail.com

Elena V. Kupchik, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language and General Linguistics, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, email: elwika@list.ru

Li Xin, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Chinese Studies, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: ilia9980@mail.ru

Elena N. Makarova, Doctor of Philology, Assistant Professor, Head of Business Foreign Language Department, Ural State University of Economics, email: makarovayn@mail.ru

Olga G. Nikulkina, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEP), Bryansk, Russian Federation, email: sinbad1982@yandex.ru

Natalya A. Prom, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation, email: natalyprom77@mail.ru

Oleg V. Pustovalov, PhD student, Department of Russian language, School of Core Engineering Education, National Research Tomsk Polytechnic University; senior lecturer, Department of Russian language, Heihe University, Heihe, China, email: olegonne@mail.ru

Evgenii A. Pushkarev, PhD in Philology, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, National Research University – Higher School of Economics, St Petersburg, Russian Federation, email: auldington@gmail.com

Yuliya K. Savyolova, PhD student, Department of Linguistics and Translation, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation, email: savyolova_julia@mail.ru

Olga Yu. Syomina, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Translation, Tula State University, Tula, Russian Federation, email: syomina1007@yandex.ru

Uliana V. Smirnova, PhD in Philology, Associate Professor, English Language Teaching Methods and Business Communication Department, Moscow City University, Moscow, Russian Federation, email: yanasmirnova@hotmail.com

Natalya S. Starodubtseva, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Department of Chinese Studies, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: nstarodubceva@yandex.ru

Tatiana N. Fedulenkova, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages for Professional Communication, Vladimir State University; Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov; Philological Sciences Council member; Russian Academy of Natural History corresponding member; Vladimir, Russian Federation, email: fedulenkova@list.ru

Ekaterina S. Chiglintseva, Teaching Assistant, Department of Germanic Philology, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation, email: ekaterina.ch@bk.ru

Svetlana V. Shustova, Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics and Translation, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: lanaschust@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

<i>Агеев С. В., Антоненко Н. В., Пушкарев Е. А.</i>	О когнитивно-прагматическом функционировании неологизма	5
<i>Алексеев А. В.</i>	Соотношение символа, метафоры и метонимии в истории слова	18
<i>Бурнакова К. Н., Боргоякова Т. Н.</i>	Взаимодействие временных форм глаголов в фольклорных текстах	26
<i>Герасимова С. А.</i>	Вклад в ориентирующее знание и идея информационного прорыва: энциклопедия XVIII века	33
<i>Годизова З. И.</i>	Средства и способы выражения стательности в современном русском языке	43
<i>Королькова М. Д.</i>	Особенности функционирования ремесленной лексики в русских говорах Приурусского Поволжья	55
<i>Ли Синь, Стародубцева Н. С.</i>	Особенности русско-китайской интерференции в олимпиадных сочинениях школьников	73
<i>Макарова Е. Н.</i>	Лингвистические средства передачи коммуникативного статуса подлежащего и сказуемого как объект сопоставительного исследования	85
<i>Никулкина О. Г.</i>	Ономастическое пространство повести А. П. Чехова «Дуэль» (к 160-летию со дня рождения писателя)	95
<i>Пром Н. А.</i>	Медиафакт в жанровых категориях	109
<i>Пустовалов О. В.</i>	Речевой портрет потомка русских переселенцев в китайское Трёхречье в XX в. (на материале записей устной речи одной из представительниц русской восточной эмиграции в Китае)	119
<i>Савёлова Ю. К.</i>	Лингвосоциокультурная информация как компонент текстового анализа университетских сайтов	131
<i>Семина О. Ю.</i>	Сочетаемость лексем, обозначающих эмоции, с прилагательными-интенсификаторами (на материале корпусов английского и русского языков)	142
<i>Смирнова У. В.</i>	Конструирование дискурса в режиме репрессивной поэтики (на материале анализа образа «Девочка на коньках»)	149
<i>Чиглицева Е. С.</i>	О полифункциональности английского союза <i>as</i>	159
<i>Шустова С. В.</i>	Лексические средства актуализации функционально-прагматической категории угрозы в аспекте речевой агрессии	169
Рецензии		
<i>Купчик Е. В.</i>	Всё перекаты...: рецензия на статью А. А. Бурькина (Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1. № 4. С. 105–111)	178
<i>Федуленкова Т. Н.</i>	Рецензия на монографию П. С. Дронова «Очерки по культурным трансферам во фразеологии»	181
<i>Информация об авторах</i>		186

CONTENTS

Original Papers

<i>Ageev S. V., Antonenko N. V., Pushkarev E. A.</i>	Cognitive and pragmatic functions of neologisms in speech	5
<i>Alekseev A. V.</i>	Symbol, metaphor and metonymy in the history of the word	18
<i>Burnakova K. N., Borgoyakova T. N.</i>	The interaction of verbal tense forms in folklore texts	26
<i>Gerasimova S. A.</i>	The contribution to orienting knowledge and the idea of the information break-through: The XVIII century encyclopedia	33
<i>Godizova Z. I.</i>	Means and instruments of expressing stativity in modern Russian language	43
<i>Korolkova M. D.</i>	Functional patterns of the craft vocabulary of Volga Region	55
<i>Li Xin, Starodubtseva, N. S.</i>	Russian-Chinese language interference patterns in the Olympiad secondary school essays	73
<i>Makarova E. N.</i>	Linguistic means of subject and predicate's communicative status as the object of comparative studies	85
<i>Nikulkina O. G.</i>	Onomastic space of A. P. Chekhov's novella "Duel" (To the 160 th Anniversary of the writer)	95
<i>Prom N. A.</i>	Mediafact in genre categories	109
<i>Pustovalov O. V.</i>	Speech portrait of the Russian emigrants' descendants in the Chinese Trekhrechie (Based on the recordings of the oral speech of representative of Russian Eastern migration to China)	119
<i>Savyolova Yu. K.</i>	Linguistic and sociocultural information as a component of text analysis on University websites	131
<i>Syomina O. Yu.</i>	Combinability of lexemes denoting emotions with intensifying adjectives (Based on the data of English and Russian language corpora)	142
<i>Smirnova U. V.</i>	"The girl on skates": Constructing discourse by the law of repressive poetics	149
<i>Chiglintseva E. S.</i>	On polyfunctionality of the English connective <i>as</i>	159
<i>Shustova S. V.</i>	Lexical means of actualization of the functional-pragmatic category of threat in the verbal aggression	169

Reviews

<i>Kupchik E. V.</i>	Rifts roar and roar...: A review of A. A. Burykin's article (2015) In <i>Theoretical and Applied Linguistics</i> , 1 (4), 105–111	178
<i>Fedulenkova T. N.</i>	Review on the monograph of P. S. Dronov "Sketches on cultural transfers in phraseology"	181
<i>Our authors</i>		186

Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 6, No 2, 2020.

Журнал распространяется по подписке. Каталог печатных изданий «Пресса России», подписной индекс: E45085

Сдано в набор 08.06.2020. Подписано к печати 05.06.2020. Дата выхода в свет 25.06.2020.

Редактор – С. В. Андросова.

Компьютерная вёрстка – Е. Ю. Андросов, В. Г. Караваева.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 23,7. Тираж 1000. Заказ 147. Свободная цена.

Учредитель: Амурский государственный университет.

Издатель: Амурский государственный университет.

Отпечатано в типографии Амурского государственного университета.

Адрес издателя: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 1, аудитория 406.

Адрес типографии: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 3, офис 20.